Ч91.1(082)
Н 37
87929

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

1941

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
КОММИССІИ
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

НАШЪ МІРЪ

КНИГА ДЛЯ ЗАНЯТІЙ РОДНЫМЪ ЯЗЫКОМЪ ВЪ МЛАДШИХЪ КЛАССАХЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

ЧАСТЬ III

11687

СОСТАВЛЕНА КРУЖКОМЪ МОСКОВСКИХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Н.Л.БРОДСКІЙ ——— Н.П.СИДОРОВЪ
Е.Д.ДОМАШЕВСКАЯ — Л.Н.РЕФОРМАТСКІЙ.
Н.М.МЕНДЕЛЬСОНЪ — И.М.СОЛОВЬЕВЪ.
СЪ УЧАСТІЕМЪ ХУДОЖНИКА
А.Ф.АНДРОНОВА

Третье изданіе.

Цѣна 1 руб. 15 коп.

87092

Нашъ Міръ. Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы. Часть I. Пятое изданіе. 375 стран. Цѣна **1** руб. Москва 1911 г.

Составлена кружкомъ московскихъ преподавателей: **Н. Л. Бродскимъ, Е. Д. Домашевской, Н. М. Мендельсономъ, Л. Н. Реформатскимъ, Н. П. Сидоровымъ и И. М. Соловьевымъ.**

Книга иллюстрирована оригинальными рисунками **А. Ф. Андронова и В. П. Лебедева;** снимками съ картинъ **Богданова-Бѣльскаго, Ендогурова, Касаткина, Перова, Полѣнова, Шанксъ, Шишкина** и др. и портретами писателей.

Въ *Нашемъ Мірѣ* имѣется *указатель книгъ* для внѣкласснаго чтенія, *темы* для самостоятельныхъ работъ, *вопросы* къ разсказамъ и *объяснительный словарь*.

Изъ предисловія къ книгѣ:

Въ педагогической литературѣ давно уже осужденъ обычный типъ хрестоматіи, составленной преимущественно изъ подбора *отрывковъ*, группируемыхъ по формальнымъ признакамъ. Гораздо интереснѣе и плодотворнѣе могутъ быть занятія роднымъ языкомъ, когда матеріаломъ для нихъ служатъ *цѣльныя*, болѣе или менѣе *законченныя* произведенія художниковъ слова. Вчитываясь и вдумываясь въ эти произведенія, вводящія ребенка въ кругъ жизненныхъ отношеній и обогащающія его душу художественными образами и впечатлѣніями, ребенокъ пріучается постепенно больше понимать окружающую его дѣйствительность и откликаться на нее лучшими сторонами своей чуткой души. Такое чтеніе оказываетъ на него глубокое *воспитывающее* и *развивающее* вліяніе.

Первая часть *Нашего Міра* составлена по слѣдующему плану. Послѣ двухъ очерковъ (*На каникулахъ* Чирикова и *На хуторѣ* Ефименко), воспроизводящихъ лѣтнія впечатлѣнія дѣтей, — что даетъ удобный матеріалъ для предварительной бесѣды съ дѣтьми, — *первый отдѣлъ* книги вводитъ дѣтей въ кругъ домашнихъ, семейныхъ впечатлѣній, такъ хорошо знакомыхъ имъ по непосредственному опыту. Разсказы и очерки, изображающіе жизнь дѣтей, лишенныхъ семейнаго уюта, лишь ярче подчеркиваютъ положительныя стороны семейнаго начала и вводятъ дѣтей въ семью «униженныхъ и оскорбленныхъ».

491.7/0821
Н-37
Проверено 1965 г.
1958

НАШЪ МІРЪ.

Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы.

Часть III.

11687

СОСТАВЛЕНА КРУЖКОМЪ МОСКОВСКИХЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ:

Н. Л. Бродскимъ, Е. Д. Домашевской, Н. М. Мендельсономъ, Л. Н. Реформатскимъ, Н. П. Сидоровымъ и И. М. Соловьевымъ.

Съ участіемъ художника А. Ф. Андронова.

87022

СНИМКИ СЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ХУДОЖНИКОВЪ:

Антокольскаго, А. Васнецова, В. Васнецова, Ге, Дубовскаго, Касаткина, Коровина, Куинджи, Лемохъ, В. Маковскаго, Максимова, Перова, Полѣнова, Прянишникова, Рѣпина и Ярошенко.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Цѣна 1 р. 15 к.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
КОММИССІИ
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ
ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ

1987

МОСКВА.
Изданіе книжн. магаз. В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдн. бр. Салаевыхъ".
Мясницкая, домъ Обидиной.
1911.

1859

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. 9.

11687

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Въ виду возникшихъ за послѣднее время разногласій по вопросу о томъ, должна ли хрестоматія представлять собою книгу для изученія главнымъ образомъ *языка* или преслѣдовать задачи *воспитательнаго чтенія*, мы считаемъ необходимымъ напомнить мнѣніе по этому вопросу К. Д. Ушинскаго, которое всецѣло раздѣляемъ.

«Языкъ не есть что-либо отрѣшенное отъ мысли, а напротивъ — органическое ея созданіе, въ ней коренящееся и безпрестанно изъ нея вырастающее; такъ что тотъ, кто хочетъ развивать способность языка въ ученикѣ, долженъ развивать въ немъ прежде всего мыслящую способность. Развивать языкъ отдѣльно отъ мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно предъ мыслію положительно вредно... Дитя, если оно еще не испорчено ложнымъ воспитаніемъ, не склонно къ фразамъ — его прежде всего увлекаетъ самая мысль, содержаніе, явленіе, фактъ, а не форма выраженія мысли».

Выдвигая, поэтому, принципъ воспитательнаго чтенія, мы полагали, что имѣли право въ то же время опредѣлить нашу книгу, какъ пособіе для занятій роднымъ языкомъ въ томъ его широкомъ и для дѣтскаго возраста единственно плодотворномъ смыслѣ, какой указанъ въ вышеприведенныхъ словахъ нашего замѣчательнаго педагога.

Третья часть *Нашего Міра* непосредственно продолжаетъ выполненіе той же задачи художественно-гуманизирующаго чтенія и построена по тому же въ общихъ чертахъ плану, какъ и первыя двѣ части. Само собой разумѣется, что сообразно болѣе зрѣлому возрасту учащихся, на который разсчитываетъ III часть, — болѣе серьезнымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, становится и самый литературный матеріалъ этой книги.

I. Въ первомъ отдѣлѣ нами дана цѣлая галлерея *дѣтскихъ типовъ* съ разнообразнымъ душевнымъ строемъ, съ болѣе глубокими, сравнительно съ типами, взятыми въ I и II чч., настроеніями и въ болѣе сложной жизненной обстановкѣ: натуры дѣятельныя, бодрыя, — и тутъ же пассивныя, апатичныя; рвущіяся наружу — къ развлеченію или къ подвигу — и замкну-

тыя въ себѣ; нравственно и религіозно настроенныя и поэтически-созерцательныя... Сливаясь въ сочувственномъ переживаніи съ этими художественными образами, учащійся естественно расширяетъ сферу своихъ собственныхъ чувствъ, мыслей, стремленій и въ то же время, разбираясь въ психикѣ героевъ, пріучается къ самонаблюденію, конечно, въ элементарной его формѣ. Въ этомъ направленіи поставлены и вопросы къ статьямъ и задачи — темы.

II отдѣлъ вводитъ учащагося въ неисчерпаемый, богатый свѣтомъ и тѣнью *міръ людскихъ отношеній*, какъ они складывались въ русской жизни прежде (до освобожденія крестьянъ) и теперь: жизнь праздная и трудовая; баринъ и слуга; въ деревнѣ и въ городѣ; у земли и у фабричнаго котла; неволя и неумирающая никогда въ человѣкѣ искра Божія — неудержимый и вѣчный порывъ къ правдѣ, любви и свободѣ. Этотъ отдѣлъ, согласно общему плану «Н. М.», въ III части получаетъ особенное развитіе и занимаетъ въ ней центральное мѣсто.

III отдѣлъ касается жизни государственной, вопросовъ войны и мира, представленныхъ въ историко-художественныхъ образахъ и картинахъ.

IV. Наконецъ, свѣтлый міръ идеаловъ въ религіи и искусствѣ завершаетъ развертывающуюся въ предыдущихъ отдѣлахъ многогранную людскую жизнь.

V отдѣлъ рисуетъ родную природу.

Художественный матеріалъ III части представленъ *цѣльными разсказами* и очерками или вполнѣ законченными отрывками, заимствованными изъ нашей *классической* и примыкающей къ ней новѣйшей русской литературы.

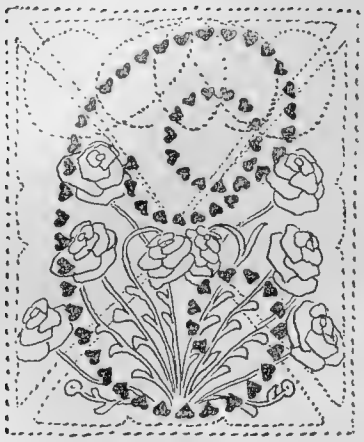
Къ статьямъ даются *вопросы, темы;* приложенъ *указатель книгъ* для самостоятельнаго чтенія учащихся.

Третье изданіе измѣнено и значительно дополнено. Измѣненія выразились въ перегруппировкѣ матеріала и въ перенесеніи нѣсколькихъ произведеній, преимущественно изъ IV отдѣла, въ подготовляемую къ печати IV часть *Нашего Міра*. Всѣ отдѣлы, кромѣ перваго, дополнены стихотвореніями, баснями и народными пѣснями. Приложенъ *объяснительный словарь*.

Н. Л. Бродскій.
Е. Д. Домашевская.
Н. М. Мендельсонъ.
Л. Н. Реформатскій.
И. М. Соловьевъ.
} Преподаватели Коммерческаго училища имени Цесаревича Алексѣя, учр. Моск. Общ. распр. коммерческаго образованія.

Н. П. Сидоровъ — преподаватель Московскаго Учительскаго института.

ОТДѢЛЪ I.



1. Рыбная ловля.

ЕБЯ я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ дѣтей
сидимъ на берегу подъ елкою густою,
добычу изъ ведра руками достаемъ
и шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...

Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустынымъ
мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

. . . . . .

Тихонько удочки забравши, впопыхахъ
бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
и, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.
Злодѣи рыбаки ужъ тутъ давно: вонъ съ челномъ
запрятался въ тростникъ; тотъ шаритъ въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,
есть напряженіе въ сей людной тишинѣ.
Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосяная,
да вздохъ послышится; упорно всѣ молчатъ
и зорко издали другъ за̀ другомъ слѣдятъ.
Межъ тѣмъ, живетъ вокругъ равнина водяная:
стрекозы синія колеблютъ поплавки,
и тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
и кружится, сребрясь, снѣтковъ веселыхъ стая,
иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая.
Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и, трепеща,
всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:

онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилищѣ гнуткомъ
выводитъ на воду упорнаго леща.
И чернозолотой красавецъ повернулся,
и вдругъ взмахнулъ хвостомъ, — испуганный, рванулся —
«Отдай, отдай!» кричатъ, и снова въ глубину
идетъ чудовище, и ходитъ, вся въ струну
натянута, леса... Дрожь вчужѣ пробираетъ!...
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.
Тащу — леса въ водѣ описываетъ кругъ,
уже сіяетъ пасть зубастая — и вдругъ
взвилась моя леса, свистя надъ головою...
Обгрызла! Господи!... Но, зная норовъ щукъ,
другую удочку за тою же травою
тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюетъ... Напрягся я и, со всего размаха,
исполненный надеждъ, волнуяся отъ страха,
выкидываю вверхъ — чуть виднаго ерша...
О, тварь негодная!... Отъ злости чуть не плачу;
кляну себя, людей и міръ за неудачу
и, какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
и только комары, облипшіе мнѣ щеки,
обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій...
Но вотъ ужъ смерклося, свѣжѣетъ. Вкругъ ни звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Чу... тянутъ якоря... Раздался веселъ плескъ...
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука!

. . . . . .

Иду я спать... И вотъ опять передъ глазами
все катится вода огнистыми струями,
и ходятъ поплавки. На мигъ лишь задремалъ —
и кажется, клюетъ! Тутъ полно! сонъ пропалъ:
пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ, — на цыпочкахъ, какъ воръ,
я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ,
и къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ.
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ, —
но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.
И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,

Съ картины Перова.

и я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
но окунь, видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ —
со дна и поверху гнался за червякомъ,
и ловко выхватилъ я прямо въ челнъ двѣ щуки...
Тутъ вѣтеръ потянулъ — и золотымъ лучомъ
деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужъ дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой!...

А. Майковъ.

2. Товарищи.

Въ первый же день школьной жизни, Ѳома, ошеломленный живымъ и бодрымъ шумомъ задорныхъ шалостей и буйныхъ, дѣтскихъ игръ, выдѣлилъ изъ среды мальчиковъ двухъ, которые сразу показались ему интереснѣе другихъ. Одинъ сидѣлъ впереди его. Ѳома, поглядывая исподлобья, видѣлъ широкую спину, полную шею, усѣянную веснушками, большія уши и гладко остриженный затылокъ, покрытый ярко-рыжими волосами, которые стояли, какъ щетина.

Когда учитель позвалъ: «Смолинъ, Африканъ!» — рыжій мальчикъ, не торопясь, поднялся на ноги, подошелъ къ учителю, спокойно уставился въ лицо ему и, выслушавъ задачу, сталъ тщательно выписывать мѣломъ на доскѣ большія круглыя цифры.

— Хорошо... довольно! — сказалъ учитель, — Ежовъ, Николай... продолжай...

Одинъ изъ сосѣдей Ѳомы по партѣ — непосѣдливый маленькій мальчикъ съ черными, мышиными глазками, — вскочилъ съ мѣста и пошелъ между партъ, за все задѣвая и вертя головой во всѣ стороны. У доски онъ схватилъ мѣлъ и, привставъ на носки сапогъ, съ шумомъ, скрипя и соря мѣломъ, сталъ тыкать имъ въ доску, набрасывая на нее мелкіе, неясные знаки.

— Ти-ше — сказалъ учитель, болѣзненно сморщивъ желтое лицо съ усталыми глазами. А Ежовъ звонко и быстро говорилъ...

— Теперь мы узнали, что первый разносчикъ получилъ барыша 17 к...

— Довольно!... Гордѣевъ! Скажи-ка мнѣ, что нужно сдѣлать, чтобы узнать, сколько барыша получилъ второй разносчикъ?

Наблюдая за поведеніемъ мальчиковъ, — такъ не похожихъ другъ на друга, — Ѳома былъ захваченъ вопросомъ врасплохъ и молчалъ.

— Не знаешь?... Гмъ... Объясни ему, Смолинъ...

Смолинъ, аккуратно вытиравшій тряпкой свои пальцы, испачканные мѣломъ, положилъ тряпку, не взглянувъ на Ѳому, окончилъ задачу и сталъ вытирать руки, а Ежовъ, улыбаясь и подпрыгивая на ходу, отправился на свое мѣсто.

— Эхъ ты! — зашепталъ онъ, усаживаясь рядомъ съ Ѳомой и ужъ кстати толкая его кулакомъ въ бокъ. — Чего не можешь! Всего-то барыша сколько? 30 копеекъ... а разносчиковъ — двое... одинъ получилъ 17 — ну сколько другой?

— Знаю я, — шопотомъ отвѣтилъ Ѳома, чувствуя себя сконфуженнымъ и разсматривая лицо Смолина, степенно возвращавшагося на свое мѣсто. Ему не понравилось это лицо — круглое, пестрое отъ веснушекъ, съ голубыми глазами, заплывшими жиромъ. А Ежовъ больно щипалъ ему ногу и спрашивалъ:

— Ты чей сынъ — Шалаго?

— Да...

— Ишь... Хочешь, я тебѣ всегда подсказывать буду?

— Хочу...

— А что дашь за это?

Ѳома подумалъ и спросилъ:

— А ты знаешь самъ-то?

— Я? Я — первый ученикъ... вотъ увидишь...

— Вы тамъ. Ежовъ — опять ты разговариваешь? — крикнулъ учитель.

Ежовъ вскочилъ на ноги и бойко сказалъ:

— Это не я, Иванъ Андреичъ... — это Гордѣевъ...

— Оба они шепчутся, — невозмутимо объявилъ Смолинъ.

Учитель пожурилъ всѣхъ ихъ, но его выговоръ не помѣшалъ Ежову тотчасъ же сново зашептать:

— Ладно Смолинъ! Я тебѣ припомню за ябеду...

А ты зачѣмъ сваливаешь на новенькаго? — не поворачивая къ нимъ головы, тихо спрашивалъ Смолинъ.

— Ладно, ладно, — шипѣлъ Ежовъ.

Ѳома молчалъ, искоса посматривая на юркаго сосѣда, который одновременно и нравился ему и возбуждалъ въ немъ желаніе отодвинуться отъ него подальше. Во время перемѣны онъ узналъ отъ Ежова, что Смолинъ — тоже богатый сынъ кожевеннаго заводчика, а самъ Ежовъ — сынъ сторожа изъ казенной палаты и очень бѣдный. Послѣднее было ясно видно и по костюму бойкаго мальчика, сшитому изъ сѣрой бумазеи, украшенному заплатами на колѣняхъ и локтяхъ, по его блѣдному, голодному лицу, по всей маленькой, угловатой и костлявой фигурѣ. Говорилъ этотъ мальчикъ металлическимъ альтомъ, поясняя свою рѣчь гримасами и жестами и часто употреблялъ въ рѣчи свои слова, значеніе которыхъ было извѣстно только ему одному.

— Мы съ тобой будемъ товарищи, — объявилъ онъ Ѳомѣ. — Ты голубей любишь?

— Люблю...

— Какой ты фуфлыга! У-у! Э-э! — передразнивалъ Ежовъ медленную рѣчь Ѳомы. — Сколько у тебя голубей?

— У меня нѣтъ...

— Эхъ ты! Богатый, а не завелъ голубей... У меня и то три есть... скобарь одинъ, да голубка пѣгая, да турманъ... Кабы у меня отецъ былъ богатый — я бы сто голубей завелъ и гонялъ бы цѣлый день. И у Смолина есть голуби — хорошіе! Четырнадцать... турмана-то онъ мнѣ подарилъ. Только — все-таки онъ жадный... всѣ богатые... жадные... а ты тоже жадный?

— Н... не знаю, — нерѣшительно сказалъ Ѳома.

— Ты приходи къ Смолину, вмѣстѣ всѣ трое и будемъ гонять...

— Ладно... ежели меня пустятъ...

— Развѣ отецъ-то не любитъ тебя?

— Нѣтъ, любитъ.

— Ну, такъ пуститъ... Только ты не говори, что и я тоже пойду... со мной, пожалуй, и взаправду не пуститъ... ты скажи — къ Смолину, молъ, пустите... Смолинъ!

Подошелъ толстый мальчикъ, и Ежовъ привѣтствовалъ его, укоризненно покачивая головой:

— Эхъ ты, рыжій ябедникъ! Не стоитъ съ тобой и дружиться... булыжникъ!

— Что ты ругаешься! — спокойно спросилъ Смолинъ, разглядывая Ѳому неподвижными глазами.

— Я не ругаюсь, а правду говорю, — пояснилъ Ежовъ, весь подергиваясь отъ оживленія. — Слушай! Хотя ты и кисель, да ладно ужъ! Въ воскресенье послѣ обѣдни я съ нимъ приду къ тебѣ...

— Приходите, — кивнулъ головой Смолинъ.

— Придемъ... Скоро ужъ звонокъ, побѣгу чижа продавать, — объявилъ Ежовъ, вытаскивая изъ кармана штанишекъ бумажный пакетикъ, въ которомъ билось что-то живое. И онъ исчезъ со двора училища, какъ ртуть съ ладони.

— Ка-акой онъ! — сказалъ Ѳома, пораженный живостью Ежова и вопросительно глядя на Смолина.

— Онъ всегда такой... Ловкій очень, — пояснилъ рыжій мальчикъ.

— И веселый, — добавилъ Ѳома.

— И веселый, — согласился Смолинъ. Потомъ они помолчали, оглядывая другъ друга.

— Придешь ко мнѣ съ нимъ? — спросилъ рыжій.

— Приду...

— Приходи... У меня хорошо...

Ѳома ничего не сказалъ на это. Тогда Смолинъ спросилъ его:

— У тебя много товарищей?

— Никого нѣтъ...

— У меня тоже до училища никого не было... только братья двоюродные... Вотъ теперь у тебя будутъ сразу двое товарищей...

— Да — сказалъ Ѳома.

— Ты радъ?

— Радъ...

— Когда есть много товарищей — это весело... И учиться легче — подсказываютъ.

— А ты хорошо учишься?

— Хорошо. Я все хорошо дѣлаю, — спокойно сказалъ Смолинъ.

Задребезжалъ звонокъ, точно испуганный и торопливо побѣжавшій куда-то...

Сидя въ школѣ, Ѳома почувствовалъ себя свободнѣе и сталъ сравнивать своихъ товарищей съ другими мальчиками. Вскорѣ онъ нашелъ, что оба они — самые лучшіе въ школѣ и первыми бросаются въ глаза, такъ же рѣзко, какъ эти двѣ цифры 5 и 7, не стертыя съ черной классной доски. И Ѳомѣ стало пріятно оттого, что его товарищи лучше всѣхъ остальныхъ мальчиковъ.

Изъ школы они всѣ трое пошли вмѣстѣ, но Ежовъ скоро свернулъ въ какой-то узкій переулокъ, Смолинъ же шелъ вмѣстѣ съ Ѳомой вплоть до его дома и, прощаясь, сказалъ:

— Вотъ видишь — и ходить намъ вмѣстѣ.

Утромъ Ѳома вставалъ веселый и бодрый, торопливо мылся, наскоро пилъ чай и бѣжалъ въ училище, снабженный сдобными и сладкими пирожками, которыхъ тамъ ждалъ всегда голодный, маленькій Ежовъ, жадно питавшійся отъ щедротъ своего богатаго товарища.

— Приперъ пожрать? — встрѣчалъ онъ Ѳому, поводя своимъ острымъ носомъ. — Давай, а то я ушелъ изъ дому безъ ничего... Проспалъ... до двухъ часовъ ночи все учился... Ты задачи сдѣлалъ?

— Не сдѣлалъ.

— Эхъ ты, карамара! Ну, я ихъ тебѣ сейчасъ раскатаю! Впиваясь въ пирогъ мелкими и острыми зубами, онъ что-то мурлыкалъ, какъ котенокъ, притоптывалъ въ тактъ лѣвой ногой и въ то же время рѣшалъ задачу, бросая Ѳомѣ короткія фразы:

— Видалъ? Въ часъ вытекло восемь ведеръ... а сколько часовъ текло — шесть? Эхъ, сладко вы ѣдите!.. Шесть, сталобыть, надо помножить на восемь... А ты любишь пироги съ зе-

ленымъ лукомъ? Я — страсть какъ! Ну вотъ, изъ перваго крана въ шесть часовъ вытекло сорокъ восемь... а всего налили въ чанъ девяносто... дальше-то понимаешь?

Ежовъ нравился Ѳомѣ больше, чѣмъ Смолинъ, но со Смолинымъ Ѳома жилъ дружнѣе. Онъ удивлялся способностямъ и живости маленькаго человѣка, видѣлъ, что Ежовъ умнѣе и лучше его, завидовалъ ему и обижался на него за это.

Ежовъ, любя посмѣяться надъ сытыми товарищами, часто говорилъ имъ:

— Эхъ вы, чемоданчики съ пирожками!...

Ѳома сердился на него за насмѣшки и однажды, задѣтый за сердце, презрительно и зло сказалъ:

— А ты — попрошайка... нищій!

Желтое лицо Ежова покрылось пятнами и онъ медленно отвѣтилъ:

— Ладно, пускай!.. А вотъ я не буду подсказывать тебѣ — и станешь ты бревномъ!

И дня три они не разговаривали другъ съ другомъ.

Но въ жизни этихъ мальчиковъ было нѣчто, объединявшее всѣхъ ихъ, были часы, въ теченіе которыхъ они утрачивали сознаніе разницы характеровъ и положенія. По воскресеньямъ они всѣ трое собирались у Смолина и, влѣзая на крышу флигеля, гдѣ была устроена обширная голубятня, выпускали голубей.

Красивыя сытыя птицы, встряхивая бѣлоснѣжными крыльями, одна за другой вылетали изъ голубятни, въ рядъ усаживались на конькѣ крыши и, освѣщенныя солнцемъ, воркуя, красовались передъ мальчиками.

— Шугай! — просилъ Ежовъ, вздрагивая отъ нетерпѣнія.

Смолинъ взмахивалъ въ воздухѣ длиннымъ шестомъ съ мочаломъ на концѣ и свисталъ.

Испуганные голуби бросались въ воздухъ, наполняя его торопливымъ шумомъ крыльевъ... И вотъ они плавно, описывая широкіе круги, вздымаются вверхъ, въ голубую глубину неба, плывутъ, сверкая серебромъ и снѣгомъ оперенія, все выше. Одни изъ нихъ стремятся достичь до купола небесъ плавнымъ полетомъ сокола, широко распростирая крылья и какъ бы не двигая ими, другіе — играютъ, кувыркаются въ воздухѣ, снѣжнымъ комомъ падаютъ внизъ и снова стрѣлою летятъ въ высоту. Вотъ вся стая ихъ кажется стоящей неподвижно въ пустынѣ неба и, все уменьшаясь, тонетъ въ ней. Закинувъ головы, мальчики молча любуются птицами, не отрывая глазъ отъ нихъ,— усталыхъ глазъ, сіяющихъ тихой радостью, не чуждой завистливаго чувства къ этимъ крылатымъ существамъ, такъ свободно уносящимся отъ земли въ чистую, тихую область, полную сол-

нечнаго блеска. Маленькая группа едва замѣтныхъ глазу точекъ, вкрапленная въ синеву неба, влечетъ за собой воображеніе дѣтей, и Ежовъ опредѣляетъ общее всѣмъ имъ чувство, когда тихо и задумчиво говоритъ:

— Намъ бы, братцы, такъ полетать...

Ѳома же, зная, что видъ голубя принимаетъ душа человѣка, отлетая къ небу, чувствовалъ въ груди своей приливъ какого-то желанія, сильнаго, жгучаго...

Объединенные своимъ восторгомъ, молчаливо и внимательно ожидающіе возвращенія изъ глубины неба своихъ птицъ — мальчики, плотно прижавшись другъ къ другу, далеко, какъ ихъ голуби отъ земли, — ушли отъ вѣянія жизни; чуждые всему, они близки другъ къ другу, безъ словъ, по блеску глазъ, понимаютъ свое чувство и — хорошо имъ, какъ птицамъ на небѣ.

М. Горькій.

3. Въ Америку.

— Ты любишь море? — спросилъ однажды Даниловъ у Тёмы Карташева.

— Люблю, — отвѣтилъ Тёма.

— А на лодкѣ любишь кататься?

— Люблю, только я еще ни разу не катался.

Даниловъ никакъ не могъ понять, какъ, живя въ приморскомъ городѣ, до сихъ поръ ни разу не покататься на лодкѣ. Онъ давно уже умѣлъ и грести и управлять рулемъ. Онъ, сколько помнилъ себя, все помнилъ то же безбрежное море, ихъ домъ, стоявшій на самомъ берегу, всегда вдыхалъ въ себя свѣжій запахъ этого моря, перемѣшанный съ запахомъ пеньки, смоляныхъ канатовъ и каменноугольнаго дыма пристани. Сколько онъ помнилъ себя, всегда его ухо ласкалъ шумъ моря, то тихій и мягкій, какъ шопотъ, то страстный и бурный, какъ стонъ и вопли разъяреннаго дикаго звѣря. Онъ любилъ это море, сроднился съ нимъ, любовь эту поддерживали и развили въ немъ до страсти молодые моряки, бывавшіе у его отца, капитана порта.

Онъ спалъ и грезилъ моремъ. Онъ любовался у открытаго окна, когда, бывало, вечеромъ луна заливала своимъ чуднымъ свѣтомъ эту безконечную водную даль со свѣтлой серебряной полосой луны, сверкавшей въ водѣ и терявшейся на далекомъ горизонтѣ; онъ видѣлъ, какъ вдругъ выплывшая лодка попадала въ эту освѣщенную полосу, разрѣзая ее дружными, мѣрными взмахами веселъ, съ которыхъ, какъ серебряный дождь, сбѣгала напитанная фосфорическимъ блескомъ вода. Онъ любилъ

тогда море, какъ любятъ маленькихъ хорошенькихъ дѣтей. Но не этой картиной море влекло его душу, вызывало восторгъ и страсть къ себѣ. Его разжигала буря, въ немъ подымалась неизвѣданная страсть въ утлой лодкѣ помѣряться силами съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, когда оно, взбѣшенное какъ титанъ, швыряло далеко на берегъ свои бѣшеныя волны. Тогда Даниловъ уже не былъ похожъ на мягкаго обыкновеннаго Данилова. Тогда, вдохновенный, онъ простаивалъ по цѣлымъ часамъ на морскомъ берегу, наблюдая расходившееся море. Онъ съ какою-то завистью смотрѣлъ въ упоръ на своихъ бѣшено набѣгавшихъ враговъ — волны, которыя тутъ же, у его ногъ, разбивались о берегъ.

— Не любишь! — съ наслажденіемъ шептали его поблѣднѣвшія губы, а глаза уже впивались въ новый набѣгавшій валъ, который, точно разбѣжавшійся человѣкъ, споткнувшись съ размаха, высоко взмахнувъ руками, тяжело опрокидывался на острые камни.

— Э-эхъ! — злорадно отдавалось на его сердцѣ.

Однажды Даниловъ сказалъ Тёмѣ и Касицкому:

— Хотите завтра покататься на лодкѣ?

Тёма, замирая отъ счастья, восторженно отвѣтилъ:

— Хочу.

Касицкій тоже изъявилъ согласіе.

— Такъ прямо изъ гимназіи и пойдемъ. Сначала пообѣдаемъ у меня, а потомъ и кататься.

Вопросъ у Тёмы былъ только въ томъ, какъ отнесутся къ этому дома. Но и дома онъ получилъ разрѣшеніе.

Прогулки по морю стали излюбленнымъ занятіемъ друзей въ 3-мъ классѣ. Зимой, когда море замерзло, и нельзя было больше ѣздить, вѣрные друзья ходили по берегу, смотрѣли на разстилавшуюся передъ ними ледяную равнину, на темную полосу воды за ней, тамъ, гдѣ море сливалось съ низкими свинцовыми тучами, — щелкали зубами, синѣли отъ холода, ежились въ своихъ форменныхъ пальтишкахъ, прятали въ короткіе рукава красныя руки и говорили все о томъ же морѣ. Главнымъ образомъ говорилъ Даниловъ; Тёма съ раскрытымъ ртомъ слушалъ, а Касицкій и слушалъ, и возражалъ, и развлекался.

— А вотъ я знаю такой случай, — начиналъ, бывало, Касицкій, — одинъ корабль опрокинулся...

— Килевой? — спрашивалъ Даниловъ.

Килевой, конечно.

— Ну, и врешь, — отрѣзывалъ Даниловъ. — Такой корабль не можетъ опрокинуться...

— Ну, ужъ это дудки! Ахъ оставьте, пожалуйста. Такъ можетъ...

— Да понимаешь ты, что не можетъ. Единственный случай былъ...

— Былъ же? значитъ, можетъ.

— Да ты дослушай. Этотъ корабль...

Но Касицкій уже не слушалъ; онъ завидѣлъ собаку и бѣжалъ доказывать друзьямъ, что собака его не укуситъ. Эти доказательства нерѣдко кончались тѣмъ, что собака изъ выжидательнаго положенія переходила въ наступательное и стремительно рвала у Касицкаго то брюки, то пальто, вслѣдствіе чего у него не было такого платья, на которомъ не нашлось бы непочиненнаго мѣста. Но онъ не смущался и всегда находилъ какое-нибудь основаніе, почему собака его укусила. То оттого, что она бѣшеная, то нарочно...

— Нарочно поддразнилъ, — говорилъ снисходительно Касицкій.

— Ну, да, нарочно? — смѣялся Тёма.

— Нарочно! — смѣялся и Касицкій, надвигая Тёмѣ на лицо фуражку.

Если ничего не оставалось другого для развлеченія, то Касицкій не брезгалъ и колесомъ пройтись по панели. За это Даниловъ снисходительно называлъ его «мальчишкой». Даниловъ вообще былъ старшимъ въ компаніи — не лѣтами, но солидностью, которая происходила отъ безпредѣльной любви къ морю; о немъ только и думалъ онъ, о немъ только и говорилъ и ничего, и никого, кромѣ своего моря, не признавалъ. Одно терзало его, что онъ не можетъ посвятить всего своего времени этому морю, а долженъ тратить это время и на сонъ, и на ѣду, и на гимназію. Въ послѣднемъ ему сочувствовали и Тёма и Касицкій.

— Есть люди съ твердой волей, которые и безъ гимназіи умѣли прокладывать себѣ дорогу въ жизни, — говорилъ Даниловъ. Тёма только вздыхалъ.

Есть, конечно, есть... Робинзонъ... А всѣ эти юнги, съ дѣтства попавшіе случайно на пароходъ, прошедшіе сквозь огонь и мѣдныя трубы, закалившіеся во всѣхъ неудачахъ. Боже мой! Чего они ни видали, гдѣ ни бывали: и пустыни, и львы, и тигры, и американскіе индѣйцы.

— А вѣдь такіе же, какъ и мы, люди, — говорилъ Даниловъ.

— Конечно, такіе.

— Тоже и отца, и мать, и сестеръ имѣли, тоже, вѣроятно, страшно сначала было, а пересилили, не захотѣли избитымъ путемъ пошлой жизни жить, и чтожъ, развѣ они жалѣли?

Никогда не жалѣли: всѣ они всегда вырастали безъ этихъ дурацкихъ единицъ и экзаменовъ, женились всегда на комъ хотѣли, стариками дѣлались, и всѣ имъ завидовали.

И вотъ понемногу планъ созрѣлъ: попытать счастья и съ первымъ весеннимъ днемъ удрать въ Америку на первомъ отходящемъ пароходѣ. Мысль эту бросилъ Касицкій и сейчасъ же забылъ о ней. Даниловъ долго вдумывался и предложилъ однажды привести ее въ исполненіе. Тёма далъ согласіе, не думая, главнымъ образомъ, въ виду далекой еще весны. Касицкій далъ согласіе, такъ какъ ему рѣшительно было все равно: въ Америку, такъ въ Америку. Даниловъ все тонко во всѣхъ деталяхъ обдумалъ. Прежде всего, совсѣмъ безъ денегъ ѣхать нельзя; положимъ, юнгѣ даже платятъ сколько-нибудь, но до юнги надо доѣхать. А потому необходимо было пользоваться каждымъ моментомъ, чтобы откладывать все, что можно. Всѣ рессурсы должны были поступать въ кассу: деньги, выдаваемыя на завтраки — разъ, именинныя — два, случайныя (въ родѣ на извозчика), подарки дядей и пр., и пр., — три. Даниловъ добросовѣстно отбиралъ у друзей деньги сейчасъ же по приходѣ ихъ въ классъ, такъ какъ опытъ показалъ, что у Касицкаго и Тёмы деньги въ первую же рекреацію улетучивались. Результатомъ этого былъ волчій голодъ въ компаніи во все время уроковъ, т.-е. съ утра до двухъ-трехъ часовъ дня. Даниловъ крѣпился, Касицкій безъ церемоніи отламывалъ куски у перваго встрѣчнаго, а Тёма терпѣлъ, терпѣлъ и кончалъ тѣмъ, что просилъ у кого-нибудь «кусочекъ», а то отправлялся на поиски по скамьямъ, гдѣ и находилъ всегда какую-нибудь завалявшуюся корку.

Было, конечно, довольно простое средство избавить себя отъ такихъ ежедневныхъ мукъ — это брать съ собой изъ дому хоть запасный кусокъ хлѣба. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что послѣ утренняго чая, когда компанія отправлялась въ гимназію, имъ не хотѣлось ѣсть, и съ точки зрѣнія этого настоящаго они каждый день впадали въ ошибочную увѣренность, что и до конца уроковъ имъ не захочется ѣсть.

— На что ты похожъ сталъ?! Подъ глазами синяки, щеки втянуло, какъ скелетъ! — допытывалась мать.

Хуже всего, что, удерживаясь, Тёма дотягивалъ обыкновенно до послѣдней рекреаціи, и ужъ когда голодъ чуть не заставлялъ его кричать, тогда онъ только отправлялся на фуражировку. Вслѣдствіе этого аппетитъ перебивался и такъ основательно, что, придя домой, Тёма ни до чего, кромѣ хлѣба и супа, не касался.

Обдумывая въ подробностяхъ свой планъ, Даниловъ пришелъ къ заключенію, что прямо въ гавани сѣсть на корабль не удастся, потому что, во-первыхъ, узнаютъ и не пустятъ, а во-вторыхъ потребуютъ заграничные паспорты. Поэтому Даниловъ рѣшилъ такъ: узнавъ, когда отходитъ подходящій ко-

рабль, заблаговременно выбраться въ открытое море на лодкѣ и тамъ, приставъ къ кораблю, объяснить, въ чемъ дѣло и, уѣхать на немъ. Вопросъ о дальнѣйшемъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ на томъ простомъ основаніи, что кому же даровыхъ работниковъ не надо? Гораздо труднѣе былъ вопросъ о лодкѣ. Чтобъ отослать ее назадъ, нуженъ былъ проводникъ. Этимъ подводился проводникъ.

Если пустить лодку на произволъ судьбы — пропажа казеннаго имущества — отецъ подводился. Все это привело Данилова къ заключенію, что надо строить свою лодку. Отецъ Данилова отозвался сочувственно, далъ имъ лѣсу, руководителей, и компанія приступила къ работѣ. Выборъ типа лодки подвергся всестороннему обсужденію. Рѣшено было строить килевую и отдано было предпочтеніе ходу передъ вмѣстимостью.

— Весь секретъ, чтобы было какъ можно меньшее сопротивленіе. Чѣмъ она уже...

— Ну, конечно, — перебивалъ нетерпѣливый Касицкій.

— Понимаешь? — спрашивалъ Даниловъ Тёму.

— Понимаю, — отвѣчалъ Тёма, понимавшій больше потому, что это было понятно Данилову и Касицкому: что тамъ еще докапываться? у́же — такъ у́же.

— Мнѣ даже кажется, что эта модель, самая узкая изъ всѣхъ, и та широка.

— Конечно, широка, — энергично поддерживалъ Касицкій. — Къ чему такое брюхо?

— Отецъ настаиваетъ — нерѣшительно проговорилъ Даниловъ.

А мы, чтобъ не дразнить его, сдѣлаемъ уже, а ему благоразумно умолчимъ.

— Врать хочешь...

— Не врать, молчать буду. Спроситъ — ну, тогда признаюсь.

Всю зиму шла работа: сперва киль выдѣлали, затѣмъ шпангоуты насадили, потомъ обшивкой занялись, а затѣмъ и выкрасили въ бѣлый цвѣтъ, съ синей полоской кругомъ.

Собственно говоря, постройка лодки подвигалась не пропорціонально труду, какой затрачивался на нее друзьями, и секретъ этотъ объяснялся тѣмъ, что имъ помогали какія-то таинственныя руки. Друзья благоразумно молчали объ этомъ и, когда лодка была готова, они съ гордостью объявили товарищамъ:

— Мы кончили.

Впрочемъ, Касицкій не удержался и тутъ же сказалъ, подмигивая Тёмѣ:

— Мы?!

— Конечно, мы, — отвѣтилъ Тёма. — Матросы помогали, а все-таки мы.

— Помогали?!

— Мы! Ну, Даниловъ дѣйствительно работалъ, а мы вотъ все больше на счетъ глазъ. Да, ей-Богу же, — кончилъ онъ добродушно. — Зачѣмъ врать.

— Я считаю, что и я работалъ.

— Ну, да, считаешь. Ну, считай, считай.

— Да зачѣмъ вамъ лодка? — спросилъ Корневъ, грызя, по обыкновенію, ногти.

— Лодка? — переспросилъ Касицкій. — Зачѣмъ намъ лодка? — обратился онъ къ Тёмѣ.

Тёму подмывало.

— Свинья! — смѣялся онъ, чувствуя непреодолимое желаніе выболтать.

— Чтобъ кататься, — отвѣтилъ Даниловъ, не сморгнувъ, что называется, глазомъ.

Корневъ видѣлъ, что тутъ что-то не то.

— Мало у отца твоего лодокъ?

— Ходкихъ нѣтъ, — отвѣтилъ Даниловъ.

— Что значитъ ходкихъ?

— Чтобъ рѣзали хорошо воду.

— А что значитъ, чтобы рѣзали хорошо воду?

— Ну, чтобъ узкая была, шла легко, оказывала бы водѣ меньшее сопротивленіе.

— Зачѣмъ же вамъ такую лодку?

— Чтобъ больше удовольствія было отъ катанья.

Корневъ подозрительно всматривался по очереди въ каждаго.

— Эхъ ты! — произнесъ Касицкій полушутя, полусерьезно.

— Въ Америку хотимъ ѣхать.

— Послушай, зачѣмъ ты говоришь? — замѣчалъ Даниловъ Касицкому.

— Что говорю? Именно такъ дѣйствуя, ничего и не говорю.

— Конечно, — поддерживалъ Тёма, — кто жъ догадается принять его слова за серьезныя.

— Всѣ догадаются. Васъ подмываетъ на каждомъ словѣ, и кончится тѣмъ, что вы все разболтаете. Если не хотите, скажите прямо, зачѣмъ было и затѣвать тогда.

Обыкновенно невозмутимый, Даниловъ не на шутку начиналъ сердиться. Касицкій и Тёма обѣщали ему соблюдать впередъ строгое молчаніе. И хотя нерѣдко на пріятелей находило страстное желаніе подсидѣть самихъ себя, но сознаніе огорченія, которое они нанесутъ этимъ Данилову, останавливало ихъ.

Понятное дѣло, что тому, кто ѣдетъ въ Америку, никакихъ, собственно, уроковъ готовить не къ чему, и время, по-

траченное на такой трудъ, считалось компаніей погибшимъ временемъ.

Обстоятельства помогли Тёмѣ въ этомъ отношеніи. Мать его еще родила одного сына, и выслушиваніе уроковъ было оставлено. Слѣдующая треть, послѣдняя передъ экзаменами, была весьма печальна по результатамъ: единица, два, законъ Божій — три, по естествѣнной — пять, поведеніе — и то «хорошаго», вмѣсто обычнаго отличнаго. На Карташева махнули въ гимназіи рукой, какъ на ученика, который остается на другой годъ.

Тёма благоразумно утаилъ отъ домашнихъ отмѣтки. Такъ какъ требовалась расписка, то онъ, какъ могъ, и расписался за родителей, что они отмѣтки видѣли. При этомъ благоразумно подписалъ: «по случаю болѣзни, за мать, сестра З. Карташева». Дома, на вопросъ матери объ отмѣткахъ, онъ отдѣлывался обычнымъ отвѣтомъ, произносимымъ какимъ-то слишкомъ ужъ равнодушнымъ и безпечнымъ голосомъ.

— Не получалъ еще.

— Отчего жъ такъ затянулось?

— Не знаю, — отвѣчалъ Тема и спѣшилъ заговорить о чемъ нибудь другомъ.

— Тёма, скажи правду, — пристала разъ къ нему мать, — въ чемъ дѣло? Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было отмѣтокъ.

— Нѣтъ, мама.

— Смотри, Тёма, я вотъ встану и поѣду сама.

Тёма пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ: чего, дескать, пристали къ человѣку, который уже давно мысленно въ Америкѣ?

Друзья назначили свой отъѣздъ на четвертый день Пасхи. Такъ было рѣшено съ цѣлью не отравлять роднымъ Пасху.

Заграничный пароходъ отходилъ въ 6 часовъ вечера. Рѣшено было тронуться въ путь въ 4.

Тёма, стараясь соблюдать равнодушный видъ, бросая украдкой растроганные взгляды кругомъ, незамѣтно юркнулъ въ калитку и пустился къ гавани.

Даниловъ уже озабоченно бѣгалъ отъ дома къ лодкѣ.

Тёма заглянулъ внутрь ихъ общей красавицы — бѣлой съ синей каемкой лодки, съ девизомъ «Впередъ», и увидѣлъ тамъ всякіе кульки.

— Ѣда, — озабоченно объяснилъ Даниловъ. — Гдѣ же Касицкій? Наконецъ, показался и Касицкій съ какою-то паршивой собаченкой.

— Да брось! — нетерпѣливо проговорилъ Даниловъ.

Касицкій съ сожалѣніемъ выпустилъ собаку.

— Ну, готово! Ѣдемъ.

Тема съ замираніемъ сердца прыгнулъ въ лодку и сѣлъ на весло.

«Неужели навсегда?» — пронеслось у него въ головѣ и мучительно-сладко гдѣ-то далеко, далеко замерло.

Касицкій сѣлъ на другое весло. Даниловъ на руль.

— Отдай! сухо скомандовалъ Даниловъ матросу.

Матросъ бросилъ веревку, которую держалъ въ рукѣ, и оттолкнулъ лодку.

— Навались!

Тёма и Касицкій взмахнули веслами. Вода быстро, торопливо, гулко заговорила у борта лодки.

— Навались!

Гребцы сильно налегли. Лодка помчалась по гладкой поверхности гавани. У выхода она ловко вильнула подъ носомъ входившаго парохода и, выскочивъ на зыбкую, неровную поверхность открытаго моря, точно затанцовала по мелкимъ волнамъ.

— Нордъ-остъ! — кратко замѣтилъ Даниловъ.

Весенній холодный вѣтеръ срывалъ съ веселъ воду и разносилъ брызги.

— Навались!

Весла, ровно и мѣрно стуча въ уключинахъ, на нѣсколько мгновеній погружались въ воду и снова сверкали на солнцѣ, ловкимъ движеніемъ гребцовъ обращенныя параллельно къ водѣ.

Отъѣхавъ версты двѣ, гребцы, по командѣ Данилова, подняли весла и сняли шапки съ вспотѣвшихъ головъ.

— Пить хочется, — сказалъ Касицкій и, перегнувшись, зачерпнулъ двумя руками морской воды и хлебнулъ глотокъ.

То же самое продѣлалъ и Тёма.

— Навались!

Опять мѣрно застучали весла, и лодка снова весело и легко начала рѣзать набѣгавшія волны.

Вѣтеръ свѣжѣлъ.

— Къ вечеру разыграется, — замѣтилъ Даниловъ.

— О-го, рветъ, — отвѣтилъ Касицкій, надвигая чуть было не сорвавшуюся въ море шапку.

— Экая красота! — проговорилъ немного погодя Даниловъ, любуясь небомъ и моремъ. — Посмотрите на солнце, какъ насѣдаютъ тучи! Точно рядомъ день и ночь. Тамъ все темное грозное; а сюда, къ городу — ясное, тихое, спокойное.

Касицкій и Тёма сосредоточенно молчали.

Тёма скользнулъ глазами по сверкавшему вдали городу, по спокойному, ясному берегу, и сердце его тоскливо сжалось: что-то теперь дѣлаютъ мать, отецъ, сестры?!

Можетъ быть весело сидятъ на террасѣ, пьютъ чай и не знаютъ, какой ударъ приготовилъ онъ имъ. Тёма испуганно оглянулся, точно проснулся отъ какого-то тяжелаго сна.

— Что, можетъ, назадъ пойдемъ, Карташевъ? — спросилъ спокойно Даниловъ, наблюдая его.

«Назадъ?!» — радостно рванулось, было, сердце Тёмы къ матери. А мечты объ Америкѣ, а гимназія, экзамены, неизбѣжный провалъ...

Тёма отрицательно мотнулъ головой и угрюмо молча налегъ на весло.

— Пароходъ! — крикнулъ Касицкій.

Изъ гавани, выпуская клубы чернаго дыма, показался громадный заграничный пароходъ.

— Пойдемъ потихоньку навстрѣчу.

Пароходъ приближался. Уже можно было разобрать толпу пассажировъ на палубѣ.

«Черезъ нѣсколько минутъ мы уже будемъ между ними». — мелькнуло у каждаго изъ друзей.

— Пора!

Все было наготовѣ.

Согласно законамъ аварій, Касицкій выстрѣлилъ два раза изъ револьвера, а Даниловъ выбросилъ спеціально приготовленный для этого случая бѣлый флагъ, навязанный на длинный шестъ.

Тяжелое чудовище летѣло совсѣмъ близко, высоко задравъ свои могучіе борты, и гулъ машины явственно отдался въ ушахъ бѣглецовъ, обдавъ ихъ запахомъ пара и перегорѣлаго масла.

Лодку закачало во всѣ стороны.

Ура! Ихъ замѣтили. Цѣлый ворохъ бѣлыхъ платковъ замахалъ имъ съ палубы. Но что жъ это? Зачѣмъ они не останавливаются?

— Стрѣляй еще! Маши платкомъ.

Друзья стрѣляли, махали и кричали, какъ могли.

Увы! Пароходъ ужъ былъ далеко и все больше прибавлялъ ходу.

Разочарованіе было полное.

— Они думали, — проговорилъ огорченно Тёма, что мы имъ хорошей дороги желаемъ.

— Я говорилъ, что все это ерунда, — сказалъ Касицкій, бросая въ лодку револьверъ. — Ну, кто, въ самомъ дѣлѣ, насъ возьметъ?! Кто для насъ остановится...

Уныло, хотя и быстро, было возвращеніе обратно. Нордъ-остъ былъ попутный.

— Надо обдумать... — началъ было Даниловъ.

87092
БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

— Ерунда! Ни въ какую Америку я больше не поѣду, — сказалъ Касицкій, когда лодка пристала къ берегу, — Все это чушь.

— Ну, вотъ ужъ и чушь, — отвѣтилъ сконфуженно Даниловъ.

— Да, конечно, чушь, и пора понять это.

Тёма грустно слушалъ, задумчиво смотря въ даль такъ коварно измѣнившему пароходу.

— Надо обдумать...

— Какъ выдержать экзамены, — фыркнулъ Касицкій и, нахлобучивъ шапку, пожавъ наскоро руки друзьямъ, быстро пошелъ въ городъ.

— Духомъ упалъ. Все еще можно поправить, — грустно докончилъ Даниловъ.

— Прощай, — отвѣтилъ Тёма и, пожавъ товарищу руку, тоже побрелъ домой.

Да, не выгорѣла Америка! Съ одной стороны, конечно, пріятно опять увидѣть мать, отца, сестеръ, братьевъ, съ которыми думалъ уже никогда, можетъ быть, не встрѣтиться, но, съ другой стороны, тяжело и тоскливо вставали экзамены, почти неизбѣжный провалъ, все то, съ чѣмъ, казалось, было уже навсегда покончено.

Да, жаль, — а хорошій, было, придумали выходъ.

И Тёма отъ души вздохнулъ.

Когда послѣ Пасхи въ первый разъ собрались въ классъ, все уже перемололось, и Касицкій не удержался, чтобы въ веселыхъ краскахъ не передать о неудавшейся затѣѣ. Тёма весело помогалъ ему, а Даниловъ только снисходительно слушалъ.

Всѣ смѣялись и прозвали Данилова, Касицкаго и Тёму «американцами».

Н. Гаринъ.

Что привлекало каждаго изъ мальчиковъ къ участію въ этомъ путешествіи?

4. Въ барскомъ пансіонѣ.

Только что минула Святая недѣля, и на тощихъ березкахъ въ палисадникѣ уже трепетали новорожденные зеленые листочки. Яркое солнце льетъ косые свои лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой комнаткѣ, налѣво, сидитъ гостья. Да, у меня вдругъ очутилась гостья — въ первый разъ съ того времени, какъ я у Тушара*). Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама, хотя съ того времени, какъ она меня причащала въ деревенскомъ храмѣ, а голубокъ пролетѣлъ черезъ куполъ, я, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ, не видалъ ея ни разу. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она прибыла тогда въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Она сидѣла подлѣ меня, и, помню, я удивлялся, что она такъ мало говоритъ. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенныхъ французскихъ хлѣба. Я обидѣлся на французскіе хлѣбы и съ ущемленнымъ видомъ отвѣчалъ, что здѣсь у насъ «пища» очень хорошая, и намъ каждый день даютъ къ чаю по цѣлой французской булкѣ.

— Все равно, голубчикъ, я вѣдь такъ, по простотѣ подумала: «можетъ, ихъ тамъ, въ школѣ-то, худо кормятъ». Не взыщи, родной!

— И Антонинѣ Васильевнѣ (женѣ Тушара) обидно станетъ-съ. Товарищи тоже будутъ надо мной смѣяться.

— Не примешь, что ли? Можетъ, и скушаешь?...

— Пожалуй, оставьте-съ.

А къ гостинцамъ я даже не притронулся; апельсины и пряники лежали предо мной на столикѣ, а я сидѣлъ, потупивъ глаза, но съ большимъ видомъ собственнаго достоинства. Кто знаетъ, можетъ-быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что визитъ ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдитъ; хоть капельку показать ей это, чтобы поняла. «Вотъ, дескать, ты меня срамишь и даже сама не понимаешь того». Представлялъ я тоже себѣ, сколько перенесу я отъ мальчиковъ насмѣшекъ, только что она уйдетъ, а можетъ-быть, и отъ самого Тушара, и ни малѣйшаго добраго чувства не было къ ней въ моемъ сердцѣ. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое, старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ уже грубые ея башмаки, сильно похудѣвшее лицо; морщинки уже прорѣзывались у нея на лбу.

*) Тушаръ — содержатель пансіона.

Меня позвали къ Тушару, и онъ велѣлъ мнѣ взять всѣ мои тетради и книги и показать мамѣ: «чтобъ она видѣла, сколько успѣли вы пріобрѣсти въ моемъ заведеніи».

Я набралъ тетрадокъ и понесъ ихъ къ дожидавшейся мамѣ мимо столпившихся въ классной и поглядывавшихъ на насъ «графскихъ и сенаторскихъ» дѣтей! И вотъ мнѣ даже понравилось исполнить приказаніе Тушара въ буквальной точности. «Вотъ это уроки изъ французской грамматики, вотъ это упражненіе подъ диктантъ, вотъ тутъ спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ, вотъ тутъ по географіи описаніе главныхъ городовъ Европы и всѣхъ частей свѣта» и т. д. и т. д. Я съ полчаса объяснялъ ровнымъ маленькимъ голоскомъ, благонравно потупивъ глазки. Я зналъ, что мама ничего не понимаетъ въ наукахъ, можетъ-быть, даже писать не умѣетъ, но тутъ-то моя роль мнѣ и нравилась. Но утомить ее я не могъ: она все слушала, не прерывая меня, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и даже съ благоговѣніемъ, такъ что мнѣ самому наконецъ наскучило, и я пересталъ; взглядъ ея былъ, впрочемъ, грустный, и что-то жалкое было на ея лицѣ.

Она поднялась наконецъ уходить, вдругъ вошелъ самъ Тушаръ и съ важнымъ видомъ спросилъ ее, довольна ли она успѣхами своего сына. Мама начала безсвязно бормотать и благодарить; подошла и Антонина Васильевна. Мама стала просить ихъ обоихъ «не оставить сиротки: все равно онъ, что сиротка теперь; окажите благодѣяніе ваше»... Она со слезами на глазахъ поклонилась имъ обоимъ, каждому раздѣльно, каждому глубокимъ поклономъ, какъ кланяются «изъ простыхъ», когда приходятъ просить о чемъ-нибудь важныхъ господъ.

Тушары этого даже не ожидали, а Антонина Васильевна, видимо, была смягчена. Наконецъ, мама обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: «Прощай, голубчикъ!» И поцѣловала меня, т.-е. я позволилъ себя поцѣловать. Ей, видимо, хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать, но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого стало горько, или уже догадалась она, что я ея устыдился, но только она поспѣшно, поклонившись еще разъ Тушарамъ, направилась выходить. Я стоялъ. — «Но идите же за вашей матерью,— проговорила Антонина Васильевна:—у этого ребенка нѣтъ сердца!»

Я послушно спустился за мамой; мы вышли на крыльцо. Я зналъ, что они всѣ тамъ смотрятъ теперь изъ окошка. Мама повернулась къ церкви и три раза глубоко перекрестилась; губы ея вздрагивали; густой колоколъ звучно и — мѣрно гудѣлъ съ колокольни. Она повернулась ко мнѣ и не выдержала, положила мнѣ обѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка это видятъ.

Она вскинулась и заторопилась.

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные.

Господи, Господи! скороговоркой повторяла она, все стараясь чаще и больше положить крестовъ: — голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да, постой, голубчикъ!

Она поспѣшно сунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій клѣтчатый платочекъ съ крѣпко завязаннымъ на кончикѣ узелочкомъ и стала развязывать узелокъ... но онъ не развязывался.

— Ну, все равно, возьми и съ платочкомъ; пригодится, можетъ: четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся; прости, голубчикъ, больше-то сама какъ разъ не имѣю... прости, голубчикъ.

Я принялъ платочекъ, хотѣлъ было замѣтить, что намъ «отъ господина Тушара и Антонины Васильевны очень хорошее положено содержаніе, и мы ни въ чемъ не нуждаемся»; но удержался и взялъ платочекъ. Она наконецъ ушла.

Прошли цѣлые полгода, и наступилъ уже вѣтреный и ненастный октябрь. Я про маму совсѣмъ забылъ, и вотъ, какъ-то разъ въ грустныя вечернія сумерки, сталъ я однажды перебирать въ моемъ ящикѣ и вдругъ въ уголку увидалъ синенькій батистовый платочекъ ея; онъ такъ и лежалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его тогда сунулъ. Я вынулъ его и осмотрѣлъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ: кончикъ платка сохранялъ еще вполнѣ слѣдъ бывшаго узелка и даже ясно отпечатлѣвшійся кругленькій оттискъ монетки; я, впрочемъ, положилъ платокъ на мѣсто и задвинулъ ящикъ. Это было подъ праздникъ, и загудѣлъ колоколъ ко всенощной. Въ десять часовъ мы легли спать; я завернулся съ головой въ одѣяло и изъ-подъ подушки вытянулъ синенькій платочекъ; я для чего-то опять сходилъ, часъ тому назадъ, за нимъ въ ящикъ и, только что постлали наши постели, сунулъ его подъ подушку. Я тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать. «Мама, мама», шепталъ я вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. Я закрывалъ глаза и видѣлъ ея лицо съ дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потомъ меня, а я говорилъ ей: «стыдно, смотрятъ!» «Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостья ты моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бѣднаго мальчика, къ которому приходила? Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказалъ тебѣ, какъ люблю тебя, только чтобъ обнять тебя и поцѣловать твои глазки, сказать тебѣ, что я со-

всѣмъ тебя ужъ не стыжусь, и что я тебя и тогда любилъ, и что сердце мое ныло тогда, а я только сидѣлъ, какъ лакей. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тогда тебя любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь?» *Достоевскій.*

Справедливы ли слова Антонины Васильевны: «у этого ребенка нѣтъ сердца!»?

Радость и горе матери въ ея свиданіи съ сыномъ.

5. Мать.

Съ какою нѣжностью покоитъ на рукахъ
она свое дитя въ задумчивомъ молчаньи!...
На сомкнутыхъ губахъ лежитъ печать страданья,
и ласка тихая въ опущенныхъ глазахъ...
Съ тревогою прижавъ дитя къ груди своей,
въ его грядущее она глядитъ съ тоскою,
и хочетъ мать закрыть безпомощной рукою
свое дитя отъ слезъ, печали и скорбей...
И въ сердцѣ у нея неясная боязнь
лишиться дорогой, единственной святыни...
Вѣдь безъ него весь міръ останется пустыней,
а за него она пойдетъ на казнь... *Г. Галина.*

6. Изъ комедіи: „Недоросль“.

СЦЕНА УРОКА.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобы дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну! А тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка. Я те потѣшу. Поучусь; только, чтобъ это было послѣдній разъ, и чтобъ сегодня же быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей!...

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ.

(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель.)

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что̀ писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе, завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался.

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача. Изволилъ ты, на прикладъ, по дорогѣ итти со мною. Ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, пишетъ)*. Единожды три — три. Единожды нуль — нуль. Единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простаковъ. Вретъ онъ, другъ сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись. Всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученіе въ годъ жалуете мнѣ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, пишетъ)*. Нуль да нуль — нуль. Одинъ да одинъ... *(задумался)*.

Г-жа Простакова Не трудись попустому, другъ мой! Гроша не прибавлю: да и не за что. Наука не такая. Лишь тебѣ мученье, а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ — что считать? Деньги есть — сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ часословъ, Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. «Азъ же есмь червь...»

Митрофанъ. «Азъ же есмь червь...»

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: «азъ есмь скотъ».

Митрофанъ. «Азъ есмь скотъ».

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. «А не человѣкъ».

Митрофанъ *(такъ же)*. «А не человѣкъ».

Кутейкинъ. «Поношеніе человѣковъ».

Митрофанъ. «Поношеніе человѣковъ».

Кутейкинъ. «И уни...»

СЦЕНА ЭКЗАМЕНА.

Г-жа Простакова *(входя)*. Все ли съ тобою, Митрофанушка?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли изволилъ отдохнуть, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобы тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бы вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. *(Стародуму.)* Мы пришли, батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны.) Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ — намъ, грѣшнымъ, гдѣ бъ и умолить! — даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ, и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я узналъ, кто его учители. Вижу напередъ, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину.)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ. *(Вмѣстѣ.)*
Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы, напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь, котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна!

Стародумъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка!

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, въ тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ разсказывать себѣ исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не такъ же ли вы знаете и географію?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое! Господи Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то, онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай сгодилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это-таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда, свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Что ученье вздоръ, то неоспоримо доказалъ покойный дядя Вавила Фалелѣевичъ. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ. А какова была голо̀ушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ ка-

менны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться. Какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо дрогнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать, есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился, а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только, цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой.

Д. И. Фонвизинъ.

Тема. *Воспитаніе Митрофанушки и Гринева.* (Капит. дочка).

7. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
наѣлась жолудей досыта, до отвала;
наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
потомъ, глаза продравши, встала
и рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
ей съ дубу воронъ говоритъ:
«коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ свинья:
«ничуть меня то не тревожитъ;
въ немъ проку мало вижу я,
хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
— «Неблагодарная!» промолвилъ Дубъ ей тутъ:
«когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
тебѣ бы видно было,
что эти жолуди на мнѣ растутъ».

Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
брашитъ науки и ученье,
и всѣ ученые труды,
не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

8. Ученье Илюши.

Илюша учился въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ.

У него былъ свой сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ постоянно съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что вотъ, его и приласкать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему.

Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ; наконецъ, отвезли.

Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, если бъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлево; вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью.

Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу?

Можетъ быть, Илюша ужъ давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ: какъ батюшка его, въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ, день-деньской только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и сморкается, а матушка переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду; что родитель и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько копенъ скошено или сжато, и взыскать за упущеніе, а подай-ко ему не скоро носовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь домъ.

Можетъ быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. А какъ жили взрослые въ Обломовкѣ?

Они сносили трудъ какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ. Жизнь какъ покойная рѣка текла мимо ихъ.

А бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! Закладывай пѣгую: барчонка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю.

Не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и кренделькова, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца нежирно кормятъ.

— Тамъ не разъѣшься,— говорили обломовцы: — обѣдать-то дадутъ супу, да жаркого, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *моргенъ фри* — носъ утри.

Впрочемъ, чаще бывали такіе понедѣльники, когда Илюша не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятной новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ: стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему:

— Сегодня родительская недѣля: — не до ученья: блины будемъ печь.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? — и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома, — скажетъ она, — а тамъ — что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденьемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ — неодолимая преграда къ ученью на всю недѣлю.

Развѣ только иногда слуга, или дѣвка, которымъ достанется за барчонка проворчатъ:

— У, баловень! Скоро ли провалишься къ своему нѣмцу?

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли за Ильей Ильичемъ.

Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддеевна гостить или Кузовковы со своими дѣтьми, такъ пожалуйте домой!

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до Страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на Ѳоминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стóитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить.

Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ вырастетъ онъ въ это время! Какъ потолстѣетъ! Какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха? — говорили отецъ и мать. — Ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, — замѣтитъ отецъ, — ученье-то не свой братъ: хоть кого въ бараній рогъ свернетъ.

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома. За предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Обломовы старались, впрочемъ, придать какъ можно болѣе законности этимъ предлогамъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и особенно въ глазахъ Штольца, который не щадилъ и въ глаза, и за глаза, *доннерветтеровъ* за такое баловство.

Времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно. Пословица: *ученье свѣтъ, а неученье тьма*, бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами.

Старики понимали выгоду просвѣщенія, но только внѣшнюю его выгоду.

Они мечтали о шитомъ мундирѣ для Илюши, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать даже и губернаторомъ; но всего этого хотѣлось бы имъ достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути

просвѣщенія камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, то-есть, напримѣръ, учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобъ только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Илюша *прошелъ всѣ науки и искусства.*

Гончаровъ.

1) Далеко ли ушли Обломовы отъ Простаковыхъ и Скотининыхъ во взглядѣ на науку?

2) Что можетъ выйти изъ Илюши Обломова?

9. Бочка.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
чтобъ Бочкою его дня на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ — вещь святая!
Вотъ, еслибъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
а Бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
та Бочка для вина брана откупщикомъ,
и настоялась такъ въ два дня она виномъ,
что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
квасъ, пиво ли сварятъ, ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
то выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
но чѣмъ ту Бочку ни нальетъ,
а винный духъ все вонъ нейдетъ;
и съ Бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

Крыловъ.

10. Коля Красоткинъ.

Съ самой смерти своего мужа Анна Ѳедоровна посвятила всю себя воспитанію своего мальчика Коли, и хоть любила его безъ памяти но ужъ, конечно, перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ заболѣетъ, простудится, нашалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч. и проч

Когда же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже

Съ картины Прянишникова.

товарищей Коли, школьниковъ, и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было черезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ.

Но мальчикъ сумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно сильный», какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпріимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хотя и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и замѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и беззаконіе. И, однако, онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить, какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать «экстрафеферу», шику, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ.

Даже свою маму Коля сумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли, что мальчикъ ее «мало любитъ». Ей безпрестанно казалось, что Коля къ ней «безчувственъ», и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно — таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ только «телячьихъ нѣжностей», какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ.

Послѣ отца остался шкапъ, въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ, вмѣсто того, чтобъ итти играть, простаивалъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какой-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что, чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастѣ.

Впрочемъ, въ послѣднее время хотя мальчикъ и не любилъ въ своихъ шалостяхъ переходить извѣстной черты, но начались

шалости, испугавшія мать не на шутку, — правда, не безнравственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя.

Какъ разъ въ это лѣто, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сыномъ отправились погостить на недѣльку къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги. Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству, — всего молодого народа, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или изъ безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но, однако же, каково пролежать. Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ «маленькаго», что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ, державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхѣ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги, въ кустахъ. Наконецъ, загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи, засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. «Бѣги, бѣги, долой съ рельсовъ!» закричали Колѣ изъ кустовъ замиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскакалъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ

съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава «отчаяннаго» за нимъ укрѣпилась навѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкою, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Ѳедоровна узнала о подвигахъ сынка, то чуть не сошла съ ума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серьезно Коля далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и поклялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Красоткина, при чемъ «мужественный» Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчикъ отъ «чувствъ», и мать, и сынъ во весь тотъ день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотрясаясь. На другой день Коля проснулся попрежнему «безчувственнымъ», однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе.

Ѳ. М. Достоевскій.

11. Татьяна.

Татьяна (русская душою,
сама не зная почему)
съ ея холодною красою
любила русскую зиму,
на солнцѣ иней въ день морозный,
и сани, и зарею поздней
сіянье розовыхъ снѣговъ,
и мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
въ ихъ домѣ эти вечера:
служанки со всего двора
про барышень своихъ гадали,
и имъ сулили каждый годъ
мужьевъ военныхъ и походъ.

Татьяна вѣрила преданьямъ
простонародной старины,
и снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
и предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
таинственно ей всѣ предметы
провозглашали что-нибудь,
предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
мурлыча, лапкой рыльце мылъ:
то несомнѣнный знакъ ей былъ,
что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
младой двурогій ликъ луны
на небѣ съ лѣвой стороны,
она дрожала и блѣднѣла;
когда жъ падучая звѣзда

по небу темному летѣла
и разсыпалася, тогда
въ смятеньи Таня торопилась,
пока звѣзда еще катилась,
желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ-нибудь
ей встрѣтить чернаго монаха,
иль быстрый заяцъ средь полей
перебѣгалъ дорогу ей —
не зная, что начать со страха,
предчувствій горестныхъ полна,
ждала несчастій ужъ она...

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость...
Татьяна любопытнымъ взоромъ
на воскъ потопленный глядитъ:
онъ чудно вылитымъ узоромъ
ей что-то чудное гласитъ;
изъ блюда, полнаго водою,
выходятъ кольца чередою;
и вынулось колечко ей
подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты,
гребутъ лопатой серебро;
кому поемъ, тому добро
и слава!» Но сулитъ утраты
сей пѣсни жалостный напѣвъ;
милѣй Кошурка сердцу дѣвъ.

Морозна ночь, все небо ясно;
свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
на мѣсяцъ зеркало наводитъ;
но въ темномъ зеркалѣ одна
дрожитъ печальная луна...
Чу! снѣгъ хруститъ... прохожій...
дѣва
къ нему на цыпочкахъ летитъ
и голосокъ ея звенитъ
нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
«Какъ ваше имя?» Смотритъ онъ
и отвѣчаетъ: — Агаѳонъ.

Татьяна, по совѣту няни,
сбираясь ночью ворожить,
тихонько приказала въ банѣ
на два прибора столъ накрыть;
но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
Татьяна поясокъ шелковый
сняла, раздѣлась и въ постель
легла. Надъ нею вьется Лель,
а подъ подушкою пуховой
дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
ей снится, будто бы она
идетъ по снѣговой полянѣ,
печальной мглой окружена;
въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
шумитъ, клубитъ волной своею
кипучій, темный и сѣдой
потокъ, не скованный зимой;
двѣ жердочки, склеены льдиной,
дрожащій, гибельный мостокъ,
положены черезъ потокъ;
и предъ шумящею пучиной,
недоумѣнія полна,
остановилася она.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
не видитъ никого, кто руку
съ той стороны подалъ бы ей;
но вдругъ сугробъ зашевелился
и кто жъ изъ-подъ него явился? —

большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна — ахъ! — а онъ ревѣть,
и лапу съ острыми когтями
ей протянулъ; она, скрѣпясь,
дрожащей ручкой оперлась
и боязливыми шагами
перебралась черезъ ручей;
пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
поспѣшный ускоряетъ шагъ;
но отъ косматаго лакея
не можетъ убѣжать никакъ,
кряхтя, валитъ медвѣдь несносный;
предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
въ своей нахмуренной красѣ;
отягчены ихъ вѣтви всѣ
клоками снѣга; сквозь вершины
осинъ, березъ и липъ нагихъ
сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
дороги нѣтъ; кусты, стремнины
метелью всѣ занесены,
глубоко въ снѣгъ погружены.

Татьяна въ лѣсъ, медвѣдь за нею;
снѣгъ рыхлый по колѣно ей;
то длинный сукъ ее за шею
зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
златыя серьги вырветъ силой,
то въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
увязнетъ мокрый башмачокъ;
то выронитъ она платокъ;
поднять ей некогда; боится,
медвѣдя слышитъ за собой,
и даже трепетной рукой
одежды край поднять стыдится;
она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ
и силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
ее хватаетъ и несетъ;
она безчувственно-покорна;
не шевелится, не дохнетъ;
онъ мчитъ ее лѣсной дорогой.
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогій;
кругомъ все глушь; отвсюду онъ
пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
и ярко свѣтится окошко,
и въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
медвѣдь промолвилъ: «Здѣсь мой кумъ —
погрѣйся у него немножко!»
И въ сѣни прямо онъ идетъ
и на порогъ ее кладетъ.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
за дверью крикъ и звонъ стакана,
какъ на большихъ похоронахъ;
не видя тутъ ни капли толку,
глядитъ она тихонько въ щелку,
и что же! видитъ... за столомъ
сидятъ чудовища кругомъ;
одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
другой съ пѣтушьей головой,
здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
тутъ остовъ чопорный и гордый,
тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
полу-журавль и полу-котъ.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
вотъ черепъ на гусиной шеѣ
вертится въ красномъ колпакѣ,
вотъ мельница въ присядку пляшетъ
и крыльями трещитъ и машетъ;
лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
людская молвь и конскій топъ!

Но что подумала Татьяна,
когда узнала межъ гостей
того, кто милъ и страшенъ ей —
героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
и въ дверь украдкою глядитъ.

Онъ знакъ подастъ — и всѣ хлопочутъ;
онъ пьетъ — всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
онъ засмѣется — всѣ хохочутъ;
нахмуритъ брови — всѣ молчатъ;
онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
и, любопытная, теперь
немного растворила дверь...
вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
изъ-за стола, гремя встаетъ;
всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать —
нельзя никакъ; нетерпѣливо
метаясь, хочетъ закричать —
не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній
и взорамъ адскихъ привидѣній
явилась дѣва. Ярый смѣхъ
раздался дико; очи всѣхъ,
копыта, хоботы кривые,
хвосты хохлатые, клыки,
усы, кровавы языки,
рога и пальцы костяные, —
все указуетъ на нее,
и всѣ кричатъ: «мое! мое!»
И Таня въ ужасѣ проснулась...
глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
зари багряный лучъ играетъ...

А. С. Пушкинъ.

Тема. *Святки въ деревнѣ.*

12. Озорница Варя.

— И въ кого ты, Варька, уродилась?... — часто и на разные лады спрашивали у насъ въ домѣ. Мать спрашивала, смѣясь, отецъ съ недоумѣньемъ, бабушка съ негодованіемъ. Бабушка рѣшила просто:

— Въ материнскую породу... У насъ въ роду этакихъ озорныхъ да отчаянныхъ дѣвокъ не бывало.

Лобастая, съ большими смѣлыми сѣрыми глазами, съ непокорнымъ вихромъ бѣлокурыхъ волосъ, всегда стоявшихъ торчмя, съ бурными порывами, упорная и отчаянно смѣлая, Варька дѣйствительно была очень странна въ нашемъ чинномъ, молчаливомъ, строго дисциплинированномъ домѣ. Бабушка была не права, Варька напоминала мать только бѣлокурыми волосами да темной родинкой на шеѣ — совершенно такой же, какъ у матери; во всемъ остальномъ, высокая, сильная, она уродилась въ крутогорскую породу и, когда бывала въ гнѣвѣ, ея темныя брови сдвигались, глаза становились уже и блестѣли, — и она становилась удивительно похожа именно на бабушку.

Варька никого не боялась, — не боялась бабушки и, когда та начинала пилить ее, вступала въ горячіе споры; не боялась отца, не боялась генеральши Солтухиной и, когда ея карета проѣзжала по селу, не пряталась вмѣстѣ съ нами въ подворотню, а нарочно вертѣлась на дорогѣ и скакала на одной ногѣ и разъ даже высунула генеральшѣ языкъ, за что и получила отъ отца хорошую трепку. Но что больше всего поражало насъ, дѣтей, — Варька не боялась того, что казалось намъ страшнѣе всякихъ людей — темныхъ угловъ, покойниковъ, кладбища, всякихъ «непосѣщаемыхъ мѣстъ», гдѣ водилась нечистая сила.

— Ну, ужъ это ты врешь...—поднимался у насъ въ темный осенній вечеръ горячій споръ. — Небось, не пойдешь сейчасъ въ ригу... — Рига считалась излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ проживалъ ОНЪ.

Варька, не задумываясь, бѣжала въ ригу и приносила оттуда что-нибудь, удостовѣрявшее, что она была тамъ. Она бѣгала по ночамъ на кладбище и разъ вечеромъ во время сѣнокоса на Дальнемъ Лугу тоже на споръ выкупалась въ омутѣ подъ мельничнымъ колесомъ, гдѣ вечеромъ не рѣшался купаться ни одинъ мужикъ въ округѣ.

Послѣ одного изъ такихъ споровъ Варька неожиданно объявила намъ, что «все это врутъ», что нѣтъ ни водяного подъ мельничнымъ колесомъ, ни шишиги, который водитъ людей по лѣсамъ, что покойники мирно спятъ подъ крестами, и даже стала отрицать всѣмъ извѣстный фактъ огненнаго змѣя. Мы рѣшили, что Варька завралась, и привели многочисленныя свидѣтельства существованія оборотней и всякой чертовщины, еще населявшей въ то время наши болота и лѣса въ несмѣтномъ количествѣ.

— Такъ какъ Варька уперлась на своемъ, споръ былъ перенесенъ въ высшую инстанцію и отданъ на рѣшеніе матери.

— А дьяволъ-то, — искуситель рода человѣческаго? Видѣла, въ церкви-то на стѣнѣ какой?...

Мать уклонилась отъ обсужденія вопроса въ подробностяхъ, а только замѣтила.

— Востра ты больно, Варька, уродилась... Вотъ погоди, вырастешь, — сшибутъ тебѣ кокъ-то!.

А Варька смотрѣла исподлобья своими сѣрыми глазищами, бѣлокурый кокъ непокорно крутился на головѣ и, топая голыми ногами, она настойчиво повторяла:

— Анъ нѣтъ! Анъ нѣтъ! Анъ нѣтъ!...

Одно время Варька была въ нашей компаніи, цѣлые дни скиталась съ нами, мальчишками, по полямъ и лѣсамъ и подолгу засиживалась у Гришкинаго стада; но она начала слишкомъ

верховодить нами, что было непереносимо для нашего мужского самолюбія, — произошла серьезная драка, во время которой многимъ изъ насъ порядочно досталось. Послѣ этого Варька вышла изъ нашего общества и подобрала себѣ компанію такихъ же дѣвчонокъ, какъ она сама.

Скоро это сдѣлалась какая-то разбойничья шайка, производившая необыкновенные дебоши въ солидныхъ и степенныхъ Крутыхъ Горахъ. Вдругъ ночью на улицѣ раздавалось блеянье овецъ, мычанье телятъ, — сама Варька художественно изображала стараго барана съ охрипшимъ голосомъ, бабы выскакивали на улицу, воображая, что ворота не затворены и скотина ушла, а дѣвчонки разсыпались по закоулкамъ и съ наслажденіемъ наблюдали за поднявшейся суматохой. Повидимому, Варькѣ больше всего нравилось пугать пугливыхъ крутогорскихъ людей. Она выучила своихъ пріятельницъ держать во рту горячую лучину съ краснымъ еще углемъ; — и вотъ въ темные осенніе вечера, когда на улицѣ зги не видно, въ окнахъ какой-нибудь избы, гдѣ собирались посидѣлки, показывались страшные разинутые пламенѣющіе рты. Паника поднималась необыкновенная, какъ, должно быть, необыкновенное же получали удовольствіе разсыпавшіяся по улицамъ дѣвчонки; надо думать, Варькѣ доставляло удовольствіе все экстравагантное, нарушавшее чинную тишину крутогорской улицы. Сидятъ въ воскресенье на завалинкахъ старики въ праздничныхъ поддевкахъ, тихо идетъ степенная бесѣда, и вдругъ въ концѣ улицы показывается удивительная процессія: — восемь — десять дѣвчонокъ двигаются по селу на высокихъ ходуляхъ, — впереди, конечно, Варька съ своими босыми, никогда неотмывавшимися ногами, въ запачканномъ платьѣ, съ растрепанными волосами и торчавшимъ вверху вихромъ. За всѣ такія штуки намъ, мальчикамъ, жестоко доставалось бы, а дѣвчонкамъ какъ-то все сходило съ рукъ.

Варька знаетъ, что ждетъ ее дома послѣ какой-нибудь экстравагантной штуки, и принимаетъ свои мѣры. Она не приходитъ ужинать, гдѣ-нибудь за угломъ дождется, пока въ домѣ потушатъ огонь, и тогда, какъ кошка, взберется по стѣнѣ, откроетъ окно и потихоньку шмыгнетъ подъ одѣяло. А утромъ ея и слѣдъ простылъ; такимъ образомъ устанавливается давность, и Варька, хотя съ нѣкоторой опаской, но довольно смѣло является къ обѣду.

— Даже ни капелечки и не больно!... — потряхивая головой, говоритъ Варька, когда мы съ нѣкоторымъ злорадствомъ спрашивали ее насчетъ полученной трепки.

— Эка невидаль! На, оттаскай... — охотно подставляетъ она желающимъ свою голову.

Варька гордилась тѣмъ, что никогда въ такихъ случаяхъ не плакала, и за такую стойкость духа пользовалась среди насъ большимъ уваженіемъ.

Лѣтъ съ девяти—десяти пустили Варьку въ работу,—огородъ полоть, картошку копать, льны дергать, бѣлье полоскать, а вечеромъ пряжу прясть. Къ тому времени компанія Варьки начала разстраиваться, дѣвчонки стали подрастать и тоже были приставлены къ дѣлу. Работала Варька съ тѣмъ же азартомъ, который она вносила во всякое дѣло. И все выходило у ней какъ-то удивительно легко и ловко,—и нитка была самая тонкая, и чулки вязала быстрѣе всѣхъ.

Несмотря на всѣ штуки, которыя устраивала Варька, ее очень любили въ домѣ; повидимому, отцу, безпокоившемуся за поведеніе Варьки, въ то же время особенно нравилась ея рѣшительность и отчаянная смѣлость.

— Боецъ!—говаривалъ онъ матери про Варьку, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Въ концѣ концовъ даже бабушка, у которой особенно много непріятностей выходило съ Варькой, стала благосклонно относиться къ ней.

— Всѣмъ бы дѣвка, кабы посмирнѣе была!...

Мой авторитетъ никогда не былъ очень высокъ въ глазахъ Варьки, но все-таки, пока я учился въ духовномъ училищѣ, а она оставалась въ Крутыхъ Горахъ, я, повидимому, пользовался у нея нѣкоторымъ уваженіемъ.

Она жадно перечитывала мои учебники и тѣ рѣдкія книжонки, которыя я привозилъ съ собой изъ училища, изрѣдка спрашивала у меня объясненія того, что не понимала въ тѣхъ дубовымъ языкомъ изложенныхъ старинныхъ учебникахъ. Выходили и тутъ ссоры. Я хотѣлъ, чтобы она вѣрила мнѣ на слово, какъ мы вѣримъ своимъ учителямъ, а она требовала доказательствъ и, когда ихъ не оказывалось, бросала книгу и презрительно говорила:

— Самъ-то, видно, ничего не понимаешь...

Слѣдовала драка, но мои кулаки, повидимому, мало убѣждали ее. Тѣмъ не менѣе, когда приходило время уѣзжать въ училище, Варька дѣлалась очень добра и нѣжна со мной и провожала меня за околицу и говорила мнѣ умоляющимъ голосомъ:

— Не забудь, Степа... Привези книжекъ. Достань побо-ольше, побольше...

С. Я. Елпатьевскій.

13. Райскій въ школѣ.

Когда опекунъ привезъ его въ школу и посадили его на лавку, во время класса, кажется, первымъ бы дѣломъ новичка было вслушаться, что̀ спрашиваетъ учитель, что̀ отвѣчаютъ ученики.

А онъ прежде всего воззрился въ учителя: какой онъ, ка́къ говоритъ, ка́къ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды; потомъ сталъ изучать болтающуюся на животѣ его сердоликовую печатку, потомъ замѣтилъ, что у него большой палецъ правой руки раздвоенъ по серединѣ и представляетъ подобіе двойного орѣха.

Потомъ осмотрѣлъ каждаго ученика и замѣтилъ всѣ особенности: у одного лобъ и виски вогнуты внутрь головы, у другого мордастое лицо далеко выпятилось впередъ, тамъ вонъ у двоихъ, у одного справа, у другого слѣва, на лбу волосы растутъ вихоркомъ и т. д., всѣхъ замѣтилъ и изучилъ, ка́къ кто смотритъ.

Одинъ съ увѣренностью глядитъ на учителя, проситъ глазами спросить себя, почешетъ колѣни отъ нетерпѣнія, потомъ голову. А у другого на лицѣ то выступаетъ, то прячется краска — онъ сомнѣвается, колеблется. Третій упрямо смотритъ внизъ, пораженный боязнью, чтобъ его не спросили. Иной ковыряетъ въ носу, и ничего не слушаетъ. Тотъ долженъ быть ужасный силачъ, а этотъ черненькій — плутъ. И доску, на которой пишутъ задачи, замѣтилъ, даже мѣлъ и тряпку, которою стираютъ съ доски. Кстати тутъ же представилъ и себя, какъ онъ сидитъ, какое у него должно быть лицо, что̀ другимъ приходитъ на умъ, когда они глядятъ на него, какимъ онъ имъ представляется.

— О чемъ я говорилъ сейчасъ? вдругъ спросилъ его учитель, замѣтивъ, что онъ разсѣянно бродитъ глазами по всей комнатѣ.

Къ удивленію его, Райскій сказалъ ему отъ слова до слова, что̀ онъ говорилъ.

— Что же это значитъ?—дальше спросилъ учитель.

Райскій не зналъ: онъ такъ же машинально слушалъ, какъ и смотрѣлъ, и ловилъ ухомъ только слова.

Учитель повторилъ объясненіе. Борисъ опять слушалъ, какъ раздавались слова: иное учитель скажетъ коротко и густо, точно оборветъ, другое растянетъ, будто пропоетъ, вдругъ словъ десять просыплются, какъ орѣхи.

— Ну?—спросилъ учитель.

Райскій покраснѣлъ, даже вспотѣлъ немного отъ страха, что не знаетъ въ чемъ дѣло и молчалъ.

Это былъ учитель математики. Онъ пошелъ къ доскѣ, написалъ задачу, началъ толковать. Райскій только глядѣлъ, какъ проворно и крѣпко пишетъ онъ цифры, какъ потомъ идетъ къ нему прежде брюхо учителя съ сердоликовой печаткой, потомъ грудь съ засыпанной табакомъ манишкой. Ничего не ускользнуло отъ Райскаго, только ускользнуло рѣшеніе задачи.

Кое-какъ онъ достигъ дробей, достигъ и до четырехъ правилъ изъ алгебры, когда же дѣло дошло до уравненій, Райскій утомился напряженіемъ ума и дальше не пошелъ, оставшись совершенно равнодушнымъ къ тому, зачѣмъ и откуда извлекаютъ квадратный корень.

Учитель часто бился съ нимъ и почти всякій разъ со вздохомъ прибавлялъ:

— Садись на свое мѣсто, ты пустой малый!

Но когда на учителя находили игривыя минуты, и онъ, въ видѣ забавы, выдумывалъ, а не изъ книги говорилъ свои задачи, не прибѣгая ни къ доскѣ, ни къ грифелю, ни къ правиламъ, ни къ пинкамъ,—скорѣе всѣхъ, путемъ сверкающей въ головѣ догадки, доходилъ до результата Райскій.

У него въ головѣ было свое царство цифръ въ о́бразахъ: онѣ по-своему строились у него тамъ, какъ солдаты. Онъ придумывалъ имъ какіе-то свои знаки или физіономіи, по которымъ онѣ становились въ ряды, слагались, множились и дѣлились; всѣ фигуры ихъ рисовались то знакомыми людьми, то походили на разныхъ животныхъ.

— Ну, не пустой ли малый!—восклицалъ учитель.—Не умѣетъ сдѣлать задачи указаннымъ, слѣдовательно, облегченнымъ путемъ, а безъ правилъ наобумъ говоритъ. Глупѣе насъ съ тобой выдумывали правила!

Между тѣмъ, писать выучился Райскій быстро, читалъ со страстью исторію, эпопею, романъ, басню, выпрашивалъ, гдѣ

могъ, книги, но съ фактами, а умозрѣній не любилъ, какъ вообще всего, что увлекало его изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный.

Изъ географіи, въ порядкѣ, по книгѣ, какъ проходили въ классѣ, по климатамъ, по народамъ, никакъ и ничего онъ не могъ разсказать, особенно, когда учитель спроситъ:

— А ну-ка, перескажи всѣ горы въ Европѣ! или: — всѣ порты Средиземнаго моря.

Между тѣмъ внѣ класса начнетъ разсказывать о какой нибудь странѣ или объ океанѣ, о городѣ — откуда что берется у него! Ни въ книгѣ этого нѣтъ, ни учитель не разсказывалъ, а онъ рисуетъ картину, какъ-будто былъ тамъ, все видѣлъ самъ.

— Да ты все врешь! скажетъ иногда слушатель-скептикъ: — Василій Никитичъ этого не говорилъ!

Директоръ подслушалъ однажды, когда онъ разсказывалъ, какъ дикіе ловятъ и ѣдятъ людей, какіе у нихъ лѣса, жилища, какое оружіе, какъ они сидятъ на деревьяхъ, охотятся за звѣрями, даже началъ представлять, какъ они говорятъ горломъ.

— Пустяки молоть мастеръ, — сказалъ ему директоръ: — а на экзаменѣ не могъ разсказать системы рѣкъ! Вотъ я тебя, погоди! Ничѣмъ не хочешь серьезно заняться: пустой мальчишка!

Райскій расплакался, его прозвали «нюней». Онъ пріунылъ, три дня ходилъ мрачный, такъ что узнать нельзя было: онъ ли это? ничего не разсказывалъ товарищамъ, какъ они ни приставали къ нему.

Такъ было до воскресенья. А въ воскресенье Райскій поѣхалъ домой, нашелъ въ шкапѣ «Освобожденный Іерусалимъ» въ переводѣ Москотильникова и забылъ объ угрозѣ, и не тронулся съ дивана, наскоро пообѣдалъ, опять легъ читать до темноты. А въ понедѣльникъ утромъ унесъ книгу въ училище и тайкомъ, торопливо и съ жадностью, дочитывалъ и, дочитавши, недѣли двѣ разсказывалъ читанное то тому, то другому.

Снились ему такіе горячіе сны о далекихъ странахъ, о необыкновенныхъ людяхъ въ латахъ, и каменистыя пустыни Палестины блистали передъ нимъ своей сухой, страшной красотой: эти пески и зной, эти люди, которые умѣли жить такой крѣпкой и трудной жизнью и умирать такъ легко.

Онъ содрогался отъ желанія посидѣть на камняхъ пустыни, разрубить сарацина, томиться жаждой и умеретъ безъ нужды, для того только, чтобъ видѣли, что онъ умѣетъ умирать. Онъ не спалъ ночей, читая объ Армидѣ, какъ она увлекла рыцарей и самого Ринальда.

Онъ сжимался въ комокъ и читалъ жадно, почти не переводя духа, но внутренно разрываясь отъ волненія, и вдругъ

въ неистовствѣ бросалъ книгу и бѣгалъ, какъ потерянный, когда храбрый Ринальдъ, или въ романѣ мадамъ Коттень, Малекъ-Адель, изнывали у ногъ волшебницы.

То вдругъ случайно воображеніе унесетъ его въ другую сторону, съ какимъ-нибудь Оссіаномъ: тамъ другая жизнь, другія картины, еще величавѣе, хотя и суровѣе тѣхъ, и еще необыкновеннѣе.

И все это, не похожее на текущую жизнь около него, захватывало его въ свою чудесную сферу, отъ которой онъ отрезвлялся, какъ отъ хмеля.

Послѣ долго ходилъ онъ блѣденъ и скученъ, пока опять чужая жизнь и чужія радости не вспрыснутъ его, какъ живой водой.

По выходѣ изъ училища, дѣйствительная жизнь мало увлекала его въ свой потокъ, и своей веселой стороной, и суровой дѣятельностью. Позоветъ ли его опекунъ посмотрѣть, какъ молотятъ рожь, или какъ валяютъ сукно на фабрикѣ, какъ бѣлятъ полотна, — онъ увертывался и забирался на бельведеръ смотрѣть оттуда въ лѣсъ, или шелъ на рѣку, въ кусты, въ чащу, смотрѣлъ, какъ возятся насѣкомыя, остро глядѣлъ, куда порхнула птичка, какая она, куда сѣла, какъ почесала носикъ; — поймаетъ ежа и возится съ нимъ; — съ мальчишками удитъ рыбу цѣлый день, или слушаетъ полоумнаго старика, который живетъ въ землянкѣ у околицы, какъ онъ разсказываетъ про «Пугача», — жадно слушаетъ подробности жестокихъ мукъ, казней, и смотритъ прямо ему въ ротъ безъ зубовъ, и въ глубокія впадины потухающихъ глазъ.

По цѣлымъ часамъ, съ болѣзненнымъ любопытствомъ, слѣдитъ онъ за лепетомъ «испорченной Ѳеклушки». Дома читаетъ всякіе пустяки, или уплываетъ съ Кукомъ въ чудесныя страны.

А если нѣтъ ничего, такъ лежитъ неподвижно по цѣлымъ днямъ, но лежитъ, какъ-будто трудную работу дѣлаетъ: фантазія мчитъ его дальше Оссіана, Тасса и даже Кука — или бьетъ лихорадкой какого-нибудь встрѣчнаго ощущенія, мгновеннаго впечатлѣнія, и онъ встанетъ усталый, блѣдный, и долго не придетъ въ нормальное положеніе.

— Лѣнтяй, лежебока! — говорятъ кругомъ его.

Онъ пугался этихъ приговоровъ, плакалъ втихомолку и думалъ иногда съ отчаяніемъ, отчего онъ лѣнтяй и лежебока? — «Что я такое? что изъ меня будетъ?» думалъ онъ и слышалъ суровое: — «Учись, вонъ какъ учатся Саврасовъ, Ковригинъ, Малюевъ, Чудинъ, — первые ученики!»

Они равно хорошо учатся и изъ математики, и изъ исторіи, сочиняютъ, чертятъ, рисуютъ и языки знаютъ, и все: — счаст-

ливцы! Ихъ всѣ уважаютъ, они такъ гордо смотрятъ, такъ покойно спятъ, всегда одинаковы.

А онъ сегодня блѣденъ, молчитъ, какъ убитый, — завтра скачетъ и поетъ, Богъ знаетъ отчего.

Всего пуще пугало его и томило обидное состраданіе сторожа Сидорыча, и вмѣстѣ трогало своей простотой. Однажды онъ не выучилъ два урока сряду и завтра долженъ былъ остаться безъ обѣда, если не выучитъ ихъ къ утру, а выучить было некогда, всѣ легли спать.

Сидорычъ тихонько всталъ, вздулъ свѣчу и принесъ Райскому изъ класса книгу.

— Учи, батюшка, — сказалъ онъ, — пока они спятъ. Никто не увидитъ, а завтра будешь знать лучше ихъ; что они въ самомъ дѣлѣ обижаютъ тебя, сироту!

У Райскаго брызнули слезы и отъ этой обиды, и отъ доброты Сидорыча. Онъ взглянулъ, какъ храпятъ первые ученики, и не выучилъ урока — отъ гордости.

Зато, если задѣто его самолюбіе, затронуты нервы, тогда онъ однимъ взглядомъ въ книгу какъ-будто сниметъ фотографію съ урока, запомнитъ столбцы цифръ, отгадаетъ задачу и вдругъ блеснетъ, какъ фейерверкъ, и изумитъ весь классъ, иногда и учителя.

«Притворяется!» — думаютъ ученики. — «Какія способности у этого лѣнтяя!» подумаетъ учитель.

Искусства давались ему лучше наукъ. Правда, онъ и тутъ затѣялъ пустяки: учитель недѣли на двѣ посадилъ весь классъ рисовать зрачки, а онъ не утерпѣлъ, придѣлалъ къ зрачку носъ, и даже началъ было тушевать усы, но учитель засталъ его и, вглядѣвшись, сказалъ:

— Гдѣ ты учился?

— Нигдѣ, — былъ отвѣтъ.

— Хорошо, братъ, только видишь, что значитъ впередъ забѣгать: лобъ и носъ — хоть куда, а ухо вонъ гдѣ посадилъ, да и волосы точно мочала вышли.

Но Райскій торжествовалъ: — «хорошо, братъ: лобъ и носъ, хоть куда!» — было для него лавровымъ вѣнкомъ.

Онъ гордо ходилъ одинъ по двору, въ сознаніи, что онъ лучше всѣхъ, до тѣхъ поръ, пока на другой день публично не осрамился въ «серьёзныхъ предметахъ».

Но къ рисованью онъ пристрастился, и черезъ мѣсяцъ послѣ «зрачковъ», копировалъ кудряваго мальчика, потомъ голову Фингала.

Но чертить зрачки, носы, линіи лба, ушей и рукъ по сту разъ — ему было до смерти скучно.

Онъ рисуетъ глаза кое-какъ, но заботится лишь о томъ, чтобы въ нихъ повторились учительскія точки, чтобъ они смот-

рѣли точно живые, а не удастся, онъ броситъ все — уныло облокотится на столъ, склонитъ на локоть голову и осѣдлаетъ своего любимаго коня, фантазію, или конь осѣдлаетъ его, и мчится онъ въ пространствѣ, среди своихъ міровъ и о́бразовъ.

Упиваясь легкимъ успѣхомъ, онъ гордо ходилъ: — «Талантъ, талантъ!» звучало у него въ ушахъ. Но вскорѣ всѣ уже знали, какъ онъ рисуетъ, перестали ахать, и онъ привыкъ къ успѣху.

Въ деревнѣ онъ опять пристрастился было къ рисованію, дѣлалъ портреты съ горничныхъ, съ кучера, потомъ съ деревенскихъ мужиковъ.

Музыку онъ любилъ до опьяненія. Въ училищѣ, тупой, презираемый первыми учениками, мальчикъ Васюковъ былъ предметомъ постоянной нѣжности Райскаго.

Всѣ бывало дергаютъ за уши Васюкова: — Пошелъ прочь, дуракъ, дубина! только и слышитъ онъ. Лишь Райскій глядитъ на него съ умиленіемъ, потому только, что Васюковъ, ни къ чему невнимательный, сонный, вялый, даже у всѣми любимаго русскаго учителя не выучившій никогда ни одного урока,— каждый день послѣ обѣда бралъ свою скрипку и, положивъ на нее подбородокъ, водилъ смычкомъ, забывая школу, учителей, щелчки.

Глаза его ничего не видали передъ собой, а смотрѣли куда-то въ другое мѣсто, далеко, и тамъ онъ будто видѣлъ что-то особенное, таинственное. Глаза его становились дики, суровы, а иногда точно плакали.

Противъ него садился Райскій и съ удивленіемъ глядѣлъ на лицо Васюкова, слѣдилъ какъ, пока еще съ тупымъ взглядомъ, достаетъ онъ скрипку, вяло беретъ смычокъ, намажетъ его канифолью, потомъ сначала пальцемъ тронетъ струны, повинтитъ винты, опять тронетъ, потомъ поведетъ смычкомъ — и все еще глядитъ сонно. Но вотъ заигралъ — и проснулся, и улетѣлъ куда-то.

Васюкова нѣтъ, явился кто-то другой. Зрачки у него расширяются, глаза не мигаютъ больше, а все дѣлаются прозрачнѣе, свѣтлѣе, глубже, и смотрятъ гордо, умно, грудь дышитъ медленно и тяжело. По лицу бродитъ нѣга, счастье, кожа становится нѣжнѣе, глаза синѣютъ и льютъ лучи: — онъ сталъ прекрасенъ.

Райскій началъ мысленно глядѣть, куда глядитъ Васюковъ, и видѣть, что̀ онъ видитъ. Не стало никого вокругъ: ни учениковъ, ни скамей, ни шкаповъ. Все это закрылось, точно туманомъ.

Послѣ нѣсколькихъ звуковъ, открывалось глубокое пространство, тамъ являлся движущійся міръ, какіе-то волны, корабли, люди, лѣса, облака, — все будто плыло и неслось мимо его въ воздушномъ пространствѣ. И онъ, казалось ему,

все росъ выше, у него занимался духъ, его будто щекотали, или купался онъ.

И сонъ этотъ длился, пока длились звуки.

Вдругъ стукъ, крикъ, толчокъ какой-нибудь будилъ его, будилъ Васюкова. Звуковъ нѣтъ, міры пропали, онъ просыпался: кругомъ — ученики, скамьи, столы — и Васюковъ укладываетъ скрипку, кто-нибудь дергаетъ его ужъ за ухо; Райскій съ яростью бросается бить забіяку, а потомъ долго ходитъ задумчивый.

Нервы поютъ ему какіе-то гимны, въ немъ плещется жизнь, какъ море, и мысли, чувства, какъ волны переливаются, сталкиваются, и несутся куда-то, бросаютъ кругомъ брызги, пѣну.

Въ звукахъ этихъ онъ слышитъ что-то знакомое, носится передъ нимъ какое-то воспоминаніе, будто тѣнь женщины, которая держала его у себя на колѣняхъ.

Онъ роется въ памяти и смутно дорывается, что держала его когда-то мать, и онъ, прижавшись щекой къ ея груди, слѣдилъ, какъ она перебирала пальцами клавиши, какъ носились плачущіе или рѣзвые звуки, слышалъ, какъ билось у ней въ груди сердце.

Фигура женщины яснѣе и яснѣе оживала въ памяти, какъ-будто она вставала въ эти минуты изъ могилы и являлась точно живая.

Онъ помнитъ, какъ, послѣ музыки, она всю дрожь наслажденія сосредоточивала въ горячемъ поцѣлуѣ ему. Помнитъ, какъ она толковала ему картины: кто этотъ старикъ съ лирой, котораго, нѣмѣя, слушаетъ гордый царь, боясь пошевелиться, — кто эта женщина, которую кладутъ на плаху.

Потомъ помнитъ онъ, какъ она водила его на Волгу, какъ по цѣлымъ часамъ сидѣла, глядя вдаль, или указывала ему на гору, освѣщенную солнцемъ, на кучу темной зелени, на плывущія суда.

Онъ смотритъ, какъ она неподвижно глядѣла, какъ у нея тогда глаза были прозрачны, глубоки, хороши... «точно у Васюкова», думалъ онъ.

Стало-быть, и она видѣла въ этой зелени, въ теченіи рѣки, въ синемъ небѣ то же, что Васюковъ видитъ, когда играетъ на скрипкѣ... Какія-то горы, моря, облака... «И я вижу ихъ!»...

— Послушай, Борисъ, — рѣшился однажды серьезно поговорить съ нимъ его опекунъ, — къ чему ты готовишь себя, я давно хотѣлъ спросить тебя?

Райскій не понялъ вопроса и молчалъ.

— Тебѣ шестнадцатый годъ, — продолжалъ опекунъ, — пора о дѣлѣ подумать, а ты до сихъ поръ, какъ я вижу, еще не подумалъ, по какой части пойдешь въ университетѣ и въ службѣ. По военной трудно: у тебя небольшое состояніе, а служить ты по своей фамиліи долженъ въ гвардіи.

Райскій молчалъ и смотрѣлъ въ окно, какъ пѣтухи дерутся, какъ свинья роется въ навозѣ, какъ кошка подкрадывается къ голубю.

— Я тебѣ о дѣлѣ, а ты вонъ куда глядишь! Къ чему ты готовишься?

— Я, дядюшка, готовлюсь въ артисты.

— Что-о?

— Художникомъ быть хочу, — подтвердилъ Райскій.

Ив. Гончаровъ.

1) Соберите всѣ черты, которыя говорятъ о художественныхъ наклонностяхъ Райскаго.

2) Изложите ваши впечатлѣнія отъ музыкальной пьесы или картины.

14. Дѣтство.

(Изъ воспоминаній.)

...Какъ дымные очерки тучъ на аломъ разливѣ заката, плывутъ и плывутъ предъ мной далекія тѣни былого... И вспомнилъ я дѣтство мое, — мое одинокое дѣтство...

Я вижу себя худенькимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Темно и тупо смотритъ въ высокія окна освѣщеннаго класса зимняя петербургская ночь. Мой сосѣдъ по скамейкѣ, Ивановъ, — одинъ изъ безчисленнаго множества Ивановыхъ, разсѣянныхъ по широкому лицу земли русской, положивъ свою круглую, коротко остриженную голову на столъ, храпитъ самымъ безстѣнчивымъ образомъ, пользуясь тѣмъ, что виднѣющаяся на каѳедрѣ усатая и горбоносая фигура нашего воспитателя цѣликомъ ушла въ развернутую передъ нимъ книгу. Я тоже, съ грѣхомъ пополамъ, покончилъ съ своими уроками и безсознательно засмотрѣлся на огонекъ одной изъ лампъ, освѣщающихъ нашъ классъ. Тоска грызетъ меня, — тяжелая, упорная тоска! Что-то теперь дѣлается дома?... Что мать, сестра, няня?...

... Изъ душнаго класса стрѣлой летитъ моя дѣтская греза. Какъ птица мелькнула она надъ снѣжной пустыней Невы, на мигъ затерялась въ толпѣ, снующей на улицахъ шумныхъ, и тихо скользнула, какъ тѣнь, въ знакомый родной уголокъ.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Передо мной небольшая, уютная комната, мирно освѣщенная вечерней лампой. Накрытъ столъ. Дымясь напѣваетъ свою пѣсню неугомонный самоваръ. Старушка-няня возится за чайнымъ приборомъ, а съ боку, у стола, утонувшая въ мягкихъ креслахъ, видится мнѣ фигура моей бѣдной, больной матери. Широкій платокъ, въ который она закуталась, все-таки не спасаетъ ея отъ обычнаго пароксизма вечерней чахоточной лихорадки, страннымъ огнемъ озарившей ея большіе глаза, страдальчески смотрящіе съ худого, блѣднаго, но все еще прекраснаго лица. Зато какой жизнью, какимъ здоровьемъ дышитъ рядомъ съ ней смуглая, румяная, черноволосая головка моей сестры, заботливо наклоненная надъ полураздѣтой куклой!...

...О милыя тѣни, зачѣмъ не тамъ я, зачѣмъ я не съ вами!... Мнѣ хочется ласкъ и любви, я здѣсь одинокъ и заброшенъ; никто надъ кроваткой моей съ заботой не шепчетъ молитвы, никто моихъ темныхъ волосъ не касается нѣжной рукой!...

Отчего же другія дѣти живутъ всегда дома? Отчего я долженъ сегодня пить чай не изъ моей любимой, разрисованной китайской чашечки, а изъ противной глиняной казенной кружки? Меня здѣсь не любятъ, надо мной смѣются! Я не виноватъ, что не могу скоро бѣгать въ «казаки — разбойники» и ловко поддавать мячъ въ лапту. Я не виноватъ, что я не такъ силенъ, какъ этотъ толстый, лѣнивый Ивановъ! И вотъ, нежданно-негаданно на глаза мои набѣгаютъ неудержимыя дѣтскія слезы...

— Что съ тобой? — внезапно раздается съ каѳедры голосъ воспитателя, на минуту оторвавшагося отъ своей книги и замѣтившаго, что я что-то долго вожусь съ платкомъ: «Ты нездоровъ?»

— Нѣтъ... такъ!... — едва сдерживаясь, отвѣчаю я. Позвольте выйти напиться воды...

— Ну, ступай!

— Баба... у, баба! — язвительно и злобно шепчетъ мнѣ вслѣдъ крѣпышъ Ивановъ, раздосадованный, что я помѣшалъ ему спать. Вотъ погоди, я тебѣ покажу послѣ чая!

Но я его не слушаю. Я прохожу по коридору въ длинную, слабо освѣщенную рекреаціонную залу. О, какъ она знакома мнѣ со своими деревянными, жесткими, настоящими «казенными» скамьями, со столбами и веревками гимнастики, подымающимися въ ея дальнемъ темномъ концѣ, съ географическими картинами по стѣнамъ и золотымъ огонькомъ лампадки!... Какъ она знакома и какъ ненавистна мнѣ! Я, прислонясь лбомъ къ стеклу одного изъ ея голыхъ, длинныхъ оконъ и безсознательно наблюдая, какъ мигаютъ на улицѣ фонари, окруженные отъ мороза

радужными ореолами, и какъ смутно бѣлѣютъ черезъ дорогу высокія липы парка, занесенныя инеемъ, — я плачу, плачу горько, безпомощно, пока рѣзкій сигналъ трубы не извѣщаетъ меня, что пора «строиться» къ чаю.

...Какъ живо ты вспомнилось мнѣ, мое одинокое дѣтство!

. . . . . .

Печальное дѣтство мнѣ пало на долю:
изъ прихоти взятый чужою семьей,
по темнымъ угламъ я наплакался вволю,
и вѣдавъ всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство, лишеній
не зналъ я, — зато и любви я не зналъ.
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ,
пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной,
съ умомъ, не по-дѣтски печалью развитымъ,
и съ чуткой, болѣзненно-чуткой душой;
и стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
и стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
и дѣтскія слезы, безвинныя слезы
съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!...
Ночь... въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться —
а сны надо мной ужъ — завѣтные сны...
Чу!... Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное «здравствуй» — и чьи-то объятья
кольцомъ обвились вкругъ шеи моей...
Ты здѣсь, ты со мной, о моя дорогая,
о милая мама! Ты снова пришла...
Какіе жъ дары изъ далекаго рая
ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи, взяла ль ты съ собою
съ луговъ его — яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
изъ рѣкъ его — рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
изъ темныхъ садовъ — ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова?
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
и въ синихъ струяхъ фиміама святого

тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ.
и бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
и чистыя слезы молитвъ собираютъ,
и нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?...
Сегодня, родная, я стою награды!
Скорѣй же, скорѣй!...— И подъ тихія ласки
обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
я сладко смыкалъ утомленные глазки,
прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!...

С. Надсонъ.

15. Дурочка.

СѢМЪ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка —
хоть мала, да можно жить!
У меня — семья большая;
дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
словно роща молодая
вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...
Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
къ намъ одна напасть пришла:
наша младшая-то внучка
просто дурочка была;
вовсе здраваго понятья
не имѣла; что ни дай
ей — хоть шелковое платье —
вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!
Благородныя дѣвицы
къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
говорю: «тамъ всѣ сестрицы;
только такъ хоть посиди!»
— «Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ этакими злыми»...
И забьется на чердакъ.
Только встала — полетѣла!
Всю деревню обѣжитъ!...
Это первое ей дѣло —
все друзья вѣдь — просто, стыдъ!
Свадьба ль въ домѣ — все равно ей;
посѣтитъ ли смерть кого;
съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
ляжетъ спать — и ничего!
Мать учить начнетъ, бывало,
говоритъ, подъ часъ и бьетъ —
какъ къ стѣнѣ горохъ! нимало,
то-есть ухомъ не ведетъ.
Ну, ее за то жъ и гнали;
вѣчно съ нею воркотня;
на хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я —
и она какъ-будто чуетъ,
и ко мнѣ одной идетъ;
обойму ее, цѣлуетъ,

руки крѣпко-крѣпко жметъ;
надорветъ мое сердечко...
«Охъ, ты, бѣдная моя,
нелюбимая овечка,
сиротинка у меня!»
«Какъ у васъ хватаетъ духу
гнать бѣдняжку!» говорю;
да не слушаютъ старуху,
сколько я ихъ ни журю.
Ей одно лишь любо было —
няньчить маленькихъ дѣтей;
все имъ сказки говорила
про русалокъ да князей.
Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
дѣти такъ и разревутся,
и унять потомъ нельзя.
Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.
Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
крупъ съ собою наберетъ,
станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
журавлей къ себѣ зоветъ.
Мы видали, къ ней станицей
птица всякая летитъ,
и она вѣдь съ каждой птицей
особливо говоритъ...
Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
или разумъ ужъ такой —
всѣ мы пробовали средства,
да махнули и рукой.
И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
человѣку не итти.
Докторовъ иныхъ бы нужно —
повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
жатва, сѣвы — знаешь самъ!
Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
вздоръ разсказываетъ намъ —
что была она далеко,
въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
горы въ самыхъ небесахъ;
что у моря тамъ зеленый
вѣчно лѣсъ растетъ, что тамъ
зрѣютъ желтые лимоны
по высокимъ деревамъ;
что тамъ городъ есть великій,
гдѣ рабы со всякихъ странъ;
царь въ томъ городѣ предикій
и гонитель христіанъ;
что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
чтобъ отъ вѣры отреклись;
что ихъ кровь течетъ ручьями —
а они все не сдались;
что тамъ чудные чертоги,
разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
гдѣ все мраморные боги
лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;
вавилонская царица
тамъ какая-то жила,
и языческая жрица
сожжена огнемъ была;
да безумная невѣста...
Но всего не передать;
есть ли гдѣ такое мѣсто,
не могу тебѣ сказать...
Только видимъ — дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
только вотъ прійдетъ зима.
Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
цѣлый день между двухъ сосенъ,
по дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.
Мать журила, запирали;
да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали —

нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней
разослали по сосѣдямъ —
нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
снѣгъ въ лѣсу-то размело...
«Взглянь-ка», говорю я: «Саша» —
а сама-то вся дрожу:
«что тамъ? ужъ не Дуня ль наша?»
Такъ и есть, она!... Гляжу —
къ старой сосенкѣ прижалась,
на ручонки прилегла,
и, голубушка, казалось,
крѣпкимъ сномъ она спала...
Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
отъ души-то... Горько было,
а могилку рыть пришлось.
Послѣ все ужъ мы узнали:
къ намъ въ сосѣдство той весной
графъ съ графиней пріѣзжали
изъ чужихъ краевъ домой.
У графини, видишь, дѣтокъ
былъ всего одинъ сынокъ;
съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
такъ, пятнадцатый годокъ.
Съ нимъ-то наша и сошлася
да, какъ глупое дитя,
всякихъ толковъ набралася
про заморскіе края.
И когда графиня снова
поднялася въ свой вояжъ,
никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жъ!
Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено.
Не жилось ей, знать, на свѣтѣ..
Богъ не долго жить даетъ
юродивымъ: Божьи дѣти —
прямо въ рай Онъ ихъ беретъ,
Безъ нея же запустѣнье
стало вдругъ въ семьѣ моей;
и хотя соображенья
вовсе не было у ней,
хоть пути въ ней было мало,
и вся жизнь ея былъ бредъ,
безъ нея жъ замѣтно стало,
что души-то въ домѣ нѣтъ...

А. Майковъ.

1) Почему окружающіе считали Дуню дурочкой?
2) Объясните послѣдніе два стиха.

16. Мечтатель Яша.

Гдѣ-нибудь въ углу на дворѣ около тряпичника дѣдушки Еремѣя собирались всѣ жившіе въ домѣ ребятишки и, усѣвшись въ кружокъ, просили его:

— Дѣдушка! Разскажи сказочку!...

Дѣдушка смотрѣлъ на нихъ большими красными глазами, изъ которыхъ, не изсякая, текли по морщинамъ его лица мутныя слезы, и, крѣпко нахлобучивъ на голову старую, рыжую шапку, заводилъ нараспѣвъ дрожащимъ тонкимъ голосомъ:

«А и въ нѣкоторомъ царствіи, вотъ и въ нѣкоторомъ государствіи уродился фармазонъ-еретикъ отъ невѣдомыхъ родителей, за грѣхи сыномъ наказанныхъ Богомъ Господомъ Всевидящимъ...»

Длинная сѣдая борода дѣдушки Еремѣя вздрагивала и тряслась, когда онъ открывалъ свой черный беззубый ротъ, тряслась и голова, а по морщинамъ щекъ одна за другой все катились слезы.

«А и дерзокъ былъ сей сынъ-еретикъ: во Христа Бога не вѣровалъ, не любилъ матери Божіей, мимо церкви шелъ — не кланялся, отца матери не слушался...»

Ребятишки слушали тонкій дрожащій голосъ старика и молча смотрѣли въ его лицо.

Всѣхъ внимательнѣе слушалъ и смотрѣлъ русый Яшка, сынъ буфетчика Петрухи. Это былъ мальчикъ тощій, остроносый, съ большой головой на тонкой шеѣ. Когда онъ бѣжалъ, его голова такъ болталась отъ плеча къ плечу, точно готова была оторваться. Глаза у него были тоже большіе и какіе-то безпокойные. Они всегда пугливо скользили по всѣмъ предметамъ, точно боясь остановиться на чемъ-либо, а остановившись, странно выкатывались, таращились и придавали лицу Якова какое-то овечье выраженіе. Онъ выдѣлялся изо всей кучи бѣдныхъ ребятишекъ своимъ тонкимъ безкровнымъ лицомъ и чистой, крѣпкой одеждой. Илья сразу подружился съ нимъ, и въ первый же день знакомства Яковъ таинственнымъ голосомъ спросилъ новаго товарища:

— У васъ въ деревнѣ колдуновъ много?

— Есть, — отвѣтилъ Илья. — И колдуньи тоже есть... У насъ сосѣдъ колдунъ былъ.

— Рыжій? — шопотомъ освѣдомился Яковъ.

— Сѣдой... они всѣ сѣдые...

— Сѣдые — такъ ничего. Сѣдые — добрые... А вотъ, которые рыжіе — ухъ ты! Тѣ кровь пьютъ...

Они сидѣли въ лучшемъ, самомъ уютномъ углу двора, за кучей мусора подъ бузиной и липой. Сюда можно было попасть чрезъ узкую щель между сараемъ и домомъ; здѣсь всегда было тихо, и, кромѣ неба надъ головой да стѣны дома съ тремя окнами, изъ которыхъ два были заколочены, изъ этого уголка не видно было ничего. Онъ сталъ любимымъ мѣстомъ товарищей. На вѣткахъ липы чирикали воробьи, а на землѣ, у корней ея, сидѣли мальчики и тихо бесѣдовали обо всемъ, что занимало ихъ.

Яковъ велъ себя степенно: онъ никогда ни съ кѣмъ не дрался, даже кричалъ рѣдко. И онъ почти не игралъ, но всегда любилъ говорить о томъ, въ какія игры играютъ дѣти во дворахъ у богатыхъ людей и въ городскомъ саду. Изъ всѣхъ дѣтей на дворѣ, кромѣ Ильи, Яковъ дружился только съ семилѣтней Машкой, дочерью сапожника Перфишки. Это была чумазая дѣвчонка, тоненькая и хрупкая; ея маленькая головка,

осыпанная черными кудрями, съ утра до вечера торчала на дворѣ. Яковъ возился съ нею, какъ нянька. Она принимала его заботы о ней какъ должное, и хотя звала его Яшечка, но частенько царапала и била.

Дружба Якова съ Ильей все крѣпла, и онъ постоянно разсказывалъ товарищу какіе-то странные сны.

— Будто у меня множество денегъ, и все рубли, огромадный мѣшокъ. И вотъ я тащу его по лѣсу. Вдругъ разбойники идутъ. Съ ножами, страшные! Я — бѣжать! И вдругъ будто въ мѣшкѣ-то затрепыхалось что-то... Какъ я его брошу! А изъ него птицы разныя ф-р-р!... Чижи, синицы, щеглята — видимо-невидимо! Подхватили они меня и понесли, понесли высоко-высоко!

Онъ прерывалъ разсказъ, глаза его выкатывались, лицо принимало овечье выраженіе...

— Ну? — поощрялъ его Илья, нетерпѣливо ожидая конца.

— Такъ я совсѣмъ и улетѣлъ! — задумчиво доканчивалъ Яковъ.

— Куда?

— А... такъ ужъ... совсѣмъ!

— Эхъ ты! — разочарованно и пренебрежительно говорилъ Илья. — Ничего не помнишь!...

Въ школѣ Якова не любили и прозвали его «Бараномъ». Разсѣянный и неспособный, онъ постоянно подвергался наказаніямъ, но относился къ нимъ равнодушно. Казалось, онъ вообще плохо замѣчалъ то, что творилось вокругъ него, живя какой-то особенной жизнью и въ школѣ и дома. У него были свои думы, и онъ почти каждый день вызывалъ у Ильи удивленіе непонятными вопросами. То онъ сосредоточенно, прищуривая глаза, спрашивалъ:

— Илька? Это отчего бываетъ, — глаза у людей маленькіе, а видятъ все!... Цѣлый городъ видятъ... Вотъ всю улицу... Какъ она въ глаза убирается, большая такая?

Или, глядя въ небо, вдругъ замѣчалъ:

— Солнце-то!

— Что? — спрашивалъ Илья.

— Ишь жаритъ!...

— Ну?...

— Ничего!... Знаешь, что я думаю? Можетъ, оно мужъ, а мѣсяцъ — жена ему! Оттого и звѣзды!...

Однажды Яковъ таинственно сказалъ товарищу:

— Хочешь — я покажу тебѣ одну штуку?

— Хочу!

— Только сперва побожись, что никому не скажешь!...

— Ей-Богу не скажу!...

Тогда Яковъ, отвелъ его въ уголъ двора, къ старой липѣ. Тамъ онъ снялъ со ствола искусно прикрѣпленный къ нему кусокъ коры, и подъ нею въ деревѣ открылось большое отверстіе. Это было дупло, расширенное ножомъ и красиво убранное внутри разноцвѣтными тряпочками и бумажками, свинцомъ отъ чая, кусочками фольги. Въ глубинѣ этой дыры стоялъ маленькій, литой изъ мѣди образокъ, а передъ нимъ былъ укрѣпленъ огарокъ восковой свѣчи.

— Видалъ? — спросилъ Яковъ, снова прилаживая кусокъ коры.

— Видалъ... А это зачѣмъ?

— Часовня это!... — объяснилъ Яковъ. — Вотъ я буду по ночамъ тихонечко уходить сюда изъ горницы и зажигать свѣчку, да молиться... Ладно?

Ильѣ понравилась мысль товарища, но онъ тотчасъ же сообразилъ опасность затѣи.

— А какъ увидятъ огонь-то? Выпоретъ тогда отецъ тебя!

— Ночью — кто увидитъ? Ночью всѣ спятъ; на землѣ совсѣмъ тихо... Я — маленькій: днемъ мою молитву Богу не слышно... А ночью-то ужъ будетъ слышно!... Будетъ?

— Не знаю!... Можетъ услышитъ!... — задумчиво сказалъ Илья, глядя на большеглазое лицо товарища.

— А ты со мной будешь молиться? — спросилъ Яковъ.

— А ты о чемъ хочешь молиться? — въ то же время спросилъ Илья. И оба они улыбнулись другъ другу.

— Я о томъ, сказалъ Илья, — чтобы умнымъ быть мнѣ... и еще, чтобы у меня все было, чего захочу!... А ты?

— И я тоже...

Но подумавъ, Яковъ объяснилъ:

— Я просто такъ хотѣлъ... безо всего... Просто бы молился, и все тутъ!... А ужъ Онъ какъ хочетъ!... что дастъ... Но коли ты такъ хочешь, и я тоже такъ буду!...

— Ладно, — сказалъ Илья.

Они тутъ же уговорились начать молиться въ эту же ночь, и оба легли спать съ твердымъ намѣреніемъ проснуться среди ночи. Но не проснулись ни въ эту, ни въ слѣдующую, и проспали много ночей. А потомъ у Ильи явились новыя впечатлѣнія и совершенно уже заслонили собою часовню.

Илья и раньше уже замѣчалъ, что съ нѣкотораго времени Яковъ очень измѣнился. Онъ почти не выходилъ гулять на дворъ, а все сидѣлъ дома и даже какъ бы нарочно избѣгалъ встрѣчи съ Ильей. Сначала Илья подумалъ, что Яковъ началъ завидовать его успѣхамъ въ школѣ и, сидя дома, учитъ уроки. Но оказалось, что и учиться-то онъ сталъ еще хуже; учитель постоянно бранилъ его за разсѣянность и непониманіе самыхъ простыхъ

вещей. Ильѣ захотѣлось узнать, что такое творится съ товарищемъ? и онъ спросилъ его:

— Ты что какой сталъ? Не хочешь, что ли, дружиться со мной?

— Я? не хочу? Что ты врешь! — удивленно воскликнулъ Яковъ и вдругъ быстро заговорилъ: — Слушай, ты... иди домой... Иди, я сейчасъ тоже приду... Что я тебѣ покажу!

Онъ сорвался съ мѣста и убѣжалъ, а Илья, заинтересованный, пошелъ въ свою комнату. Яковъ скоро прибѣжалъ. Онъ заперъ за собою дверь и, подойдя къ окну, вынулъ изъ-за пазухи какую-то красную книжку.

— Иди сюда! — тихо и важно сказалъ онъ, усѣвшись на постель дяди Терентія и указывая Ильѣ мѣсто рядомъ съ собою. Потомъ онъ развернулъ книжку, положилъ ее на колѣни, согнулся надъ нею и, водя пальцемъ по сѣрой страницѣ, началъ читать:

«И вотъ... вдали храбрый рыцарь увидалъ гору... высотою до небесъ, а въ серединѣ ея желѣзную дверь. Огнемъ отваги запылало... его мужественное сердце, онъ наклонилъ копье и съ громкимъ крикомъ помчался впередъ, приш...поривъ коня, и со всей своей могучей силой ударилъ въ ворота. Тогда раздался страшный громъ... желѣзо воротъ разлетѣлось въ куски... и въ то же время изъ горы хлынуло пламя и дымъ, и раздался громовый голосъ... отъ котораго сотряслась земля и съ горы посыпались камни къ ногамъ рыцарева коня. «Ага! ты явился... дерзкій безумецъ!... Я и смерть давно ждали тебя!...» Ослѣпленный дымомъ рыцарь...»

— Кто это? — спросилъ Илья удивленно, вслушиваясь въ дрожащій отъ волненія голосъ товарища.

— А? — откликнулся Яковъ, поднявъ отъ книги блѣдное лицо.

— Кто это — рыцарь?

— Это такой... верхомъ на конѣ... съ копьемъ... Рауль Безстрашный... у него драконъ невѣсту утащилъ... Прекрасная Луиза... да — ты слушай... — нетерпѣливо крикнулъ Яковъ.

— Валяй, валяй!... Погоди — а драконъ кто?

— Змѣя съ крыльями... и съ ногами... когтищи у нея желѣзныя... Три головы... и всѣ дышатъ огнемъ — понимаешь?

— Здо-орово, — сказалъ Илья, широко открывъ глаза. — Этакъ-то онъ этому... задастъ!...

— Да ну тебя!

Плотно прижавшись другъ къ другу, мальчики съ трепетомъ любопытства и страшной, согрѣвающей душу радостью входили въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, злыя чудовища погибали подъ могучими ударами храбрыхъ рыцарей, гдѣ все

было величественно, красиво и чудесно и не было ничего похожаго на эту сѣрую, скучную жизнь. Не было маленькихъ людей, одѣтыхъ въ рваную одежду, а вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и неприступные замки изъ желѣза возвышались до небесъ.

М. Горькій.

Тема. *Мои мечты.*

17. Ангелъ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
и, тайнаго исполненъ ожиданья,
какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
и думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
пріидетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мной?
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
и мысли, дѣтскому доступныя уму,
и сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
но очи кроткія его глядѣли вдаль,
они грядущее въ душѣ моей читали,
и отражалась въ нихъ какая-то печаль...
и ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
и слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Я. П. Полонскій.

18. Отзывчивое сердце.

Дѣвочка-гимназистка сидѣла съ красными заплаканными глазами за своими уроками и часто уходила за перегородку (гдѣ лежалъ больной отецъ) и подолгу оставалась тамъ... Какъ-то разъ пришелъ я раньше обыкновеннаго. Жена больного еще не возвращалась съ базара, и я попросилъ старшую дочь сходить въ лѣчебницу за лѣкарствомъ, которое мнѣ нужно было впрыснуть старику подъ кожу, и въ ожиданіи лѣкарства присѣлъ на

Центральная библіотека Комиссіи по народному образованію въ С. Петербургѣ

диванъ къ дѣвочкѣ, только что вернувшейся изъ гимназіи и читавшей какую-то толстую книгу.

— Развѣ вамъ это задано? — спросилъ я, заглянувши на страницу открытой книги, гдѣ шло описаніе жизни сибирскихъ инородцевъ.

— Нѣтъ... — замялась дѣвочка и вся вспыхнула и торопливо закрыла книгу, а разсматривавшій старые номера «Нивы» мальчикъ лѣтъ десяти поднялъ голову и разсмѣялся.

— Это она, докторъ, въ Сибирь собирается ѣхать, народы тамъ крестить будетъ... — фыркая, говорилъ онъ мнѣ. — Теперь умна больно стала...

— И поѣду, и поѣду... — съ сердитымъ лицомъ, съ сдвинутыми бровями и дрожавшими на глазахъ слезинками упрямо твердила дѣвочка.

Очевидно, я попалъ на обычную тему, которой мальчикъ, а быть-можетъ, и взрослые дразнили дѣвочку.

— Дура, — говорилъ мальчикъ. — Развѣ дѣвчонки крестятъ, попы это...

— Самъ ты дуракъ, — огрызнулась дѣвочка. — Я только выучу ихъ, а тамъ они... Не хочу я съ тобой разговаривать, — рѣшительно закончила она.

Я послалъ мальчика зачѣмъ-то въ лѣчебницу вслѣдъ за сестрой и заговорилъ съ дѣвочкой.

— Какъ это ты, Настя, надумала?

Она взглянула на меня недовѣрчиво и подозрительно, но, должно-быть, мое лицо успокоило ее, и, конфузясь и путаясь, съ необсохшими на глазахъ слезами, заговорила:

— Въ гимназіи... Алексѣй Иванычъ географіи у насъ учитъ, разсказывалъ разъ про этихъ всѣхъ... чукчей, остяковъ и другихъ разныхъ... И не знаютъ ничего, идоламъ молятся, кровью имъ губы мажутъ... Знаете, докторъ, — оживленно и довѣрчиво заговорила она, — читала я: родится ребеночекъ — они его въ снѣгу сейчасъ же обваляютъ голенькаго. А еще станутъ хворать оспой, они больныхъ-то, умирающихъ и покинутъ, только хлѣба оставятъ, и уйдутъ, чтобы самимъ спастись. Алексѣй-то Иванычъ говорилъ, все ихъ меньше и меньше становится, умираетъ много. Я и стала думать, все и думала, и думала... Вѣдь ихъ такъ жалко... — тономъ полувопроса обратилась она ко мнѣ.

Я кивалъ головой и все смотрѣлъ на милые и кроткіе, такіе хорошіе дѣтскіе глазки.

А старая обида, очевидно, все болѣла въ сердцѣ дѣвочки, и дрогнувшимъ голосомъ, съ вновь блеснувшими слезами, жаловалась она мнѣ:

— А они все смѣются — Ѳедька съ Лизой. Я только разъ и разсказала имъ, какъ я поѣду послѣ гимназіи въ Сибирь

къ нимъ, къ чукчамъ, про Іисуса Христа разскажу, про Страсти Господни, читать выучу, чтобы книжки стали читать, какъ другіе живутъ, узнали бы... А они пошли смѣяться. И проходу не даютъ. Стану книжку про инородцевъ читать, ночью иной разъ встану Богу молиться за нихъ... Ѳедька подсмотритъ, и примутся смѣяться.

И нѣжный дѣтскій голосокъ все жаловался мнѣ, и большой бѣлый лобъ не по-дѣтски морщился и сосредоточенно думалъ.

С. Я. Елпатьевскій.

1) Составьте разсказъ о жизни Насти по окончаніи гимназіи.
2) Прочтите разсказъ Мамина-Сибиряка «Кара-Ханымъ».

19. Саша.

ОБРЫЕ люди, спокойно вы жили,
милую дочь свою нѣжно любили.
Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
смуглая Саша въ деревнѣ степной.
Всѣмъ окруживъ ея тихое дѣтство,
что̀ позволяли убогія средства,
только развить воспитаньемъ, увы!
эту головку не думали вы.
Книги ребенку — напрасная мука,
умъ деревенскій пугаетъ наука:
но сохраняется дольше въ глуши
первоначальная ясность души.
Выспится Саша, поднимется рано,
черныя косы завяжетъ у стана
и убѣжитъ, и въ просторѣ полей
сладко и вольно такъ дышится ей.
Та ли, другая предъ нею дорожка —
смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;
да и чего побоится она?...
все такъ спокойно; кругомъ тишина,

сосны вершинами машутъ привѣтно,
кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно,
волны подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
«Путникъ усталый! бросайся скорѣй
въ наши объятья: мы добры и рады
дать тебѣ, сколько ты хочешь, прохлады».
Полемъ идешь — все цвѣты да цвѣты,
въ небо глядишь — съ голубой высоты
солнце смѣется... Ликуетъ природа!
Всюду приволье, покой и свобода;
только у мельницы злится рѣка:
нѣтъ ей простора... неволя горька!
Бѣдная! какъ она вырваться хочетъ!
брыжжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ,
но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей»,
думаетъ Саша — «безумно роптанье».
Жизни кругомъ разлитой ликованье
Сашѣ порукой, что милостивъ Богъ...
Саша не знаетъ сомнѣнья, тревогъ.
Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
землю взрывая, бредутъ поселяне —
Саша въ нихъ видитъ довольныхъ судьбой,
мирныхъ хранителей жизни простой:
знаетъ она, что не даромъ съ любовью
землю польютъ они пóтомъ и кровью...
Весело видѣть семью поселянъ,
въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!
Дорого-любо, кормилица-нива,
видѣть, какъ ты колосишься красиво,
какъ ты янтарнымъ зерномъ налита,
гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
легкая дружно спорится работа;
вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
словно кричитъ: «поскорѣй, поскорѣй!»
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
вѣрно, весь день тому весело будетъ!
Саша проснется — бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ — ни свѣтло, ни темно;
только что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали

лошади, овцы!... Парнымъ молокомъ
въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
за нагруженной снопами телѣгой,
чинно идетъ жеребеночекъ пѣгій,
паръ изъ отворенной риги валитъ,
кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.
А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
да высоко молотила взлетаютъ,
не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло — начинается день.
Саша сбирала цвѣты полевые,
съ дѣтства любимые, сердцу родные,
каждую травку сосѣднихъ полей
знала по имени. Нравилось ей
въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.
Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
«Гдѣ же ты, Саша? простынетъ обѣдъ,
«Сашенька! Саша!...» Съ желтѣющей нивы
слышатся пѣсни простой переливы;
вотъ раздалося «ау!» вдалекѣ;
вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣнкѣ
черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забѣжала, плутовка!»
Сашу поймаютъ, и весело имъ
свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...
Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. По утру въ салазки
Саша садилась, летѣла стрѣлой,
полная счастья, съ горы ледяной.
Нянька кричитъ: «не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,
весело мчится. На полномъ бѣгу
на бокъ салазки — и Саша въ снѣгу!
Выбьются косы, растреплется шубка —
снѣгъ отряхаетъ, смѣется голубка!
Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
любитъ она ея смѣхъ молодой...
Сашѣ случалось знавать и печали:
плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали
ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
красные грозды калины глядѣли,
тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
по-низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились —
лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ,
въ темную нору забилась лисица,
машетъ крыломъ осторожнѣе птица,
въ недоумѣньи тащатъ муравьи
что̀ ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
словно подкошенъ осинникъ валился,
съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,
старую сосну сперва подрубали,
послѣ арканомъ ее нагибали
и, поваливши, плясали на ней,
чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
стономъ стонали верхушки осинъ,
изъ перерубленной старой березы
градомъ лилися прощальныя слезы
и пропадали одна за другой
данью послѣдней на почвѣ родной...
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
и надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
остановилась, кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
сучья ломались, скрипѣли, трещали,
жалобно листья шумѣли кругомъ...
Такъ послѣ битвы во мракѣ ночномъ
раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ...
вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ —
праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

низко летали, вились колесомъ
совы, шарахаясь о̀ земь крыломъ;
звонко кукушка вдали куковала,
да, какъ безумная, галка кричала,
шумно летая надъ лѣсомъ... но ей
не отыскать неразумныхъ дѣтей!
Съ дерева комомъ галчата упали,
желтые рты широко разѣвали...
Утромъ работа опять закипѣла.
Саша туда и ходить не хотѣла,
да черезъ мѣсяцъ — пришла. Передъ ней
взрытыя глыбы и тысячи пней;
только, уныло повиснувъ вѣтвями,
старыя сосны стояли мѣстами;
такъ на селѣ остаются одни
старые люди въ рабочіе дни.

Н. А. Некрасовъ.

20. Бѣжинъ лугъ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное мирно всплыветъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, топкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островкамъ, разбросаннымъ по безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо; они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ: нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ, кой-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: — то сѣется едва за-

мѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіяніе стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены; свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «паритъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягдташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ, еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился, наконецъ, вернуться къ себѣ домой. Быстрыми шагами прошелъ я длинную «площадь» кустовъ, взобрался на холмъ и, вмѣсто ожиданной знакомой равнины съ дубовымъ лѣскомъ направо и низенькой бѣлой церковью въ отдаленіи, увидалъ совершенно другія, мнѣ неизвѣстныя мѣста. У ногъ моихъ тянулась узкая долина; прямо, напротивъ, крутой стѣной возвышался частый осинникъ. Я остановился въ недоумѣніи, оглянулся... «Эге!» подумалъ я: «да это я совсѣмъ не туда попалъ: я слишкомъ забралъ вправо», и, самъ дивясь своей ошибкѣ, проворно спустился съ холма. Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ; густая, высокая трава на днѣ долины, вся мокрая, бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то жутко. Я поскорѣй выкарабкался на другую сторону и пошелъ, забирая влѣво, вдоль осинника. Летучія мыши ужъ носились надъ его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясномъ небѣ; рѣзво и прямо пролетѣлъ въ вышинѣ запоздалый ястребокъ, спѣша въ свое гнѣздо. «Вотъ какъ только я выйду на тотъ уголъ», думалъ я про себя: «тутъ сейчасъ и будетъ дорога; — а съ версту крюку я далъ!»

Я добрался, наконецъ, до угла лѣса, но тамъ не было никакой дороги: какіе-то некошенные, низкіе кусты широко разстилались передо мною, а за ними, далеко, далеко, виднѣлось

пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?... Да гдѣ же я?» Я сталъ припоминать, какъ и куда ходилъ въ теченіе дня... «Э! да это Парахинскіе кусты!» воскликнулъ я, наконецъ: «точно! вонъ это, должно быть, Синдѣевская роща... Да какъ же это я сюда зашелъ? Такъ далеко?... Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошелъ вправо, черезъ кусты. Между тѣмъ ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча: казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало, — одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть, — но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. «Да гдѣ же это я?» повторилъ я опять вслухъ, остановился въ третій разъ и вопросительно посмотрѣлъ на свою англійскую желто-пѣгую собаку, Діанку, рѣшительно умнѣйшую изъ всѣхъ четвероногихъ тварей. Но умнѣйшая изъ четвероногихъ тварей только повиляла хвостикомъ, уныло моргнула усталыми глазами и не подала мнѣ никакого дѣльнаго совѣта. Мнѣ стало совѣстно передъ ней, и я отчаянно устремился впередъ, словно вдругъ догадался, куда слѣдовало итти, обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней, — казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія, — и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ нею небо, что сердце у меня сжалось. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой: но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ,— наудалую... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отроду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля безконечно тянулись

за полями, кусты словно вставали вдругъ изъ земли предъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узналъ, наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славился въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости. Я рѣшился подойти къ огонькамъ и, въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ, но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней: два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это, просто, были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ — большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ на самыхъ бойкихъ клячонкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ, болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, задравши хвостъ и безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій косматъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ-будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника и разомъ исчезнетъ; — острыя длинныя тѣни, врываясь на мгновеніе, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта суживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что̀ дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ — запахъ русской лѣтней ночи. Кругомъ не слышалось почти никакого шума... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства: сперва рычали, а потомъ слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя.)

Первому, старшему изъ всѣхъ, Ѳедѣ, вы дали бы лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми, бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами и постоянной, полувеселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтой каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ

висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовскіе. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное, рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее. Малый былъ неказистый, — что и говорить! — а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое; оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились, — онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то и дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ. Все лицо его было невелико, худо, въ веснушкахъ, книзу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, — на его языкѣ по крайней мѣрѣ, — не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Итакъ, я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней; въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Илюша сидѣлъ рядомъ съ Костей и все такъ же напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ и о семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Илюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что жъ ты, такъ и видѣлъ домового?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, — отвѣчалъ Илюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица: — а слышалъ.. Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? — спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ[1]).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какъ же, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ[2]).

— Вишь ты — фабричные!...

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что̀ съ Красныхъ Холмовъ, да съ Ивашкой Сухоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять — какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то-есть не то, чтобы этакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ: что̀, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите. Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, что̀, молъ, ребята, ну какъ домовой придетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдѣй-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то[3]) спущены. Дивимся мы: кто это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако колесо повертѣлось, повертѣлось да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и этакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ, — дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма[4]) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этакъ по воздуху, словно кто ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери подошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца ка-

[1]) „Рольней“ или „черпальней“ на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плотины, подъ колесомъ.

[2]) „Лисовщики“ гладятъ, скоблятъ бумагу.

[3]) „Дворцомъ“ называется мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

[4]) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

кая, да зычно такъ... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору!

— Вишь какъ! — промолвилъ Павелъ. — Чего жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю; можетъ, отъ сырости.

Всѣ помолчали.

— А что̀, — спросилъ Ѳедя: — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры... Вишь, плеснула, — прибавилъ онъ, повернувъ лицо въ направленіи рѣки: — должно-быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что̀, братцы, разскажу, — заговорилъ Костя тонкимъ голосомъ: — послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, — съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ, пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ: кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ: а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтилъ мѣсяцъ, — все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврила было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается... Ахъ, ты этакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волосы у ней зеленые, что̀ твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты,

лѣсное зелье, плачешь?» А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ», говоритъ: «человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи, до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней!» Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выйти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! — проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанія: — да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить, — онъ же ея не послушался?

— Да вотъ, поди ты! — сказалъ Костя. — И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? — продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?... А знать, онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватилъ Илюша. — Какъ же! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, — замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Костя: — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно — рѣка близко.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, — и какъ-будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ-будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила! — шепнулъ Илья.

— Эхъ, вы, вороны! — крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — началъ Илюша: — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? — спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое

мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое! Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все козюли[1]) водятся.

— Ну что такое случилось? сказывай...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ-быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ... Вотъ, на-дняхъ, зоветъ приказчикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ, на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмеленъ. А ночь; и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его, — что̀ ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ — ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, храпитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, молъ, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, — говоритъ: «бяша, бяша!» А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша»...

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка!...» Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? — спросили мальчики.

---

[1]) По Орловскому змѣи.

— Ничего, — отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь: — такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, — прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... «Что за славный мальчикъ!» думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? — спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, — отвѣчалъ Павелъ: — да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Илюшка, страхи разсказывалъ, — заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? .. Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Что, молъ, батюшка, Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?...

— Онъ его спросилъ? — перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо: разрывъ-травы. — А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы? — Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ: вонъ хочется, вонъ...

— Вишь какой! — замѣтилъ Ѳедя: — мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! — промолвилъ Костя: — я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, — съ увѣренностью подхватилъ Илюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья. — Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью

сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видѣла она кого-нибудь? — съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какъ же. Перво-на-перво, она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ-будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашонкѣ. Она приглянулась — Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ...

— Тотъ, что умеръ весной? — перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ... А узнала его Ульяна... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросилъ Ѳедя.

— Ей Богу, сама.

— Ну что жъ, вѣдь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись бѣлый голубокъ, — налетѣлъ прямо въ это отраженіе, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать, отъ дому отбился, — замѣтилъ Павелъ. — Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что, Павлуша, — промолвилъ Костя: — не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ-быть, — проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Ѳедя: — что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное?

— Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусилъ, что на поди. А на дворовой избѣ баба-стряпуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи:

«кому теперь ѣсть», говоритъ: «наступило свѣтопреставленіе». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку увидятъ.

— Какого это Тришку? — спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? — съ жаромъ подхватилъ Илюша: — ну, братъ, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ, такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадятъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда да и поминай, какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіянскій... ну а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, — продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ: — такой. Вотъ его-то и ожидали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что̀ будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!» да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла; благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дороѳеичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: «авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣетъ». Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заспувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось

до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ-будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе...

Костя вздрогнулъ... «Что это?»

— Это цапля кричитъ, — спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, — повторилъ Костя. — А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ-быть, знаешь...

— Что ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью[1]) выходитъ, — тамъ, вѣдь, есть бучило; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ, пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима-лѣсника утопили воры, — замѣтилъ Павлуша: — такъ, можетъ-быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, — возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза. — Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махонькія, — продолжалъ Павелъ, — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой.) Экъ ее! — невольно произнесъ Костя: — словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, — подхватилъ Илюша: — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? — насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть: но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

---

[1]) Сугибель — крутой поворотъ въ оврагѣ.

— Видѣлъ. Говоритъ, такой стоитъ большой, большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты! — воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами: — пфу!

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? — замѣтилъ Павелъ: — право!

— Не бранись: смотри, услышитъ, — замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани: — гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачекъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и нескоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорилъ Федя, — что твоя сестра, Анютка, здорова?

— Здорова, — отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?...

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю. Павелъ всталъ и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? — спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть, водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! — крикнулъ ему вслѣдъ Илюша.

— Отчего ему упасть? — сказалъ Ѳедя: — онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ?... Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, — прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда ли,—спросилъ Костя,—что Акулина-дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ... Какова теперь! Но а говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее, тамъ у себя на днѣ, и испортилъ.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ, какъ уголь, лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что̀ бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ.)

— А говорятъ, — продолжалъ Костя, — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Оттого самаго.

— А помнишь Васю? — печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? — спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что̀ утонулъ,— отвѣчалъ Костя,— въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто наземь и станетъ его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ!» И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,— глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по̀ водѣ плыветъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: — придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ: ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ, — вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится...

— А вотъ Павлуша идетъ, — молвилъ Ѳедя

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что̀ ребята, — началъ онъ, помолчавъ: — неладно дѣло.

— А что? — торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что̀ ты, что̀ ты? — пролепеталъ Костя.

— Ей Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-

подъ воды: «Павлуша, а Павлуша, подь сюда». Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павелъ, — прибавилъ Ѳедя... — А мы только что о немъ, о Васѣ-то, говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, — съ разстановкой проговорилъ Илюша.

— Ну, ничего, пущай! — произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что̀ это? — спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался.

— Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза.

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ; я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все такъ же великолѣпна, какъ и прежде... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, предразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, въ немъ снова какъ-будто разливалась сырость... Не долги лѣтнія ночи!... Разговоръ мальчиковъ угасъ вмѣстѣ съ огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы... Слабое забытье напало на меня; оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса̀, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно

всталъ и пошелъ съ мальчикомъ. Они всѣ спали, какъ убитые, вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана — полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодого, горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

Выясните по этому разсказу вліяніе природы на происхожденіе народныхъ суевѣрій.

Ив. Тургеневъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Чичиковъ.

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные, Богъ вѣдаетъ... Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка его уха скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо; и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошаденка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сорóки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму,

которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая горбуномъ и самимъ барономъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался на дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ, дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе.

«Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдетъ въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, то водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія глубоко заронились ему въ душу.

Павлуша же съ другого дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей въ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностью; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны, стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воску снѣгиря, выкрасилъ

его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени пустился въ другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить — признакъ подступающаго голода, онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи будто невзначай уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только зашевелиться или какънибудь пенарокомъ мигнуть бровью, чтобы попасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорилъ онъ: я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія — все это вздоръ», говаривалъ онъ: «я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, тому я нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, не любившій Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучшей пей, да дѣло разумѣй», и всегда разсказывавшій съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, была такая тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, то онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпре-

станно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ея не много. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишко съ ничтожною землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить, наконецъ и пить ему уже было не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленой, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши о жалкомъ его поведеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ!...»

2. Чичиковъ у Плюшкина.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, Чичиковъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ. Зеленая плѣсень уже покрывала ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо, ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего незамѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома... Только одни главныя ворота были рас-

творены, и то потому, что выѣхалъ мужикъ съ нагруженою телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура, баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой баба!» подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: «Ой нѣтъ! Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ пристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказалъ онъ, выходя изъ брички: — что баринъ?...

— Нѣтъ дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты, — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, изъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ-будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и рядомъ съ нимъ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ прислоненный бокомъ къ стѣнѣ шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровой мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ, позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ

съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тонепькими бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писаная маслянымп красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно; ибо пыли на ней было въ такомъ изобилiи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшiй на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижнею частью щекп походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженiе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ сказать ему Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ, баринъ? у себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказалъ ключникъ. — Эхва! А вѣдь хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаетъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью. Заглянулъ бы кто-нибудь на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь этимъ, онъ хо-

дилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему — старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, ужъ рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужичокъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ поднималъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ; былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ торопливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ тоже жила его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться,

да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро въ деревянной церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Въ домѣ стало еще пустѣй. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ за это то, что называется въ простонародіи,— шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того въ немъ не были глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ-будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи въ нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ суконамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко

или сургучикъ. А между тѣмъ, въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ была обложена всякая баба, столько же поставокъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ. Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было, что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: — Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ: — да признаться ска-

зать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась, — начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

«Вонъ оно какъ!» подумалъ про себя Чичиковъ: «хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока».

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ, — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!

— Мнѣ однако же сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ: — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ; видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ — тысяча душъ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! и много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать, сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ: — да ихъ-то, что съ того времени, до ста двадцати наберется.

— Вправду? цѣлыхъ сто двадцать? — воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!— сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, неприлично безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь, — сказалъ Плюшкинъ. — Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ — родственникъ. «Дядюшка, дядюшка!» и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на-смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ де-

нежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ.

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подать за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: — Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: — служилъ по статской.

— По статской? — повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ-будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, святители вы мои!... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ, и свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь за нихъ платить подать? и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые, и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. — Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь, — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь! подумалъ про себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ. При всемъ томъ онъ однакожъ не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй! Прошка!» Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами; наконецъ, дверь отворилась и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то увидѣлъ бы, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ, посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — вмигъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ, — слышишь? да вотъ возьми ключъ да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую: не то я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть.

— Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ-быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что недурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списки всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать и точно, взявши ключи, приблизился къ шкапу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ:

— Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ. — Мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ, и теперь вотъ чистенькая; я вамъ налью рюмочку. — Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! — сказалъ Плюшкинъ. — Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь, онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ: «дайте чего-нибудь поѣсть». А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчевалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь, всѣхъ было

сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?... а домъ-то какъ оставить? вѣдь у меня народъ — или воръ, или мошенникъ; въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Вѣдь мои знакомые померли или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю — вскричалъ онъ. — Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!... Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— Конечно, къ нему.

— Какъ же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказалъ онъ, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные. — Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: «Мавра! а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, и между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, достанетъ себѣ бумагу. Не видалъ онъ вашего лоскутка.

— Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ.

— А я скажу: «Не за что! Ей Богу, не за что: не брала я...» Да вотъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидалъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:

— Ну, что жъ ты расходилась такъ? экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватила сальную свѣчу; сало — дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресло и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку; но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя, всунулъ перо въ чернильницу съ какой-то заплѣснѣвшей жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бъ показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ, но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости!

Прослѣдить постепенное развитіе скупости въ Плюшкинѣ.

Н. В. Гоголь.

3. Скупой и курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать
(Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь), такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупого.
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),
Котора яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

И. А. Крыловъ.

4. Чичиковъ у Пѣтуха.

Коляска Чичикова стала спускаться. Открылись луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ, и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо кусты лозъ, тонкія ольхи, серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать

картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ и дальше не случится.

Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ ель. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь.

Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро — водная равнина версты четыре въ поперечникѣ.

На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня... Крики раздавались въ водѣ.

Человѣкъ двадцать по поясъ, по плечи и по горло въ водѣ тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Вмѣстѣ съ рыбой запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точно арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: «Телепень Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой! Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!»

Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ пузыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ, — сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? — закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузъ и продолжая раскланиваться съ коляски.

— Ну, благодарите же Бога!

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Козьма, ступай, помоги!

Двое изъ рыбаковъ приподняли изъ лоханки голову какого-то чудовища. «Вона какой князь! изъ рѣки зашелъ!» кричалъ круглый баринъ. «Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, Телепень Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ!»

Длинноногій Ѳома Большой, какъ былъ въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впереди коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшены были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

«Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ», думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь, — раздался голосъ сбоку.

Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него.

Боксмъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса:

— Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Козьма да Денисъ!

Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно накрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства,— сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, — отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Не знакомъ, — сказалъ онъ съ изумленіемъ.

— Какъ же это?... Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь! Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ, Петръ Петровичъ! — подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. «Какъ же?» оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули рты и выпу-

чили глаза: одинъ — сидя на козлахъ, другой — стоя у дверецъ коляски. «Какъ же вы, дураки? вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву, а вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...»

— Ребята сдѣлали отлично! Ступайте на кухню; тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ[1]) водки, — сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. — Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка... — говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, — сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники. Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною.

Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей.

— А что? — спросилъ онъ: — въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено, — сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: — заложено.

«Плохо», подумалъ Чичиковъ. «Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться».

— Напрасно, однакоже, — сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованія: — поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ: какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь; дай-ка, еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенія столичнаго.

«Дуракъ, дуракъ!» думалъ Чичиковъ: «промотаетъ все да и дѣтей сдѣлаетъ мотами. Имѣньице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо, и имъ недурно. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ!»

— А вѣдь я знаю, что вы думаете? — сказалъ Пѣтухъ.

— Что? — спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій.

— Батюшка, Платонъ Михайлычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

---

[1]) Чапоруха — чарка.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

— Гдѣ, гдѣ? — закричалъ Пѣтухъ, подступивъ къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ? — спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ, — сказалъ самъ Пѣтухъ.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? — спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ: — Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, если бъ вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи! карпищи какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать, помилуйте? — сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать? Оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься — вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда, не успѣешь всхрапнуть — опять поваръ, нужно заказывать ужинъ... Когда же скучать?

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, — добавилъ хозяинъ. — Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобъ поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло.

Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только — для поощренія.

Барынъ былъ вовсе не охотникъ браниться: онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не можетъ обойтись.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ — подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ ни птица не могутъ жить на свѣтѣ».

У кого два — подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три — онъ ему: «Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него тоже была поговорка, на пять — опять.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть не двѣнадцать ломтей и думалъ: «Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ». Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, — сказалъ хозяинъ: — ухаживалъ, какъ за сыномъ.

— Не могу, — сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте, да потомъ скажите: не могу.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ — дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

«Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!» думалъ Чичиковъ...

Послѣ обѣда въ силу, въ силу перетащились они на балконъ въ силу помѣстились въ креслахъ.

Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать черезъ открытый ротъ и носовые продухи такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точно собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ притти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ, не правда ли?...

Вечеромъ хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли.

Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись передъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ — катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по неподвижной зеркальной поверхности.

Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, начиналъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьинаго горла начальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь.

Самъ Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: «Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще большая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударяли весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей.

Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенія къ ухѣ.

Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской и бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень.

Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось.

Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. «Эхъ, право! заведу когда-нибудь деревеньку!» думалъ онъ.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой, — «Барабанъ!» сказалъ онъ. «Никакой городничій не взойдетъ!»

Надобно же было случиться такому стеченію обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина! Стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопрѣть

хорошенько». А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: «Слушаю-съ. Можно-съ».

— Да кулебяку сдѣлай на четыре угла, — говорилъ онъ съ присасываніемъ.

— Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да вязиги, въ другой — гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого-нибудь тамъ того...

— Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ.

— Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ растого — не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту, какъ снѣгъ какой, такъ, чтобы и не услышалъ! — Говоря это, Пѣтухъ присмакивалъ и подшлепывалъ губами.

«Чортъ побери! не дастъ спать», думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно...

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сняточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакого, знаешь, того растого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!» Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

Гоголь.

5. Василій Ивановичъ.

Василій Ивановичъ родился въ Казанской губерніи, въ деревнѣ Мордасахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ*)и мирно развился подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно расти. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя прутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей, и постегивая весьма порядочно пристяжныхъ, когда онѣ недостаточно закидывали головы на сторону. Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками, но главное основаніе его воспитанія заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, смашивалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

*) Восемнадцатаго вѣка.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Ѳедотовичъ, окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досуги. Торговалъ онъ, правда, себѣ и карлу, но карла пришелся слишкомъ дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спинѣ, съ рогами, хвостами и прочими смѣшными украшеніями. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день, а когда Иванъ Ѳедотовичъ ложился почивать, старуха должна была ему разсказывать сказки, оборванные казачки щекотали ему легонько пятки и отгоняли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Аникимовна, имѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала кого поучить и кому водки поднести, присутствовала при молотьбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, надсматривала ткацкую. Само собой разумѣется, что кругомъ ея образовалась цѣлая куча разностепенной дворни, приживалокъ, наушницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыя, какъ водится, цѣловали у Василія Ивановича ручку, кормили его тайкомъ медомъ, поили бражкой и угождали ему всячески въ ожиданіи будущихъ благъ.

Василій Ивановичъ былъ и безъ того пухлый ребенокъ, рѣдко вымытый, никогда нечесаный, жадный, своевольный, безъ присмотра и наблюденія. Онъ росъ себѣ по однимъ простымъ законамъ природы, какъ растетъ капуста или горохъ. Никто не заботился о его нравственномъ направленіи, о его умственномъ и душевномъ развитіи. Никто не объяснялъ ему прекрасныхъ символовъ вѣры, никто не говорилъ ему, что одного наружнаго благочестія недостаточно и что каждый человѣкъ долженъ созидать невидимый храмъ въ душѣ своей, долженъ прославлять Всевышняго не одними словами, а чувствами и жизнью.

На одиннадцатомъ году Василій Ивановичъ началъ курсъ своего ученія подъ руководствомъ приходскаго дьячка и складывалъ съ большимъ отвращеніемъ года два сряду всякому памятныя буки-азъ ба, вѣди-азъ ва. Послѣ чего онъ началъ и писать, но о каллиграфіи и правописаніи не было упомянуто вовсе, такъ что и понынѣ Василій Ивановичъ такія иногда мудреныя чертитъ кавыки, такія иногда подъ перомъ его рождаются дикія слова, что глазамъ не вѣрится. Потомъ учили его катехизису по вопросамъ и отвѣтамъ и ариѳметикѣ по тому же

Съ картины Маковскаго.

Съ картины Маковскаго.

способу. Но тутъ всѣ усилія остались, кажется, тщетны, потому что наука ему рѣшительно не давалась. Впрочемъ, къ совершенному оправданію его родителей, надо сказать, что они взяли для воспитанія сына и домашняго учителя. Учитель былъ малороссіянинъ, кажется, отставной унтеръ-офицеръ, именемъ Вухтичъ. Получалъ онъ жалованья шестьдесятъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да изношенное платье съ барскаго плеча и нѣчто изъ обуви. Кромѣ того, такъ какъ платья было немного, потому-то Иванъ Ѳедотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ кормѣ. Василій Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю: ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразнилъ его языкомъ и нерѣдко швырялъ ему книгой прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выйдетъ, бывало, наконецъ, изъ терпѣнія и схватится за линейку, Василій Ивановичъ кувыркомъ побѣжитъ жаловаться тятенькѣ, что учитель его такой-сякой, бьетъ де его палкой и бранитъ. Тятенька спьяна раскричится на Вухтича: «Ахъ, ты, сѣдой такой песъ! Я тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри, по шеямъ велю выпроводить. Не давать коровѣ его сѣна...» А кумушки и приживалки окружатъ Василія Ивановича и начнутъ его утѣшать... «Ненаглядное ты наше красное солнышко; свѣтъ нашъ, радость, баринъ вы нашъ, позвольте ручку поцѣловать... Не слушайтесь, ягода, золотой вы нашъ, хохла поганаго. Онъ мужикъ, нашъ братъ... Гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...»

«Что жъ, въ самомъ дѣлѣ» — думалъ Вухтичъ — «не ходить же по міру»... Заключеніемъ всего этого было то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ десятины земли, и воспитаніе Василія Ивановича было окончено.

Когда Василію Ивановичу наступилъ шестнадцатый годъ, онъ отправился въ Казань на службу... Тогда недавно только образовались новые штаты по указу о губернскихъ учрежденіяхъ. Василій Ивановичъ служилъ нѣсколько времени въ канцеляріи намѣстника, но, какъ еще понынѣ говорится въ губерніяхъ, для одной только pour le proforme. Въ самомъ дѣлѣ, не оставаться же столбовому дворянину, хоть и безграмотному, недорослемъ. Къ военной службѣ Василій Ивановичъ имѣлъ мало наклонности, тогда какъ совершенная праздность вполнѣ согласовалась съ его способностями и привычками. Въ то же время вкусилъ онъ удовольствія свѣтской жизни и сталъ удивительно отличаться на балахъ. Никто ловче его не прохаживался въ матрадурѣ, монимаскѣ, курантѣ или Данилѣ Куперѣ. Иногда, въ небольшомъ кругу, отхватывалъ онъ по просьбѣ дамъ и казачка, что всегда сопровождалось громкими изъявленіями удо-

вольствія. Подобный случай рѣшилъ даже участь его навсегда. Какъ-то, на именинахъ у прокурора, просили его пройти любимый обществомъ танецъ вмѣстѣ съ молодой дочерью отставного секундъ-маіора Крючкина. Дѣвушка долго жеманилась, но, какъ водится, по долгимъ убѣжденіямъ, согласилась. Скромно опустивъ очи, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, она такъ мило подбоченилась, такъ легко начала подпрыгивать и влѣво и вправо, что сердце Василія Ивановича вздрогнуло, и ноги едва не отказались. Но вдругъ онъ оправился, и съ такимъ неистовымъ вдохновеніемъ пустился въ присядку, такія началъ выдѣлывать ногами штуки, что комната потряслась отъ рукоплесканій, и нѣкоторые подгулявшіе собесѣдники начали даже притопывать и припѣвать, улыбаясь другъ передъ другомъ.

Случай вдругъ перемѣнилъ жизнь Василія Ивановича. Однажды получилъ онъ странное письмо церковнаго слога и почерка. Письмо было отъ сельскаго священника и увѣдомляло Василія Ивановича, что Иванъ Ѳедотовичъ при смерти боленъ. Василій Ивановичъ въ ту же минуту послалъ за лошадьми и поскакалъ въ Мордасы. Жалкую перемѣну, печальную картину нашелъ онъ въ отцовскомъ жилищѣ. Приживалки и кумушки ревѣли по разнымъ комнатамъ. Дураки вдругъ сдѣлались разумными и сбросили уродливые наряды. Умирающій лежалъ уже на смертномъ одрѣ и жалобно стоналъ и тихо каялся. Святая таинственность страшнаго предсмертнаго часа разбудила, наконецъ, голосъ совѣсти и направляла душу къ настоящей стезѣ, отъ которой невѣжество, тунеядство, привычка и примѣръ отклоняли грѣшника въ теченіе цѣлой его жизни. «Вася», говорилъ онъ, «Вася, во мнѣ горитъ что-то... Мнѣ душно, мнѣ больно, Вася... Виноватъ я передъ тобой! Прости меня, Вася, не проклинай моей памяти! Не воспиталъ я тебя, какъ долженъ былъ Богу и государю... Будутъ у тебя дѣти, Вася, — воспитывай ихъ въ страхѣ Божіемъ, обучай наукамъ, служить заставь... Тяжкій мой грѣхъ... Не позволяй, Вася, дѣтямъ ругаться надъ людьми бѣдными и слабыми; не обращай братьевъ твоихъ въ позорище, не тяни изъ нихъ крови христіанской... Все припомнится въ послѣднюю минуту. Вѣрь мнѣ, Вася. Тяжело умирать съ нечистой совѣстью... Душно мнѣ, Вася... Вася, Вася, прости меня!..» И Вася, стоя на колѣняхъ, тихо рыдалъ у изголовья умирающаго и священникъ творилъ молитву надъ ложемъ страданія, среди оцѣпенѣвшей дворни. Долго продолжалась борьба жизни съ смертью. Долго мучился и томился больной. Наконецъ, онъ умеръ. Домъ наполнился крикомъ и стенаніемъ. Все селеніе провожало покойника до послѣдней его обители. Приживалки и кумушки

вошли страшными голосами, приговаривая затверженныя рѣчи: «Батюшка, кормилецъ, Иванъ ты нашъ Ѳедотычъ, на кого ты насъ покинулъ!... Какъ будетъ намъ жить безъ тебя!... Кто будетъ поить, кормить насъ, круглыхъ сиротъ, кто хлѣбъ доставать! Вѣкъ намъ надъ тобой плакаться, вѣкъ не утѣшиться... Пропала наша головушка!...» Все это сопровождалось визгомъ и притворнымъ, весьма отвратительнымъ изступленіемъ. Но при послѣднемъ прощаньѣ на многихъ лицахъ изобразилось истинное горе. По многимъ крестьянскимъ бородамъ покатились крупныя слезы, и, по едва понятному чувству великодушнаго самоотверженія, даже бѣдные дураки, вѣчно осмѣянные, вѣчно мучимые покойникомъ, плакали надъ свѣжей его могилой.

И надо ему (Василію Ивановичу) отдать справедливость. Онъ хотя и не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но по крайней мѣрѣ измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на козлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничка въ день: одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ не по убѣжденію, а такъ себѣ, потому что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умирающаго отца, а съ другой стороны — просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ образомъ распространяется повсюду, заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподоволь подкрадываться къ Василію Ивановичу.

Когда у Василія Ивановича родились дѣти, онъ началъ ихъ воспитывать не хитро, но ужъ не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ. Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннадцати лѣтъ, былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ Московскій университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не зная почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства.

Со всѣмъ тѣмъ, Василій Ивановичъ былъ изъ числа самыхъ прозаическихъ помѣщиковъ. Живетъ онъ себѣ лѣтъ тридцать въ деревнѣ почти безотлучно, толстѣетъ съ каждымъ годомъ, чрезвычайно любитъ ѣздить на рыбную ловлю, гдѣ онъ можетъ лежать на берегу, пока рыбаки забрасываютъ неводъ на его счастье или на счастье всѣхъ дѣтей его поочередно. Кушаетъ онъ очень много и охотно, и Авдотья Петровна, его супруга, ежедневно придумываетъ ему какой-нибудь сюрпризъ: то кулебяку съ вязигой, то окорокъ на славу, то рыбу огромной величины, на

каковой случай сзываются и нѣсколько сосѣдей. «Василій Ивановичъ проситъ де откушать рыбки, что поймалъ у него рыбакъ». И сосѣди восхищаются рыбкой, мѣрятъ ее, сравниваютъ съ другими извѣстными рыбами, и Василій Ивановичъ улыбается и очень доволенъ и собой, и рыбой, и жизнью. Послѣ обѣда ѣдятъ варенье общей ложечкой, выпиваютъ иногда по рюмкѣ наливочки, потомъ ложатся отдохнуть; потомъ ѣздятъ на длинныхъ дрогахъ посмотрѣть на озими или на яровинку, потомъ снова ложатся спать уже на цѣлую ночь. Утромъ повѣряетъ онъ работы, ѣздитъ на мельницу или на молотильню; но ходить пѣшкомъ не любитъ и рѣшается на такой подвигъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ — во время крестнаго хода, напримѣръ, или когда плотину прорветъ.

Авдотья Петровна давно уже сдѣлалась толстой и довольно крикливой барыней. Ей вполнѣ предоставлены, для пріятнаго разсѣянія, всѣ заботы о скотномъ дворѣ, птичникѣ и рукодѣльной промышленности дворовыхъ женщинъ. Авдотья Петровна любитъ гадать въ карты, слушать сплетни дворовыхъ старухъ и пріобрѣла въ околоткѣ не малую славу особымъ искусствомъ, съ которымъ она солитъ огурцы, перекладывая ихъ какими-то листьями.

Такъ текла, такъ течетъ безстрастная, тихая жизнь толстаго помѣщика. Въ продолженіе тридцатилѣтняго пребыванія въ деревнѣ раза два онъ былъ въ Москвѣ, разъ пять въ губернскомъ городѣ, да каждый годъ, около Иванова дня, отправляется онъ на ближнюю ярмарку.

Гр. Сологубъ.

Прочтите повѣсть Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» и отмѣтьте свѣтлыя и темныя стороны ихъ быта.

6. Обломовъ.

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отроду, средняго роста, пріятной наружности, съ темносѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Мысль вольной птицей гуляла по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полуотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала, и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности. Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, потому

что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія, или воздуха, а можетъ-быть, отъ того и другого.

Какъ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ бархата, безъ таліи, весьма помѣстительный, такъ что Обломовъ могъ дважды завернуться въ него. Рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире. Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ; тѣло не чувствуетъ его на себѣ; онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла. Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстука и безъ жилета, потому что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ не глядя опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больного или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ. Когда онъ былъ дома—а онъ былъ почти всегда дома—онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ, гдѣ мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетомъ и пріемной. У него были еще три комнаты, но онъ рѣдко туда заглядывалъ, развѣ утромъ, и то не всякій день, когда человѣкъ мелъ кабинетъ его, что не всякій день дѣлалось. Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, шторы спущены.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно убранной. Тамъ стояло бюро краснаго дерева, два дивана, обитые шелковой матеріей, красивыя ширмы, съ вышитыми, небывалыми въ природѣ, птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей. Самъ хозяинъ однако смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ-будто спрашивалъ глазами: «кто сюда натащилъ и наставилъ это?» Отъ такого холоднаго воззрѣнія Обломова на свою собственность, а, можетъ-быть, и еще отъ болѣе холоднаго воззрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностью и небрежностью. По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ по пыли какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ

рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго вечера тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки. Если бъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежавшій тутъ, то можно было бы подумать, что здѣсь никто не живетъ — такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ-три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли; видно, что ихъ бросили давно; нумеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха.

Илья Ильичъ проснулся, противъ обыкновенія, очень рано, часовъ въ восемь. Онъ чѣмъ-то сильно озабоченъ. На лицѣ у него поперемѣнно выступалъ не то страхъ, не то досада. Видно было, что его одолѣвала внутренняя борьба, а умъ еще не являлся на помощь. Дѣло въ томъ, что Обломовъ наканунѣ получилъ изъ деревни отъ своего старосты письмо непріятнаго содержанія. Извѣстно, о какихъ непріятностяхъ можетъ писать староста: неурожай, недоимки, уменьшеніе дохода и т. п.

Онъ, какъ только проснулся, тотчасъ же вознамѣрился встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, коечто сообразить, записать и вообще заняться дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Съ полчаса онъ все лежалъ, мучась этимъ намѣреніемъ; но потомъ разсудилъ, что успѣетъ еще сдѣлать это и послѣ чаю, а чай можно пить, по обыкновенію, въ постели, тѣмъ болѣе, что не мѣшаетъ думать лежа. Такъ и сдѣлалъ. Послѣ чаю онъ уже приподнялся съ своего ложа и чуть было не всталъ: поглядывая на туфли, онъ даже началъ спускать къ нимъ одну ногу съ постели, но тотчасъ же опять подобралъ ее.

Пробило половина десятаго. Илья Ильичъ встрепенулся. «Что жъ это и въ самомъ дѣлѣ?» сказалъ онъ вслухъ съ досадой: «надо совѣсть знать: пора за дѣло! Дай только волю себѣ, такъ и... Захаръ!» закричалъ онъ. Въ комнатѣ, которая отдѣлялась только небольшимъ коридоромъ отъ кабинета Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цѣпной собаки, потомъ стукъ спрыгнувшихъ откуда-то ногъ. Это Захаръ спрыгнулъ съ лежанки, на которой обыкновенно проводилъ время, сидя погруженный въ дремоту. Въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ, въ сѣромъ сюртукѣ, съ прорѣхою подъ мышкой, откуда торчалъ клочекъ рубашки, въ сѣромъ же жилетѣ, съ мѣдными пуговицами, съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ и съ необъятно широкими и густыми, русыми съ просѣдью бакенбардами, изъ которыхъ каждой стало бы на три бороды.

Илья Ильичъ, погруженный въ задумчивость, долго не замѣчалъ Захара. Захаръ стоялъ передъ нимъ молча. Наконецъ, онъ кашлянулъ. «Что ты?» спросилъ Илья Ильичъ. — «Вѣдь вы звали?» — «Звалъ! Зачѣмъ же это я звалъ — не помню!» отвѣчалъ онъ потягиваясь. «Поди пока къ себѣ, а я вспомню». Захаръ ушелъ, а Илья Ильичъ продолжалъ лежать и думать о проклятомъ письмѣ. Прошло съ четверть часа. «Ну, полно лежать!» сказалъ онъ: «надо же встать... А впрочемъ, дай-ка я прочту еще разъ со вниманіемъ письмо старосты, а потомъ ужъ и встану. Захаръ!» Опять тотъ же прыжокъ и ворчанье сильнѣе. Захаръ вошелъ, а Обломовъ опять погрузился въ задумчивость. Захаръ стоялъ минуты двѣ, неблагосклонно, немного стороной посматривая на барина, и, наконецъ, пошелъ къ дверямъ.

«Куда же ты?» вдругъ спросилъ Обломовъ. — «Вы ничего не говорите, такъ что жъ тутъ стоять-то даромъ?» Захаръ стоялъ въ полуоборотѣ среди комнаты и глядѣлъ все стороной на Обломова. — «А у тебя развѣ ноги отсохли, что ты не можешь постоять? Ты видишь, я озабоченъ, такъ и подожди! Не належался еще тамъ? Сыщи письмо, что я вчера отъ старосты получилъ. Куда ты его дѣлъ?» — «Какое письмо? Я никакого письма не видалъ», сказалъ Захаръ. — «Ты же отъ почтальона принялъ его: грязное такое!» — «Куда жъ его положили — почему мнѣ знать!» говорилъ Захаръ, похлопывая рукой по бумагамъ и по разнымъ вещамъ, лежавшимъ на столѣ. — «Вотъ какія-то письма» — «Не тѣ!» — «Ну, такъ нѣтъ больше», говорилъ Захаръ. — «Ну, хорошо, поди!» съ нетерпѣніемъ сказалъ Илья Ильичъ: «я встану, самъ найду».

Захаръ пошелъ къ себѣ, но только онъ уперся было руками о лежанку, чтобы прыгнуть на нее, какъ опять послышался торопливый крикъ: «Захаръ, Захаръ!» — «Ахъ, ты Господи», ворчалъ Захаръ, отправляясь опять въ кабинетъ: «что это за мученье? хоть бы смерть скорѣе пришла!... Чего вамъ?» сказалъ онъ, не глядя на Обломова. — «Носовой платокъ, скорѣй! Самъ бы ты могъ догадаться: не видишь!» строго замѣтилъ Илья Ильичъ. — «А кто его знаетъ, гдѣ платокъ?» ворчалъ Захаръ, обходя комнату и ощупывая каждый стулъ. «Все теряете!» замѣтилъ онъ, отворяя дверь въ гостиную, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ. — «Куда? Здѣсь ищи! Я съ третьяго дня тамъ не былъ. Да скорѣе же!» говорилъ Илья Ильичъ. — «Гдѣ платокъ. Нѣту платка!» говорилъ Захаръ, разводя руками и озираясь во всѣ углы. — «Да вотъ онъ», вдругъ сердито захрипѣлъ онъ: «подъ вами! Вонъ конецъ торчитъ. Сами лежите на немъ, а спрашиваете платка!» И, не дожидаясь отвѣта, Захаръ пошелъ было вонъ. Обломову стало немного неловко отъ собствен-

наго промаха. Онъ быстро нашелъ другой поводъ сдѣлать Захара виноватымъ.

— «Какая у тебя чистота вездѣ: пыли-то, грязи-то, Боже мой! Вонъ, вонъ, погляди-ка въ углахъ-то — ничего не дѣлаешь!» — «Ужъ коли я ничего не дѣлаю...» заговорилъ Захаръ обиженнымъ голосомъ: «стараюсь, жизни не жалѣю! И пыль-то стираю и мету-то почти каждый день...» Онъ указалъ на середину пола и на столъ, на которомъ Обломовъ обѣдалъ. «Вонъ, вонъ», говорилъ онъ: «все подметено, прибрано, словно къ свадьбѣ... Чего еще?» — «А это что?» прервалъ Илья Ильичъ, указывая на стѣны и на потолокъ: «А это? А это?» Онъ указалъ и на брошенное со вчерашняго дня полотенце и на забытую на столѣ тарелку съ ломтемъ хлѣба. — «Ну, это, пожалуй, уберу», сказалъ Захаръ снисходительно, взявъ тарелку. — «Только это! А пыль по стѣнамъ и паутина?...» говорилъ Обломовъ, указывая на стѣны. — «Это я къ святой недѣлѣ убираю: тогда образа чищу и паутину снимаю...» — «А книги, картины обмести?...» — «Книги и картины передъ Рождествомъ: тогда съ Анисьей всѣ шкапы переберемъ. А теперь когда станешь убирать? Вы все дома сидите». — «Я иногда въ театръ хожу да въ гости: вотъ бы...» — «Что за уборка ночью!» Обломовъ съ упрекомъ поглядѣлъ на него, покачалъ головой и вздохнулъ, а Захаръ равнодушно поглядѣлъ въ окно, и тоже вздохнулъ.

— «Понимаешь ли ты», сказалъ Илья Ильичъ: «что отъ пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стѣнѣ!» — «У меня и блохи есть!» равнодушно отозвался Захаръ. — «Развѣ это хорошо? Вѣдь это гадость!» замѣтилъ Обломовъ. Захаръ усмѣхнулся. «Чѣмъ же я виноватъ, что клопы на свѣтѣ есть?» сказалъ онъ съ наивнымъ удивленіемъ: «Развѣ я ихъ выдумалъ?»— «Это отъ нечистоты», перебилъ Обломовъ. «Что ты все врешь!» — «И нечистоту не я выдумалъ». — «У тебя вотъ тамъ мыши бѣгаютъ по ночамъ — я слышу». — «И мышей не я выдумалъ. Этой твари, что мышей, что кошекъ, что клоповъ вездѣ много». — «Какъ же у другихъ не бываетъ ни моли ни клоповъ?» — На лицѣ Захара выразилась недовѣрчивость, или лучше сказать, покойная увѣренность, что этого не бываетъ. — «У меня всего много», сказалъ онъ упрямо: «за всякимъ клопомъ не усмотришь, въ щелку къ нему не влѣзешь». — «Ты мети, выбирай соръ изъ угловъ — и не будетъ ничего», училъ Обломовъ. — «Уберешь, а завтра опять наберется», говорилъ Захаръ. — «Не наберется», перебилъ баринъ: «не должно». — «Наберется — я знаю», твердилъ слуга. — «А наберется, такъ опять вымети!» — «Какъ это? Всякій день перебирай всѣ углы?» спросилъ Захаръ: «да что жъ это за жизнь? Лучше Богъ по душу пошли!» — «Отчего же

у другихъ чисто?» возразилъ Обломовъ: «Посмотри напротивъ, у настройщика: любо взглянуть, а всего...»

— «А гдѣ нѣмцы сору возьмутъ», вдругъ возразилъ Захаръ. «Вы поглядите, какъ они живутъ! Вся семья цѣлую недѣлю кость гложетъ. Сюртукъ съ плечъ отца переходитъ на сына, а съ сына опять на отца... Гдѣ имъ сору взять? У нихъ нѣтъ этого, вотъ какъ у насъ, чтобы въ шкапахъ лежала по годамъ куча стараго, изношеннаго платья, или набрался цѣлый уголъ корокъ хлѣба на зиму. У нихъ и корка зря не валяется: надѣлаютъ сухариковъ, да съ пивомъ и выпьютъ!» Захаръ даже сквозь зубы плюнулъ, разсуждая о такомъ скаредномъ житьѣ. — «Нечего разговаривать!» возразилъ Илья Ильичъ: «ты лучше убирай!» — «Иной разъ и убралъ бы, да вы же сами не даете», сказалъ Захаръ. — «Пошелъ свое! Все, видишь, я мѣшаю». — «Конечно, вы; все дома сидите: какъ при васъ станешь убирать? Уйдите на цѣлый день, такъ и уберу». — «Вотъ еще выдумалъ что — уйти! Поди-ка ты лучше къ себѣ». — «Да, право!» настаивалъ Захаръ. «Вотъ, хоть бы сегодня ушли, мы бы съ Анисьей и убрали все. И то не управимся вдвоемъ-то: надо еще бабъ нанять, перемыть все». — «Э! какія затѣи: бабъ! Ступай себѣ», говорилъ Илья Ильичъ. Онъ ужъ былъ не радъ, что вызвалъ Захара на этотъ разговоръ. Онъ все забывалъ, что чуть тронешь этотъ деликатный предметъ, такъ и не оберешься хлопотъ.

Захаръ ушелъ, а Обломовъ погрузился въ размышленія. Черезъ нѣсколько минутъ пробило еще полчаса. «Что это?» почти съ ужасомъ сказалъ Илья Ильичъ: «одиннадцать часовъ скоро, а я еще не всталъ, не умылся до сихъ поръ. Захаръ, Захаръ!» — «Ахъ, ты, Боже мой! Ну!» послышалось изъ передней, и потомъ извѣстный прыжокъ. — «Умыться готово?» спросилъ Обломовъ. — «Готово давно!» отвѣчалъ Захаръ: «чего вы не встаете?» — «Что жъ ты не скажешь, что готово? Я бы ужъ и всталъ давно. Поди же, я сейчасъ иду вслѣдъ за тобою. Мнѣ надо заниматься, я сяду писать». Захаръ ушелъ, но черезъ минуту воротился съ исписанной и замасленной тетрадкой и клочками бумаги.

— «Вотъ, коли будете писать, такъ ужъ кстати извольте и счеты повѣрить, надо деньги заплатить». — «Какіе счеты? Какія деньги!» съ неудовольствіемъ спросилъ Илья Ильичъ. — «Отъ мясника, отъ зеленщика, отъ прачки, отъ хлѣбника: всѣ денегъ просятъ». — «Только о деньгахъ и забота!» ворчалъ Илья Ильичъ. «А ты, что понемногу не подаешь счеты, а всѣ вдругъ?» — «Вы же, вѣдь, все прогоняли меня: завтра да завтра...» — «Ну, такъ и теперь развѣ нельзя до завтра?» — «Нѣтъ! Ужъ очень пристаютъ: больше не даютъ въ долгъ. Нынче первое число». — «Ахъ», съ тоской сказалъ Обломовъ: «Новая забота! Ну что

стоишь? Положи на столъ. Я сейчасъ встану, умоюсь и посмотрю», сказалъ Илья Ильичъ. «Такъ умыться-то готово?» — «Готово», сказалъ Захаръ. — «Ну теперь...» Онъ началъ было кряхтя приподниматься, чтобы встать.

— «Я забылъ вамъ сказать», началъ Захаръ: «давича, какъ вы еще почивали, управляющій дворника прислалъ: говоритъ, что непремѣнно надо съѣхать... квартира нужна». — «Ну, что жъ такое? Если нужна, такъ, разумѣется, съѣдемъ. Что ты присталъ ко мнѣ? Ужъ ты третій разъ говоришь мнѣ объ этомъ». —«Ко мнѣ пристаютъ тоже». — «Скажи, что съѣдемъ». — «Они говорятъ: вы уже съ мѣсяцъ, говоритъ, обѣщали, а все не съѣзжаете; мы, говоритъ, полиціи дадимъ знать».

— «Пусть даютъ знать!» сказалъ рѣшительно Обломовъ: «Мы и сами переѣдемъ, какъ потеплѣе будетъ... недѣли черезъ три». — «Куда недѣли черезъ три! Управляющій говоритъ, что черезъ три недѣли рабочіе придутъ: ломать все будутъ... «Съѣзжайте, говоритъ, завтра или послѣ завтра...» — «Э-э-э! слишкомъ проворно! Видишь еще что! Не сейчасъ ли прикажете? А ты мнѣ не смѣй и напоминать о квартирѣ. Я уже тебѣ запретилъ разъ, а ты опять. Смотри!...» — «Что жъ мнѣ дѣлать-то», отозвался Захаръ. — «Что жъ дѣлать? вотъ онъ чѣмъ отдѣлывается отъ меня!» отвѣчалъ Илья Ильичъ. «Онъ меня спрашиваетъ! Мнѣ что за дѣло! Ты не безпокой меня, а тамъ, какъ хочешь, такъ и распорядись, только чтобы не переѣзжать. Не можешь постараться для барина!» — «Да какъ же, батюшка, Илья Ильичъ, я распоряжусь?» началъ мягкимъ сипѣньемъ Захаръ: «домъ-то не мой: какъ же изъ чужого дома не переѣзжать, коли гонятъ? Кабы мой домъ былъ, такъ я бы съ великимъ моимъ удовольствіемъ...» — «Нельзя ли ихъ уговорить какъ-нибудь. «Мы, дескать, живемъ давно, платимъ исправно». — «Говорилъ», сказалъ Захаръ. — «Ну, что жъ они?» — «Что! наладили свое: «переѣзжайте, говорятъ, намъ нужно квартиру передѣлывать. Хотятъ изъ докторской и изъ этой одну большую квартиру сдѣлать къ свадьбѣ хозяйскаго сына». — «Ахъ, ты, Боже мой!» съ досадой сказалъ Обломовъ: вѣдь есть же этакіе ослы, что женятся!» Онъ повернулся на спину. — «Вы бы написали, сударь, къ хозяину», сказалъ Захаръ: «такъ, можетъ-быть, онъ бы васъ не тронулъ, а велѣлъ бы сначала вонъ ту квартиру ломать». Захаръ при этомъ показалъ рукой куда-то направо. «Ну, хорошо, какъ встану, напишу... Ты ступай къ себѣ, а я подумаю. Ничего ты не умѣешь дѣлать», добавилъ онъ: «мнѣ и объ этой дряни надо самому хлопотать».

Захаръ ушелъ, а Обломовъ сталъ думать. Но онъ былъ въ затрудненіи, о чемъ думать: о письмѣ ли старосты, о переѣздѣ ли на новую квартиру, приняться ли сводить счеты? Онъ

терялся въ приливѣ житейскихъ заботъ и все лежалъ, ворочаясь съ боку на бокъ. По временамъ только слышались отрывистыя восклицанія: «Ахъ, Боже мой, трогаетъ жизнь, вездѣ достаетъ!» Неизвѣстно, долго ли бы еще пробылъ онъ въ этой нерѣшительности, но въ передней раздался звонокъ. «Ужъ кто-то и пришелъ!» сказалъ Обломовъ, кутаясь въ халатъ: «а я еще не вставалъ — срамъ да и только! Кто бы это такъ рано?» И онъ лежа съ любопытствомъ глядѣлъ на дверь.

И. А. Гончаровъ.

7. Прудъ и Рѣка.

«Что это», говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:—
«какъ на тебя ни взглянешь,
а воды все твои текутъ!
Неужли таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
то съ грузомъ тяжкія суда,
то долговязые плоты ты носишь;
ужъ я не говорю про лодки, челноки —
имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
по картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
да это, право, все пустое!
Зато я въ плистыхъ и мягкихъ берегахъ,
какъ барыня въ пуховикахъ,
лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;
не только что судовъ
или плотовъ,
мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
и много, ежели случится,
что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
не движась, я смотрю на суету мірскую,
и философствую сквозь сонъ».
— «А, философствуя, ты помнишь ли законъ»,
Рѣка на это отвѣчаетъ:

«что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ
И если стала я великою рѣкой,
такъ это оттого, что, кинувши покой,
послѣдую сему уставу;
зато по всякій годъ,
обиліемъ и чистотою водъ,
и пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу
и буду, можетъ-быть, еще я вѣки течь,
когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
и о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ:
а бѣдный Прудъ годъ-отъ-году все глохъ,
заволоченъ весь тиною глубокой,
зацвѣлъ, заросъ осокой
и, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

И. Крыловъ.

8. Уѣздный городъ.

Райскій обогнулъ весь городъ и изъ глубины оврага поднялся опять на гору, въ противоположномъ концѣ отъ своей усадьбы. Съ вершины холма онъ сталъ спускаться въ предмѣстье. Весь городъ лежалъ передъ нимъ, какъ на ладони.

Онъ съ пристрастнымъ чувствомъ, пробужденнымъ старыми, почти дѣтскими воспоминаніями, смотрѣлъ на эту кучу разнохарактерныхъ домовъ, домиковъ, лачужекъ, сбившихся въ кучу, или разбросанныхъ по высотамъ и по ямамъ, ползущихъ по окраинамъ оврага, спустившихся на дно его, домиковъ съ балконами, съ маркизами, съ бельведерами, съ пристройками, надстройками, съ венеціанскими окошками, или едва замѣтными щелями вмѣсто оконъ, съ голубятнями, скворечниками, съ пустыми, заросшими травой, дворами. Смотрѣлъ на искривленные безконечные, идущіе между плетнями, переулки, на пустыя, безъ домовъ улицы, съ громкими надписями: «Московская улица», «Астраханская улица», «Саратовская улица», съ базарами, гдѣ навалены груды лыкъ, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтю и колачи; на зіяющія ворота постоялыхъ дворовъ, съ далеко разносящимся запахомъ навоза, и на бренчащія по улицѣ дрожки.

Было за полдень давно. Надъ городомъ лежало оцѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города.

Онъ не то умеръ, не то уснулъ или задумался. Растворенныя окна зіяли, какъ разверстыя, но не говорящія уста; нѣтъ дыханія, не бьется пульсъ. Куда же убѣжала жизнь? Гдѣ глаза и языкъ у этого лежащаго тѣла? Все пестро, зелено и все молчитъ.

Райскій вошелъ въ переулки и улицы: даже вѣтеръ не ходитъ. Пыль уже третій день нетронутая, однимъ узоромъ отъ проѣхавшихъ колесъ лежитъ по улицамъ. Въ тѣни забора отдыхаетъ козелъ, да куры, вырывъ ямки, усѣлись въ нихъ, а не-

Съ картины Полѣнова.

утомимый пѣтухъ ищетъ поживы, проворно раскапывая, то одной, то другой ногой, кучу пыли.

Собаки, свернувшись по три, по четыре, лежатъ разношерстной кучей на любомъ дворѣ, бросаясь, по временамъ, отъ праздн-

ности, съ лаемъ на рѣдкаго прохожаго, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ.

Просторъ и пустота — какъ въ пустынѣ. Кой-гдѣ высунется изъ окна голова съ сѣдой бородой, въ красной рубашкѣ, поглядитъ, зѣвая, на обѣ стороны, плюнетъ и спрячется.

Въ другое окно, съ улицы, увидишь храпящаго, на кожаномъ диванѣ, человѣка, въ халатѣ: подлѣ него на столикѣ лежатъ «Вѣдомости», очки, и стоитъ графинъ квасу.

Другой сидитъ по цѣлымъ часамъ у воротъ, въ картузѣ, и въ мирномъ бездѣйствіи смотритъ на канаву съ кропивой и на заборъ на противоположной сторонѣ. Давно ужъ мнетъ носовой платокъ въ рукахъ — и все не рѣшается высморкаться — лѣнь.

Тамъ кто-то бездѣйствуетъ у окна, съ пенковой трубкой, и когда бы кто ни прошелъ, всегда сидитъ онъ — съ довольнымъ, ничего не желающимъ и нескучающимъ взглядомъ.

Въ другомъ мѣстѣ видѣлъ Райскій такую же, сидящую у окна, пожилую женщину, весь вѣкъ проведшую въ своемъ переулкѣ, безъ суматохи, безъ страстей и волненій, безъ ежедневныхъ встрѣчъ съ безконечно разнообразной породой подобныхъ себѣ, и не вѣдающую скуки, которую такъ глубоко и тяжко вѣдаютъ въ большихъ городахъ, въ центрѣ дѣлъ и развлеченій.

Райскій, идучи изъ переулка въ переулокъ, видѣлъ кой-гдѣ семью за трапезой, а тамъ, въ мѣщанскомъ домѣ, ужъ подавали самоваръ.

Въ безлюдной улицѣ за версту слышно, какъ разговариваютъ двое, трое между собой. Звонко раздаются голоса въ пустотѣ и шаги по деревянной мостовой.

Гдѣ-то въ сараѣ кучеръ рубитъ дрова, туть же поросенокъ хрюкаетъ въ навозѣ; въ низенькомъ окнѣ, въ уровень съ землею, отдувается коленкоровая занавѣска съ бахромой, путаясь въ резедѣ, бархатцахъ и бальзаминахъ.

Тамъ сидитъ, наклоненная надъ шитьемъ, бодрая, хорошенькая головка и шьетъ прилежно, несмотря на жаръ и всѣхъ одолѣвающую дремоту. Она одна бодрствуетъ въ домѣ...

Изъ отворенныхъ оконъ одного дома обдало его сотней звонкихъ голосовъ, которые повторяли азы и дѣлали совершенно лишнею надпись на дверяхъ: «Школа».

Дальше набрелъ онъ на постройку дома, на кучу щепокъ, стружекъ, бревенъ и на кружокъ расположившихся около огромной деревянной чашки плотниковъ. Большой коровай хлѣба, накрошенный въ квасъ лукъ да кусокъ красноватой соленой рыбы — былъ весь обѣдъ.

Мужики сидѣли смирно и молча, по очереди, опускали ложки въ чашку и опять клали ихъ, жевали, не торопясь, не смѣялись и не болтали за обѣдомъ, а прилежно, и будто набожно, исполняли трудную работу.

Райскому хотѣлось нарисовать эту группу усталыхъ, серьезныхъ, буро-желтыхъ лицъ, эти черствыя, загорѣлыя руки, съ негнущимися пальцами, крѣпко вросшими, будто желѣзными ногтями, эти широко и мѣрно растворяющіеся рты и медленно жующія уста, и этотъ — поглощающій хлѣбъ и кашу — голодъ.

Да, голодъ, а не аппетитъ: у мужиковъ не бываетъ аппетита. Аппетитъ вырабатывается праздностью, моціономъ и нѣгой, голодъ — временемъ и тяжкой работой.

И. Гончаровъ.

Тема. Нашъ городъ (общій видъ, жизнь города въ разные моменты дня, въ будни и праздникъ, зимой и лѣтомъ).

9. Англичанинъ и русскій.

Все здѣсь (въ Лондонѣ) стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортабельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить.

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ, еще хуже, если его будитъ слуга: это отсталость, и притомъ слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для этого ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощью пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету, и запиваетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство — одолѣть листъ «Times» или «Herald»: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется, что дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, обритый, остриженный, съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кэба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ по музею, скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, купилъ колодки отъ сапогъ дюка. Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный созна-

ніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать, и, вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкапу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.

Облако англійскаго тумана, пропитаннаго паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Оно проносится, и я вижу другое. Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ просторной комнатѣ, на трехъ перинахъ, глубоко спящаго человѣка: онъ и обѣими руками и одѣяломъ закрылъ себѣ голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не тревожится этимъ. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы: они каждый часъ свистѣньемъ, хрипѣньемъ и всхлипываньемъ пробуютъ нарушить этотъ сонъ — и все напрасно. Хозяинъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся, когда посланная отъ барыни Парашка будить къ чаю, послѣ троекратнаго тщетнаго зова, потолкала спящаго, хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга, въ деревенскихъ сапогахъ, на солидныхъ подошвахъ, съ гвоздями, трижды входилъ и выходилъ, потрясая половицы. И солнце обжигало, сначала темя, потомъ високъ спящаго — и все почивалъ онъ. Неизвѣстно, когда проснулся бы онъ самъ собою, развѣ когда не стало бы уже человѣческой мочи спать, когда нервы и мускулы настойчиво потребовали бы дѣятельности. Онъ пробудился оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ — и баринъ проснулся, обливаясь потомъ. Онъ побранилъ было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и не вѣритъ, что его будили, что солнце ужъ высоко, что приказчикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды перекипѣлъ. «Что вы нейдете сюда?» ласково говорилъ ему голосъ изъ другой комнаты. — «Да вотъ одного сапога не найду», отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью: «и панталоны куда-то запропастились. Гдѣ Егорка?» Справляются насчетъ Егорки, и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, или Митьку извлекаютъ откуда-нибудь, баринъ моется, сидя на постели, съ однимъ сапогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другого. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затащила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а пан-

талоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзину карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барченку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазилъ по горло въ воду на средину пруда. Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса со сметаной, сковородку грибовъ или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ — всякому найдутъ что-нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святого въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора поработать; пришелъ приказчикъ — въ третій разъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ приказчикомъ, иногда все утро, или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а приказчикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— Ну, что еще? — спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно. — Кто-то ѣдетъ? сказалъ онъ; и приказчикъ взглянулъ. — Иванъ Петровичъ, говоритъ приказчикъ, — въ двухъ коляскахъ.

— А! радостно восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты. — Ну, ступай; ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту, да сосчитаемся. А теперь пошли-ка Антипку съ Мишкой на болото да въ лѣсъ, десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!

Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гувернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и съ двумя лакеями. Они привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесятъ верстъ — только пообѣдать! Послѣ объятій, начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ этого полутораcуточнаго переѣзда.

— Пообѣдавъ вчера, выѣхали мы, благословясь, около вечеренъ, спѣшили засвѣтло проѣхать Волчій Вражекъ, а остальныя пятнадцать верстъ ѣхали въ темнотѣ — зги Божіей не видать! Ночью поднялась гроза, страсть какая — Боже упаси! Какіе яровые у Василія Степаныча, видѣли?

— Какъ же, нарочно ѣздилъ. Слышали, ужъ онъ запродалъ хлѣбъ. А каковы овсы у васъ?

И пошла бесѣда на три дня. *И. Гончаровъ.*

Тема. *Жизнь русскаго помѣщика въ старое время (см. отд. I—№ 9; отд. II—№ 3, 4, 5).*

10. Госпожа и двѣ служанки.

У Барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спять еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ, — старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ[1]),
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильницамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся — клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же.
Ихъ будятъ, и морятъ на прялкѣ:
«Добро же ты, нечистый духъ!»
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
«Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!»
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья;
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ

[1]) Старинный головной уборъ.

Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ не поетъ, —
Злодѣя ихъ не стало;
Да Барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

И. А. Крыловъ.

II Зима.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
вопросами: тепло ль? утихла ли мятель?
пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
возиться съ старыми журналами сосѣда? —
Пороша. — Мы встаемъ и тотчасъ на коня,
и рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
по каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ,
читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
а мысли далеко... Я книгу закрываю...
иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
о близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
стальными спицами проворно шевеля,
иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньи!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы
(двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!

А. С. Пушкинъ.

12. У дядюшки.

Когда ввечеру Илагинъ распростился съ Николаемъ, Николай оказался на такомъ далекомъ разстояніи отъ дома, что онъ принялъ предложеніе дядюшки оставить охоту и ночевать у него, у дядюшки, въ его деревенькѣ Михайловкѣ.

— И если бы заѣхали ко мнѣ... чистое дѣло маршъ! — сказалъ дядюшка, — еще бы того лучше; видите, погода мокрая, — говорилъ дядюшка: — отдохнули бы, графинечку бы отвезли въ дрожкахъ. — Предложеніе дядюшки было принято, за дрожками послали охотника въ Отрадное, а Николай съ Наташей и Петей поѣхали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять, большихъ и малыхъ, дворовыхъ мужчинъ выбѣжало на парадное крыльцо встрѣчать барина. Десятки женщинъ, старыхъ, большихъ и малыхъ, высунулись съ задняго крыльца смотрѣть на подъѣзжавшихъ охотниковъ. Присутствіе Наташи, женщины, барыни верхомъ, довело любопытство дворовыхъ дядюшки до тѣхъ предѣловъ, что многіе, не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, заглядывали ей въ глаза и при ней дѣлали о ней свои замѣчанія, какъ о показываемомъ чудѣ, которое не человѣкъ и не можетъ слышать и понимать, что говорятъ о немъ.

— Аринка, глянь-ка, на бочкю сидитъ! Сама сидитъ, а подолъ болтается... Вишь, и рожокъ!

— Батюшки-свѣты, ножикъ-то! ..

— Вишь, татарка!

— Какъ же ты не перекувыркнулась-то? — говорила самая смѣлая, прямо ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка слѣзъ съ лошади у крыльца своего деревяннаго, заросшаго садомъ домика и, оглянувъ своихъ домочадцевъ, крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли, и чтобы было сдѣлано все нужное для пріема гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка снялъ Наташу съ лошади и за руку повелъ ее по шаткимъ досчатымъ ступенямъ крыльца. Въ домѣ, не отштукатуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто, — не видно было, чтобы цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, чтобы не было пятенъ, — но не было замѣтно запущенности. Въ сѣняхъ пахло свѣжими яблоками и висѣли волчьи и лисьи шкуры.

Черезъ переднюю дядюшка провелъ своихъ гостей въ маленькую залу со складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостиную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ оборваннымъ диваномъ, истасканнымъ ковромъ и съ портретами Суворова, отца и матери хозяина и

его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругаї съ невычистившеюся спиной вошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ, обчищая себя языкомъ и зубами. Изъ кабинета шелъ коридоръ, въ которомъ виднѣлись ширмы съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шопотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ же заснулъ; Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли; они были очень голодны и очень веселы. Они поглядѣли другъ на друга (послѣ охоты, въ комнатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское превосходство передъ своею сестрой); Наташа подмигнула брату, и оба удерживались недолго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха.

Немного погодя, дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и маленькихъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что этотъ самый костюмъ, въ которомъ она съ удивленіемъ и насмѣшкой видала дядюшку въ Отрадномъ, былъ настоящій костюмъ, который былъ ничѣмъ не хуже сюртуковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему въ голову не могло притти, чтобы могли смѣяться надъ его жизнью), а самъ присоединился къ ихъ безпричинному смѣху.

— Вотъ такъ графиня молодая — чистое дѣло маршъ! — другой такой не видывалъ... — сказалъ онъ, подавая одну трубку съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзанный чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ пальцевъ. — День отъѣздила, хоть мужчинѣ въ пору, и какъ ни въ чемъ не бывало!

Скоро послѣ дядюшки отворила дверь, по звуку ногъ, очевидно, босая дѣвка, и въ дверь съ большимъ уставленнымъ подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая женщина, лѣтъ 40, съ двойнымъ подбородкомъ и полными, румяными губами. Она съ гостепріимною представительностью и привлекательностью въ глазахъ и каждомъ движеніи оглянула гостей и съ ласковою улыбкой почтительно поклонилась имъ. Несмотря на толщину, больше чѣмъ обыкновенную, женщина эта (Анисья Ѳедоровна — экономка дядюшки) ступала чрезвычайно легко. Она подошла къ столу, поставила подносъ и ловко своими бѣлыми, пухлыми руками сняла и разставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. На подносѣ были травникъ, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и шипучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые и орѣхи

въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Ѳедоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Ѳедоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, бѣлизной и пріятною улыбкой.

— Покушайте, барышня-графинюшка,—приговаривала она, подавая Наташѣ то то, то другое. Наташа ѣла всего, и ей показалось, что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, съ такимъ букетомъ вареній, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ѣдала. Анисья Ѳедоровна вышла. Ростовъ съ дядюшкой, запивая ужинъ вишневою наливкой, разговаривали о прошедшей и будущей охотѣ, о Ругаѣ и Илагинскихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Нѣсколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поѣсть чего-нибудь, но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно, не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчанія, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимающихъ въ своемъ домѣ своихъ знакомыхъ, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой вѣкъ... Умрешь — чистое дѣло маршъ! — ничего не останется. Что жъ и грѣшить-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво, когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что онъ хорошаго слыхалъ отъ отца и сосѣдей о дядюшкѣ. Дядюшка во всемъ околоткѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его дѣлали душеприказчикомъ, ему повѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности, но отъ общественной службы онъ всегда упорно отказывался, осень и весну проводя въ поляхъ на своемъ кауромъ меринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

— Что же вы не служите, дядюшка?

— Служилъ, да бросилъ. Не гожусь — чистое дѣло маршъ!— я ничего не разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватитъ. Вотъ насчетъ охоты—другое дѣло, это чистое дѣло маршъ!... Отворите-ка дверь-то, — крикнулъ онъ. — Что жъ затворили? — Дверь въ концѣ коридора (который дядюшка называлъ колидоръ) вела въ холостую, охотническую: такъ называлась людская для охотниковъ. Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ коридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ, очевидно,

какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ коридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣе.

— Это у меня мой Митька кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю! — сказалъ дядюшка. У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ пріѣзжаетъ съ охоты, въ холостой охотнической Митька игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо! Право, отлично, — сказалъ Николай съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, какъ-будто ему совѣстно было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично? — съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказалъ это братъ. — Не отлично, а это прелесть что такое! — Ей такъ же, какъ грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музыкальной прелести. — Еще, пожалуйста, еще!... — сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла балалайка. Митька настроилъ и опять молодецки задребезжалъ *Барыню* съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушалъ, склонивъ голову на бокъ, съ чуть замѣтною улыбкой. Мотивъ *Барыни* повторился разъ сто. Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки, а слушателямъ не наскучивало и только хотѣлось еще и еще слышать эту игру. Анисья Ѳедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолкѣ.

— Изволите слушать? — сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожею на улыбку дядюшки. — Онъ у насъ славно играетъ, — сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣлаетъ, — вдругъ съ энергическимъ жестомъ сказалъ дядюшка. — Тутъ разсыпать надо — чистое дѣло маршъ! — разсыпать.

— А вы развѣ умѣете? — спросила Наташа.

Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся,

— Посмотри-ка, Анисьюшка, что струны-то цѣлы что ль, на гитарѣ-то? Давно ужъ въ руки не бралъ — чистое дѣло маршъ! — забросилъ.

Анисья Ѳедоровна охотно пошла своею легкою поступью исполнить порученіе и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился въ креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисьѣ Ѳедоровнѣ, началъ не *Барыню*, а взялъ одинъ звучный, чистый аккордъ и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: «По у-ли-и-цѣ

мостовой». Въ разъ, въ тактъ съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисьи Ѳедоровны) запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Анисья Ѳедоровна закраснѣлась и, закрывшись платкомъ, смѣясь, вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически твердо отдѣлывать пѣсню, измѣнившимся вдохновеннымъ взглядомъ глядя на то мѣсто, съ котораго ушла Анисья Ѳедоровна. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны, подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорился тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка! Еще, еще! — закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ. Она, вскочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его. — Николенька, Николенька! — говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его: — что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Ѳедоровны явилось опять въ дверяхъ и изъ-за ней еще другія лица... «За холодной ключевой, кричитъ: дѣвица постой!» игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами.

— Ну, ну, голубчикъ дядюшка! — такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ-будто жизнь ея зависѣла отъ этого. Дядюшка всталъ, и какъ-будто въ немъ было два человѣка: одинъ изъ нихъ серьезно улыбнулся надъ весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница! — крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшею аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руки въ боки, сдѣлала движенье плечами и стала.

Гдѣ, какъ, когда всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этотъ духъ, откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, — страхъ, что она не то сдѣлаетъ, прошелъ, и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, — такъ вполнѣ точно это сдѣлала, — что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала

ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка, чистое дѣло маршъ! — радостно смѣясь, сказалъ дядюшка, окончивъ пляску. — Ай да племянница! Вотъ только бы муженька тебѣ молодца выбрать, — чистое дѣло маршъ!

— Ужъ выбранъ, — сказалъ, улыбаясь, Николай.

— О? — сказалъ удивленно дядюшка, глядя вопросительно на Наташу. Наташа съ счастливой улыбкой, утвердительно кивнула головой.

— Еще какой! — сказала она. Но какъ только она сказала это, другой, новый строй мыслей и чувствъ поднялся въ ней. Что значила улыбка Николая, когда онъ сказалъ: «ужъ выбранъ?» Радъ онъ этому или не радъ? Онъ какъ-будто думаетъ, что мой Болконскій не одобрилъ бы, не понялъ бы этой нашей радости. Нѣтъ, онъ бы все понялъ. «Гдѣ онъ теперь?» подумала Наташа, и лицо ея вдругъ стало серьезно. Но это продолжалось только одну секунду. «Не думать, не смѣть думать объ этомъ», сказала она себѣ и, улыбаясь, подсѣла опять къ дядюшкѣ, прося его сыграть еще что-нибудь.

Дядюшка сыгралъ еще пѣсню и вальсъ; потомъ, помолчавъ, прокашлялся и запѣлъ свою любимую охотническую пѣсню:

Какъ со вечера пороша
выпадала хороша...

Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ — такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ восторгѣ отъ пѣнія дядюшки. Она рѣшила, что не будетъ больше учиться на арфѣ, а будетъ играть только на гитарѣ. Она попросила у дядюшки гитару и тотчасъ же подобрала аккорды къ пѣснѣ.

Въ десятомъ часу за Наташей и Петей пріѣхали линейка, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не знали, гдѣ они, и крѣпко безпокоились, какъ сказалъ посланный.

Петю снесли и положили какъ мертвое тѣло въ линейку; Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ

Наташу и прощался съ ней съ совершенно новою нѣжностью. Онъ пѣшкомъ проводилъ ихъ до моста, который надо было объѣхать въ бродъ и велѣлъ съ фонарями ѣхать впередъ охотникамъ.

— Прощай, племянница дорогая! — крикнулъ изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тотъ, который пѣлъ: «Какъ со вечера пороша».

Въ деревнѣ, которую проѣзжали, были красные огоньки, и весело пахло дымомъ.

— Что за прелесть этотъ дядюшка! — сказала Наташа, когда они выѣхали на большую дорогу.

— Да, — сказалъ Николай. — Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, мнѣ отлично, отлично. Мнѣ такъ хорошо, — съ недоумѣніемъ даже сказала Наташа. Они долго молчали.

Ночь была темная и сырая. Лошади не видны были; только слышно было, какъ онѣ шлепали по невидной грязи.

Что дѣлалось въ этой дѣтской воспріимчивой душѣ, такъ жадно ловившей и усвоивавшей всѣ разнообразнѣйшія впечатлѣнія жизни? Какъ это все укладывалось въ ней? Но она была очень счастлива. Уже подъѣзжая къ дому, она вдругъ запѣла мотивъ пѣсни: «Какъ со вечера пороша», — мотивъ, который она ловила всю дорогу и, наконецъ, поймала.

— Поймала? — сказалъ Николай.

— Ты о чемъ думалъ теперь, Николенька? — спросила Наташа. Они любили это спрашивать другъ у друга.

— Я? — сказалъ Николай, вспоминая: — вотъ видишь ли, сначала я думалъ, что Ругай, красный кобель, похожъ на дядюшку, и что ежели бы онъ былъ человѣкъ, то онъ дядюшку все бы еще держалъ у себя, ежели не за скачку, такъ за лады, все бы держалъ. Какъ онъ ладенъ, дядюшка! Не правда ли?... Ну, а ты?

— Я? Постой, постой. Да, я думала сначала, что вотъ мы ѣдемъ и думаемъ, что мы ѣдемъ домой, а мы Богъ знаетъ, куда ѣдемъ въ этой темнотѣ, и вдругъ пріѣдемъ и увидимъ, что мы не въ Отрадномъ, а въ волшебномъ царствѣ. А потомъ еще я думала... Нѣтъ, ничего больше.

— Знаю, вѣрно про *него* думала, — сказалъ Николай, улыбаясь, какъ узнала Наташа по звуку его голоса.

— Нѣтъ, — отвѣчала Наташа, хотя дѣйствительно она вмѣстѣ съ тѣмъ думала и про князя Андрея и про то, какъ бы ему понравился дядюшка. — А еще я все повторяю, всю дорогу повторяю: какъ Анисьюшка хорошо выступала, хорошо... — сказала Наташа. И Николай услыхалъ ея звонкій, безпричинный, счастливый смѣхъ. — А знаешь, — вдругъ сказала она: — я знаю, что никогда уже не буду такъ счастлива, спокойна, какъ теперь.

— Вотъ вздоръ, глупости, вранье! — сказалъ Николай и подумалъ: «Что за прелесть эта моя Наташа! Такого другого друга у меня нѣтъ и не будетъ. Зачѣмъ ей выходить замужъ — все бы съ ней ѣздили!»

«Экая прелесть этотъ Николай!» думала Наташа.

— А! еще огонь въ гостиной, — сказала она, указывая на окна дома, красиво блестѣвшія въ мокрой, бархатной темнотѣ ночи.

Л. Н. Толстой.

13. Поля.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
порой для взора нѣтъ границъ...
и все поля по сторонамъ,
и надъ полями стаи птицъ...
Я ѣду день, я ѣду два —
и все поля, кругомъ поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
а тамъ поля, опять поля...
Порой ручей, порой оврагъ,
а тамъ поля, опять поля!
и въ золотыхъ опять волнахъ
съ холма на холмъ взлетаю я...
Но гдѣ же люди? Ни души
среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
передо мною пролетѣлъ...
въ пыли лишь красный воротникъ
да черный усъ я разглядѣлъ...
Вотъ, наконецъ, бредетъ старикъ...
остановился, шляпу снялъ,
бормочетъ что-то... — Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! Съ чѣмъ Господь послалъ? —
— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить—
не подвезете ль старика?» —
— Садись! Зачѣмъ не услужить,
услуга жъ такъ не велика!
Садись! — «Я здѣсь, на облучокъ...» —
— Да мѣсто есть: садись рядкомъ! —

Но тутъ ужъ взять никто бъ не могъ:
старикъ уперся на своемъ;
твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
и къ обращенію привыкъ,
и знаетъ свѣтъ, иначе бъ былъ
«необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
цвѣтисто-вычурная рѣчь;
одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
и бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— «Я былъ дворовый человѣкъ, —
онъ говорилъ, — у князя Б.
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
на волѣ! Самъ ужъ по себѣ!»

— И слава Богу! — «Какъ кому!
и какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
отъ всей ихъ воли — толку нѣтъ!

«Еще я нонѣшнихъ князей,
выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
я въ домѣ, можетъ, первый былъ.

«Да вотъ, настали времена!
теперь иди, хоть волкомъ вой!
стара собака, не година,
ѣстъ даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!

«Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
а хочешь землю, молъ? — Такъ я:
— покорно васъ благодаримъ! —

Жаль ихъ самихъ!» И тутъ старикъ
повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
заброшенъ сахарный заводъ,

слѣда ужъ нѣтъ оранжерей;
охота, птичникъ и пруды,
и всѣ забавы для гостей,
и карусели, и сады —

все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба — прежде городокъ
была; вездѣ присмотръ, народъ, —
и пей и ѣшь! Все было въ прокъ!

«Да, вспомянёшь про старину!»
онъ заключилъ: «былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! Право, ну!
Да что она? Одинъ развратъ!

«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
казалось, силы напрягалъ,
какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ»,
сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
на ямщика: «спросите ихъ,
куда глядятъ? Чего хотятъ!»

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
никакъ желанное словцо
не попадало на языкъ...

«Чего?» онъ началъ было вслухъ...
да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ, —
и тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
впередъ, — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
и кони ль вторили ему, —

но мы неслись, какъ отъ волковъ,
какъ изъ-подъ тучи грозовой,
какъ бы мучителей-бѣсовъ
погоню слыша за собой..

Неслись... А вкругъ по сторонамъ
поля мелькали, и не разъ
овечье стадо здѣсь и тамъ
кидалось въ сторону отъ насъ.

Неслись.. «Куда жъ те дьяволъ мчитъ!»
вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь въ даль глядитъ,
а даль-то, даль — какъ широка!

А. Майковъ.

14. Встрѣча Штольца съ Захаромъ.

Однажды, около полудня, шли по деревяннымъ тротуарамъ на Выборгской сторонѣ два господина; сзади нихъ тихо ѣхала коляска. Одинъ изъ нихъ былъ Штольцъ (пріятель Обломова), другой — его пріятель литераторъ, полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ-будто сонными глазами. Они поравнялись съ церковью; обѣдня кончилась, и народъ повалилъ на улицу; впереди всѣхъ нищіе. Коллекція ихъ была большая и разнообразная.

— Я бы хотѣлъ знать, откуда нищіе берутся? — сказалъ литераторъ, глядя на нищихъ.

— Какъ откуда? Изъ разныхъ щелей и угловъ наползаютъ...

— Я не то спрашиваю, — возразилъ литераторъ, — я хотѣлъ бы знать: какъ можно сдѣлаться нищимъ, стать въ это положеніе? Дѣлается ли это внезапно или постепенно, искренно или фальшиво?

— Зачѣмъ тебѣ? Не хочешь ли писать «Тайны Петербурга?»

— Можетъ-быть... — лѣниво зѣвая, проговорилъ литераторъ.

— Да вотъ случай: спроси любого, за рубль серебромъ онъ тебѣ продастъ всю свою исторію, а ты запиши и перепродай съ барышомъ. Вотъ старикъ, типъ нищаго, кажется, самый нормальный. Эй, старикъ! Поди сюда! — Старикъ обернулся на зовъ, снялъ шапку и подошелъ къ нимъ.

— Милосердные господа! — захрипѣлъ онъ: — помогите бѣдному, увѣчному въ тридцати сраженіяхъ, престарѣлому воину...

— Захаръ! — съ удивленіемъ сказалъ Штольцъ, — это ты?

Захаръ вдругъ замолчалъ, потомъ, прикрывъ глаза рукой отъ солнца, пристально поглядѣлъ на Штольца.

— Извините, ваше превосходительство, не признаю... ослѣпъ совсѣмъ.

— Забылъ друга своего барина, Штольца, — упрекнулъ Штольцъ.

— Ахъ, ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Господи, слѣпота одолѣла! Батюшка, отецъ родной!

Онъ суетился, ловилъ руку Штольца и, не поймавъ, поцѣловалъ полу его платья.

— Привелъ Господь дожить до этакой радости меня, пса окаяннаго... — завопилъ онъ, не то плача, не то смѣясь. Все лицо его какъ-будто прожжено было багровой печатью, отъ лба до подбородка. Носъ былъ сверхъ того подернутъ синевой.

Голова совсѣмъ лысая; бакенбарды были, попрежнему, большія, но смятыя и перепутанныя, какъ войлокъ; въ каждой точно положено было по комку снѣга. На немъ была ветхая, совсѣмъ полинявшая шинель, у которой недоставало одной полы; обутъ онъ былъ въ старыя стоптанныя галоши на босую ногу; въ рукахъ держалъ мѣховую, совсѣмъ обертую шапку.

— Ахъ, ты Господи милосердый! Какую милость сотворилъ мнѣ сегодня для праздника...

— Что ты это въ какомъ положеніи? Отчего? Тебѣ не стыдно? — строго спросилъ Штольцъ.

— Ахъ, батюшка, Андрей Иванычъ! Что жъ дѣлать? — тяжело вздохнувъ, началъ Захаръ: — Чѣмъ питаться? Бывало, когда Анисья (его жена) была жива, такъ я не шатался, былъ кусокъ и хлѣба, а какъ она померла въ холеру — царство ей небесное, — братецъ барынинъ (жены Обломова) не захотѣли держать меня, звали дармоѣдомъ. Попрековъ сколько перенесъ! Повѣрите ли, сударь, кусокъ хлѣба въ горло не шелъ. Кабы не барыня, дай Богъ ей здоровья! — прибавилъ Захаръ крестясь:— давно бы сгибъ я на морозѣ. Она одежонку на зиму даетъ и хлѣба, сколько хочешь, и на печкѣ уголъ — все, по милости своей, давала. Да изъ-за меня и ее стали попрекать, я и ушелъ, куда глаза глядятъ! Вотъ теперь второй годъ мыкаю горе...

— Зачѣмъ на мѣсто не шелъ? — спросилъ Штольцъ.

— Гдѣ, батюшка Андрей Иванычъ, нынче мѣсто найдешь? Былъ на двухъ мѣстахъ, да не потрафилъ. Все не то теперь, не попрежнему: хуже стало. Въ лакеи грамотныхъ требуютъ; да и у знатныхъ господъ нѣтъ ужъ этого, чтобы въ передней биткомъ набито было народу. Все по одному, рѣдко гдѣ два лакея. Сапоги сами снимаютъ съ себя: какую-то машинку выдумали! — съ сокрушеніемъ продолжалъ Захаръ: — Срамъ, стыдъ, пропадаетъ барство!

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ, опредѣлился было я къ нѣмцу, къ купцу, въ передней сидѣть; все шло хорошо, а онъ меня послалъ къ буфету служить: мое ли дѣло? Однажды понесъ посуду, какую-то богемскую, что ли, полы-то гладкіе, скользкіе — чтобъ имъ провалиться! Вдругъ ноги у меня врозь, вся посуда, какъ есть съ подносомъ, и грянулась о земь: ну, и прогнали! Въ другорядъ одной старой графинѣ видомъ понравился, «почтенный на взглядъ», говоритъ, и взяла въ швейцары. Должность хорошая, старинная: «сиди только важнѣе на стулѣ, положи ногу на ногу, покачивай, да не отвѣчай сразу, когда кто придетъ, а сперва зарычи, а потомъ ужъ пропусти или въ шею вытолкай, какъ понадобится; а хорошимъ гостямъ, извѣстно: булавой наотмашь, вотъ такъ! — Захаръ сдѣлалъ рукой наотмашь. — Оно лестно,

что говорить! Да барыня попалась такая неугодливая — Богъ съ ней! Разъ заглянула ко мнѣ въ каморку, увидала клопа,

Съ картины Максимова.

растопалась, раскричалась, словно я выдумалъ клоповъ! Когда безъ клопа хозяйство бываетъ! Въ другой разъ шла мимо меня, почудилось ей, что виномъ отъ меня пахнетъ... такая, право! И отказала.

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, пахнетъ, такъ и несетъ! — сказалъ Штольцъ.

— Съ горя, батюшка, Андрей Иванычъ, ей-Богу, съ горя! — засипѣлъ Захаръ, сморщившись горько. — Попробовалъ тоже извозчикомъ ѣздить. Нанялся къ хозяину, да ноги ознобилъ: силъ-то мало, старъ сталъ! Лошадь попалась злющая; однажды подъ карету бросилась, чуть не изломала меня; въ другой разъ старуху смялъ, въ часть взяли...

— Ну, полно, не бродяжничай и не пьянствуй, приходи ко мнѣ, я тебѣ уголъ дамъ, въ деревню поѣдемъ — слышишь?

— Слышу, батюшка, Андрей Иванычъ, да... — онъ вздохнулъ — ѣхать-то не охота отсюда, отъ могилки-то! Нашъ-то кормилецъ-то, Илья Ильичъ, — завопилъ онъ: — опять помянулъ его сегодня, царство ему небесное! Этакого барина отнялъ Господь! На радость людямъ жилъ, жить бы ему сто лѣтъ... — всхлипывалъ и приговаривалъ Захаръ морщась. — Вотъ, сегодня на могилкѣ у него былъ; какъ въ эту сторону приду, такъ и туда, сяду да и сижу; слезы такъ и текутъ... Этакъ-то иногда задумаюсь, притихнетъ все, и почудится, какъ-будто кличетъ: «Захаръ! Захаръ!» Инда мурашки по спинѣ побѣгутъ! Не нажить такого барина! А васъ-то какъ любилъ; помяни, Господи, его душеньку во царствіи своемъ.

— Ну, приходи на Андрюшу (жена Обломова по смерти мужа отдала Андрюшу на воспитаніе Штольцу) взглянуть: я тебя велю накормить, одѣть, а тамъ какъ хочешь! — сказалъ Штольцъ и далъ ему денегъ.

— Приду; какъ не прійти взглянуть на Андрея Ильича? Чай великонекъ сталъ! Господи! Радости какой привелъ дождаться Господь! Приду, батюшка, дай Богъ вамъ добраго здоровья и несчетные годы... — ворчалъ Захаръ вслѣдъ уѣзжавшей колескѣ.

И. Гончаровъ.

Тема. *Крѣпостной слуга въ русской художественной литературѣ.*

15. Деревня.

РИВѢТСТВУЮ тебя, пустынный уголокъ,
пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
на лонѣ счастья и забвенья!
Я — твой! я промѣнялъ роскошный дворъ царей,
роскошные пиры, забавы, заблужденья
на мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
на праздность вольную, подругу размышленья.

Я — твой! люблю сей темный садъ
съ его прохладой и цвѣтами,
сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины,
здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда;
за ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
вдали разсыпанныя хаты,
на влажныхъ берегахъ бродящія стада,
овины дымные и мельницы крылаты;
вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
учуся въ истинѣ блаженство находить,
свободною душой законъ боготворить,
роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
и не завидовать судьбѣ
злодѣя иль глупца, въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
и ваши творческія думы
въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
другъ человѣчества печально замѣчаетъ
вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
на пагубу людей избранное судьбой,
здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
присвоило себѣ насильственной лозой
и трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
неумолимаго владѣльца...
Опора милая старѣющихъ отцовъ —
младые сыновья, товарищи трудовъ,
изъ хижины родной идутъ собою множить
дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ,
и не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
и рабство, падшее по манію царя,
и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

А. Пушкинъ.

16. Платонъ Каратаевъ.

...Пьера[1]) отдѣлили отъ другихъ подсудимыхъ и оставили одного въ небольшой разоренной церкви. Передъ вечеромъ караульный унтеръ-офицеръ съ двумя солдатами вошелъ въ церковь и объявилъ Пьеру, что онъ прощенъ и поступаетъ теперь въ бараки военноплѣнныхъ. Его привели къ построеннымъ вверху поля изъ обгорѣлыхъ досокъ, бревенъ и тесу балаганамъ и ввели въ одинъ изъ нихъ. Въ темнотѣ человѣкъ двадцать различныхъ людей окружили Пьера... Рядомъ съ нимъ сидѣлъ согнувшись какой-то маленькій человѣкъ, присутствіе котораго Пьеръ замѣтилъ сначала по крѣпкому запаху по́та, который отдѣлялся отъ него при всякомъ его движеніи. Человѣкъ этотъ что-то дѣлалъ въ темнотѣ съ своими ногами, и, несмотря на то, что Пьеръ не видѣлъ его лица, онъ чувствовалъ, что человѣкъ этотъ без-

[1]) Герой романа Л. Н. Толстого „Война и Миръ“, попавшій въ плѣнъ къ французамъ, когда они заняли Москву въ 1812 году.

престанно взглядывалъ на него. Присмотрѣвшись въ темнотѣ, Пьеръ понялъ, что человѣкъ этотъ разувался. И то, какимъ образомъ онъ это дѣлалъ, заинтересовало Пьера.

Размотавъ бечевки, которыми была завязана одна нога, онъ аккуратно свернулъ бечевки и тотчасъ принялся за другую ногу, взглядывая на Пьера. Пока одна рука вѣшала бечевку, другая уже принималась разматывать другую ногу. Такимъ образомъ аккуратно, круглыми, спорыми, безъ замедленія слѣдовавшими одно за другимъ движеніями, разувшись, человѣкъ развѣсилъ свою обувь на колышки, вбитые у него надъ головой, досталъ ножикъ, обрѣзалъ что-то, сложилъ ножикъ, положилъ подъ изголовье и, получше усѣвшись, обнялъ свои поднятыя колѣни обѣими руками и прямо уставился на Пьера. Пьеру чувствовалось что-то пріятное, успокоительное и круглое въ этихъ спорыхъ движеніяхъ, въ этомъ благоустроенномъ въ углу его хозяйствѣ, въ запахѣ даже этого человѣка, и онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него:

— А много вы нужды увидали, баринъ, а? — сказалъ вдругъ маленькій человѣкъ. И такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы. Маленькій человѣкъ въ ту же секунду, не давая Пьеру времени выказать свое смущеніе, заговорилъ тѣмъ же пріятнымъ голосомъ.

— Э, соколикъ, не тужи, — сказалъ онъ съ тою нѣжно-пѣвучею лаской, съ которою говорятъ старыя русскія бабы. — Не тужи, дружокъ: часъ терпѣть, а вѣкъ жить! Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. Тоже люди и худые и добрые есть, — сказалъ онъ и, еще говоря, гибкимъ движеніемъ перегнулся на колѣни, всталъ и прокашливаясь пошелъ куда-то.

— Ишь, шельма, пришла! — услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ же ласковый голосъ. — Пришла, шельма, помнитъ! Ну-ну, буде! — И солдатъ, отталкивая отъ себя собачонку, прыгавшую къ нему, вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ. Въ рукахъ у него было что-то завернутое въ тряпкѣ.

— Вотъ, покушайте, баринъ, — сказалъ онъ, опять возвращаясь къ прежнему почтительному тону, развертывая и подавая Пьеру нѣсколько печеныхъ картошекъ. — Въ обѣдъ похлебка была. А картошки важнѣющія!

Пьеръ не ѣлъ цѣлый день, и запахъ картофеля показался ему необыкновенно пріятнымъ. Онъ поблагодарилъ солдата и сталъ ѣсть.

— Что жъ, такъ-то? — улыбаясь сказалъ солдатъ и взялъ одну изъ картошекъ. — А ты вотъ какъ. — Онъ досталъ опять складной ножикъ, разрѣзалъ на своей ладони картошку на рав-

ныя двѣ половины, посыпалъ соли изъ тряпки и поднесъ Пьеру.

Пьеру казалось, что онъ никогда не ѣлъ кушанья вкуснѣе этого.

— А ты давно здѣсь? — спросилъ Пьеръ, дожевывая послѣднюю картошку.

— Я-то? Въ то воскресенье меня взяли изъ гошпиталя въ Москвѣ.

— Ты кто же, солдатъ?

— Солдаты Апшеронскаго полка. Отъ лихорадки умиралъ. Намъ и не сказали ничего. Нашихъ человѣкъ двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Что жъ, тебѣ скучно здѣсь? — спросилъ Пьеръ.

— Какъ не скучно, соколикъ. Меня Платономъ звать, Каратаевы прозвище, — прибавилъ онъ, видимо, съ тѣмъ, чтобы облегчить Пьеру обращеніе къ нему. — Соколикомъ на службѣ прозвали. Какъ не скучать, соколикъ! Москва, она городамъ мать. Какъ не скучать, на это смотрѣть. Да червь капусту гложе, а самъ прежде того пропадае; такъ-то старички говаривали, — прибавилъ онъ быстро.

— Какъ, какъ это ты сказалъ? — спросилъ Пьеръ.

— Я-то? — спросилъ Каратаевъ. — Я говорю: не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ, — сказалъ онъ, думая, что повторяетъ сказанное. И тотчасъ же продолжалъ: — Какъ же у васъ, баринъ, и вотчины есть? И домъ есть? Стало-быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы? — спрашивалъ онъ, и хотя Пьеръ не видѣлъ въ темнотѣ, но чувствовалъ, что у солдата морщились губы сдержанной улыбкой ласки въ то время, какъ онъ спрашивалъ это. Онъ, видимо, былъ огорченъ тѣмъ, что у Пьера не было родителей, въ особенности матери.

— Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матушки! — сказалъ онъ. — Ну, а дѣтки есть? — продолжалъ онъ спрашивать. Отрицательный отвѣтъ Пьера опять, видимо, огорчилъ его, и онъ поспѣшилъ прибавить: — Что жъ, люди молодые, еще, дастъ Богъ, будутъ, только бы въ совѣтѣ жить...

— Да теперь все равно, — невольно сказалъ Пьеръ.

— Эхъ, милый человѣкъ ты, — возразилъ Платонъ. — Отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся. — Онъ усѣлся получше, прокашлялся, видимо, приготовляясь къ длинному разсказу. — Такъ-то, другъ мой любезный, жилъ я еще дома, — началъ онъ. — Вотчина у насъ богатая, земли много, хорошо живутъ мужики, и нашъ домъ — слава тебѣ Богу. Самъ-семъ батюшка косить выходилъ. Жили хорошо. Христьяне настоящіе были... Случись... — и Платонъ Каратаевъ разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ поѣхалъ въ чужую рощу за лѣсомъ

и попался сторожу, какъ его сѣкли, судили и отдали въ солдаты. — Что жъ, соколикъ, — говорилъ онъ измѣняющимся отъ улыбки голосомъ, — думали горе, анъ радость. Брату бы итти, кабы не мой грѣхъ. А у брата меньшого самъ-пятъ ребятъ, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была дѣвочка, да еще до солдатства Богъ прибралъ. Пришелъ я на побывку, скажу я тебѣ. Гляжу — лучше прежняго живутъ. Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ. Одинъ Михайла, меньшой, дома... Батюшка и говоритъ: «всѣ дѣтки равны: какой палецъ ни укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы итти». Позвалъ онъ всѣхъ — вѣришь — поставилъ передъ образа. «Михайла, говоритъ, поди сюда, кланяйся ему въ ноги, и ты, баба, кланяйся, и внучата, кланяйтесь». «Поняли?» говоритъ. Такъ-то, другъ мой любезный. Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нѣту. Такъ-то.

И Платонъ пересѣлъ на своей соломѣ. Помолчавъ нѣсколько времени, Платонъ всталъ.

— Что жъ, я чай, спать хочешь? — сказалъ онъ и быстро началъ креститься, приговаривая:

— Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ — помилуй и спаси насъ! — заключилъ онъ, поклонился въ землю, всталъ, вздохнулъ и сѣлъ на свою солому. — Вотъ такъ-то. Положи, Боже, камушкомъ, подними калачикомъ, — проговорилъ онъ и легъ, натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читалъ? — спросилъ Пьеръ.

— Ась? — проговорилъ Платонъ (онъ было уже заснулъ). — Читалъ что? Богу молился. А ты развѣ не молишься?

— Нѣтъ, и я молюсь, — сказалъ Пьеръ. — Но что ты говорилъ: Фрола и Лавра?

— А какъ же, — быстро отвѣчалъ Платонъ, — лошадиный праздникъ. И скота жалѣть надо, — сказалъ Каратаевъ. — Вишь, шельма, свернулась. Угрѣлась, — сказалъ онъ, ощупавъ собаку у своихъ ногъ, и, повернувшись опять, тотчасъ же заснулъ.

Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крики, и сквозь щель балагана виднѣлся огонь, но въ балаганѣ было тихо и темно. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнью Платона, лежавшаго подлѣ него...

Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ,

три офицера и два чиновника. Всѣ они потомъ, какъ въ туманѣ, представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго. Когда на другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидалъ своего сосѣда, первое впечатлѣніе чего-то круглаго подтвердилось вполнѣ: вся фигура Платона въ его подпоясанной веревкой французской шинели, въ фуражкѣ и лаптяхъ, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ, какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ; но зубы его, ярко-бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выказывались своими двумя полукругами, когда онъ смѣялся (что онъ часто дѣлалъ), были всѣ хороши и цѣлы; ни одного сѣдого волоса не было въ его бородѣ и волосахъ, и все тѣло его имѣло видъ гибкости и въ особенности твердости и сносливости.

Лицо его, несмотря на мелкія круглыя морщинки, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главная особенность его рѣчи состояла въ непосредственности и спорости. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что онъ сказалъ и что онъ скажетъ, и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонацій была особенная неотразимая убѣдительность.

Физическія силы его и поворотливость были таковы первое время плѣна, что, казалось, онъ не понималъ, что такое усталость и болѣзнь. Каждый день утромъ и вечеромъ, ложась, онъ говорилъ: «Положи, Господи, камушкомъ, подними калачикомъ»; поутру, вставая, всегда одинаково, пожимая плечами, говорилъ: «Легъ — свернулся, всталъ — встряхнулся». И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ, и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое-нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, тачалъ сапоги. Онъ всегда былъ занятъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разговоры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ, какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было такъ же необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ видимо отбросилъ отъ себя все напущенное на него, чуждое, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу.

Л. Н. Толстой.

17. Ермилъ Гиринъ.

Садись, а мы послушаемъ,
какой-такой Ермилъ. —
— А вотъ какой: сиротскую
держалъ Ермила мельницу
на Унжѣ. По суду
продать рѣшили мельницу.
Пришелъ Ермила съ прочими
въ палату на торги.
Пустые покупатели
скоренько отвалилися;
одинъ купецъ Алтынниковъ
съ Ермилой въ бой вступилъ.
Не отстаетъ, торгуется,
наноситъ по копеечкѣ;
Ермила какъ разсердится —
хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копеечку...
Пошло у нихъ сраженіе:
купецъ его копейкою,
а тотъ его рублемъ.
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
тотчасъ же стали требовать
задатковъ третью часть,
а третья часть — до тысячи.
Съ Ермиломъ денегъ не было:
ужъ самъ ли онъ сплошалъ
схитрили ли подьячіе, —
а дѣло вышло дрянь.
Повеселѣлъ Алтынниковъ:
— моя, выходитъ, мельница!
«Нѣтъ!» говоритъ Ермилъ.
Подходитъ къ предсѣдателю:
«нельзя ли вашей милости
помѣшкать полчаса?»
— Что въ полчаса ты сдѣлаешь?
«Я денегъ принесу».
— А гдѣ найдешь? Въ умѣ ли ты?
верстъ тридцать пять до мельницы,
а черезъ часъ присутствію
конецъ, любезный мой! —
«Такъ полчаса позволите?»
— Пожалуй, часъ промѣшкаемъ...
Пошелъ Ермилъ. Подьячіе
съ купцомъ переглянулися,
смѣются подлецы!

На площадь на торговую
пришелъ Ермила (въ городѣ
тотъ день базарный былъ),
сталъ на возъ, видимъ — крестится,
на всѣ четыре стороны
поклонъ и громкимъ голосомъ

кричитъ: «Эй, люди добрые,
притихните, послушайте,
я слово вамъ скажу!»
Притихла площадь людная,
и тутъ Ермилъ про мельницу
народу разсказалъ:
«давно купецъ Алтынниковъ
присватывался къ мельницѣ,
да не плошалъ и я;
разъ пять справлялся въ городѣ;
сказали: съ переторжкою
назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
возить казну крестьянину
проселкомъ не рука.
Пріѣхалъ я безъ грошика;
анъ, глядь, они спроворили
безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
да и смѣются нехристи:
— что часомъ ты подѣлаешь?
— гдѣ денегъ ты найдешь?
Авось найду, Богъ милостивъ!
Хитры, сильны подьячіе,
а міръ ихъ посильнѣй;
богатъ купецъ Алтынниковъ,
а все не устоять ему
противъ мірской казны —
ее, какъ рыбу изъ моря,
вѣка ловить — не выловить.
Ну, братцы, видитъ Богъ,
раздѣлаюсь въ ту пятницу:
не дорога мнѣ мельница,
обида велика!
Коли Ермила знаете,
коли Ермилу вѣрите,
такъ выручайте, что ль!»
И чудо сотворилося:
на всей базарной площади,
у каждаго крестьянина,
какъ вѣтромъ, полу лѣвую
заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось,
несутъ Ермилу денежки,
даютъ, кто чѣмъ богатъ.
Ермила парень грамотный,
да некогда записывать —
успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
цѣлковиковъ, лобанчиковъ,
прожженой, битой, трепаной
крестьянской ассигнаціи;
Ермила бралъ, не брезговалъ
и мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать,
когда тутъ попадалася
иная гривна мѣдная
дороже ста рублей!
Ужъ сумма вся исполнилась,
а щедрота народная
росла: «Бери, Ермилъ Ильичъ!
Отдашь, не пропадетъ!»
Ермилъ народу кланялся
на всѣ четыре стороны,
въ палату шелъ со шляпою,
зажавши въ ней казну.
Сдивилися подьячіе,
позеленѣлъ Алтынниковъ,
какъ онъ сполна всю тысячу
имъ выложилъ на столъ!...
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ:
пошли юлить подьячіе,
съ покупкой поздравлять.
Да не таковъ Ермилъ Ильичъ:
не молвилъ слова лишняго,
копейки не далъ имъ...

Глядѣть весь городъ съѣхался,
какъ въ день базарный — пятницу,
черезъ недѣлю времени,
Ермилъ на той же площади
разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
въ горячкѣ, второпяхъ:

однако спору не было,
и выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ —
рубль лишній, чей, — Богъ вѣдаетъ,
остался у него.
Весь день съ мошной раскрытою
ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
чей рубль, да не нашелъ.
Ужъ солнце закатилося,
когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,
отдавъ тотъ рубль слѣпымъ.
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ!
Чудёнъ! сказали странники:
однако знать желательно —
какимъ же колдовствомъ
мужикъ надъ всей округою
такую силу взялъ?
— Не колдовствомъ, а правдою.

Н. Некрасовъ.

18. Власъ.

Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ,
съ обнаженной головой,
медленно проходитъ городомъ
дядя Власъ — старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная:
проситъ онъ на Божій храмъ.
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
на щекѣ глубокій шрамъ.
Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было: побоями
въ гробъ жену свою вогналъ;
промышляющихъ разбоями,
конокрадовъ укрывалъ.
У всего сосѣдства бѣднаго
скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
не повѣритъ гроша мѣднаго,
втрое съ нищаго сдеретъ.
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго...
Слылъ кацеемъ-мужикомъ;
нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!
Власу худо — кличетъ знахаря:
да поможешь ли тому,
кто снималъ рубашку съ пахаря,
кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ — а Власъ лежитъ
и построить церковь божится,
если смерти избѣжитъ.
Говорятъ, ему видѣніе
все мерещилось въ бреду, —
видѣлъ свѣта преставленіе,
видѣлъ грѣшниковъ въ аду:
мучатъ бѣсы ихъ проворные,
жалитъ вѣдьма-егоза;
эѳіопы — видомъ черные
и какъ угліе глаза.
Крокодилы, змѣи, скорпіи
припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
воютъ грѣшники въ прискорбіи,
цѣпи ржавыя грызутъ.
Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
удушаетъ лютый смрадъ,
и кружитъ надъ ними съ хохотомъ
черный тигръ-шестикрылатъ.
Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ.
Сочтены дѣла безумныя...
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
могутъ лучше разсказать...
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
и послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь — и душу грѣшную

воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
самъ остался босъ и голъ,
и сбирать на построеніе
храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
подаяніемъ питается —
строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
въ дѣло Божіе ушла:
словно сроду жадность дикая
непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
смуглолицъ, высокъ и прямъ,
ходитъ онъ стопой неспѣшною
по селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
былъ у матушки-Москвы;
и у Каспія широкаго,
и у царственной Невы.
Словомъ истины евангельской
собирая Богу дань,
побываетъ и въ Архангельскѣ,
проберется и въ Рязань...
Ходитъ съ образомъ и книгою,
самъ съ собою говоритъ,
и желѣзною веригою
тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ зимушку студеную,
ходитъ въ лѣтнія жары,
вызывая Русь крещеную
на посильные дары —
и даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
вырастаютъ храмы Божіи
по лицу земли родной...

Н. А. Некрасовъ.

Съ картины В. Маковскаго.

Какой изъ художественныхъ типовъ вспоминается вамъ при взглядѣ на этого старика?

19. Бирюкъ.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ вожжой по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозняками, поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины — слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ пріютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? — спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, — продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, — отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ», и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налѣво, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился.

— Вотъ мы и дома, баринъ, промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Калитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяло. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. «Сичасъ, сичасъ!» раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на дорогѣ.

— Посвѣти барину, — сказалъ онъ ей, — а я ваши дрожки подъ навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ полатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье. въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердце во мнѣ заныло: не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлькѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? — спросилъ я дѣвочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, — прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? — проговорилъ онъ и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу.

Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, — отвѣчалъ онъ: — а по прозвищу Бирюкъ.

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ разсказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: «Вязанки хворосту не дастъ утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается».

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, — повторилъ я: — я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо: даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

— Нѣтъ... да... умерла, — прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ. — На, дай ему, — проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ. Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, баринъ, — началъ онъ: — нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба...

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма непріятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка

поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелясь.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ я.

— Улитой, — проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, — замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? — спросилъ я.

— А въ лѣсу шалятъ... У Кобыльяго Верху дерево рубятъ, — прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темно-синее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. — Во... вотъ, — проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: — вишь какую ночку выбралъ. — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса... — «А этакъ я, пожалуй, — прибавилъ онъ вслухъ: — и прозѣваю его». — «Я съ тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте».

Мы пошли; Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора. — «Вишь, — бормоталъ онъ сквозь зубы: — слышите? слышите?» — «Да гдѣ?» — Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и кропивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

— Повалилъ... — пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться; въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались, наконецъ, изъ оврага. — «Подождите здѣсь», шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье кверху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабые звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... «Куда? стой!» загре-

мѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. Другой голосъ закричалъ жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь,

Съ картины Коровина.

вре-ешь, — твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ; — не уйдешь...» Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на

каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, — шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. «Ну, поворачивайся, ворона!» промолвилъ онъ сурово. — «Топорикъ-то, вонъ, возьмите», пробормоталъ мужикъ. «Зачѣмъ ему пропадать!» сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Мы отправились. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его, какой полилъ, — замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, — продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай, — перебилъ я Бирюка.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ѳома Кузьмичъ, — заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а Ѳома Кузьмичъ.

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... Съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ, — угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, — твердилъ мужикъ: — прикащикъ... разорены, во-какъ... отпусти!

— Разорены!... Воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣстъ, во́-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, — повторялъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ: — отпусти, ей Богу, отпусти! я заплачу, во́-какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи... дѣтки пищатъ, самъ знаешь. Круто, во-какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжалъ мужикъ, — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорятъ, нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что́ съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бѣднякъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на», началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: «на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей»...

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ? — заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что ли?

— Пьянъ!... не на твои ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ ты... да я тебя!...

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: — бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась въ него.) Бей, бей!

— Молчать! — загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, — закричалъ я: — оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, — продолжалъ несчастный. — Все

едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, недолго тебѣ чваниться! затянутъ тебѣ глотку, постой!

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ! — крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но къ крайнему моему удивленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошадью! — закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, — перебилъ онъ меня съ досадой: — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу, — прибавилъ онъ: — знать дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ застучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся! — пробормоталъ онъ: — да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

И. С. Тургеневъ.

Отмѣтьте въ разсказѣ мѣста, характеризующія крестьянскую жизнь при крѣпостномъ правѣ.

— Прочтите разсказъ Мамина-Сибиряка «Послѣдняя треба».

Тема. *Бирюкъ и лѣсникъ Евтропъ (планъ: 1) внѣшній ихъ видъ, 2) образъ жизни, 3) пониманіе своихъ обязанностей, 4) душевныя качества, 5) отношеніе къ нимъ крестьянъ и чѣмъ оно объясняется).*

20. Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
за кудрявый лѣсъ спускается;
лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
спитъ, вся искрами обрызгана,
пылью розовой осыпана,
да каменьями унизана.

Не слыхать-то въ полѣ голоса,
молча воронъ на межѣ сидитъ,
только слышенъ голосъ пахаря,
за сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
бороздами подымается,
конь идетъ — понурилъ голову,
мужичокъ идетъ — шатается...

Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣетъ рожь — тебѣ заботушка:
какъ бы градомъ не побилася,
безъ дождей въ жары не высохла,
отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ — тебѣ кручинушка:
убирать ты не управишься,
на корню-то онъ осыплется,
безъ куска-то ты останешься.
Урожай — купцы спесивятся;
годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся —
все твой дворъ не поправляется,
дѣтки грамотѣ не учатся.
Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на горе
вдоволь вчужѣ я наплакался!

И. Никитинъ.

21. Сѣятель.

Надъ холмами полосою
побѣлѣлъ востокъ вдали,
дышатъ сыростью ночною
глыбы вспаханной земли.
Видишь, мѣрными шагами
ходитъ сѣятель въ поляхъ.
Тишина, какъ въ Божьемъ храмѣ,
на землѣ и въ небесахъ.
Все кругомъ священнымъ страхомъ,
какъ предъ таинствомъ, полно,
и руки спокойнымъ взмахомъ
разсѣваетъ онъ зерно.
И для труженика снова
грудь земли родить должна
жатву хлѣба золотого
изъ погибшаго зерна,
созидая жизнь изъ смерти,
предъ лицомъ святыхъ небесъ.
О, молитесь же и вѣрьте:
это чудо изъ чудесъ!

Д. Мережковскій.

22. Косьба.

ПОСЛѢ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между шутникомъ-старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только женатымъ и пошедшимъ косить только первое лѣто. Старикъ, прямо держась, шелъ впереди, ровно и широко передвигая вывернутыя ноги, и точнымъ и ровнымъ движеніемъ, не стоившимъ ему, повидимому, болѣе труда, чѣмъ маханье рукъ на ходьбѣ, какъ бы играя, откладывалъ одинаковый, высокій рядъ, точно не онъ, а одна острая коса сама вжикала по сочной травѣ. Сзади Левина шелъ молодой Мишка. Миловидное, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ свѣжей травы, все работало отъ усилій; но, какъ только взглядывали на него, онъ улыбался. Онъ, ви-

димо, готовъ былъ умереть скорѣе, чѣмъ признаться, что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, и солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ, и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состоянія, когда можно было не думать о томъ, что дѣлаешь. Коса рѣзала сама собой. Это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты, когда, подходя къ рѣкѣ, въ которую утыкались ряды, старикъ обтиралъ мокрою, густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ свѣжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина. «Ну-ка, кваску моего! А, хорошъ?» говорилъ онъ, подмигивая.

И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка, какъ теплая вода съ плавающей зеленью и ржавымъ отъ жестяной брусницы вкусомъ. И тотчасъ послѣ этого наступала блаженная, медленная прогулка съ рукой на косѣ, во время которой можно было отереть ливший потъ, вздохнуть полной грудью и оглядѣть всю тянущуюся вереницу косцовъ и то, что дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ. Чѣмъ долѣе Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще онъ чувствовалъ минуты забытья, при которыхъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тѣло и, какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Левинъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Если бы спросили его, сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы, что полчаса; а ужъ время подошло къ обѣду. Заходя рядъ, старикъ обратилъ вниманіе Левина на дѣвочекъ и мальчиковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видные, по высокой травѣ и по дорогѣ шли къ косцамъ, неся оттягивавшіе ихъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тряпками кувшинчики съ квасомъ. — «Вишь, козявки ползутъ», сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце. Прошли еще два ряда; старикъ остановился. «Ну, баринъ, обѣдать!» сказалъ онъ рѣшительно. И, дойдя до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафтанамъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти, принесшія обѣды, Мужики собрались — дальніе подъ телѣги, ближніе подъ ракитовый кустъ, на который накидали травы.

Левинъ подсѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось уѣзжать. Всякое стѣсненіе передъ бариномъ уже давно исчезло, мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись; молодые ребята купались въ рѣкѣ; другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, на-

лилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ солью, сталъ на востокъ молиться. «Ну-ка, баринъ, моей тюрьки», сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни передъ чашкой. Тюрька была такъ вкусна, что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообѣдалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщилъ ему всѣ свои дѣла и всѣ обстоятельства, которыя могли интересовать старика.

Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сдѣлалъ то же и, несмотря на липкихъ, упорныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его потное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только, когда солнце зашло за другую сторону куста и стало доставать его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ, отбивая косы молодыхъ ребятъ. Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста. Такъ все перемѣнилось.

Огромное пространство луга было скошено и блестѣло особеннымъ, новымъ блескомъ со своими уже пахнущими рядами на вечернихъ косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и самая рѣка, прежде невидная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извивахъ, и движущійся и поднимающійся народъ, и крутая стѣна травы недокошеннаго мѣста луга, и ястреба, вившіеся надъ оголеннымъ лугомъ, — все это было совершенно ново. Очнувшись, Левинъ сталъ соображать, сколько скошено и сколько еще можно сдѣлать нынче: сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка.

Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще, поскорѣе и какъ можно больше сработать.

Гр. Л. Н. Толстой.

Теми. *Возвращеніе съ косьбы.*

23. Нива

По нивѣ прохожу я узкою межой,
поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
и колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!... О, какъ прилечь отрадно
въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
вонъ — на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
нагнувши головы, плечами напирая,
и длинной бечевой по влагѣ ударяя...

А. Н. Майковъ.

24. ⁂

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
врядъ ли труднѣе сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
все выносящаго русскаго племени
многострадальная мать!
Зной нестерпимый: долина безлѣсная,
нивы, покосы да ширь поднебесная —
солнце нещадно палитъ.
Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!
Приподнимая косулю тяжелую,
баба порѣзала ноженьку голую —
некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
баба туда — растрепалися косыньки,
надо ребенка качать!
Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
пой, терпѣливая мать!...
Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею, —
право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
капутъ они — все равно!
Вотъ она губы свои опаленныя
жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
съ кислымъ кваскомъ пополамъ?...

Н. А. Некрасовъ.

25. Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли.
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
скучно склоняться до самой земли,
тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
всякой пролетной прожорливой птицы,
заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно
въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?»...
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
«Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ — не ѣстъ и не пьетъ,
червь ему сердце больное сосетъ;
руки, что вывели борозды эти,
высохли въ щепку, повисли какъ плети;
очи потускли и голосъ пропалъ,
что заунывную пѣсню пѣвалъ,
какъ, на соху налегая рукою,
пахарь задумчиво шелъ полосою».

Н. А. Некрасовъ.

26. Каллистратъ.

Надо мной пѣвала матушка,
колыбель мою качаючи:
«Будешь счастливъ, Каллистратушка!
будешь жить ты припѣваючи!»
И сбылось по волѣ Божіей
предсказанье моей матушки:
нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣе,
нѣтъ наряднѣй Каллистратушки!
Въ ключевой водѣ купаюся,
пятерней чешу волосыньки,
урожая дожидаюся
съ непосѣянной полосыньки!
А хозяйка занимается
на нагихъ дѣтишекъ стиркою,
пуще мужа наряжается —
носитъ лапти съ подковыркою.

Н. А. Некрасовъ.

27. * * *

Возили снопы мужики,
а Дарья картофель копала
съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
трудилась; на полномъ мѣшкѣ
красивая Маша, рѣзвушка,
сидѣла съ морковкой въ рукѣ.
Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ —
савраска глядитъ на своихъ,
и Проклушка крупно шагаетъ
за возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха? —
отецъ мимоходомъ сказалъ.

«Въ горохахъ», сказала старуха.
— Гришуха! — отецъ закричалъ;
на небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
и Проклу изъ бѣлаго жбана
напиться квасу подаетъ.
Гришуха, межъ тѣмъ, отозвался:
горохомъ опутанъ кругомъ,
проворный мальчуга казался
бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
Бѣжитъ!... У, бѣжитъ пострѣленокъ,
горитъ подъ ногами трава...
Гришуха черёнъ, какъ галченокъ,
бѣла лишь одна голова...
Машутка отцу закричала:
Возьми меня, тятька, съ собой! —
Спрыгнула съ мѣшка и упала. —
Отецъ ее поднялъ: «Не вой!
Убилась — не важное дѣло»...
И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ;
вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
и съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетѣла
съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась,
и Дарьюшка долго смотрѣла,
отъ солнца рукой заслонясь,
какъ дѣти съ отцомъ приближались
къ дымящейся ригѣ своей,
и ей изъ сноповъ улыбались
румяныя лица дѣтей.

Н. А. Некрасовъ.

28. Изъ поэмы „Бродяга“.

Сіялъ, безоблаченъ, сводъ неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной,
Все будто спитъ, иль притаилось.
Жара и тишина! Манитъ издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилась медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью!
Крутого берега бѣлѣется отвѣсъ,
Водами вешними обмытый;
На немъ село; за нимъ, подалѣ, видѣнъ лѣсъ;
Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скатъ, за нимъ лежитъ просторъ,
И все луга, луга да нивы!...
Благопріятный день! крестьяне дорожатъ
Такими днями сѣнокоса,
И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телѣги, снятыя колеса,
Да по плетню кой-гдѣ развѣшано бѣлье,
Подъ нимъ разостланы полотна.
Но тихо все кругомъ, и всякое жилье
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!

Томитъ безвѣтріе. Лучъ солнца на пескѣ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ...
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ,
Какъ будто кто, купаясь, плещетъ!...
Запѣлъ пѣтухъ, другой. Окрестныхъ деревень
Поочередно, другъ за другомъ,
Пропѣли пѣвуны. На половинѣ день...
Пора труды смѣнять досугомъ!...
Да вотъ они! Изъ-за холмовъ
Несутся глухо гулъ и ропотъ,
И слышенъ въ полѣ дружный топотъ
Подъ ладъ ступающихъ шаговъ.
Домой косцы спѣшатъ соборомъ
И, пѣсню подхвативши хоромъ,
Поютъ: «Ивушка, ивушка, зеленая моя,
«Что же ты, ивушка, не зелена стоишь,
«Или те, ивушка, солнышкомъ печетъ!
«Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
«Подъ корешекъ ключева вода течетъ!...
Тянулся долго звукъ послѣдній
И стихъ: слышнѣе голоса
И говоръ стали; вотъ коса
Сверкнула вдругъ изъ-за сосѣдней
Опушки лѣса; двѣ... три... пять...
Всѣ... пѣсня грянула опять!
«Ѣхали бояре изъ Нова-города:
«Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
«Стали они ивушку потесывати,
«Сдѣлали изъ ивушки два весла,
«Два весла, третью лодочку;
«Сѣли въ лодочку, поѣхали домой,
«Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой!»...
Слетѣла съ шумомъ стая птицъ,
Все ожило. Косцы отрядомъ
Идутъ; съ ихъ загорѣлыхъ лицъ
Обильный потъ катится градомъ;
Но вотъ у самаго села,
Вдругъ пѣсня дружно замерла.
Кричатъ мальчишки: «наши, вота!»
Собачій лай, скрипятъ ворота,
И всякъ торопится домой
Къ избѣ утоптанной тропой!

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день окончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ: лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились:
Встрѣтить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится.
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!...
Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь! *И. С. Аксаковъ.*

29. Коняга.

Коняга лежитъ при дорогѣ и тяжко дремлетъ. Мужичокъ только что выпрягъ его и пустилъ покормиться. Но конягѣ не до корма. Полоса выбралась трудная, съ камешкомъ: въ великую силу они съ мужичкомъ ее одолѣли.

Коняга — обыкновенный мужичій животъ, замученный, побитый, узкогрудый, съ выпяченными ребрами и обожженными плечами, съ разбитыми ногами. Голову коняга держитъ понуро; грива на шеѣ у него свалялась; изъ глазъ и ноздрей сочится слизь; верхняя губа отвисла, какъ блинъ. Немного на такой животинѣ наработаешь, а работать надо. День деньской Коняга изъ хомута не выходитъ. Лѣтомъ съ утра до вечера землю работаетъ; зимой, вплоть до ростепели, «произведенія» возитъ.

А силы Конягѣ набраться неоткуда: такой ему кормъ, что отъ него только зубы нахлопаешь. Лѣтомъ, покуда въ ночную гоняютъ, хоть травкой мяконькой поживится, а зимой перевозитъ на базаръ «произведенія» и ѣстъ дома рѣзку изъ прѣлой соломы. Весной, какъ въ поле скотину выгонятъ, его жердями на ноги подымаютъ; а въ полѣ ни травинки нѣтъ; кой-гдѣ только торчитъ махрами сопрѣлая ветошь, которую прошлой осенью скотскій зубъ ненарокомъ обошелъ.

Худое Конягино житье. Хорошо еще, что мужикъ попался добрый и даромъ его не калѣчитъ. Выѣдутъ оба съ сохой въ поле: «ну, милый, упирайся!» — услышитъ Коняга знакомый окрикъ, и понимаетъ. Всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ вытянется, передними ногами упирается, задними забираетъ, морду къ груди пригнетъ. «Ну, каторжный, вывози!» А за сохой самъ мужичокъ грудью напираетъ, руками, словно клещами, въ соху впился, ногами въ комьяхъ земли грузнетъ, глазами слѣдитъ, какъ бы соха не слукавила, огрѣха бы не дала. Пройдутъ борозду изъ конца въ конецъ, и оба дрожатъ.

Пыльный мужицкій проселокъ узкой лентой отъ деревни до деревни бѣжитъ; юркнетъ въ деревню, вынырнетъ и опять невѣдомо куда побѣжитъ. И на всемъ протяженіи, по обѣ стороны, его поля сторожатъ. Нѣтъ конца полямъ: всю ширь и даль они заполонили; даже тамъ, гдѣ земля съ небомъ слилась, и тамъ все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженныя, — они желѣзнымъ кольцомъ охватили деревню, и нѣтъ у нея никуда выхода, кромѣ какъ въ эту зіяющую бездну полей...

Лежитъ Коняга на самомъ солнечномъ припекѣ; кругомъ ни деревца, а воздухъ до того накалился, что дыханье въ гортани захватываетъ. Изрѣдка пробѣжитъ по проселку вихрами пыль, но вѣтеръ, который поднимаетъ ее, приноситъ не освѣженіе, а новые и новые ливни зноя. Оводы и мухи, какъ бѣшеные, мечутся надъ Конягой, забиваются къ нему въ уши и въ ноздри, впиваются въ побитыя мѣста, а онъ — только ушами вздрагиваетъ отъ уколовъ.

Нѣтъ конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его Коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца краю нѣтъ. И обнаженное, и цвѣтущее, и цѣпенѣющее подъ бѣлымъ саваномъ — оно властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу съ собою вызываетъ, а прямо беретъ въ кабалу. Для всѣхъ поле — раздолье, поэзія, просторъ; для Коняги оно — кабала. Поле давитъ его, отнимаетъ у него послѣднія силы. Ходитъ Коняга отъ зари до зари, а впереди его идетъ колышущееся черное пятно и тянетъ, и тянетъ за собой. Вотъ теперь оно колышется передъ нимъ, и теперь ему, сквозь дремоту, слышится окрикъ: «ну, милый! ну, каторжный, ну!»

Никогда не потухнетъ этотъ огненный шаръ, который отъ зари до зари льетъ на Конягу потоки горячихъ лучей; никогда не прекратятся дожди, грозы, вьюги, морозъ... Для всѣхъ природа — мать, для него одного она — бичъ и истязаніе.

Нѣтъ конца работѣ! Работой исчерпывается весь смыслъ его существованія; для нея онъ зачатъ и рожденъ, и внѣ ея онъ никому не нуженъ. Не благополучіе его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько вѣковъ онъ несетъ это иго — онъ не знаетъ; сколько вѣковъ предстоитъ нести его впереди — не разсчитываетъ, и изъ всѣхъ ощущеній, доступныхъ живому организму, знаетъ только ноющую боль, которую даетъ работа.

Поле, какъ головоногъ, присосалось къ нему безчисленными щупальцами и не спускаетъ его съ урочной полосы. Какими бы наружными отличками ни надѣлилъ его случай, онъ всегда одинъ и тотъ же: побитый, замученный, еле живой. По всему полю онъ разбрелся, и тамъ и тутъ одинаково вытягивается всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ, и вездѣ все онъ, все одинъ и тотъ же безымянный Коняга.

М. Е. Салтыковъ.

30. Живыя мощи.

ПРОСНУЛСЯ ранехонько. Солнце только что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ: блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго ливня. Пока мнѣ закладывали таратайку, я пошелъ побродить по небольшому, нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной глушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они, навѣрно, унесли капли росы, и пѣсни ихъ казались орошенными росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно — всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высились,

Богъ вѣдаетъ откуда занесенные, остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ; дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый амшаникъ, куда ставятъ улья на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки и на нихъ прикрытая одѣяломъ какая-то маленькая фигура... Я пошелъ-было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый, какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ! Подойдите, пожалуйста!

Я приблизился — и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать, ни взять — икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать, — только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами, двѣ крошечныя руки, тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу, — силится... и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! — Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей въ Спасскомъ водила... помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья! — воскликнулъ я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, баринъ, — я. Я — Лукерья.

Я не зналъ, что сказать, и какъ ошеломленный глядѣлъ на это темное неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумія — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ, — высокая, полная, бѣлая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья!

— Помилуй, Лукерья, — проговорилъ я, наконецъ: — что это съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастіемъ моимъ, — сядьте вонъ на кадушечку — поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь я какая голосистая стала!... Ну ужъ и рада же я, что увидала васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но безъ остановки.

— Меня Ермолай-охотникъ сюда завезъ. Но разскажи же ты мнѣ...

— Про бѣду-то мою разсказать? Извольте, баринъ. Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василія Полякова... помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый, еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было; въ Москву уѣхали учиться... Очень мы съ Василіемъ слюбились: изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ разъ ночью... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится: соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко!... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: «Луша!...» Я глядь въ сторону, да знать спросонья — оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ — да о землю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня, собственно, то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже — полно и ногами владѣть: ни стоять, ни сидѣть не могу — все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется; все хуже, да хуже. Матушка ваша, по добротѣ своей, и лѣкарямъ меня показывала и въ больницу посылала. Однако облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лѣкарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали — и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ конецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лѣчить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно... ну, и переслали меня сюда, потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться.

— Это однакоже ужасно, твое положеніе! — воскликнулъ я...

— И такъ, ты все лежишь да лежишь?

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ-то я здѣсь лежу, въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станетъ — меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобой ходитъ? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть-то почитай что не ѣмъ ничего, а вода — вонъ она въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣтъ, нѣтъ да и навѣдается — спасибо ей. Сейчасъ тутъ она была... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насъ нѣтъ, — были, да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши: пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу — сперва очень тошно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ же образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ! А иной — слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣткомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ, а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: «тебя, молъ, исповѣдывать нечего; развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь?» Но я ему отвѣтила: «а мысленный грѣхъ, батюшка?» — Ну — говоритъ, а самъ смѣется — «это грѣхъ невеликій».

— Да я, должно быть, и этимъ самымъ мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна, — продолжала Лукерья: — потому я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорѣй проходитъ.

Я, признаюсь, удивился. — Ты все одна да одна, Лукерья; какъ же ты можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой, нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ... а такъ лежу я себѣ, лежу, полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ да заворкуетъ; курочка-насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ по-

запрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! Одна влетитъ, къ гнѣздышку припадетъ, дѣтокъ накормитъ — и вонъ. Глядишь — ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ ну пищать, да клювы разѣвать... Я ихъ и на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые.

— Я ласточекъ не стрѣляю, — поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, — начала опять Лукерья, — вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки что ли за нимъ гнались, только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!... Сѣлъ близехонько, и долго-таки сидѣлъ; все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся — да и былъ таковъ! Смѣшной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, молъ, незабавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ для разсѣянности принесъ календарь: да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ. Вотъ тутъ-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья. — Только немного я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѳистъ Всѣмъ Скорбящимъ, да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты двѣ. Я не нарушалъ молчанія и не шевелился на узенькой кадушкѣ, служившей мнѣ сидѣньемъ. Жестокая, каменная неподвижность лежавшаго передо мною живого, несчастнаго существа сообщилась и мнѣ: я тоже словно оцѣпенѣлъ.

— Какъ погляжу я, баринъ, на васъ, — начала она снова: — очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!... Такъ знаете что? Я и теперь пѣсни пою.

— Пѣсни?... Ты?

— Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія! Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи оно не годится.

— Какъ же ты поешь ихъ... про себя?

— И про себя, и голосомъ. Громко-то не могу, а все понять можно. Вотъ я вамъ сказывала — дѣвочка ко мнѣ ходитъ. Сиротка, значитъ, понятливая. Такъ вотъ я ее выучила; четыре пѣсни она уже у меня переняла. Аль не вѣрите? Постойте, я вамъ сейчасъ...

Лукерья собралась съ духомъ... Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. «Во лузяхъ» пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звенѣлъ этотъ бѣдный, усиленный, какъ струйка дыма колебавшійся голосокъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце.

— Охъ, не могу, — проговорила она вдругъ: — силушки не хватаетъ... Очень ужъ я вамъ обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня, и ея темныя вѣки, опушенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье, онѣ заблистали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

Я не шевелился попрежнему.

— Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья: — сплю ли я? Сплю я, точно, рѣдко, но всякій разъ сны вижу; хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько, анъ я вся, какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудной сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ? Ну, слушайте! Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая!... И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту рожь сжать дочиста. Только очень меня отъ жары растомило: и мѣсяцъ меня слѣпитъ и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись.

И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася притти обѣщался — такъ вотъ я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ таютъ да таютъ, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ я слышу — кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: «Луша! Луша!...» Ай, думаю, бѣда — не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь — по самымъ верхушкамъ колосьевъ катитъ ко мнѣ скорехонько... только не Вася, а самъ Христосъ! И почему я узнала, что это Христосъ, сказать не могу, — такимъ его не пишутъ, — а только Онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ, только поясъ золотой, — и ручку мнѣ протягиваетъ. — «Не бойся, говоритъ, невѣста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія». И я къ его ручкѣ какъ прильну! Собачка моя сейчасъ меня за ноги... Но тутъ мы взвились! Онъ впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки, — и я за нимъ! И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка — болѣзнь моя, и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ.

Лукерья умолкла на минуту.

— А то еще видѣла я сонъ, — начала она снова: — а быть-можетъ, это было видѣніе — я ужъ не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетушкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь? А затѣмъ, говорятъ, что такъ какъ ты на семъ свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила; теперь наши грѣхи побѣждаешь. И, сказавши это, родители мнѣ опять поклонились, и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мной было. Даже батюшкѣ на духу разсказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину.

— А то вотъ еще какой мнѣ былъ сонъ, — продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я этакъ будто на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана — какъ-есть странница! И итти мнѣ куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя, все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя и другъ на дружку всѣ очень по-

хожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся; а она вдругъ верть — да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: «кто ты?» А она мнѣ говоритъ: «Я смерть твоя». Мнѣ чтобы испугаться, а я напротивъ — рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: «Жаль мнѣ тебя, Лукерья, но взять я тебя съ собою не могу. Прощай!» Господи! какъ мнѣ тутъ грустно стало!... «Возьми меня», говорю, «матушка-голубушка, возьми!» И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неявственно... Послѣ, молъ, Петровокъ... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— Только вотъ бѣда моя: случается, цѣлая недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня да и дала мнѣ скляночку съ лѣкарствомъ противъ безсонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лѣкарство и какъ его получить?

Проѣзжавшая барыня, очевидно, дала Лукерьѣ опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять-таки не могъ не подивиться вслухъ ея терпѣнью.

— Эхъ, баринъ! — возразила она. — Что вы это? Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителевъ они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявись тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: «теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть». И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что.

Подивился я тутъ про себя, куда и въ какомъ видѣ зашла легенда о Іоаннѣ д'Аркъ, и помолчавъ немного, спросилъ Лукерью, сколько ей лѣтъ?

— Двадцать-восемь... али девять... Тридцати не будетъ. Да что ихъ считать, года-то! Я вамъ еще вотъ что доложу...

Лукерья вдругъ какъ-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — замѣтилъ я ей: — это можетъ тебѣ повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно: — разговоркѣ нашей конецъ; да куда ни шло! Теперь, какъ вы уѣдете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лѣкарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ — не нужно ли ей чего?

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу, — съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу, и подходилъ уже къ дверямъ... она подозвала меня опять.

— Помните, баринъ, — сказала она — и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ и на губахъ — какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этакіе волосы!... Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!... Такъ ужъ я ихъ и обрѣзала... Да... Ну, простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозвали «живыя мощи», что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать безпокойства: ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. «Сама ничего не требуетъ, а напротивъ — за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо. Богомъ убитая», такъ заключилъ десятскій: «сталобыть за грѣхи; но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее — нѣтъ, мы ее не осуждаемъ. Пущай ее!»

Нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней... и «послѣ Петровокъ». Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничный. Впрочемъ, Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а «сверху». Вѣроятно, она не посмѣла сказать: «съ неба».

И. С. Тургеневъ.

Въ чемъ находила утѣшеніе больная Лукерья?

31. Смерть.

Мы пробирались на мѣсто рубки, какъ вдругъ, вслѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? Куда ты бѣжишь? — спросилъ его Ардальонъ Михайловичъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардальонъ Михайловичъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?... Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ да прямо на него. Мы ему кричимъ: «бѣги, бѣги, бѣги...» Ему бы въ сторону броситься, а онъ возьми да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ, — да что! И ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лѣкаремъ.

Ардальонъ Михайловичъ приказалъ десятскому скакать въ деревню за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ, глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы. Подбородокъ у него дрожалъ; волосы прилипли ко лбу; грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу. Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардальона Михайловича.

— Батюшка, — заговорилъ онъ, едва внятно: — за попомъ... послать... прикажите... Господь... меня наказалъ... руки,

ноги, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ.

— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдъ: — можетъ-быть, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру... Вотъ... вотъ, подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, — глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: — прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему, однако, тутъ умирать, — воскликнулъ Ардальонъ Михайловичъ: — ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу.

— Я у Ефима... Сычевскаго... — залепеталъ умирающій: — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, — пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

И. С. Тургеневъ.

32. На заводѣ.

Съ горы открылся внизу заводъ. Громадные почернѣлые заводскіе корпуса, дымовыя трубы, гигантскія усѣченныя конусообразныя доменныя печи, вышки надъ шахтами, параллельные ряды печей съ грудами раскаленнаго кокса между ними, насыпь, по которой то и дѣло бѣгали поѣзда съ рудой, съ углемъ, съ плавнемъ, все это черное, закоптѣлое, пропитанное угольнымъ налетомъ, точно послѣ громаднаго пожара, виднѣлось у меня подъ ногами въ узкой долинѣ, между двумя возвышенностями. Странные, рѣзкіе, поражающіе ухо звуки, точно тамъ валились груды желѣза, или били для чего-то въ огромныя чугунныя доски, неслись оттуда вмѣстѣ съ свистками паровозовъ, вмѣстѣ съ тяжелыми вздохами паровиковъ. Дымная черная мгла, колеблясь, курилась надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ.

Я спустился и прошелъ въ ворота. Хаотическій внѣшній безпорядокъ поражаетъ съ перваго раза: груды желѣза, старый ломъ, полуразрушенные паровые котлы, черныя стѣны зданій, громадныя чугунныя плиты, стальные валы, рельсы, горы угля, груды ссыпанной руды, шлаки, перегорѣвшее желѣзо, всюду, гдѣ есть только кусочекъ свободнаго пространства, его испещряютъ, изрѣзываютъ узенькіе, вдавленные въ землю рельсы, по которымъ суетливо бѣгаютъ въ этой тѣснотѣ, ежеминутно угрожая кого-нибудь раздавить, перерѣзать, маленькіе игрушечные паровики, совсѣмъ не похожіе на обыкновенные. Все грязно, черно, запылено. Тонкая, ѣдкая, всюду проникающая угольная и металлическая пыль покрываетъ землю, рельсы, стѣны, крыши, трубы, паровозы, платье, лица людей, носится въ воздухѣ, придаетъ небу дымный оттѣнокъ и вмѣстѣ съ угаромъ отравляетъ и жжетъ легкія.

Въ конторѣ, куда я прошелъ, мнѣ разрѣшили осмотрѣть заводъ и предложили проводника. Мы пошли. Кругомъ шла безпрерывная, неустанная работа: мужики, нещадно дергая заморенныхъ лошадей, торопливо возили руду, коксъ, плавень, вывозили вонъ землю; съ желѣзнодорожной насыпи, изъ вагоновъ, сыпалась руда; то и дѣло съ нею подходили поѣзда, рабочіе внизу торопливо отгребали ее лопатами.

Гигантскіе массивы доменныхъ печей, точно циклопическія башни, подымались своими желѣзными боками почти къ самому небу; отъ подножія до вершины онѣ обшиты листовымъ желѣзомъ. Верхушки ихъ слегка курятся, точно жерла вулкановъ. Люди, лошади, телѣги, паровозы, вагоны, желѣзнодорожная насыпь, — все принимаетъ игрушечный характеръ

у подножія этихъ великановъ. Странно было представлять себѣ, что всю эту массу, громадную и подавляющую, каждый кирпичъ, каждую заклепку, каждый желѣзный листъ и перекладину, — все это вывели эти муравьи-люди, такіе ничтожные и жалкіе передъ созданіемъ рукъ своихъ. И эти муравьи торопливо бросали на платформу руду, коксъ, плавень, и потомъ все это паровая машина мигомъ доставляла наверхъ и сыпала въ пасть раскаленнаго внутри чудовища. И оно неустанно пожирало десятки, сотни, тысячи пудовъ, а рабочіе, изнемогая отъ жары, отъ напряженія и усталости, все продолжали заполнять ненасытную утробу, не видя этому конца. Блѣдные, истомленные, они были черны и закопчены, точно въ пороховомъ дыму, и потъ, стекая ручьями, разрисовывалъ по ихъ лицамъ причудливые узоры. Ни на минуту нельзя было отойти отъ этого прожорливаго чудовища: оно требовало къ себѣ постояннаго напряженнаго вниманія, требовало, чтобъ возлѣ него всегда были люди, ни на минуту не давая имъ передохнуть, и если его хоть на мгновеніе забывали, мстило тѣмъ, что внутренность его затвердѣвала, стекался «козелъ», какъ говорятъ рабочіе, это значитъ, наступала смерть домны и ее нужно было тогда гасить, всю разбирать до послѣдняго кирпича и вновь складывать. Домна живетъ до тѣхъ поръ, пока горитъ ея раскаленная внутренность; а этотъ адскій огонь горитъ днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, недѣли, мѣсяцы, годы. Выплавка чугуна идетъ непрерывно, доменная печь никогда не охлаждается, пока она не придетъ въ ветхость. Жаръ внутри домны такъ великъ, что никакой матеріалъ не выдержитъ, и стѣны ея должны были бы поплыть, какъ расплавленный свинецъ, если бы по проложеннымъ въ ихъ толщѣ трубамъ не гнали неустанно холодную воду. Снизу въ доменныя печи вдувается сжатый, нагрѣтый воздухъ, заставляя коксъ сильно сгорать, онъ подымаетъ температуру въ нижней части домны до чудовищной высоты въ 1300°.

Мы идемъ осматривать машину, нагнетающую въ домну воздухъ. Когда мы входимъ въ большое новое, недавно выстроенное возлѣ доменныхъ печей зданіе, меня поражаетъ удивительная чистота, въ противоположность окружавшей насъ до этого грязи и пыли: все вычищено, блеститъ; вездѣ лакъ и полировка, нигдѣ ни соринки; кажется, будто я попалъ въ выставочный павильонъ машинъ. Гигантская паровая машина занимаетъ все зданіе; изъ громадныхъ цилиндровъ, безшумно выдвигаясь, по очереди показываются и прячутся блестящіе стержни поршней, подъ страшнымъ давленіемъ нагнетающихъ воздухъ; всѣ члены машины двигаются мѣрно, безъ суетливости, спокойно и увѣренно въ своей могучей силѣ.

— Это воздуходувная машина; она по трубамъ нагнетаетъ

въ домну воздухъ, который предварительно нагрѣвается уходящимъ теплomъ, — у насъ, видите ли, ничего не пропадаетъ, — смѣшивается съ горячими газами внутри домны, по преимуществу съ окисью углерода, давая необыкновенно высокую температуру. Но тутъ необходимо знаніе, опытъ и бдительность; горючіе газы, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ пропорціяхъ съ воздухомъ даютъ взрывчатыя смѣси. Въ Германіи былъ уже случай: цѣлый заводъ взлетѣлъ на воздухъ.

Я покосился на чернѣвшіе сквозь стекла дверей бока доменныхъ печей: маленькая случайность, недосмотръ, и эти черные гиганты съ ревомъ взлетятъ на воздухъ и въ одно мгновеніе сотрутъ съ лица земли все, что ихъ окружаетъ. Не изъ пріятныхъ перспектива... Впрочемъ заводъ работаетъ болѣе двадцати-пяти лѣтъ, и шансы на такую роковую случайность незначительны.

Мы пошли смотрѣть, какъ выпускаютъ изъ домны расплавленный чугунъ. На площадкѣ, густо усыпанной пескомъ, у самаго подножія домны суетились рабочіе. Они торопливо лазали на колѣняхъ по песку и выдавливали круглыми скалками продольныя углубленія, въ которыя долженъ былъ стекать чугунъ.

Солнце подымалось все выше и выше; сквозь мглу оно казалось красноватымъ и пещадно палило. Жаръ отъ доменныхъ печей дѣлалъ воздухъ сухимъ и горячимъ; онъ струился надъ нами, дышать было нечѣмъ. У меня кружилась голова, въ ушахъ стоялъ звонъ. Въ этой жарѣ, въ дыму и копоти, среди лязга желѣза, грохота, свистковъ охватывала какая-то странная апатія, равнодушіе; ничто уже не поражало, не бросалось въ глаза; казалось, больше и ожидать нечего, и я бродилъ за своимъ чичероне, какъ автоматъ; обезсиленный, я не находилъ въ себѣ воли на то, чтобы отказаться отъ осмотра и отправиться домой.

Осторожно пробираясь между грудами шлака, угля, желѣзныхъ отбросовъ, мы прошли къ длинному черному навѣсу. Онъ безъ конца тянулся въ обѣ стороны. Гулъ, шумъ, нестерпимое шипѣніе оглушили насъ. Человѣческій голосъ терялся совершенно, видно только было, какъ собесѣдникъ шевелитъ губами, рабочіе передаютъ другъ другу, что нужно, мимикой и свистками.

Подъ навѣсомъ выдавались изъ земли бурыя неуклюжія массы, точно спины какихъ-то допотопныхъ, погребенныхъ въ землѣ животныхъ. Даже среди знойной атмосферы палящаго дня чувствуется, какъ пышетъ отъ нихъ жаромъ. Это печи несомнѣнно. У моихъ ногъ глубоко внизу, въ ямѣ, которую я въ первый моментъ не замѣтилъ, завизжало желѣзо, раскрылась чугунная дверца, и насъ обдало такимъ ослѣпительнымъ жаромъ, что я невольно попятился. Въ ямѣ рабочій, весь черный, точно обуглившійся, что-то торопливо дѣлалъ передъ этимъ жерломъ;

судорожно корчась, отворачивая лицо, онъ поминутно бросался въ сторону, гдѣ его не такъ палилъ жаръ бушевавшаго въ печи пламени. Щурясь отъ этого палящаго блеска, извиваясь передъ раскрытымъ устьемъ печи, ворочалъ тамъ огромной кочергой, выгребая сплавившуюся, спекшуюся окалину. Дверцы съ визгомъ захлопнулись, и рабочій въ изнеможеніи опустился на землю; потъ бѣжалъ съ него ручьями.

Сквозь стоявшій вокругъ шумъ и шипѣніе послышались рѣзкіе тревожные звуки ручного свистка, тѣни подъ навѣсомъ исчезли, все разомъ освѣтилось, и меня обдало сзади жаромъ. Англичанинъ схватилъ меня за руку, и мы отодвинулись подъ навѣсъ. Что-то ослѣпительно-яркое, сыпавшее отъ себя блестящія звѣзды, тихо и грозно подвигалось, приподнятое въ воздухѣ. Это былъ большой кусокъ раскаленной добѣла стали. Его держала въ воздухѣ большая черная металлическая рука крохотнаго паровозика, едва виднѣвшагося надъ землей; онъ тихо подвигался по узенькимъ рельсамъ. Машинистъ, озаренный краснымъ отблескомъ, стоялъ на площадкѣ, держась за регуляторъ. Рука пронесла раскаленный кусокъ металла мимо насъ, остановилась противъ печи, повернулась, разжала свои два желѣзные пальца, и сталь погрузилась въ пламя, а паровозикъ торопливо и быстро убѣжалъ назадъ. Только что онъ скрылся, какъ на смѣну ему показался другой; онъ такъ же торжественно несъ въ воздухѣ раскаленную сталь, которая ярко свѣтила вокругъ себя. Прокованную и обработанную сталь здѣсь нагрѣваютъ до высшей температуры, и потомъ тѣ же паровозики забираютъ ее и несутъ въ рельсопрокатную.

Я не зналъ, куда дѣваться. Внизу опять раскрылась печь, и оттуда несло нестерпимымъ жаромъ, съ другой стороны сыпались искры горѣвшей стали. У меня стало стучать въ головѣ, какъ это бываетъ отъ угара. Что-то тянуло меня упасть въ эту яму, гдѣ сжигало рабочаго жаромъ клокотавшаго въ печи пламени, или безсильно лечь подъ надвигающуюся, повисшую въ воздухѣ накаленную сталь.

Этотъ жаръ, этотъ шумъ и свистъ, эти бѣгающіе паровозики, эти печи съ бушующимъ въ нихъ пламенемъ, эти машины, огромныя, неумолимыя, страшныя своей силой, — все это подавляетъ, оглушаетъ...

Я радъ былъ выбраться изъ этого содома, и мы прошли въ рельсопрокатную. Раскаленныя добѣла стальныя болванки величиною въ человѣческое туловище торопливо подкатывались, покачиваясь, на телѣжкахъ по рельсамъ, озаряя все вокругъ себя свѣтомъ; машина принимала ихъ, подвигала къ вальцамъ, а вальцы, быстро вращаясь въ разныя стороны, протискивали въ просвѣтъ между собою разогрѣтую сталь, и толстая неуклю-

жая болванка въ два-три пріема выдвигалась съ другой стороны длиннымъ прямымъ красивымъ огненнымъ рельсомъ, который, точно это была тягучка, рѣзали по мѣркѣ на нѣсколько частей большія ножницы. Все дѣлалось такъ легко, свободно, мягко и безъ усилій, что, казалось, вальцы обжимаютъ тѣсто; такъ и хотѣлось подойти и погрузить пальцы въ эту мягкую, податливую массу.

— Ну вотъ все, что есть интереснаго у насъ, — проговорилъ мой чичероне, когда мы подошли къ выходу.

Мы распрощались. Я отправился домой; сталъ подыматься на пригорокъ. Внизу, у ногъ, снова открылся весь заводъ; это былъ цѣлый городъ: чернѣя, подымались закоптѣлыя зданія, вышки, гиганты-домны, змѣились перебѣгавшимъ отблескомъ огненныя груды кокса, доносился все тотъ же лязгъ желѣза, и мгла, черная и дымная, окутывала все. Рабочихъ, оживлявшихъ этотъ хаосъ, не было видно; они терялись среди построекъ, среди машинъ и механизмовъ. *А. Серафимовичъ.*

Не бывали ли вы на какомъ-нибудь заводѣ? Разскажите свои впечатлѣнія.

Съ картины Касаткина.

33. Въ нѣдрахъ земли.

Раннее весеннее утро — прохладное и росистое. Въ небѣ ни облачка. Только на востокѣ, тамъ, откуда сейчасъ выплыло въ огненномъ заревѣ солнце, еще толпятся, блѣднѣя и тая съ каждой минуты, сизыя предразсвѣтныя тучки. Весь безбрежный степной просторъ кажется осыпаннымъ тонкой золотой пылью. Въ густой буйной травѣ тамъ и сямъ дрожатъ, переливаясь и вспыхивая разноцвѣтными огнями, брильянты крупной росы. Степь весело пестрѣетъ цвѣтами: ярко желтѣетъ дрокъ, скромно синѣютъ колокольчики, бѣлѣетъ цѣлыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горитъ пунцовыми пятнами.

Въ утренней прохладѣ разлитъ горькій здоровый запахъ полыни, смѣшанный съ нѣжнымъ, похожимъ на миндаль, ароматомъ повилики. Все блещетъ и нѣжится, и радостно тянется къ солнцу. Только кое-гдѣ въ глубокихъ и узкихъ балкахъ, между крупными обрывами, поросшими рѣдкимъ кустарникомъ, еще лежатъ, напоминая объ ушедшей ночи, влажныя синеватыя тѣни. Высоко въ воздухѣ, невидные глазу, трепещутъ и звенятъ жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышитъ глубокими, ровными и могучими вздохами.

Рѣзко нарушая прелесть этого утра, гудитъ на Гололобовской шахтѣ обычный шестичасовой свистокъ, гудитъ безконечно долго, хрипло, съ надсадою, точно жалуясь на что-то. Звукъ этотъ слышится то громче, то слабѣе; иногда онъ почти замираетъ, какъ-будто обрываясь, захлебываясь, уходя подъ землю, и вдругъ опять вырывается съ новой, неожиданной силой.

На огромномъ зеленѣющемъ горизонтѣ степи только одна эта шахта со своими черными заборами и торчащей надъ ними безобразной вышкой напоминаетъ о человѣкѣ и человѣческомъ трудѣ. Длинныя, красныя, закопченныя сверху трубы изрыгаютъ, не останавливаясь ни на секунду, клубы чернаго, грязнаго дыма. Еще издали слышенъ частый звонъ молотовъ, бьющихъ по желѣзу, и протяжный грохотъ цѣпей.

Сейчасъ должна спуститься подъ землю вторая смѣна. Сотни двѣ человѣкъ толпятся на шахтенномъ дворѣ между штабелей, сложенныхъ изъ крупнаго, блестящаго на изломахъ каменнаго угля. Совершенно черныя, пропитанныя углемъ, не мытыя по цѣлымъ недѣлямъ лица, лохмотья всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, опорки, лапти, сапоги, старыя резиновыя калоши и просто босыя ноги, — все это перемѣшалось въ пестрой, суетливой, галдящей массѣ.

Но понемногу толпа уменьшается, вливаясь въ узкую деревянную дверь, надъ которой прибита бѣлая дощечка съ надписью «ламповая». Ламповая биткомъ набита рабочими. Десять человѣкъ, сидя за длиннымъ столомъ, безпрерывно наполняютъ масломъ стеклянныя лампочки, одѣтыя сверху въ предохранительные проволочные футляры.

Получивъ лампочку, шахтеръ проходитъ въ другую комнату, гдѣ старшій табельщикъ отмѣчаетъ его фамилію въ дневной вѣдомости, а двое подручныхъ тщательно осматриваютъ его карманы, одежду и обувь, чтобы узнать, не несетъ ли онъ съ собою папиросъ, спичекъ или огнива.

Убѣдившись, что запрещенныхъ вещей нѣтъ, или просто не найдя ихъ, табельщикъ коротко киваетъ головой и бросаетъ отрывисто: «проходи».

Тогда черезъ слѣдующую дверь шахтеръ выходитъ на широкую длинную крытую галлерею, расположенную надъ «главнымъ стволомъ».

Въ галлереѣ идетъ кипучая суета смѣны. Въ квадратномъ отверстіи, ведущемъ въ глубь шахты, ходятъ на цѣпи, перекинутой высоко надъ крышей черезъ блокъ, двѣ желѣзныхъ платформы. Въ то время, когда одна изъ нихъ подымается, — другая опускается на сотню саженъ. Платформа, точно чудомъ, выскакиваетъ изъ-подъ земли, нагруженная вагонетками съ влажнымъ, только-что вырваннымъ изъ нѣдръ земли, углемъ, Въ одинъ мигъ рабочіе стаскиваютъ вагонетки съ платформы, ставятъ ихъ на рельсы и бѣгомъ влекутъ на шахтенный дворъ. Пустая платформа тотчасъ же наполняется людьми. Въ машинное отдѣленіе дается условный знакъ электрическимъ звонкомъ, платформа содрогается и внезапно со страшнымъ грохотомъ исчезаетъ изъ глазъ, проваливается подъ землю. Проходитъ минута, другая, въ продолженіе которыхъ ничего не слышно, кромѣ пыхтѣнья машины и лязганья бѣгущей цѣпи, и другая платформа — но уже не съ углемъ, а биткомъ набитая мокрыми, черными и дрожащими отъ холода людьми, вылетаетъ изъ-подъ земли, точно выброшенная наверхъ какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смѣна людей и угля продолжается быстро, точно, одноо бразно, какъ ходъ огромной машины.

Васька Ломакинъ, или, какъ его прозвали шахтеры, вообще любящіе хлесткія прозвища, — Васька Кирпатый, стоитъ надъ отверстіемъ главнаго ствола, поминутно извергающаго изъ своихъ нѣдръ людей и уголь, и, слегка полуоткрывъ ротъ, пристально смотритъ внизъ. Васька — двѣнадцатилѣтній мальчикъ съ совершенно чернымъ отъ угольной пыли лицомъ, на которомъ наивно и довѣрчиво смотрятъ голубые глаза, и смѣшно вздернутымъ кверху носомъ. Онъ тоже долженъ сейчасъ спуститься въ шахту, но люди его партіи еще не собирались, и онъ дожидается ихъ.

Васька всего полгода, какъ пришелъ изъ далекой деревни.

Онъ до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ угольной работѣ и къ шахтерскимъ нравамъ и обычаямъ. Величина и сложность шахтеннаго дѣла подавляетъ его бѣдный впечатлѣніями умъ, и, хотя онъ въ этомъ не даетъ себѣ отчета, шахта представляется ему какимъ-то сверхъестественнымъ міромъ, обиталищемъ мрачныхъ, чудовищныхъ силъ. Самое таинственное существо въ этомъ мірѣ — безспорно машинистъ.

Вонъ онъ сидитъ въ своей кожаной засаленной курткѣ съ сигарой въ зубахъ и съ золотыми очками на носу, бородатый и насупленный. Васькѣ онъ отлично виденъ сквозь стеклянную перегородку, отдѣляющую машинную часть. Что это за человѣкъ? Да полно: и человѣкъ ли онъ еще? Вонъ онъ, не сходя съ мѣста

и не выпуская изо рта сигары, тронулъ какую-то пуговку и въ мигъ заходила огромная машина, до сихъ поръ неподвижная и спокойная, загремѣли цѣпи, съ грохотомъ полетѣла внизъ платформа, затряслось все деревянное строеніе шахты. Удивительно!.. А онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и покуриваетъ. Надавилъ еще какую-то шишечку, потянулъ за какую-то стальную палку и въ секунду все остановилось, присмирѣло, затихло... Можетъ-быть, онъ слово такое знаетъ?— не безъ страха думаетъ, глядя на него, Васька.

Другой загадочный и при омъ облеченный необыкновенной властью человѣкъ—старшій штейгеръ Павелъ Никифоровичъ. Онъ полный хозяинъ въ темномъ, сыромъ и страшномъ подземномъ царствѣ, гдѣ среди глубокаго мрака и тишины мелькаютъ красныя точки отдаленныхъ факеловъ. По его приказаніямъ ведутся новыя галлереи и дѣлаются забои.

Но неизмѣримо выше Павла Никифоровича и машиниста стоитъ во мнѣніи Васьки директоръ шахты — французъ Карлъ Францовичъ. Онъ можетъ сдѣлать все, рѣшительно все на свѣтѣ, что ему только ни захочется.

— Эй ты, Кирпатый, полѣзай что ли! — услышалъ Васька, надъ своимъ ухомъ грубый окликъ.

Васька встрепенулся и бросился къ платформѣ. Садилась та партія, при которой онъ состоялъ подручнымъ. Собственно ближайшихъ начальниковъ у него было двое: дядя Хрящъ и Ванька Грекъ. Съ ними вмѣстѣ онъ помѣщался на однѣхъ нарахъ въ общей казармѣ, съ ними же постоянно работалъ въ шахтѣ.

На платформу вмѣстѣ съ Васькой взошло еще пять человѣкъ. Раздался сигналъ, и въ тотъ же моментъ Васька почувствовалъ во всемъ тѣлѣ необычайную легкость, точно у него за спиною выросли крылья. Вздрагивая и гремя, полетѣла платформа внизъ, и мимо нея, сливаясь въ одну сплошную сѣрую полосу, понеслась вверхъ кирпичная стѣна колодца. Потомъ сразу наступилъ глубокій мракъ. Лампочки еле мерцали въ рукахъ молчаливыхъ бородатыхъ шахтеровъ, вздрагивая при неровныхъ толчкахъ падающей платформы. Затѣмъ Васька внезапно почувствовалъ себя летящимъ не внизъ, а вверхъ. Этотъ странный физическій обманъ всегда испытывается непривычными людьми въ то время, когда платформа достигаетъ середины ствола, но Васька долго не могъ отдѣлаться отъ этого ложнаго ощущенія, всегда вызывавшаго у него легкое головокруженіе.

Платформа быстро и мягко замедлила паденіе и стала на грунтѣ. Сверху водопадомъ падали внизъ стекающіеся къ главному стволу подземные источники; и шахтеры быстро сбѣгали съ платформы, чтобы избѣгнуть этого проливного дождя.

Люди въ клеенчатыхъ плащахъ съ капюшонами на головахъ вкатывали на платформу полныя вагонетки. Дядя Хрящъ кинулъ кому-то изъ нихъ «здорово Тереха», но тотъ не удостоилъ его отвѣтомъ, и партія разбрелась въ разныя стороны. Каждый разъ, очутившись подъ землей, Васька чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ какая-то молчаливая гнетущая тоска.

Эти длинныя черныя галлереи казались ему безконечными. Изрѣдка мелькалъ гдѣ-то далеко-жалкой, блѣдно-красной точечкой огонекъ лампы, и пропадалъ внезапно, и опять показывался. Шаги звучали глухо и странно. Воздухъ былъ непріятно сыръ, душенъ и холоденъ. Иногда за боковыми стѣнами слышалось журчанье бѣгущей воды, и въ этихъ слабыхъ звукахъ Васька ловилъ какія-то зловѣщія угрожающія ноты.

Васька шелъ слѣдомъ за дядей Хрящемъ и Грекомъ. Ихъ лампочки, раскачиваемыя руками, бросали на скользкія, покрытыя плѣсенью бревенчатыя стѣны галлереи тусклыя желтыя пятна, въ которыхъ причудливо метались взадъ-впередъ, то пропадая, то вытягиваясь до потолка, три уродливыя, неясныя тѣни. Невольно всѣ кровавыя и таинственныя преданія шахты всплыли въ памяти Васьки. Вотъ здѣсь засыпало обваломъ четырехъ человѣкъ.

Разсказывали также объ одномъ старомъ рабочемъ, который много лѣтъ тому назадъ заблудился въ галлереяхъ, знакомыхъ ему, какъ свои пять пальцевъ. Его нашли только черезъ три дня, обезсилѣвшимъ отъ голода и сошедшимъ съ ума. Говорили, что «кто-то» водилъ его по шахтѣ. Этотъ «кто-то» — страшный безыменный и безличный, какъ и породившій его подземный мракъ, несомнѣнно существуетъ въ глубинѣ шахтъ, но о немъ никогда не станетъ говорить ни одинъ настоящій шахтеръ, — ни въ трезвомъ, ни въ пьяномъ видѣ. И каждый разъ, когда Васька, идя слѣдомъ за своей «партіей», думаетъ о «немъ», онъ чувствуетъ на своемъ тѣлѣ чье-то тихое, холодное дыханіе, кидающее его въ дрожь.

— Ну что, Ванька, хорошо погулялъ? — спросилъ дядя Хрящъ, оборачиваясь на ходу въ сторону Грека.

Грекъ не отвѣтилъ и только презрительно сплюнулъ сквозь зубы...

... До мѣста работы было почти полторы версты. Свернувъ съ главной магистрали, партія еще долго шла узкими, колѣнчатыми галлерейками. Кой-гдѣ нужно было нагибаться, чтобы не коснуться головой потолка. Воздухъ съ каждой минутой дѣлался сырѣе и удушливѣе.

Наконецъ, они дошли до своей лавы.

Въ ея узкомъ и тѣсномъ пространствѣ нельзя было работать ни стоя, ни сидя; приходилось отбивать уголь, лежа на спинѣ, что составляетъ самый трудный и тяжелый родъ шахтерскаго

искусства. Дядя Хрящъ и Грекъ медленно и молча раздѣлись, оставшись нагими до пояса, зацѣпили свои лампочки за выступы стѣнокъ и легли рядомъ. Грекъ чувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Во всемъ тѣлѣ ощущалась тупая боль, точно кто-то исколотилъ его палкой, руки слушались съ трудомъ, голова была такъ тяжела, какъ-будто ее налили ртутью. Однако Грекъ ни за что бы не уронилъ шахтерскаго достоинства, выдавъ чѣмъ-нибудь свое болѣзненное состояніе.

Молча, сосредоточенно, со стиснутыми зубами вбивалъ онъ кайло въ хрупкій звенящій уголь. Временами онъ какъ-будто бы забывался. Все исчезало изъ его глазъ: и низкая лава, и тусклый блескъ угольныхъ изломовъ, и дряблое тѣло лежащаго съ нимъ рядомъ дяди Хряща. Мозгъ точно засыпалъ мгновеніями, но руки сильными и ловкими движеніями продолжали привычную работу. Отбивая надъ своей головой пластъ за пластомъ, Грекъ почти безсознательно передвигался на спинѣ все выше и выше, далеко оставивъ за собой слабосильнаго товарища.

Мелкій уголь брызгами летѣлъ изъ-подъ его кайла, осыпая его вспотѣвшее лицо. Выворотивъ большой кусокъ, Грекъ только на минуту задерживался, чтобы оттолкнуть его ногой, и опять со злобной энергіей уходилъ въ работу. Васька успѣлъ уже два раза наполнить тачку и отвезти ее на главную магистраль, гдѣ въ общихъ кучахъ ссыпался уголь, добытый въ боковыхъ галлереяхъ. Когда онъ возвращался второй разъ порожнякомъ, его еще издали поразили какіе-то странные звуки, раздававшіеся изъ отверстія лавы. Кто-то стоналъ и хрипѣлъ, какъ будто (ы его душили за горло. Сначала у Васьки мелькнула въ головѣ мысль, что шахтеры дерутся. Онъ остановился въ испугѣ, но его окликнулъ взволнованный голосъ дяди Хряща.

— Что же ты сталъ, щенокъ? Иди сюда скорѣе.

Ванька Грекъ бился на землѣ въ страшныхъ судорогахъ. Лицо его посинѣло, на тѣсно сжатыхъ губахъ выступила пѣна, вѣки были широко раскрыты, а вмѣсто глазъ виднѣлись только одни громадные вращающіеся бѣлки.

Дядя Хрящъ совсѣмъ растерялся, онъ то и дѣло трогалъ Грека за холодную, трепещущую руку и приговаривалъ просительнымъ голосомъ.

— Да Ванька... да перестань же... ну будетъ же, будетъ...

Это былъ страшный приступъ падучей. Какая-то ужасная сила подбрасывала все тѣло Грека, искривляя его, въ безобразныхъ, судорожныхъ позахъ.

Онъ то изгибался дугой, опираясь только пятками и затылкомъ о землю, то тяжело падалъ внизъ тѣломъ и корчился, касаясь колѣнями подбородка, то вытягивался какъ палка, дрожа каждымъ мускуломъ.

— Ахъ, Господи, вотъ исторія, — бормоталъ испуганно дядя Хрящъ. — Ванька, да перестань же... послушай... Ахъ, ты Боже мой, какъ это его вдругъ!... Постой-ка, Кирпатый, — вдругъ спохватился онъ, — ты останься, постеречь его здѣсь, а я побѣгу за людьми.

— Дяденька, а какъ же я-то? — жалобно протянулъ Васька.

— Ну, поговори у меня еще! Сказано сиди, и дѣло съ концомъ, — грозно прикрикнулъ дядя Хрящъ.

Онъ поспѣшно схватилъ свою поддевку и, на ходу надѣвая ее въ рукавъ, побѣжалъ изъ галлереи.

Васька остался одинъ надъ бьющимся въ припадкѣ Грекомъ. Сколько времени прошло, пока онъ сидѣлъ, прижавшись въ уголъ, объятый суевѣрнымъ ужасомъ и боясь пошевельнуться, онъ не сумѣлъ бы сказать. Но понемногу конвульсіи, трепавшія тѣло Грека, становились все рѣже и рѣже. Потомъ прекратилось хрипѣніе, вѣки закрыли страшные бѣлки, и вдругъ, глубоко вздохнувъ всей грудью, Грекъ вытянулся неподвижно.

Теперь Васькѣ стало еще жутче. ‹Господи, да ужъ не померъ ли онъ», подумалъ мальчикъ, и отъ одной этой мысли жуткій морозъ наежилъ волосы на его головѣ. Едва переводя дыханіе, онъ подползъ къ больному и дотронулся до его голой груди. Она была холодна, но все-таки поднималась и опускалась чуть замѣтно.

— Дяденька Грекъ, а дяденька Грекъ, — прошепталъ Васька.

Грекъ не отзывался.

— Дяденька, вставайте. Позвольте, я васъ поведу до больницы. Дяденька!...

Гдѣ-то въ ближней галлереѣ послышались торопливые шаги. «Ну, слава Богу, дядя Хрящъ возвращается», — подумалъ съ облегченіемъ Васька.

Однако это былъ не дядя Хрящъ.

Какой-то незнакомый шахтеръ заглянулъ въ лаву, освѣщая ее высоко поднятой надъ головой лампой.

— Кто здѣсь есть? Живо выходи наверхъ! — крикнулъ онъ взволнованно и повелительно.

— Дяденька, — бросился къ нему Васька, — дяденька, здѣсь съ Грекомъ что-то случилось!... Лежитъ и не говоритъ ничего.

Шахтеръ приблизилъ свое лицо вплотную къ лицу Грека.

— Эй, Ванька Грекъ, вставай, — крикнулъ онъ, раскачивая руку больного. Вставай что ли, говорятъ тебѣ. Въ третьемъ номерѣ обвалъ случился. Слышишь, Ванька?...

Грекъ промычалъ что-то непонятное, но не открылъ глазъ.

— Ну, некогда мнѣ съ нимъ возжаться, — нетерпѣливо воскликнулъ шахтеръ. — Буди его, малецъ. Да поскорѣе только. Неровенъ часъ, и у васъ обвалится. Пропадете тогда, какъ крысы...

Голова его исчезла въ темномъ отверстіи лавы. Черезъ нѣсколько секундъ затихли и его частые шаги. Васькѣ поразительно живо представился весь ужасъ его положенія. Каждый мигъ могутъ рухнуть висящіе надъ его головою милліоны пудовъ земли. Рухнутъ и раздавятъ, какъ мошку, какъ пылинку. Захочешь крикнуть и не сможешь раскрыть рта... Захочешь пошевельнуться,—руки и ноги придавлены землей... И потомъ смерть, страшная, безпощадная, неумолимая смерть...

Васька въ отчаяніи бросается къ лежащему шахтеру и изо всѣхъ силъ трясетъ его за плечи.

— Дядя Грекъ, дядя Грекъ, да проснись же!—кричитъ онъ, напрягая всѣ силы.

Его чуткое ухо ловитъ за стѣнами—и съ правой и съ лѣвой стороны—звуки тяжелыхъ безпорядочно-спѣшныхъ шаговъ. Всѣ рабочіе смѣны бѣгутъ къ выходу, охваченные тѣмъ же ужасомъ, который теперь овладѣлъ Васькой. На одно мгновеніе у Васьки мелькаетъ мысль бросить на произволъ судьбы спящаго Грека и самому бѣжать, очертя голову. Но тотчасъ же какое-то непонятное, чрезвычайно сложное чувство останавливаетъ его. Онъ опять принимается съ умоляющимъ крикомъ теребить Грека за руки, за плечи и за голову.

Но голова послушно качается изъ стороны въ сторону; поднятая рука падаетъ какъ плеть. Въ эту минуту взглядъ Васьки падаетъ на угольную тачку и счастливая мысль озаряетъ его голову. Со страшными усиліями приподнимаетъ онъ съ земли грузное, отяжелѣвшее тѣло и взваливаетъ его на тачку, потомъ перебрасываетъ черезъ стѣнки безжизненно висящія ноги и съ трудомъ выкатываетъ Грека изъ лавы.

Въ галлереяхъ пусто.

Гдѣ-то далеко впереди слышенъ топотъ послѣднихъ, запоздавшихъ рабочихъ. Васька бѣжитъ, дѣлая невѣроятныя усилія, чтобы удержать равновѣсіе. Его худыя дѣтскія ручонки вытянулись и обомлѣли, груди не хватаетъ воздуху, въ вискахъ стучатъ какіе-то желѣзные молоты, передъ глазами быстро-быстро вращаются огненныя колеса. Остановиться бы, передохнуть немного, взяться поудобнѣе измученными руками.

«Нѣтъ, не могу!» Неизбѣжная смерть гонится за нимъ по пятамъ, и онъ уже чувствуетъ у себя за спиной вѣяніе ея крыльевъ.

Слава Богу, послѣдній поворотъ! Вонъ вдалекѣ мелькнулъ красный огонь факеловъ, освѣщающихъ подъемную машину.

Люди толпятся на платформѣ.

Скорѣй, скорѣй!

Еще одно послѣднее отчаянное усиліе...

Что же такое, Господи! Платформа подымается... вотъ она исчезла совсѣмъ.

Подождите! Остановитесь!

Хриплый крикъ вылетаетъ изъ Васькиныхъ губъ. Огненныя колеса передъ глазами вспыхиваютъ въ чудовищное пламя. Все рушится и падаетъ съ оглушительнымъ грохотомъ...

Васька приходитъ въ себя на верху. Онъ лежитъ въ чьемъ-то овчинномъ зипунѣ, окруженный цѣлой толпой народа. Какой-то толстый господинъ третъ Васькины виски. Директоръ Карлъ Францовичъ тоже присутствуетъ здѣсь. Онъ ловитъ первый осмысленный взглядъ Васьки, и его строгія губы шепчутъ одобрительно!

— Oh, mon brave garçon! О, ти храбрій мальшикъ!

Этихъ словъ Васька, конечно, не понимаетъ, но онъ уже успѣлъ разглядѣть въ заднихъ рядахъ толпы блѣдное и тревожное лицо Грека. Взглядъ, которымъ эти два человѣка обмѣниваются, связываетъ ихъ на всю жизнь крѣпкими и нѣжными узами.

А. Купринъ.

Тема. *Трудъ крестьянина-земледѣльца и фабричнаго.*

34. Не вернулся.

«Сорока» (такъ звали его всѣ) стоялъ на торосѣ*), держалъ въ рукахъ длинный багоръ и пристально смотрѣлъ въ холодную даль.

День погасалъ. Начинался приливъ; скучныя сѣрыя зимнія сумерки заволакивали пустынный берегъ Бѣлаго моря. Тамъ и сямъ изъ-за массивныхъ ледяныхъ глыбъ виднѣлись косматыя бѣлыя фигуры съ длинными баграми въ рукахъ, напряженно всматривавшіяся въ мглистую даль. Море глухо шумѣло. Вдали безобразною бѣлою грудой смутно надвигалась громада плавучихъ льдовъ, гонимая приливомъ.

Только подошелъ ледъ къ берегу, какъ нѣсколько сотъ промышленниковъ кинулись впередъ.

Сорока спустился на ледъ одинъ изъ первыхъ. Прыгая со льдины на льдину, скользя, проваливаясь по поясъ въ наметанный вѣтромъ снѣгъ, онъ бѣжалъ впередъ. Ледяные обломки съ грохотомъ валились по слѣдамъ. Всѣмъ его существомъ владѣла одна мысль, неотступная, напряженная: «кабы напасть, поспѣть... Царь небесный. Владычица!...» Осколки льда летѣли изъ-подъ его ногъ; вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ и билъ въ лицо ледяными иглами, одѣвая бороду и усы пушистымъ инеемъ. А онъ ничего не замѣчалъ и бѣжалъ все впередъ.

Спускалась ночь. Берегъ неяснымъ очертаніями терялся въ темной дали. Сорока остановился на мгновеніе и, затаивъ дыханіе, чутко насторожилъ слухъ; кругомъ было пусто и шу-

*) Громада неподвижныхъ льдинъ.

мѣлъ вѣтеръ; необозримая ледяная равнина уходила въ сгущавшіяся сумерки. Онъ пробѣжалъ версты двѣ и сталъ уставать. «Господи, не нападу... пропущу!» съ отчаяніемъ думалъ онъ: «а надо ворочаться, воды уйдутъ:» При одной мысли, что онъ вернется съ пустыми руками, по немъ пробѣгала дрожь. Курная избушка, семья, дѣти ждутъ,—все это вдругъ вспыхнуло и пронеслось въ его воображеніи. Онъ припалъ ко льду и чутко приникъ ухомъ: откуда-то справа донеслись звуки, чрезвычайно похожіе на плачъ дитяти. Мгновенно слетѣла усталость, онъ кинулся въ ту сторону и скоро различилъ въ начинавшей быстро сгущаться темнотѣ неясныя очертанія какихъ-то темныхъ массъ. То была семья тюленей: громадные, неуклюжіе звѣри безобразными, темными глыбами неподвижно лежали на льду. Заслышавъ человѣка, они всполошились и, опираясь на передніе ласты, высоко поднявъ уродливыя головы, неуклюже поволокли свое тяжелое тѣло. Очевидно, въ присутствіи врага они худо чувствовали себя на льду, далеко отъ своей родной стихіи. Нагнавъ ближайшаго, Сорока изо всѣхъ силъ махнулъ ему палкою между глазъ. Звѣрь припалъ головою ко льду, въ воздухѣ свиснулъ багоръ, и желѣзное остріе до самаго крючка вбѣжало въ переносицу; капли горячей крови брызнули въ лицо, и громадный звѣрь, котораго въ другое мѣсто и ружейная пуля не беретъ, неподвижно вытянулся на льду. Мѣткими ударами Сорока положилъ еще нѣсколько звѣрей. Привычной, слегка дрожавшей отъ волненія и усталости, рукой быстро сталъ онъ снимать съ убитыхъ звѣрей шкуры и толстый слой сала. Снимаетъ Сорока шкуры, спѣшитъ, а самъ думаетъ и расчитываетъ, сколько выручитъ. Весело и легко Сорокѣ, и самъ себѣ ухмыляется онъ въ бороду.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что время-то не ждетъ, бѣжитъ; того и гляди, воды пойдутъ назадъ въ море. Заспѣшилъ онъ, схватилъ кожи и сало, скаталъ все въ большой юрокъ *), прикрутилъ крѣпкой заячьей **) возжей, накинулъ на плечо лямку и поволокъ по льду. Здоровый мужикъ Сорока, а все же трудно было тащить по неровной, изрытой поверхности шести-семипудовый юрокъ. Идетъ Сорока, молитву про себя читаетъ отъ воды (зналъ онъ такую, старецъ одинъ повѣдалъ). А ночь—темная, глухая—спустилась на шумѣвшее льдомъ море. Холодная непроницаемая мгла ползла со всѣхъ сторонъ и все гуще и гуще заволакивала пустынную равнину, по которой бѣжалъ холодный вѣтеръ и шумѣлъ въ ледяныхъ глыбахъ.

Сорока шелъ наугадъ, руководясь лишь вѣтромъ да какими-то неуловимыми для непривычнаго человѣка и лишь знакомыми поморамъ примѣтами. Онъ напряженно всматривался

*) Тугой свертокъ изъ сала и кожи.

**) Изъ шкуры «морского зайца»—родъ тюленей.

въ окружающій мракъ, постукивая иногда передъ собою багромъ. Потъ градомъ катился съ него, но онъ не чувствовалъ усталости: не съ пустыми руками ворочается, только бы добраться.

Наконецъ, онъ остановился и промерзшей рукавицей отеръ катившійся съ лица потъ. «Чтой-то берегу все нѣту?» мелькнуло у него. Онъ оглядѣлся кругомъ: глухая ночь мрачно смотрѣла на него мертвыми очами. Острое предчувствіе кольнуло его. «Охъ, не запоздать бы, давно ужъ надо быть на берегу — время!» Онъ перекинулъ лямку на другое плечо и еще быстрѣе потащилъ юрокъ. А назойливая мысль, что опоздалъ, что уйдутъ воды и его унесетъ въ море, такъ и сверлитъ мозгъ. Налегаетъ Сорока на туго натянувшуюся лямку, надрывается, чуетъ — упуститъ время. А шибко усталъ: колѣни сами собой такъ и подгибаются, въ ухабинахъ спотыкаться, падать сталъ. Впереди, сквозь непроницаемую завѣсу мрака, мигнули два-три разрозненныхъ огонька — стало-быть, берегъ близко. Спѣшитъ Сорока, изъ послѣднихъ силъ бьется: трудно уже стало дышать, въ вискахъ стучитъ до боли, въ горлѣ пересохло, больно воздухъ холодный глотать. Страшно хочется остановиться и присѣсть хоть на минутку, но онъ дѣлаетъ усиліе надъ собой и, перехвативъ на ходу разъ-другой холоднаго снѣгу, еще сильнѣе наваливается...

Что-то зашуршало и зашелестѣло, впереди смутно обрисовались громады торосовъ, ледъ дрогнулъ и заскрипѣлъ. Охъ, чуетъ Сорока, упустилъ время. «Бросить юрокъ — успѣю добѣжать!» мелькнуло у него на мгновеніе.

Онъ сдѣлалъ страшное усиліе и, волоча кожей, побѣжалъ...

Занесенная совсѣмъ съ крышей глубокимъ снѣгомъ, печально чернѣетъ промысловая избушка. Изъ отверстія, продѣланнаго въ крышѣ, вырываются легкіе клубы дыма и, подхватываемые вѣтромъ, быстро исчезаютъ.

Внутри избушки темно, и только огонекъ, разложенный въ углу на грудѣ камней, освѣщаетъ невѣрнымъ, колеблющимся красноватымъ отблескомъ черныя бревенчатыя стѣны безъ оконъ, закоптѣлую плоскую крышу, спускающуюся съ нея бахромой нагорѣлую сажу и длинныя грязныя нары вдоль стѣнъ. Въ воздухѣ легкими слоями виситъ ѣдкій дымъ. На нарахъ расположились дюжія фигуры промышленниковъ. На пространствѣ какихъ-нибудь двухъ-трехъ саженъ ихъ скучилось до двадцати человѣкъ. Это одинъ изъ отрядовъ той промысловой арміи въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которую ежегодно высылаютъ безлюдному берегу Бѣлаго моря неумолимая нужда и тяжелыя жизненныя условія Сѣвера. Медленно и скучно тянется время. Злую шутку сыграло родное море: въ нѣсколько часовъ побѣлѣло оно льдами и не мало добычи принесло къ берегамъ, — да вдругъ набѣжала непогода, расколола, сломала ледяной покровъ и безобразными

грудами раскидала его на сотни верстъ. И приходится коротать долгія полярныя ночи и сѣрые зимніе дни, а единственное средство развлеченія — табакъ и пѣсни — безусловно изгнано. «Море чистоту любитъ, молитву», говорятъ промышленники: «а то ежели съ табакомъ да съ пѣсней, такъ и не добудешь ничего».

Въ углу, вокругъ красноватаго костра, клубившаго смолистый пахучій дымъ, расположилось нѣсколько промышленниковъ. Они коротаютъ тоскливое время, слушая сказки и разныя небывальщины...

Въ это время снаружи захрустѣлъ снѣгъ подъ чьими-то тяжелыми шагами. Дверь распахнулась, ворвавшійся холодный вѣтеръ колыхнулъ красноватое пламя костра и заклубился дымомъ. Вошелъ мужикъ въ совикѣ. Мохнатое инеемъ лицо, точно поросшее бѣлымъ мхомъ, угрюмо выглядѣло изъ мѣхового капюшона.

— Сороки нѣтути, — проговорилъ онъ низкимъ голосомъ, — унесло.

Всѣ разомъ смолкли. И у каждаго мелькнуло въ головѣ: холодный просторъ, льды да звѣздное небо, а во льду человѣкъ бьется и стынетъ.

— Что жъ вы сидите? — сурово проговорилъ старикъ-разсказчикъ. — Ступайте къ карбасу!

Человѣкъ восемь поспѣшно стали одѣваться.

Старикъ вышелъ и поглядѣлъ на море. Оно зеркальнымъ просторомъ уходило въ морозную даль и съ вышины звѣздное небо глядѣлось въ него. Въ синеватой дымкѣ неподвижно дремалъ старый лѣсъ, а вдоль берега, словно исполины на стражѣ, молча подымались ледяные утесы. Въ застывшемъ ночномъ воздухѣ висѣла мертвая тишина. Черезъ минуту небольшой карбасъ отчалилъ отъ берега и, далеко оставляя за собой колеблющійся фосфорическій слѣдъ, потонулъ въ серебристомъ сіяніи морозной дали.

Буря умчалась, и вѣтеръ упалъ. Пѣнистые валы разбушевавшагося моря несли изломанные, разсѣянные остатки ледяныхъ полей, словно разбитые обломки гигантскаго корабля. Тучи поспѣшно сбѣгали съ синяго свода, унизаннаго ярко мерцавшими звѣздами, и долгая сѣверная ночь, прозрачная и холодная, какъ синіе полярные льды, раскинулась надъ глухо рокотавшимъ моремъ, которое, словно сердясь, еще не улеглось отъ недавней бури. Постепенно море очищалось отъ льда, и только одинокія глыбы тамъ и сямъ тихо покачивались волной. На одной изъ такихъ льдинъ неясно выдѣлялся темный силуэтъ какой-то высокой фигуры. Это былъ Сорока. Онъ искусно работалъ багромъ, и гибкій шестъ бурлилъ и пѣнилъ холодную воду; неуклюжая глыба тихо подвигалась впередъ; но кругомъ

безконечнымъ просторомъ разстилалась водная гладь. Сорока поднялъ голову; вверху сквозь тонкій паръ морозной ночи блестѣлъ золотой зигзагъ Медвѣдицы; по немъ надо было держать путь. Наваливается Сорока на багоръ, толкаетъ впередъ тяжелую льдину, а въ головѣ несвязно тѣснятся темныя думы: далеко его унесло, морозъ лютый ударилъ, другія сутки ничего во рту не было. Налегаетъ Сорока на багоръ, старается, а чувствуетъ — слабѣть сталъ. Пріостановился на минутку, оглядѣлся кругомъ: водная пустыня въ голубоватомъ сумракѣ тянулась безъ конца и пропадала въ бѣлесоватой дымкѣ горизонта.

Съ картины В. Васнецова.

Чуетъ Сорока — не кончить ему добромъ: необъятнымъ просторомъ охватило холодное море, а въ очи неподвижно глядитъ побѣлѣвшій морозъ; чуетъ онъ, какъ неслышно подбирается незримый врагъ и острыми иглами проникаетъ его тѣло. Работаетъ Сорока, старается согрѣться работой, а въ головѣ, толпясь смутной вереницей, бѣгутъ смутныя думы: «Господи, вынеси... ребята малые, несмысленные... Хозяйки нѣтути...» И вспомнилъ онъ свою избушку, темную, дымную; покосилась, словно старушка, а вѣдь грѣла, родимая! Захотѣлось ему вернуться и работать... И пуще налегъ онъ на багоръ и мысленно окинулъ пространство, что надо пройти: «Охъ, не добраться!» И опять жалко стало себя, жалко и обидно. Неужели же такъ-таки ему и пропадать? Не вѣрится какъ-то Сорокѣ. Много годовъ хаживалъ онъ на море; по недѣлямъ, по мѣсяцамъ приходилось

жить безъ хлѣба, безъ огня, безъ помощи; на волосъ отъ смерти бывалъ, а выносилъ же Господь. Неужто теперь погибать? Да и почему это ему, Сорокѣ, приходится пропадать? Почему именно на него палъ роковой жребій, а не на кого-либо другого? Развѣ это по справедливому? Вотъ тѣ всѣ вернутся домой; хата теплая... ребятишки... съ промысла денегъ принесутъ... хозяйства поправятъ, а его будетъ носить по морю безжизненнымъ кускомъ льда. И у него дома ребята, и хозяйство, и промыселъ есть, а вотъ не вернется! А кому это нужно? Защемила его тоска, жалко помирать, охъ какъ жалко! а знаетъ, хорошо знаетъ — замерзнетъ. И тяжелая слезинка, выжатая жгучимъ сознаніемъ неизбѣжности рокового исхода, выкатилась изъ его глазъ, потихоньку сползла по суровому лицу и повисла маленькой замерзшей капелькой на обледенѣлыхъ усахъ. Поднялъ онъ голову и недоумѣвающе посмотрѣлъ затуманившимися очами на далекое небо, отливавшее холоднымъ блескомъ, точно ждалъ отвѣта. Но въ серебристомъ сіяніи неподвижно царило ночное безмолвіе надъ застывшимъ міромъ.

Изъ послѣднихъ силъ бьется Сорока, слабѣе и слабѣе гнется длинный шестъ, занѣмѣли руки, не слышно ногъ, клонитъ отяжелѣвшую голову. Хочется ему хоть на минутку присѣсть, да хорошо знаетъ, что зорко слѣдитъ за нимъ бѣлый морозъ и только останешься безъ движенія, какъ онъ обойметъ и повѣетъ, и проникнетъ насквозь холоднымъ дыханіемъ безжизненное тѣло. И понялъ Сорока, что не жить ему, что теперь уже никто ему не поможетъ, не поспѣетъ, не услышитъ: хорошо онъ это понялъ, а все-таки тайный голосъ инстинкта и жажды жизни шепталъ: «а можетъ услышатъ!» И не выдержалъ Сорока, хриплый крикъ вырвался изъ его груди: «братцы! пропадаю... отцы родные!...» И этотъ безумный вопль какъ-то дико нарушилъ ночное безмолвіе, пронесся надъ водною гладью и, какъ бы подымаясь все выше и выше, замеръ въ серебристой дымкѣ тонкаго морознаго тумана; только дальніе льды послушнымъ эхомъ отразили этотъ ненужный вопль о помощи, да маленькая звѣздочка сорвалась и скатилась по своду, и снова все стихло.

Отъ усиленнаго ли движенія, или морозъ сталъ ослабѣвать, только Сорокѣ стало теплѣе. Какое-то неопредѣленное сонливое состояніе овладѣвало имъ; ему надоѣло, да и какъ-то лѣниво-тяжело было стоять на ногахъ, и онъ присѣлъ на корточки. Пріятная теплота разливалась по тѣлу. «Вишь, морозъ-отъ менѣе сталъ», мелькнуло у него. Тихая дрема туманила голову, и сталъ онъ думать, почему надъ нимъ совершена такая несправедливость, и не могъ понять. И сталъ онъ думать и припоминать всю свою жизнь. И опять-таки никакъ не могъ припомнить ни одного случая, за что Господь могъ бы такъ тяжко покарать. Правда, вотъ уже два года не былъ онъ у попа, у святого при-

частія. Но вѣдь ему и нельзя было; досужій народъ праздники въ храмѣ встрѣчаетъ, а онъ въ глухой тундрѣ, въ дремучемъ лѣсу, посреди ледяныхъ торосовъ холоднаго моря. Знаетъ Сорока — не взыщетъ за это Господь. Правда, попадался промыселъ — выпивалъ Сорока. Да какъ же иначе? И опять-таки отлично понимаетъ Сорока, что иначе нельзя; только чувствуетъ онъ, что что-то смутное, неясное, давно забытое, шевелится въ его памяти.

И стала припоминаться ему глухая ночь въ глухой тундрѣ. Во мракѣ носился ураганъ, и его бѣшеный гулъ, словно похоронный звонъ, уныло звучалъ надъ одинокою юртой, погребенной снѣжнымъ заносомъ. Къ самой юртѣ боязливо жались олени. А въ юртѣ сидитъ онъ, Сорока, самоѣдъ и его семья. Сидитъ Сорока на кучѣ оленьихъ шкуръ, боченокъ въ рукахъ держитъ и ведетъ торгъ: покупаетъ у самоѣдовъ оленей... Не продаютъ — безъ оленя въ тундрѣ издохнешь. Поднесъ Сорока самоѣду стаканчикъ — повеселѣлъ тотъ; поднесъ другой — сталъ самоѣдъ сговорчивѣе; поднесъ третій — и запѣлъ самоѣдъ. И пѣлъ онъ обо всемъ, что было передъ глазами; сталъ пить водку и запѣлъ: «ахъ, водка, хорошая водка!» Въ костеръ дровъ подкинули, онъ запѣлъ: «ахъ огонь, горячій огонь!» Залаяла собачонка, онъ пѣлъ: «ахъ, собака, бѣлая собака!» И щемящей тоской теперь вѣяло на Сороку отъ этой давно слышанной пѣсни.

Напоилъ Сорока самоѣда допьяна, напоилъ и самоѣдку и купилъ у нихъ ни за грошъ всѣхъ оленей. Утромъ улеглась буря; онъ согналъ оленей, только оставилъ самоѣду трехъ, чтобы не пропалъ совсѣмъ. Уѣхалъ Сорока, а самоѣдъ остался въ тундрѣ. И стало какъ-то теперь не по себѣ Сорокѣ. Только подумалъ онъ и рѣшилъ: не было тогда грѣха, потому ежели бы это свой, а то самоѣдинъ, — онъ въ родѣ какъ звѣрь, пѣсни сложить даже не умѣетъ. Хоть и православный числится, а все-таки и истуканы у него есть. Да все равно, если бы не онъ, Сорока, такъ другой добылъ бы у него оленей: ужъ больно падки они на водку. И думаетъ Сорока: нѣтъ, не за то покаралъ Господь. И вспомнилъ онъ, что пали у него тѣ олени, и жалко стало ему тѣхъ оленей, и сталъ онъ думать о нихъ, и стали путаться у него мысли...

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Раздался гулкій, протяжный ударъ, точно тяжелый артиллерійскій залпъ: это гдѣ-то далеко разсѣлась ледяная громада, сжатая морозомъ. На мгновеніе онъ какъ бы очнулся.

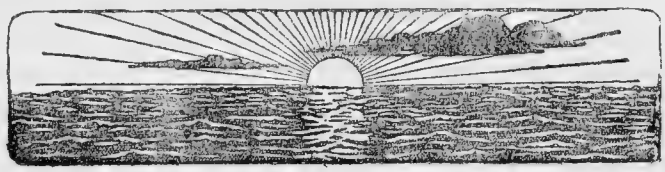
Поглядѣлъ передъ собой и не вѣритъ очамъ: разрѣзая спокойныя воды, прямо на него бѣжалъ карбасъ, отражаясь въ гладкой водѣ, а за нимъ, далеко разбѣгаясь, фосфорическимъ блескомъ змѣились двѣ свѣтлыя волны. Онъ хотѣлъ крикнуть, но безумная радость сковала языкъ. Карбасъ сразбѣга ударился

о ледяную глыбу; она вздрогнула, зашаталась и взволновала вокругъ себя спокойную поверхность; расходясь, побѣжали серебристые круги.

Въ одинъ скачокъ онъ очутился въ лодкѣ. Весла всплеснули, и одинокая льдина, на которой онъ столько вынесъ, далеко позади потонула въ морской дали. А надъ моремъ тихо спустился сумракъ и покрылъ все...

Сіяя величавой красотой Сѣвера, тихо дремлетъ надъ спокойнымъ моремъ полярная ночь, проникнутая тонкимъ, искристымъ морознымъ туманомъ. Съ вышины задумчиво льетъ голубоватое сіяніе блѣдный мѣсяцъ. Мягкій синеватый отсвѣтъ озаряетъ необъятую водную гладь и въ морозной дали чью-то неподвижно скорчившуюся на одинокой льдинѣ фигуру, опушенную бѣлымъ иглистымъ инеемъ.

Серафимовичъ.



35. Гостинецъ.

I.

— Такъ ты приходи! — въ третій разъ попросилъ Сениста, и въ третій разъ Сазонка торопливо отвѣтилъ:

— Приду, приду, ты не бойся. Еще бы не прійти, конечно, приду.

И снова они замолчали. Сениста лежалъ на спинѣ, до подбородка укрытый сѣрымъ больничнымъ одѣяломъ и упорно смотрѣлъ на Сазонку; ему хотѣлось, чтобы Сазонка подольше не уходилъ изъ больницы и чтобы своимъ отвѣтнымъ взглядомъ онъ еще разъ подтвердилъ обѣщаніе не оставлять его въ жертву одиночеству, болѣзни и страху. Сазонкѣ же хотѣлось уйти, но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать безъ обиды для мальчика, шмурыгалъ носомъ, почти сползалъ со стула и опять садился плотно и рѣшительно, какъ-будто навсегда. Онъ бы еще посидѣлъ, если бы было о чемъ говорить, но говорить было не о чемъ, и мысли приходили глупыя, отъ которыхъ становилось смѣшно и стыдно. Такъ, его все время тянуло называть Сенисту по имени и отчеству — Семеномъ Ерофеевичемъ, что было отчаянно нелѣпо: Сениста былъ мальчишка-подмастерье, а Сазонка былъ солиднымъ мастеромъ и пьяницей, и Сазонкой звался только по при-

вычкѣ. И еще двухъ недѣль не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ Сенистѣ послѣдній подзатыльникъ, и это было очень дурно, но и объ этомъ говорить тоже нельзя.

Сазонка началъ рѣшительно сползать со стула, но не доведя дѣла до половины, такъ же рѣшительно взползъ назадъ и сказалъ не то въ видѣ укоризны, не то утѣшенія:

— Такъ вотъ какія дѣла. Болитъ, а?

Сениста утвердительно качнулъ головой и тихо отвѣтилъ:

— Ну, ступай! А то онъ бранить будетъ.

— Это вѣрно, — обрадовался Сазонка предлогу. — Онъ-то приказывалъ: ты, говоритъ, поскорѣе. Отвезешь — и той же минутой назадъ. И чтобы водки ни-ни...

Но вмѣстѣ съ сознаніемъ, что онъ можетъ теперь уйти каждую минуту, въ сердце Сазонки вошла острая жалость къ большеголовому Сенистѣ. Къ жалости призывала вся необычная обстановка: тѣсный рядъ кроватей съ блѣдными, хмурыми людьми; воздухъ, до послѣдней частицы испорченный запахомъ лѣкарствъ и испареніями больного человѣческаго тѣла; чувство собственной силы и здоровья. И уже не избѣгая просительнаго взгляда, Сазонка наклонился къ Сенистѣ и твердо повторилъ:

— Ты, Семенъ... Сеня, не бойся... Приду. Какъ ослобонюсь, такъ и къ тебѣ. Развѣ мы не люди? Господи! Тоже и у насъ понятіе есть. Милый! Вѣришь мнѣ аль нѣтъ?

И съ улыбкой на почернѣвшихъ, запекшихся губахъ Сениста отвѣчалъ:

— Вѣрю.

— Вотъ! — торжествовалъ Сазонка. — Теперь ему было легко и пріятно, и онъ могъ уже поговорить о подзатыльникѣ, случайно данномъ двѣ недѣли назадъ. И онъ осторожно намекнулъ, касаясь пальцемъ Сенина плеча: — а ежели тебя по головѣ кто билъ, такъ развѣ это со зла? Господи! Голова у тебя очень такая удобная: большая, да стриженая.

Сениста опять улыбнулся, и Сазонка поднялся со стула. Ростомъ онъ былъ очень высокъ, волосы его, всѣ въ мелкихъ кудряшкахъ, расчесанные частой гребенкой, подымались пышной и веселой шапкой, и сѣрые, припухшіе глаза искрились и безотчетно улыбались.

— Ну, прощевай! — сказалъ онъ, но не тронулся съ мѣста. Онъ нарочно сказалъ «прощевай», а не «прощай», потому что такъ выходило душевнѣе, но теперь ему показалось этого мало. Нужно было сдѣлать что-то еще болѣе душевное и хорошее, такое, послѣ котораго Сенистѣ весело было бы лежать въ больницѣ, а ему легко было бы уйти. И онъ неловко топтался на мѣстѣ, смѣшной въ своемъ дѣтскомъ смущеніи, когда Сениста опять вывелъ его изъ затрудненія:

— Прощай! — сказалъ онъ своимъ дѣтскимъ, тоненькимъ голоскомъ, за который его дразнили «гуслями», и совсѣмъ просто, какъ взрослый, высвободилъ руку изъ-подъ одѣяла и, какъ равный, протянулъ ее Сазонкѣ. И Сазонка, чувствуя, что это именно то, чего не хватало ему для полнаго спокойствія, почтительно охватилъ тонкіе пальчики своей здоровой лапищей, подержалъ ихъ и со вздохомъ выпустилъ.

Такъ приходи же, — въ четвертый разъ попросилъ Сениста...

Когда Сазонка вышелъ изъ больницы, за нимъ долго еще гнался запахъ лѣкарствъ и просящій голосъ:

— Приходи же!

И разводя руками, Сазонка отвѣчалъ:

— Милый! Да развѣ мы не люди?

II.

Подходила Пасха, и портновской работы было такъ много, что только одинъ разъ, въ воскресенье вечеромъ, Сазонкѣ удалось напиться, да и то не допьяна. Цѣлые дни, по-весеннему свѣтлые и длинные, отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ, онъ сидѣлъ на подмосткахъ у своего окна, по-турецки поджавъ подъ себя ноги, хмурясь и неодобрительно посвистывая. Съ утра окно находилось въ тѣни, и въ разошедшіеся пазы тянуло холодкомъ, но къ полудню солнце прорѣзало узенькую желтую полоску, въ которой свѣтящимися точками играла приподнятая пыль. А черезъ полчаса уже весь подоконникъ съ набросанными на немъ обрѣзками матерій и ножницами горѣлъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и становилось такъ жарко, что нужно было, какъ лѣтомъ, распахнуть окно. И вмѣстѣ съ волной свѣжаго, крѣпкаго воздуха, пропитаннаго запахомъ прѣющаго навоза, подсыхающей грязи и распускающихся почекъ, въ окно влетала шальная, еще слабосильная муха и приносился разноголосый шумъ улицы. Внизу у заваленки, рылись куры и блаженно кудахтали, нѣжась въ круглыхъ ямкахъ; на противоположной, уже просохшей сторонѣ улицы играли въ бабки ребята, и ихъ пестрый, звонкій крикъ и удары чугунныхъ плитъ о костяшки звучали задоромъ и свѣжестью. Ѣзды по улицѣ, находившейся на окраинѣ Орла, было совсѣмъ мало, и только изрѣдка шажкомъ проѣзжалъ пригородный мужикъ; телѣга подпрыгивала въ глубокихъ колеяхъ, еще полныхъ жидкой грязи, и всѣ части ея стучали деревяннымъ стукомъ, напоминающимъ лѣто и просторъ полей.

Когда у Сазонки начинало ломить поясницу и одеревянѣвшіе пальцы не держали иглы, онъ босикомъ и безъ подпояски, какъ былъ, выскакивалъ на улицу, гигантскими скачками перелеталъ лужи и присоединялся къ играющимъ ребятамъ.

— Ну-ка, дай ударить, — просилъ онъ, и десятокъ грязныхъ рукъ протягивалъ ему плиты и десятокъ голосовъ просилъ:

— За меня, Сазонка, за меня!

Сазонка выбиралъ плиту поувѣсистѣе, засучивалъ рукавъ и, принявъ позу атлета, мечущаго дискъ, измѣрялъ прищуреннымъ глазомъ разстояніе. Съ легкимъ свистомъ плита вырывалась изъ его руки и, волнообразно подскакивая, скользящимъ ударомъ врывалась въ средину длиннаго кона, и пестрымъ дождемъ разсыпались бабки и такимъ же пестрымъ крикомъ отвѣчали на ударъ ребята. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ Сазонка отдыхалъ и говорилъ ребятамъ:

— А Сениста-то еще въ больницѣ, ребята.

Но, занятые своимъ интереснымъ дѣломъ, ребята принимали извѣстіе холодно и равнодушно.

— Надобно ему гостинца отнести. Вотъ ужо отнесу, — продолжалъ Сазонка.

На слово «гостинецъ» отозвались многіе. Мишка Поросенокъ поддергивалъ одной рукой штанишки — другая держала въ подолѣ рубахи бабки — и серьезно совѣтовалъ:

— Ты ему гривенникъ дай.

Гривенникъ была та сумма, которую обѣщалъ дѣдъ самому Мишкѣ, и выше ея не шло его представленіе о человѣческомъ счастьѣ. Но долго разговаривать о гостинцѣ не было времени, и такими же гигантскими прыжками Сазонка перебирался къ себѣ и опять садился за работу.

Въ головѣ Сазонки было смутно и тяжело, и по цѣлымъ часамъ онъ неуклюже ворочалъ какую-нибудь одну мысль: о новыхъ сапогахъ или гармоникѣ. Но чаще всего онъ думалъ о Сенистѣ и о гостинцѣ, который онъ ему отнесетъ. Машинка монотонно и усыпляюще стучала, покрикивалъ хозяинъ, и все одна и та же картина представлялась усталому мозгу Сазонки: какъ онъ приходитъ къ Сенистѣ въ больницу и подаетъ ему гостинецъ, завернутый въ ситцевый каемчатый платокъ. Часто въ тяжелой дремѣ онъ забывалъ, кто такой Сениста и не могъ вспомнить его лица, но каемчатый платокъ, который нужно еще купить, представлялся живо и ясно, и даже казалось, что узелки на немъ не совсѣмъ крѣпко завязаны. И всѣмъ: хозяину, хозяйкѣ, заказчикамъ и ребятамъ Сазонка говорилъ, что пойдетъ къ мальчику непремѣнно на первый день Пасхи.

— Ужъ такъ нужно, — твердилъ онъ. — Причешусь, и той же минутой къ нему. На, милый, получай! Но говоря это, онъ видѣлъ другую картину: распахнутыя двери краснаго кабачка. И его охватило горькое сознаніе своей слабости, съ которой онъ не можетъ бороться, и хотѣлось кричать громко и настойчиво:

— Къ Сенистѣ пойду! Къ Сенистѣ!

III.

И на первый день Пасхи и на второй Сазонка былъ пьянъ... И только на четвертый день удалось ему выбраться къ Сенистѣ.

Улица, залитая солнечнымъ свѣтомъ, пестрѣла яркими пятнами кумачевыхъ рубахъ и веселымъ оскаломъ бѣлыхъ зубовъ, грызущихъ подсолнухи; играли вразбродъ гармоники, стучали чугунныя плиты о костяшки, и голосисто оралъ пѣтухъ, вызывая на бой сосѣдняго пѣтуха. Но Сазонка не глядѣлъ по сторонамъ. Лицо его, съ подбитымъ глазомъ и разсѣченной губой, было мрачно и сосредоточенно, и даже волосы не вздымались пышной гривой, а какъ-то растерянно торчали отдѣльными космами. Было совѣстно за пьянство и неисполненное слово; было жаль, что представится онъ Сенистѣ не во всей своей красѣ — въ красной шерстяной рубахѣ и жилеткѣ. Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ больницѣ, тѣмъ легче ему становилось, и глаза чаще опускались внизъ, направо, гдѣ бережно висѣлъ въ рукѣ узелокъ съ гостинцемъ. И лицо Сенисты видѣлось теперь совсѣмъ живо и ясно, съ запекшимися губами и просящимъ взглядомъ.

— Милый, да развѣ? Ахъ, Господи! — говорилъ Сазонка и крупно надбавлялъ шагу. Вотъ и больница — желтое, громадное зданіе, съ черными рамами оконъ, отчего окна походили на темные угрюмые глаза. Вотъ и длинный коридоръ, и запахъ лѣкарствъ, и неопредѣленное чувство жути и тоски. Вотъ и палата и постель Сенисты...

Но гдѣ же самъ Сениста?

— Вамъ кого? — спросила вошедшая слѣдомъ сидѣлка.

— Мальчикъ тутъ одинъ лежалъ. Семенъ. Семенъ Ерофеевъ. Вотъ на этомъ мѣстѣ. — Сазонка указалъ пальцемъ на пустую постель.

— Такъ нужно допрежде спрашивать, а то ломитеся зря, — грубо сказала сидѣлка. — И не Семенъ Ерофеевъ, а Семенъ Пустошкинъ.

— Ерофеевъ — это по отчеству. Родителя звали Ерофеемъ, такъ вотъ онъ и выходитъ Ерофеичъ, — объяснилъ Сазонка, медленно и страшно блѣднѣя.

— Померъ вашъ Ерофеичъ. А только мы этого не знаемъ: по отчеству. По-нашему, Семенъ Пустошкинъ. Померъ, говорю.

— Вотъ какъ-съ! — благопристойно удивился Сазонка, блѣдный настолько, что веснушки выступали рѣзко, какъ чернильныя брызги. — Когда же-съ?

— Вчера послѣ вечеренъ.

— А мнѣ можно... — запинаясь, попросилъ Сазонка

— Отчего нельзя? — равнодушно отвѣтила сидѣлка —

Спросите, вамъ покажутъ. Да вы не убивайтесь! Кволый онъ былъ, не жилецъ.

Языкъ Сазонки разспрашивалъ дорогу вѣжливо и обстоятельно, ноги твердо несли его въ указываемомъ направленіи, но глаза ничего не видѣли. И видѣть они стали только тогда, когда неподвижно и прямо они установились въ мертвое лицо Сенисты.

Сазонка отступилъ на шагъ назадъ и громко сказалъ:

— Прощевай, Семенъ Ерофеичъ.

Затѣмъ опустился на колѣни, коснулся лбомъ сырого пола и поднялся.

— Прости меня, Семенъ Ерофеичъ, — такъ же раздѣльно и громко выговорилъ онъ, и снова упалъ на колѣни и долго прижимался лбомъ, пока не стала затекать голова.

IV.

Тотчасъ за больницей городъ кончался, и начиналось поле, и Сазонка побрелъ въ поле. Ровное, не нарушаемое ни деревомъ, ни строеніемъ, оно привольно раскидывалось въ ширь, и самый вѣтерокъ казался его свободнымъ и теплымъ дыханіемъ. Сазонка сперва шелъ по просохшей дорогѣ, потомъ свернулъ влѣво и прямикомъ по пару и прошлогоднему жнитву направился къ рѣкѣ. Мѣстами земля была еще сыровата, и тамъ послѣ его прохода оставались слѣды его ногъ съ темными углубленіями каблуковъ.

На берегу Сазонка улегся въ небольшой покрытой травой ложбинкѣ, гдѣ воздухъ былъ неподвиженъ и тепелъ, какъ въ парникѣ, и закрылъ глаза. Солнечные лучи сквозь закрытыя вѣки проходили теплой и красной волной; высоко въ воздушной синевѣ звенѣлъ жаворонокъ, и было пріятно дышать и не думать. Полая вода уже сошла, и рѣчка струилась узенькимъ ручейкомъ, далеко на противоположномъ низкомъ берегу оставивъ слѣды своего буйства: огромныя ноздреватыя льдины. Онѣ кучками лежали другъ на другѣ и бѣлыми треугольниками подымались вверхъ, навстрѣчу огненнымъ безпощаднымъ лучамъ, которые шагъ за шагомъ точили и сверлили ихъ. Въ полудремѣ Сазонка откинулъ руку — подъ нее попало что-то твердое, обернутое матеріей.

Гостинецъ!

Быстро приподнявшись, Сазонка вскрикнулъ:

— Господи! Да что же это?

Онъ совершенно забылъ про узелокъ и испуганными глазами смотрѣлъ на него. Онъ глядѣлъ на каемчатый платокъ — и видѣлъ, какъ на первый день, и на второй, и на третій Сениста ждалъ его и оборачивался къ двери, а онъ не приходилъ. Умеръ

одинокій, забытый... Только бы на день раньше — и потухающими глазами онъ увидѣлъ бы гостинецъ и возрадовался бы дѣтскимъ своимъ сердцемъ, и безъ боли, безъ ужасающей тоски одиночества, полетѣла бы его душа къ высокому небу.

Сазонка плакалъ, впиваясь руками въ свои пышные волосы и катаясь по землѣ. Плакалъ и, подымая руки къ небу, жалко оправдывался:

— Господи! Да развѣ мы не люди?

И прямо разсѣченной губой онъ упалъ на землю — и затихъ въ порывахъ нѣмого горя. Лицо его мягко и нѣжно щекотала молодая трава; густой, успокаивающій запахъ подымался отъ сырой земли, и была въ ней могучая сила и страстный призывъ къ жизни. Какъ вѣковѣчная мать, земля принимала въ свои объятія грѣшнаго сына и тепломъ, любовью и надеждой поила его страдающее сердце.

А далеко въ городѣ нестройно гудѣли веселые праздничные колокола.

Л. Андреевъ.

Укажите, какъ и въ чемъ проявлялась любовь Сазонки къ Сенистѣ.

36. Тоска.

Кому повѣмъ печаль мою?...

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу; сидитъ на козлахъ и не шевельнется. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью формъ, палкообразной прямизною ногъ она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вѣроятности, погружена въ мысль. Кого оторвали отъ плуга, отъ привычныхъ, сѣрыхъ картинъ и бросили сюда въ этотъ омутъ, полный чудовищныхъ огней, неугомоннаго треска и бѣгущихъ людей, тому нельзя не думать...

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ на городъ спускается вечерняя мгла. Уличная суматоха становится шумнѣе.

— Извозчикъ, на Выборгскую! — слышитъ Іона. — Извозчикъ!

Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленныя снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ.

— На Выборгскую! — повторяетъ военный. — Да ты, эй, спишь, что ли?

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани. Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ полебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста...

— Куда прешь, лѣшій! — на первыхъ же порахъ слышитъ Іона возгласы изъ темной, движущейся взадъ и впередъ массы. — Пррава держи!

— Ты ѣздить не умѣешь! Права держи! — сердится военный.

Бранится кучеръ съ кареты, злобно глядитъ и стряхиваетъ снѣгъ съ рукава прохожій, перебѣгавшій дорогу и налетѣвшій плечомъ на морду лошаденки. Іона ерзаетъ на козлахъ, какъ на иголкахъ, тыкаетъ въ сторону локтями и водитъ глазами, какъ угорѣлый, словно не понимаетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Какіе есть подлецы! — остритъ военный. — Такъ и норовятъ столкнуться съ тобой, или подъ лошадь попасть. Это они сговорились.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сопѣнья.

— Что? — спрашиваетъ военный.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, того... сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гм!... Отчего же онъ умеръ?

Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.

— Сворачивай! — раздается въ потемкахъ. — Гляди глазами!

— Поѣзжай, поѣзжай... — говоритъ сѣдокъ. — Этакъ мы и до завтра не доѣдемъ. Подгони-ка!

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей махаетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ онъ оглядывается на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать. Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется... Мокрый снѣгъ опять краситъ набѣло его и лошаденку. Проходитъ часъ, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту! — кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ. — Троихъ... двугривенный!

Іона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный — цѣна не сходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ — для него теперь все равно, были бы только сѣдоки... Молодые люди, толкаясь, подходятъ къ санямъ, и всѣ трое сразу лѣзутъ на сидѣнье. Начинается рѣшеніе вопроса: кому двумъ сидѣть, а кому третьему стоять? Послѣ долгой перебранки, капризничанья и попрековъ, приходятъ къ рѣшенію, что стоять долженъ горбачъ, какъ самый маленькій.

— Ну, погоняй! — дребезжитъ горбачъ, устанавливаясь и дыша въ затылокъ Іоны. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы... гы-ы... — хохочетъ Іона. — Какая есть...

— Ну, ты, какая есть, погоняй! Этакъ ты всю дорогу будешь ѣхать? Развѣ такъ ѣздятъ? Но! Хорошенько ее.

Іона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача. Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинаетъ мало-по-малу отлегать отъ груди. Горбачъ бранится и разражается кашлемъ. Дождавшись короткой паузы, Іона оглядывается и бормочетъ:

— А у меня на этой недѣлѣ... тово... сынъ померъ!

— Всѣ помремъ... — вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣшительно не могу дальше такъ ѣхать! Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонько подбодри... въ шею!

— Старая холера, слышишь? Вѣдь шею накостыляю!... Съ вашимъ братомъ церемониться, такъ пѣшкомъ ходить! Ты слышишь, Змѣй Горынычъ? Или тебѣ плевать на наши слова?

— Извозчикъ, ты женатъ? — спрашиваетъ длинный.

— Я-то? Таперя у меня одна жена — сырая земля. Могила, то есть! Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобы ко мнѣ иттить, она къ сыну...

И Іона оборачивается, чтобы разсказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они, наконецъ, пріѣхали. Получивъ двугривенный, Іона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, исчезающимъ въ темномъ подъѣздѣ. Опять онъ одинокъ, и опять наступаетъ для него тишина...

Утихшая не надолго тоска появляется вновь и расширяетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не най-

дется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который бы выслушалъ его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границъ. Лопни грудь Іоны и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ...

Іона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшаетъ заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ? — спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Іона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ... Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже безполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи... Ему невмоготу.

— «Ко двору, — думаетъ онъ, — ко двору!»

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой. Спустя часа полтора, Іона сидитъ уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьяхъ храпитъ народъ. Іона глядитъ на спящихъ, почесывается и жалѣетъ, что такъ рано вернулся домой...

— «И на овесъ не выѣздилъ — думаетъ онъ. — Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ»...

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крякаетъ и тянется къ верху съ водой.

— Пить захотѣлъ? — спрашиваетъ Іона.

— Стало-быть, пить!

— Такъ... на здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ? на этой недѣлѣ въ больницѣ... Исторія!

Іона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ. Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ... Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо разсказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что́ говорилъ передъ смертью, какъ умеръ... Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить?

— «Пойти лошадь поглядѣть, — думаетъ Іона. — Спать всегда успѣешь... Небось выспишься...»

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда одинъ,

думать онъ не можетъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко.

— Жуешь? — спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза. — Ну жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старъ ужъ сталъ я ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...

Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ точно, братъ кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина...

Іона увлекается и разсказываетъ ей все.

А. П. Чеховъ.

Что Іона разсказалъ лошади о своемъ горѣ? Напишите объ этомъ.

37. Щи.

У бабы-вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣтній сынъ, первый на селѣ работникъ.

Барыня, помѣщица того же самаго села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить ее въ самый день похоронъ.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, передъ столомъ, она, не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плетью) черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли и опухли... но она держалась истово и прямо, какъ въ церкви.

«Господи!» подумала барыня: «она можетъ ѣсть въ такую минуту... какія, однако, у нихъ, у всѣхъ грубыя чувства!»

И вспомнила тутъ барыня, какъ, потерявъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, девятимѣсячную дочь, она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургомъ и прожила цѣлое лѣто въ городѣ! А баба продолжала хлебать щи!

Барыня не вытерпѣла, наконецъ. — Татьяна! промолвила она... Помилуй! — Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Какъ у тебя не пропалъ аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи!

— Вася мой померъ, — тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова побѣжали по ея впалымъ щекамъ. — Зна-

читъ, и мой пришелъ конецъ: съ живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь онѣ посоленыя.

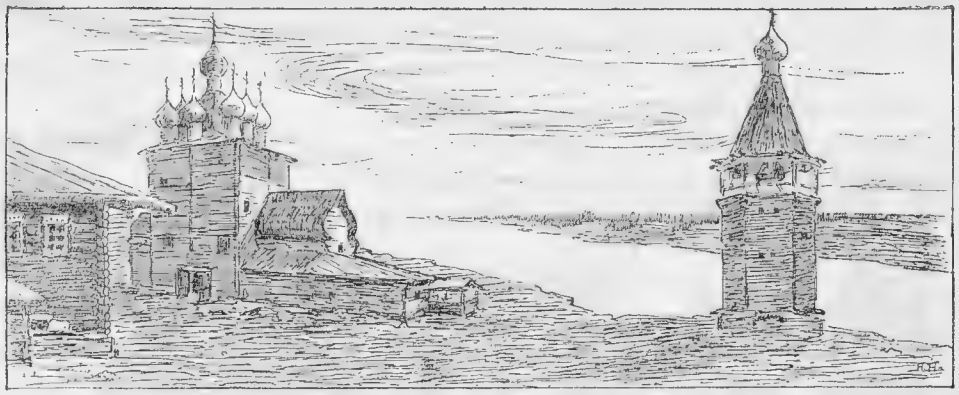
Барыня только плечами пожала — и пошла вонъ. Ей-то соль доставалась дешево.

И. С. Тургеневъ.

38. ***

Ъ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
посреди безконечныхъ луговъ,
за селомъ, на горѣ невысокой,
вся бѣла, вся видна при лунѣ,
церковь старая чудится мнѣ,
и на бѣлой церковной стѣнѣ
отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
вижу надписи вдоль по карнизу
и апостола Павла съ мечомъ,
облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
на свою колокольню-руину;
на тѣни онъ громадно великъ:
пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
этихъ звуковъ властительно пѣнье:
если есть въ околоткѣ больной,
онъ при нихъ встрепенется душой
и, считая внимательно звуки,
позабудетъ на мигъ свои муки;
одинокій ли путникъ ночной
ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
ихъ заботливый пахарь считаетъ
и, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
проситъ Бога о вёдряномъ днѣ.
Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.

Н. А. Некрасовъ.



39. Старый звонарь.

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальней рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ, привелъ Богъ опять.

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ-будто охраняли ихъ

распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями. Оттуда, снизу, несся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ, а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. «Слава-те Господи!» шепчутъ старческія уста привычную формулу, и Михеичъ смотритъ вверхъ на горящее милліонами огней звѣздное небо и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ! — зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ. Древніе годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣся я! — отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный «Возъ» поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь...

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидной во мракѣ рѣчки, — все это ему знакомо, все это ему родное... Недаромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ тятькой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и... какъ недавно!... Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ, — но не тотъ, что пыль подымаетъ уличную, а какой-то особенный, высоко надъ землей машущій своими безшумными крыльями, — развѣваетъ его волосенки... Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такой громадной, почти безграничной...

— Анъ вотъ она, вся тутъ! — улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ — и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что жъ, слава те Господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему мать... Скоро, ужъ скоро!...

— Однако, пора! Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый, одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны.

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался въ своей вышкѣ. Трудно ему; при томъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ? Онъ самъ едва ли могъ отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. «Тропарь поютъ» — думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ, «возглашаетъ» дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтущій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастіе, на радости жизни.. Гдѣ оно, это счастіе?... Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, забота... Гдѣ оно, это счастіе? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склоняя голову, стоитъ его «молодица». Добрая была баба, царствіе небесное! И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе изсушатъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза, и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастіе?... Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ

на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни и стукаетъ лбомъ... И кипитъ, разгорается у Михеича сердце, а темные лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду.

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него, — эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками. «Богъ васъ суди, Богъ суди!» шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головою, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михеичъ, а Михеичъ! Что жъ ты, али заснулъ? — кричатъ ему снизу.

— Ась?—откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги.— Господи! Неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!

И Михеичъ быстро, привычной рукой, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчей... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, и до Михеича доносится радостный кличъ:

«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!»

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудной вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: «Христосъ воскресе!»

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: «Христосъ воскресе!»

И казалось, старая колокольня дрожитъ и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: «Христосъ воскресе!»

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: «Христосъ воскресе!»

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пень,

разбитый злой непогодой. Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастіе и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

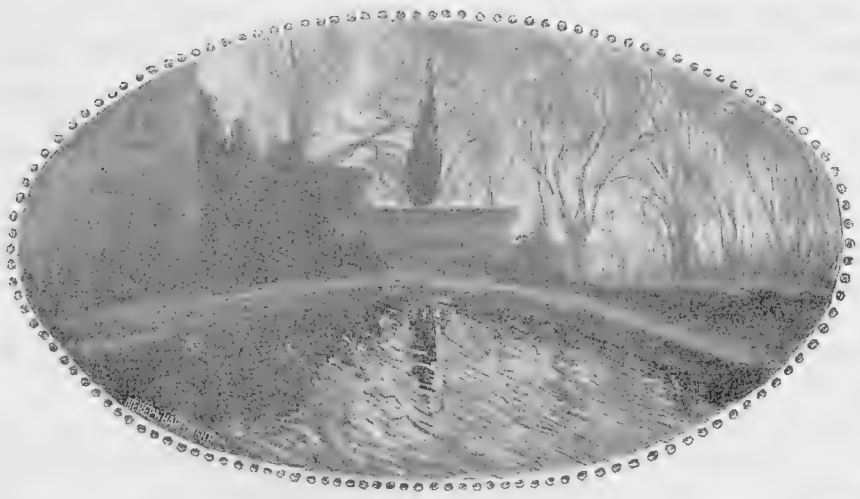
А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ....

Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ-будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту, которая дрожитъ и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

В. Г. Короленко.



40. Святою ночью.

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей; теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и

болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Буквально некуда было пальцемъ ткнуть. Тутъ были крупныя, какъ гусиное яйцо, и мелкія, съ конопляное зерно... Ради праздничнаго парада вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ; звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо... Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло вразсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой, суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома! — сказалъ я.

— А пора ему быть, — отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаешься парома?

— Нѣтъ, я такъ... — зѣвнулъ мужикъ: — люминаціи дожидаюсь. Поѣхалъ бы, да признаться, пятачка на паромъ нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пятачокъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно... Ужо на этотъ пятачокъ ты за меня тамъ, въ монастырѣ, свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я тутъ постою. Скажи на милость, нѣтъ парома! Словно въ воду канулъ!

Мужикъ подошелъ къ самой водѣ, взялся рукой за канатъ и закричалъ:

— Іеронимъ! Іеронимъ!

Точно въ отвѣтъ на этотъ крикъ, съ того берега понесся протяжный звонъ колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христосъ воскресъ! — сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни, и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Іерон-и-и-мъ! — послышался глухой, протяжный крикъ.

— Съ того берега кричатъ, — сказалъ мужикъ. — Значитъ, и тамъ нѣтъ парома. Заснулъ нашъ Іеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я уже началъ терять терпѣніе и волноваться, но вотъ, наконецъ, вглядываясь въ темную даль, я увидѣлъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такой медленностью, что если бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бъ подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй! Іеронимъ! — крикнулъ мой мужикъ. — Баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачнулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канатъ, стоялъ высокій человѣкъ въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего такъ долго? — спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите, Христа ради, — отвѣтилъ тихо Іеронимъ.

— Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Іеронимъ взялся обѣими руками за канатъ, изогнулся въ вопросительный знакъ и крякнулъ. Паромъ скрипнулъ и покачнулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня, — значитъ паромъ поплылъ. Іеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась «люминація», которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но далѣе, въ стороны и позади ихъ, откуда несся бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая воздухъ, золотой лентой взвилась къ небу ракета: она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво! — сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ Іеронимъ. — Ночь такая, господинъ! Въ другое время и вниманія не обратишь на ракеты, а нынче всякой суетѣ радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ... радостный день нынче... — продолжалъ Іеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорятъ выздоравливающіе больные. — Радуется и небо, и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь. Только скажите мнѣ, господинъ хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можетъ скорбей своихъ забыть?

Мнѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызывалъ меня на одинъ изъ тѣхъ «продлинновенныхъ», душеспаситель-

ныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хорошій, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь: въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродьяконъ Николай.

— Что жъ, это Божья воля! — сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ. — Всѣмъ умирать нужно. По-моему, вы должны еще радоваться... Говорятъ, что кто умретъ подъ Пасху или на Пасху, тотъ непремѣнно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И Писаніе ясно указываетъ на суету скорби и размышленіе, — прервалъ молчаніе Іеронимъ: — но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Іеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро:

— Умри я, или кто другой, оно бы, можетъ, и незамѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Никто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его уже нѣтъ на свѣтѣ! Стою я тутъ на паромѣ, и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ съ берега голосъ свой подастъ. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай. Спаси, Господи, его душу!

Іеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ:

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый! — сказалъ онъ пѣвучимъ голосомъ. — Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ сейчасъ будутъ пѣть въ заутрени: «О, любезнаго! о, сладчайшаго твоего гласа!» Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ? — спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно ввѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акаѳисты писать... — сказалъ онъ. — Чудо, господинъ, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отецъ архимандритъ у насъ изъ московскихъ, отецъ

намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ; есть у насъ и іеромонахи разумные, и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродьяконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо! Истинно чудо!

— Мы въ родѣ какъ бы друзья съ нимъ были, — зашепталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами. — Куда онъ, туда и я. Меня нѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а за то, что я отъ его акаѳистовъ плакалъ. Вспоминать трогательно! Теперь я все равно какъ сирота или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простого званія. Говорятъ всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучатъ, шумятъ, кашляютъ, а Николай говорилъ завсегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Іеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы вплывали въ заколдованное царство, полное удушливаго дыма, трещащаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, ужъ ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ... — сказалъ Іеронимъ, — а Николая нѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церкви?

— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...

— Но развѣ васъ не смѣнятъ?

— Не знаю... Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ! А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...

— Вы монахъ?

— Да-съ... то-есть я послушникъ.

Паромъ врѣзался въ берегъ и остановился. Я сунулъ Іерониму пятачокъ за провозъ и прыгнулъ на сушу. Тотчасъ же телѣга съ мальчикомъ и со спящей бабой со скрипомъ въѣхала на паромъ. Іеронимъ, слабо окрашиваемый огнями, налегъ на канатъ, изогнулся и сдвинулъ съ мѣста паромъ...

Войдя въ церковь, я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества; но ни одинъ человѣкъ не вникалъ

и не вслушивался въ то, что пѣлось, и ни у кого не «захватывало духа». Отчего не смѣнятъ Іеронима? Я могъ себѣ представить этого Іеронима, смиренно стоящаго гдѣ-нибудь у стѣны, согнувшагося и жадно ловящаго красоту святой фразы. Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, упился бы до восторговъ, до захватыванья духа, и не было бы во всемъ храмѣ человѣка счастливѣе его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своемъ умершемъ братѣ и другѣ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли, и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ. Чугунныя плиты, памятники и почки на деревьяхъ были подернуты росой. Въ воздухѣ рѣзко чувствовалась свѣжесть. За оградой уже не было того оживленія, какое я видѣлъ ночью. Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а отъ смоляныхъ бочекъ оставались однѣ только кучки чернаго пепла. Когда человѣкъ утомленъ и хочетъ спать, то ему кажется, что то же самое состояніе переживаетъ и природа. Мнѣ казалось, что деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже колокола звонили не такъ громко и весело, какъ ночью. Безпокойство кончилось, и отъ возбужденія осталась одна только пріятная истома, жажда сна и тепла.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ воды вѣяло холодомъ и суровостью. Когда я прыгнулъ на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщинъ. Канатъ влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христосъ воскресъ! Больше никого нѣтъ? — спросилъ тихій голосъ.

Я узналъ голосъ Іеронима. Теперь ночныя потемки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій узкоплечій человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ крупными, округленными чертами лица, съ полузакрытыми, лѣниво глядящими глазами и съ нечесанной клиновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили? — удивлялся я.

— Меня-съ? — переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь. — Теперь ужъ некому смѣнять до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту разговляться пойдутъ-съ.

Онъ да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха,

похожей на липовки, въ которыхъ продаютъ медъ, поналегли на канатъ, дружно крякнули, и паромъ тронулся съ мѣста.

Мы поплыли, безпокоя на пути лѣниво подымавшійся туманъ. Всѣ молчали. Іеронимъ машинально работалъ одной рукой.

А. П. Чеховъ.

41. Христова ночь.

ГАВНИНА еще цѣпенѣетъ, но среди глубокаго безмолвія ночи подъ снѣжною пеленою уже слышится говоръ пробуждающихся ручьевъ. Въ оврагахъ и ложбинахъ этотъ говоръ принимаетъ размѣры глухого гула и предостерегаетъ путника, что дорога въ этихъ мѣстахъ изрыта зажорами. Но лѣсъ еще молчитъ, придавленный инеемъ, словно сказочный богатырь желѣзной шапкою. Темное небо сплошь усыпано звѣздами, льющими на землю холодный и трепещущій свѣтъ. Въ обманчивомъ его мерцаніи мелькаютъ траурныя точки деревень, утонувшихъ въ сугробахъ. Печать сиротливости, заброшенности и убожества легла и на застывшую равнину и на безмолвствующій проселокъ. Все сковано безпощадно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой.

Но вотъ въ одномъ концѣ равнины раздалось гудѣніе полночнаго колокола; навстрѣчу ему съ противоположнаго конца пронеслось другое, потомъ третье, четвертое. На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горящіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила. По дорогѣ потянулись вереницы деревенскаго люда. Впереди шли люди сѣрые, замученные жизнью и нищетою, люди съ истерзанными сердцами и поникшими долу головами. Они несли въ храмъ свое смиреніе и свои воздыханія; это было все, что они могли дать воскресшему Богу. За ними, поодаль, слѣдовали въ праздничныхъ одеждахъ деревенскіе богатеи, кулаки и прочіе властелины деревни. Они весело гуторили между собой и несли въ храмъ свои мечтанія о предстоящемъ ликованіи. Но скоро толпы народныя утонули въ глубинѣ проселка; замеръ въ воздухѣ послѣдній ударъ призывного благовѣста, и опять все торжественно смолкло.

Глубокая тайна почуялась въ этомъ внезапномъ перерывѣ начавшагося движенія, — какъ-будто за наступившимъ мол-

чаніемъ надвигалось чудо, долженствующее вдохнуть жизнь и возрожденіе. И точно, — не успѣлъ еще заалѣть востокъ, какъ желанное чудо совершилось. Воскресъ поруганный и распятый Богъ, къ которому искони огорченныя и недугующія сердца вопіютъ:

«Господи! поспѣшай!»

М. Е. Салтыковъ.

Прочтите В. Г. Короленко «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ».

42. Колодники.

Спускается солнце за степи,
вдали золотится ковыль, —
колодниковъ звонкія цѣпи
взметаютъ дорожную пыль.
Идутъ они съ бритыми лбами,
шагаютъ впередъ тяжело,
угрюмыя сдвинули брови,
на сердце раздумье легло.
Идутъ съ ними длинныя тѣни,
двѣ клячи телѣгу везутъ,
лѣниво сгибая колѣни,
конвойные съ ними идутъ.

— Что̀, братцы, затянемте пѣсню,
забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
написана намъ на роду.
И вотъ повели, затянули,
поютъ, заливаясь, они
про Волги широкой раздолье,
про даромъ минувшіе дни;
поютъ про свободныя степи,
про дикую волю поютъ,
день меркнетъ все болѣ, — а цѣпи
дорогу метутъ да метутъ...

А. Толстой.

43. Алей.

...Слѣва отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большею частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо: почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, исподлобья и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ, тонкимъ, горбоносымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Нурра, произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще не старый, роста невысо-

каго, сложенный какъ Геркулесъ, совершенный блондинъ съ свѣтлоголубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирный, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно, но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурного поступка. Былъ онъ чрезвычайно богомоленъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили. «Нурра — левъ», говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ,что по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ его воротятъ домой, на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется, онъ бы умеръ, если бъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго, симпатизирующаго лица среди злыхъ, угрюмыхъ и насмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжныхъ. Въ первые полчаса, какъ я пришелъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошелъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять, и такъ продолжалъ три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался я и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ, какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась въ его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки,

такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и грусти, глядя на него. Я говорю, не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ у него было пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же и не сочли за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ одного богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Вся милость, которую сдѣлалъ судъ для него, былъ уменьшенный срокъ наказанія: онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъбудто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую его мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильственный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала онъ со мной былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ и даже много

разсуждавшимъ. Вообще, скажу заранѣе: я считалъ Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что онѣ могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работящій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя было еще рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело, и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную.

— Что, Алей, ты, навѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да, — отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думаю объ этомъ?

— Еще бы не знать? Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О, зачѣмъ ты это говоришь!...

— Должно-быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай?

— О-охъ, и не говори лучше! — Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ.

— Должно-быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ, что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она сегодня ко мнѣ во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ, неизвѣстно почему, ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ, чѣмъ могъ, въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, котораго онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ: онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачать сапоги, впослѣдствіи выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей,— сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впослѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! — и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта — книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговорилъ какъ-будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да! — отвѣчалъ онъ, — да. Иса — святой пророкъ, Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что жъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ Онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо Онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то-есть

чисто-мусульманскоою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что Онъ дѣлалъ великія чудеса; что Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее, и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволялъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ, и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ-быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. «Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ», — говорилъ онъ, — «что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...»

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь мой добрый, милый, милый Алей!...

Ѳ. Достоевскій.

Тема. *Характеристика Алея.*

44. Сонъ негра.

Измученъ зноемъ и трудомъ,
онъ на-земь бросился ничкомъ...
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ...
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ —
родимый край увидѣлъ онъ.
Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
несется Нигеръ голубой;
подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
и люди веселы кругомъ:
онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.
Среди цвѣтовъ стоитъ жена,
толпой дѣтей окружена;
и дѣти къ ней ласкаясь льнутъ,
и въ лѣсъ, отца искать, зовутъ...
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
въ бреду заплакалъ тихо онъ...
И снова чудится во снѣ:
на борзомъ мчится онъ конѣ.
Какъ вольный вихорь, конь летитъ,
взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
златою сбруею звеня, —
и сабля бьетъ въ бока коня...
Что̀ мигъ—свободнѣй дышитъ грудь!
Что̀ шагъ—торжественнѣе путь,
все ближе горы. Левъ рычитъ;
кричитъ гіена; змѣй свиститъ,

и тяжело по тростникамъ
идетъ къ рѣкѣ гиппопотамъ.
Подъ небомъ темноголубымъ
фламинго красный, передъ нимъ
несясь въ дали, крылами бьетъ
какъ знамя красное — и вотъ
ему открылся Кафровъ станъ,
и въ очи глянулъ океанъ!
И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
подобный трубамъ, мощный звукъ
поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
и глубь пустынь, и глубь небесъ...
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
великій духъ своихъ сыновъ.
И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ...
И ужъ не чувствовалъ, какъ бичъ
по немъ скользнулъ, и какъ ногой
его толкнулъ хозяинъ злой,
какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
пробормоталъ потомъ: «издохъ!...»

А. Майковъ.

45. Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
на почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
его въ день гнѣва породила
и зелень мертвую вѣтвей
и корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
къ полудню растопясь отъ зною,
и застываетъ ввечеру
густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ
и тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный
на древо смерти набѣжитъ —
и мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
блуждая, листъ его дремучій,
съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ,
и тотъ послушно въ путь потекъ,
и къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
да вѣтвь съ увядшими листами —
и потъ по блѣдному челу
струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
подъ сводомъ шалаша, на лыки,
и умеръ бѣдный рабъ у ногъ
непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
свои послушливыя стрѣлы,
и съ ними гибель разослалъ
къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

А. С. Пушкинъ.

46. Представленіе въ Мертвомъ домѣ.

Я не знаю характера милѣе Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ, чтобъ вмѣшивались въ его дѣла, — однимъ словомъ, умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился не надолго и, кажется, всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ за то, что онъ «пустой и безполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ разспрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, разсказавъ, какъ поручикъ Ш. отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-маіора, и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что, кажется, театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного денщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ аксельбантами. Только бы плацъ-маіоръ не вздумалъ запретить, какъ прошлаго года. Но прошлаго года на Рождествѣ маіоръ былъ не въ духѣ; гдѣ-то проигрался, да и къ тому же въ острогѣ пошалили, вотъ онъ и запретилъ со зла, а теперь, можетъ-быть, не захочетъ стѣснять. Однимъ словомъ, Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непремѣнно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу...

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству, вѣроятно, было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что именно дѣлается? Даже хорошенько не знали,

что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе достать костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется, и на плацъ-маіора нашелъ порядочный стихъ. Впрочемъ, намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, былъ причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретятъ театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову.

Арестанты, какъ дѣти, радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ», думали и говорили у насъ про себя и между собою: «пожалуй и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры, настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ, ну, такъ, можетъ, только костюмами и возьмутъ, а насчетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то!...

Однимъ словомъ, это были дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сорока лѣтъ. Но, несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: «Филатка и Мирошка соперники». Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ *санктъ*-петербургскомъ театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ, бывало, отпуститъ что-нибудь «по-тіатральному», т.-е. изъ своей роли, — и всѣ хохочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ будетъ, что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! — говорилъ онъ, прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы

будетъ платье съ фалбалой, и пелеринка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сюртукѣ съ аксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: «Кедрилъ-обжора». Названіе меня очень заинтересовало, но какъ я ни разспрашивалъ объ этой пьесѣ, ничего не могъ узнать предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что̀ такое значитъ Кедрилъ, и, наконецъ, почему Кедрилъ, а не Кириллъ? Русское ли это, или иностранное происшествіе, — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться «пантомима подъ музыку». Конечно, все это было очень любопытно. Актеровъ было человѣкъ пятнадцать — все бойкій и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ, хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ...

...Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились на представленіе.

До поднятія занавѣса, вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ, толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и блаженствомъ въ лицѣ ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другого. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человѣкъ взбирался на него ногами, обѣими руками впирался въ плечи впереди стоящаго и, не измѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно такъ же выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмостившись на нары, стояла тоже сплошная толпа надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмостились на самую печь и, лежа на ней, смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали. На подоконникахъ, по другой стѣнкѣ, тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ и не нашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя по́томъ отъ жары и духоты. Что̀ за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменныхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны

всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подымется занавѣсъ. Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ, размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ нашелся и дома), три балалайки — всѣ самодѣльщина, двѣ гитары и бубенъ вмѣсто контрабаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Наконецъ, появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, я до сихъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что̀ можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ: согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что̀ именно есть безконечно-разгульнаго и удалого въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ, поднялась занавѣсь. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки, кто-то упалъ съ полѣна, всѣ до единаго раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и прочіе, какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикорнулъ и Исай Ѳомичъ, который, казалось, съ поднятіемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть, и я помню, невольно каждый разъ, при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ — не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны, стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него; такъ онъ былъ милъ! «Алей Семенычъ», называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ,

Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію, удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непремѣнно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю — столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзане, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина, сверхъ того, возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! Ай-да молодецъ!» — все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновенье блистало въ глазахъ его. Сцена цѣлованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: «утрись!» и самъ утирается, вышла уморительно смѣшна. Всѣ такъ и покатились со смѣху. Но всего занимательнѣе были для меня зрители; тутъ ужъ всѣ были нараспашку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоитъ подлѣ него; другой при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкиваетъ языкомъ и пальцами, и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ, а такъ какъ некуда итти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель въ хмурый, осенній день, — и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить — на гордость и на удивленіе всему городу, — знай, дескать,

нашихъ, каковы арестанты! Ихъ, конечно, все занимало, костюмы, напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидать, напримѣръ, такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, и вотъ выходитъ же теперь въ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатской! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ, ни дать ни взять, баринъ!» И всѣ въ восторгѣ. «Благодѣтельный помѣщикъ» вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда, очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой, и произвелъ необыкновенный эффектъ. «Благодѣтельная помѣщица» была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованной бумаги въ другой, которымъ она безпрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню, да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ, пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни» и вновь поднялась занавѣсь. Это Кедрилъ. Кедрилъ что-то въ родѣ Донъ-Жуана, по крайней мѣрѣ, и барина и слугу черти уносятъ въ адъ.

Подъ конецъ пьесы три чорта врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. «Кедрилъ! Спасай меня!» кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ и бутылку, и тарелку, и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедрилъ вылѣзаетъ, осматривается и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плуговски прищуривается, садится на барское мѣсто, и, кивая публикѣ, говоритъ полушепотомъ:

— Ну, я теперь одинъ... безъ барина!...

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полушепотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!...

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но не долго продолжается счастье Кедрила. Только было онъ распорядился

бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедрилъ кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ, выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ, его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ... оркестръ начинаетъ камаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванья подекамъ балалайки... Это камаринская во всемъ своемъ размахѣ. Начинается пантомима подъ музыку. Камаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомимы Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинитъ сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника — Нецвѣтаевъ.

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ и не сами арестанты, то, по крайней мѣрѣ, въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Послѣдняя пантомима, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ, раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, по-брамински. Тѣмъ и кончается театръ до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся, веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже будто счастливы и засыпаютъ не по-всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы, кажется? А между тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному, и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ...

Ѳ. М. Достоевскій.

Тема. *Актеры и зрители на представленіи въ Мертвомъ домѣ.*
Прочтите разсказъ Гусева-Оренбургскаго «На родину».

Всюду жизнь. Съ картины Ярошенко.

47. Капля.

Отъ стан тучъ — одна отстала
и дымно-алая блуждала
по тверди дымно-голубой;
тянулась нитью золотистой —
и разрѣшилась каплей чистой,
одною каплей дождевой.

И какъ слезинка серафима,
та капля намъ была незрима —
была лишь Господу видна;
ее румянилъ лучъ заката,
и вѣщимъ трепетомъ объята
въ потемки падала она.

Подъ ней холмы, лѣса темнѣютъ,
сгущая сумракъ, тѣни рѣютъ,
и капля падаетъ съ высотъ
молніеносныхъ и лучистыхъ
въ грязь — гдѣ никто изъ капель чистыхъ
уже себя не узнаетъ...

Но если вновь тепло настанетъ,
вновь каплю бѣдную потянетъ
изъ грязныхъ узъ на вольный свѣтъ,
туда — гдѣ нѣтъ границъ лазури,
гдѣ даже тучи послѣ бури
несутъ Творца лучистый слѣдъ

Я. Полонскій.

48. Умирающій гладіаторъ.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
рукоплесканьями широкая арена —
а онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
и молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
мелькаютъ — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
и родина цвѣтетъ — свободной жизни край,
онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
отца, простершаго нѣмѣющія длани,
зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ — прости, о, край родной!»

М. Ю. Лермонтовъ.

49. Мцыри.

Ты хочешь знать, что видѣлъ я
на волѣ? — Пышныя поля,
холмы, покрытые вѣнцомъ
деревъ, разросшихся кругомъ,
шумящихъ свѣжею толпой,
какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
и думы ихъ я угадалъ:
мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
объятья каменныя ихъ!
и жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
имъ не сойтися никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
причудливые, какъ мечты,
когда въ часъ утренней зари
курилися, какъ алтари,
ихъ выси въ небѣ голубомъ,
и облачко за облачкомъ,
покинувъ тайный свой ночлегъ,
къ востоку направляло бѣгъ —
какъ будто бѣлый караванъ
залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
сѣдой, незыблемый Кавказъ:
и было сердцу моему
легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
что нѣкогда и я тамъ жилъ,
и стало въ памяти моей
прошедшее яснѣй, яснѣй!...
И вспомнилъ я отцовскій домъ,
ущелье наше и кругомъ
въ тѣни разсыпанный аулъ;
мнѣ слышался вечерній гулъ
домой бѣгущихъ табуновъ
и дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
при свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
противъ отцовскаго крыльца
сидѣвшихъ съ важностью лица,
и блескъ оправленныхъ ножонъ
кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
все это смутной чередой
вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
въ своей одеждѣ боевой
являлся мнѣ, и помнилъ я
кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
и гордый непреклонный взоръ,
и молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
и звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
надъ колыбелію моей...
Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ,
онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
къ нему, на золотой песокъ
играть я въ полдень уходилъ
и взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
когда онѣ передъ дождемъ
волны касалися крыломъ:
и вспомнилъ я нашъ мирный домъ,
и предъ вечернимъ очагомъ
разсказы долгіе о томъ,
какъ жили люди прежнихъ дней,
когда былъ міръ еще пышнѣй.
Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
на волѣ? Жилъ — и жизнь моя
безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
была бъ печальнѣй и мрачнѣй
безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
взглянуть на дальнія поля,
узнать, прекрасна ли земля, —
и въ часъ ночной, ужасный часъ.

когда гроза пугала васъ,
когда, столпясь при алтарѣ,
вы ницъ лежали на землѣ,
я убѣжалъ... О! я, какъ братъ,
обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
рукою молніи ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
той дружбы краткой но живой,
межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?
Бѣжалъ я долго — гдѣ, куда,
не знаю! ни одна звѣзда
не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
въ мою измученную грудь
ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,—
и только. Много я часовъ
бѣжалъ и, наконецъ, усталъ,
прилегъ между высокихъ травъ;
прислушался: погони нѣтъ,
гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
тянулся длинной полосой
межъ темнымъ небомъ и землей.
И различалъ я, какъ узоръ,
на ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
кричалъ и плакалъ какъ дитя,
и, гладкой чешуей блестя,
змѣя скользила межъ камней;
но страхъ не сжалъ души моей;
я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей
и ползъ и прятался какъ змѣй.
Внизу глубоко подо мной
потокъ, усиленный грозой,
шумѣлъ, и шумъ его глухой
сердитыхъ сотнѣ голосовъ
подобился. Хотя безъ словъ,
мнѣ внятенъ тотъ былъ разговоръ,
немолчный ропотъ, вѣчный споръ
съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
онъ раздавался въ тишинѣ;
и вотъ, въ туманной вышинѣ
запѣли птички, и востокъ
озолотился; вѣтерокъ
сырые шевельнулъ листы;
дохнули сонные цвѣты,
и, какъ они, навстрѣчу дню
я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю:
мнѣ стало страшно; на краю
грозящей бездны я лежалъ,
гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
туда вели ступени скалъ,
но лишь злой духъ по нимъ шагалъ.
когда, низверженный съ небесъ,
въ подземной пропасти исчезъ.
Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
растеній радужный нарядъ
хранилъ слѣды небесныхъ слезъ;
и кудри виноградныхъ лозъ
вились, красуясь межъ деревъ
прозрачной зеленью листовъ;
и грозды полные на нихъ,
серегъ подобье дорогихъ,
висѣли пышно, и порой
къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
и снова вслушиваться сталъ
къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
они шептались по кустамъ,
какъ будто рѣчь свою вели
о тайнахъ неба и земли;
и всѣ природы голоса
сливались тутъ; не раздался
въ торжественный хваленья часъ
лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
тѣ думы — имъ ужъ нѣтъ слѣда;
но я бъ желалъ ихъ разсказать,
чтобъ жить, хоть мысленно, опять.

Въ то утро былъ небесный сводъ
такъ чистъ, что ангела полетъ
прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
тонулъ, пока полдневный зной
мои мечты не разогналъ,
и жаждой я томиться сталъ...

.....Я цѣль одну,—
пройти въ родимую страну,
имѣлъ въ душѣ,—и превозмогъ
страданье голода, какъ могъ.
И вотъ, дорогою прямой
пустился робкій и нѣмой;
но скоро въ глубинѣ лѣсной
изъ виду горы потерялъ
и тутъ съ пути сбиваться сталъ.
Напрасно въ бѣшенствѣ, порой,
я рвалъ отчаянной рукой
терновникъ, спутанный плющемъ:
все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
страшнѣй и гуще каждый часъ,
и милліономъ черныхъ глазъ
смотрѣла ночи темнота
сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова;
я сталъ влѣзать на дерева,
но даже на краю небесъ
все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
и въ изступленіи рыдалъ,
и грызъ сырую грудь земли,
и слезы, слезы потекли
въ нее горячею росой...
Но вѣрь мнѣ, помощи людской
я не желалъ... я былъ чужой
для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
и если бъ хоть минутный крикъ
мнѣ измѣнилъ — клянусь, старикъ,
я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.
Ты помнишь дѣтскіе года:
слезы не зналъ я никогда:
но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
покрыта мохомъ и пескомъ,
непроницаемой стѣной
окружена, передо мной
была поляна. Вдругъ по ней
мелькнула тѣнь и двухъ огней
промчались искры... и потомъ
какой-то звѣръ однимъ прыжкомъ
изъ чащи выскочилъ и легъ,
играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
могучій барсъ. Сырую кость
онъ грызъ и весело визжалъ;
то взоръ кровавый устремлялъ,
мотая ласково хвостомъ,
на полный мѣсяцъ, — и на немъ
шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
минуты битвы; сердце вдругъ
зажглося жаждою борьбы
и крови... да, рука судьбы
меня вела инымъ путемъ.
Но нынче, я увѣренъ въ томъ,
что могъ бы быть въ краю отцовъ
не изъ послѣднихъ удальцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
врага почуялъ онъ, — и вой
протяжный, жалобный, какъ стонъ,
раздался вдругъ... и началъ онъ
сердито лапой рыть песокъ,
всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
и первый бѣшеный скачекъ
мнѣ страшной смертію грозилъ...
но я его предупредилъ.

Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
надежный сукъ мой, какъ топоръ,
широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
и опрокинулся. Но вновь, —
хотя лила изъ раны кровь
густой, широкою волной, —
бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь,
но въ горло я успѣлъ воткнуть
и тамъ два раза повернуть
мое оружье... Онъ завылъ,
рванулся изъ послѣднихъ силъ,
и мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
обнявшись крѣпче двухъ друзей,
упали разомъ и во мглѣ
бой продолжали на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
какъ будто самъ я былъ рожденъ
въ семействѣ барсовъ и волковъ,
подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
забылъ я — и въ груди моей,
родился тотъ ужасный крикъ,
какъ будто съ дѣтства мой языкъ
къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
метаться, медленнѣй дышать,
сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
блеснули грозно — и потомъ
закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
но съ торжествующимъ врагомъ
онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

М. Ю. Лермонтовъ.

50. Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
въ туманѣ моря голубомъ...
что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
и мачта гнется и скрипитъ...
увы! онъ счастія не ищетъ
и не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
надъ нимъ лучъ солнца золотой;
а онъ, мятежный, проситъ бури,
какъ будто въ буряхъ есть покой!

М. Ю. Лермонтовъ.

51. Порывъ.

Я помню, въ тотъ вечеръ мы долго не расходились. Дождь за окномъ лилъ, не переставая; деревья шумѣли, журчала вода въ дождевыхъ трубахъ; гдѣ-то наверху, за стѣною, глухо и мѣрно капало. Все это сливалось въ смутный и однообразный шумъ, изъ-за котораго еще тише казалось въ нашей маленькой деревенской залѣ. Самоваръ уже убрали, и одинокая свѣча тускло освѣщала пустой столъ.

Мать сидѣла на диванѣ и тихо водила своею блѣдною, худою рукой по кудрявой головкѣ прижавшейся къ ней Шуры. Лиза съ другой стороны прижалась къ матери; я стоялъ у печки.

Только старшая сестра, Катя, никогда не сидѣвшая безъ дѣла, и теперь, придвинувъ къ себѣ свѣчу, шила что-то на ручной машинѣ; мѣрный стукъ колеса одиноко раздавался въ залѣ, не мѣшаясь съ шумомъ дождя и скрипомъ деревьевъ за окномъ.

Вдругъ въ окно передней раздался снаружи рѣзкій, отчаянный ударъ; стекла такъ и зазвенѣли въ рамахъ. Всѣ замолчали и переглянулись. Ударъ повторился,—разъ, другой, третій, все чаще и сильнѣе.

— Что такое? — въ недоумѣніи сказалъ отецъ, войдя въ залу.

Мы всѣ поднялись и вышли въ переднюю. Я раскрылъ окно. Влажный, холодный вѣтеръ ворвался въ комнату. Въ черномъ мракѣ двора не было ничего видно.

— Кто тамъ? — крикнулъ я.

— Я, баринъ, Алешка, съ мельницы! — раздался подъ окномъ испуганный голосъ. — Впусти поскорѣй, стараго барина мнѣ повидать.

Катя отперла дверь. Въ комнату вошелъ рябой, приземистый парень въ неуклюжихъ сапогахъ и большой, надвинутой на уши шапкѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, широко раскрытые глаза блестѣли, зубы выстукивали мелкую дробь. Съ его промокшаго кафтана вода ручьями сбѣгала на полъ.

— Помоги, баринъ! — лихорадочно заговорилъ Алеша, стаскивая съ головы шапку. — Тонемъ!

— Какъ тонемъ?! Въ чемъ дѣло?

— Хлещетъ вода черезъ плотину, — удержу нѣтъ! Городище все залило, подъ самую мельницу подходитъ, гляди, сейчасъ амбаръ снесетъ. Ребятки малые въ избѣ остались, скотинка вся... Меня ужъ батька къ тебѣ послалъ, нельзя ли ребятъ вашихъ на подмогу. Не въ моготу однимъ: смерть пришла!

— Господи, ты мой Боже! — въ ужасѣ воскликнула мать, кладя на себя широкій крестъ. Сестры всѣ были блѣдны не хуже Алешки.

Отецъ кашлянулъ и нахмурился, что всегда бывало, когда онъ волновался.

— Да съ чего это все? — спросилъ онъ. — Щиты-то вы на плотинѣ подняли?

— То-то, что нѣтъ! Да кто жъ ихъ зналъ? Полегоньку прибывала вода, — думали всегда спустить поспѣемъ: что ее понапрасну передъ помоломъ спускать? А тутъ вдругъ какъ хлынуло, — такъ хлынуло, такъ хлынуло, сразу, Господи помилуй! На три четверти!... Ни тебѣ щитовъ поднять, ни тебѣ воду спустить... Должно, верхнюю мельницу снесло, богучаровскую.

— Ступай же, Митя, разбуди скорѣй работниковъ, — обратилась ко мнѣ мать. — Боже ты мой, Боже! Вотъ несчастье-то!

— Да скажи, чтобъ багровъ захватили и веревокъ, — добавилъ отецъ.

— Ты имъ, баринъ, на лошадяхъ прикажи ѣхать, — сказалъ Алешка. — Пѣшкомъ теперь не проберешься черезъ Городище.

Я поспѣшилъ вонъ. Ночь была непроглядно-темна. Садъ шумѣлъ глухо и зловѣще, дождь бѣшено сѣкъ желѣзныя крыши построекъ. Вѣтеръ тяжелымъ, шумнымъ дыханіемъ проносился въ воздухѣ. Я весь дрожалъ мелкою, нервическою дрожью: тамъ, въ этомъ холодномъ бурномъ мракѣ, крылись стоны, гибель, смерть...

Я вбѣжалъ въ сарай, гдѣ спали работники, ощупью нашелъ койку моего пріятеля Герасима и сталъ его будить. Онъ спалъ, какъ убитый, и мнѣ съ трудомъ удалось его растолкать.

Работники стали подниматься.

Я сказалъ Власу о баграхъ и телѣгахъ и поспѣшилъ домой, къ себѣ наверхъ. Въ темнотѣ я отыскалъ и надѣлъ большіе сапоги, пальто, но фуражки не было. Я вспомнилъ, что она лежитъ въ залѣ на окнѣ.

— Куда это ты, Митя? — спросила мать, когда я вбѣжалъ въ залу и схватилъ фуражку. Въ комнатѣ, кромѣ матери, были старшая сестра и Шура, обѣ блѣдныя и растерянныя.

— На мельницу съ работниками, — торопливо отвѣтилъ я.

— Это еще что тебѣ вздумалось! — воскликнула мать. — Утонуть, что ли, тебѣ хочется, или простудиться? Нѣтъ, голубчикъ, вздоръ! И не думай!

Я остановился.

— Ну, мамочка, позволь мнѣ ѣхать! — сказалъ я упавшимъ голосомъ. — Вѣдь вотъ работниковъ же ты посылаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и не думай! Работники — совсѣмъ другое дѣло.

— Я лучше всѣхъ ихъ плаваю, а съ Герасимомъ мы вчера, когда боролись...

— Нѣтъ, оставь это, пожалуйста! Нельзя — и нельзя! Объ этомъ нечего и говорить.

— О чемъ это? Въ чемъ дѣло? — спросилъ вошедшій въ залу отецъ.

— Да пустяки: Митя хочетъ ѣхать на мельницу.

Отецъ нахмурился.

— Что тебѣ тамъ понадобилось? Оставь, братъ, это, сдѣлай милость! И безъ тебя тамъ все прекрасно обойдется. Ступай-ка лучше спать: ужъ давно первый часъ... Спать, спать, дѣтки! Пора! — обратился онъ къ сестрамъ. — И ты, клопенокъ, еще не спишь? Ахъ ты, козявка! Сію минуту всѣмъ въ постель! Маршъ! Разъ, два, три!

Веселый тонъ отца ободрилъ сестеръ. Онѣ простились и ушли. Отецъ съ матерью отправились въ кабинетъ. Я постоялъ въ опустѣвшей залѣ и побрелъ къ себѣ.

Въ полутемной передней, у окна, слабо рисовалась чья-то небольшая тѣнь; я вглядѣлся: это была Лиза. Она лихорадочно грызла ногти, слѣдя за мною нахмуренными, блестящими глазами. Я встрѣтился съ нею взглядомъ и почему-то остановился.

— Ми-тя! — протянула она, серьзно глядя на меня.

— Что? — прошепталъ я чуть слышно.

— Митя, ты... поѣдешь туда?

— Вѣдь ты слышала, папа не позволилъ, — угрюмо отвѣтилъ я.

— Я не знаю... Я бы... — Лиза испуганно оглянулась.

— Что ты бы?! — закричалъ я, задыхаясь.

Я не договорилъ и поспѣшно вышелъ вонъ, хлопнувъ дверью.

Когда я поднялся къ себѣ наверхъ, сердце мое билось, колѣни дрожали и подгибались. Я постоялъ среди комнаты, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Ворвавшійся вѣтеръ обдалъ меня мелкими брызгами; небо было такъ черно, что на немъ не видно было даже слабыхъ очертаній шумѣвшихъ передъ окномъ деревьевъ. Я высунулся изъ окна и сталъ смотрѣть влѣво, на дворъ.

Дождь все лилъ и лилъ; деревья клонились отъ вѣтра и глухо стонали. Я сталъ внимательно вслушиваться; въ шумѣ непогоды мнѣ чудились далекіе, отчаянные вопли, какой-то трескъ и гулъ.

На дворѣ послышался быстрый, хляпающій по грязи топотъ лошади.

— Микола-ай! — прокричалъ торопливый голосъ. — Поди, у Степанъ Степаныча весла спроси: лодку требуютъ.

У меня екнуло сердце: то кричалъ Герасимъ. Я какъ-будто обрадовался его возвращенію, но прежняя дрожь охватила меня съ новой силой.

Словно что толкнуло меня. Торопясь и замирая, я надѣлъ пальто, фуражку, и полѣзъ изъ окна. Цѣпляясь руками и ногами за склизкія планки, я спустился внизъ и спрыгнулъ въ росшіе подъ окномъ кусты сирени.

Дрожь быстрою, щекотною зыбью бѣгала у меня по спинѣ и плечамъ; въ груди накипало что-то и захватывало духъ, руки крѣпко сжимались въ кулаки. Я подошелъ къ споривщимъ.

— О чемъ вы? — спросилъ я Герасима.

— Сказано тебѣ: барыня отъ двора отлучаться не приказала, — огрызался Николай.

— «Барыня не приказала!» — злобно передразнилъ Герасимъ. — Лѣшій эдакій, боисси, въ конуру запрятался.

Что-то вдругъ сдавило мнѣ горло; чувство восторга и безсвѣтной удали охватило меня.

— Э, плюнь ты на него! — крикнулъ я. — Гераська, идемъ со мной!

— О-о? — радостно отозвался Герасимъ. — Вотъ такъ баринъ! Пойдемъ!

Онъ взвалилъ весла на плечи, и мы поспѣшили въ садъ.

Шлепая по лужамъ, мы пробѣжали густую липовую аллею, обдававшую насъ сверху холодными брызгами, перелѣзли черезъ плетень и по крутой, скользкой тропинкѣ спустились къ рѣкѣ.

Вода сажени на двѣ выступила за обычную линію берега. Далеко, въ видѣ черной, уродливой массы, выдѣлялась купальня, сильно накренившаяся набокъ и въ половину залитая водой.

— Эге!... Мостки-то снесло! — сказалъ Герасимъ, останавливаясь. — Купальню-то какъ свернуло! Теперь и не доберешься до лодки.

Онъ бережно сложилъ весла на землю и почесалъ затылокъ.

Я торопливо раздѣлся и съ разбѣгу бросился въ холодную, черную воду; не разсчитавъ глубины, я больно ударился колѣнками о дно, — поскорѣй вынырнулъ и поплылъ къ лодкѣ. Въ первую секунду мнѣ показалось въ водѣ очень холодно, потомъ все мое тѣло разгорѣлось, словно охваченное кипяткомъ. Я влѣзъ въ лодку, отвязалъ ее отъ купальни и, работая руками, какъ веслами, медленно подогналъ ее къ берегу.

Между тѣмъ вѣтеръ, прежде рѣзкій и порывистый, перемѣнилъ направленіе и подулъ ровнымъ, влажнымъ холодкомъ; окладныя тучи разорвались, кое-гдѣ слабо замигали звѣзды; на востокѣ чуть сѣрѣла свѣтлая полоска. Пока я одѣвался, Герасимъ вложилъ весла въ уключины. Черезъ минуту я также былъ въ лодкѣ, налегъ на весла, и въ три взмаха вывелъ ее на середину рѣки.

Лодка плавно понеслась по теченію. Медленно отошелъ назадъ темный садъ, съ тихимъ ропотомъ отряхивавшійся отъ дождевыхъ капель; огонекъ мелькнулъ сквозь вѣтви и исчезъ. Тьма непроглядная налегла на лодку со всѣхъ сторонъ; торчавшія изъ воды верхушки молодыхъ лозинокъ, еле видныя, однѣ намѣчали русло рѣки, широко разлившейся по лугу.

Герасимъ неподвижно сидѣлъ на кормѣ, понуривъ голову и держась обѣими руками за борта лодки; онъ не привыкъ къ водѣ и, видимо, чувствовалъ себя неловко въ этой лодкѣ, быстро мчавшейся по теченію въ глубокомъ мракѣ. А у меня грудь дрожала отъ какого-то страннаго ощущенія: мнѣ никогда еще не было такъ безумно-весело. И силу я въ себѣ чувствовалъ

такую, какъ никогда: весла гнулись и трещали подъ моими руками, лодка неслась впередъ, какъ ласточка.

— Держи, баринъ, держи лѣвѣй! — вдругъ испуганно крикнулъ Герасимъ.

Мы неслись прямо на выступъ, образовавшійся въ этомъ мѣстѣ отъ крутого поворота рѣки. Я небрежно оглянулся и быстро проскользнулъ съ лодкою мимо самаго выступа, такъ что правое весло вылетѣло изъ уключины и всю лодку сильно встряхнуло Шумъ падающей воды раздался неожиданно почти подъ самымъ носомъ лодки, хотя до плотины еще оставалось съ четверть версты. Далеко въ темнотѣ, на склонѣ рощи, мелькали блестящія точки фонарей, приближавшихся къ плотинѣ. У мельницы также бѣгали огоньки и слышался заунывный женскій вой, покрываемый гуломъ воды.

— Вотъ они и ребята подошли! — сказалъ Герасимъ, вглядываясь впередъ. — Эге! Избу-то ужъ снесло!

Мы оба были недалеко отъ мельницы. Вода, дѣйствительно, снесла правую мельничную избу, стоявшую у самаго берега, и ударялась объ уцѣлѣвшую еще людскую, достигая мягкими, извилистыми волнами ея оконъ. Лодка подъ самой мельницей выбилась изъ теченія и очутилась въ сравнительно тихой заводи, образовавшейся вокругъ мельницы.

Работники только что подъѣхали и, тихо переговариваясь, слѣзали съ телѣгъ. Къ нимъ навстрѣчу бросился мельникъ; онъ былъ босикомъ, въ рубахѣ, насквозь промокшей и неровно липнувшей къ его жирному тѣлу; волосы безпорядочными, мокрыми космами падали на обезумѣвшее отъ отчаянія лицо.

— Гляньте-ка, братцы, гляньте! — плакалъ онъ. — Все какъ есть залило, — ничего не осталось!... Изба-то, глядите вонъ, — нѣтъ ея! Все снесло... Голубчики вы мои! Помирать пора пришла!

Онъ суетился вокругъ работниковъ и дрожащими руками указывалъ на мельницу.

— Ребятокъ-то спасли-ли? — сурово спросилъ Власъ, снимая сермяжный халатъ.

— Слава-те Господи, повытаскали ребятъ! А добро все тамъ осталось .. И скотина вся тамъ и сундукъ женинъ, — семьдесятъ, братцы, цѣлковыхъ въ немъ!... Хрякъ вотъ въ сѣнцахъ остался, слышь, визжитъ!

Работники нерѣшительно толкались вокругъ телѣгъ, распутывая веревки. Вдругъ одинъ изъ нихъ, Аѳиногенъ, — высокій, рябой мужикъ съ надменнымъ и презрительнымъ лицомъ, — встрепенулся и бросилъ въ телѣгу веревку, которую только что распуталъ.

— Ну, ну, ребята, пошевеливайся! — крикнулъ онъ. — Берись за багры, чего стоишь?... Да вонъ, никакъ, и Гараська съ лодкой!...

Мы въѣхали въ кругъ свѣта и подплыли къ работникамъ.

— Эге, и баринъ тутъ, — молодчага! — небрежно кинулъ Аѳиногенъ, скользнувъ по мнѣ взглядомъ.

Я улыбнулся гордою, радостною улыбкою.

— Садись, Иванычъ, съ нами! — крикнулъ онъ мельнику. — Показывай, гдѣ сундукъ.

— Въ избѣ, братцы, въ избѣ подъ хорами стоитъ; самъ изъ горницы перенесъ.

Иванычъ торопливо усѣлся въ лодку, на самую корму.

— Ну, баринъ, везите къ избѣ! — скомандовалъ Аѳиногенъ.

Я взялся за весла.

— Смотри, ребята, — робко произнесъ одинъ изъ оставшихся работниковъ: — трещитъ плотина-то: прорветъ — и лодку унесетъ, и васъ всѣхъ.

— Ты-то чего боишься? Не тебя вѣдь унесетъ! — засмѣялся я, бросивъ взглядъ на Аѳиногена.

— Прихвати на случай веревкой за кольцо, да придержи конецъ, — сказалъ Аѳиногенъ.

Веревка была привязана къ носу. Я налегъ на весла и ударовъ въ пятнадцать подъѣхалъ къ людской. Аѳиногенъ съ Иванычемъ и Герасимомъ бросились въ избу. Я остался ждать въ лодкѣ.

Огни фонарей ложились на воду тусклыми, дробящимися полосами; черная группа работниковъ по ту сторону заводи стояла недвижно и молча. Небо совсѣмъ очистилось, на востокѣ становилось все свѣтлѣе; изъ-за угла людской несся непрерывный, зловѣщій гулъ бившей черезъ плотину воды; лодка подо мной мѣрно качалась вверхъ и внизъ, изрѣдка стукаясь о стѣну избы.

Вдругъ гдѣ-то — я не успѣлъ сообразить, гдѣ — что-то глухо затрещало и потомъ тяжело, раскатисто охнуло. Въ ту же минуту я почувствовалъ, что меня съ лодкою куда-то потянуло.

— Хо-о-оо!! Держи, держи!!! — услышалъ я отчаянный крикъ.

Лодка какъ-то странно запрыгала и вдругъ сильно тряхнула меня; я инстинктивно впился руками въ перекладину, передъ глазами мелькнуло сѣрое небо, — и все вокругъ меня завертѣлось съ оглушительнымъ ревомъ. Огромный потокъ, какъ мнѣ казалось, подхватилъ меня и съ стремительной силой помчалъ куда-то въ бездну. Я захлебывался.

Вдругъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ и склизкомъ; земля подо мною дрожала отъ страшнаго гула. Я вско-

чилъ на ноги. Кругомъ воды уже не было; ко мнѣ подбѣгали работники; рядомъ въ грязи валялась лодка.

— Ну, что, баринъ? живъ? не унесло? — сыпались на меня вопросы.

Я молча взглянулъ на рѣку. Напоръ воды опрокинулъ болѣе половины плотины, сорвавъ по пути мельничныя колеса и сильно покачнувъ свайный амбаръ. Далеко за плотиною, крутясь въ огромныхъ клубахъ желтой пѣны, выплывали обломки бревенъ, хвороста и колесъ. Вода бѣшено неслась черезъ пробитое отверстіе.

— И какъ это баринъ нашъ въ бучило не уплылъ! — изумлялся маленькій, пухлый Ѳедосѣй, любовно глядя на меня. — Вижу я, братцы мои, прорвало плотину, — ну, думаю, погибай нашъ баринъ! Мѣсто глыбкое — и не найдешь потомъ. Держу я конецъ, а самъ думаю: лодку, дескать, спасемъ, а барина нашего и не доищемся. Анъ вотъ — онъ, онъ! Цѣлехонекъ!

— Долго ли до грѣха! — вздохнулъ Власъ. — Такъ бы и пропалъ паренекъ... О, Господи-Батюшка!

— Ну, что объ этомъ разговаривать! — сказалъ я, тряхнувъ головою и засмѣявшись. — Не унесло, цѣлъ, — чего еще? Что такъ стоять? Пора и за работу!

Въ это время мнѣ бросилось въ глаза лицо Аѳиногена; онъ смотрѣлъ на меня съ легкою, едва замѣтною улыбкою подъ рѣдкими усами; съ такой улыбкой смотрѣлъ бы человѣкъ на своего спасеннаго младшаго брата. Аѳиногенъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну, баринъ, вы теперь домой ступайте, — сказалъ онъ. — Ишь, промокли какъ: сухой нитки нѣтъ. Холодно. Да и папаша разсердятся; небось, не спросясь ушли.

— Пускай разсердится! — радостно улыбнулся я. — Да мнѣ и не холодно вовсе.

Но это было неправда: я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; промокшее пальто коробомъ висѣло на плечахъ, рубашка непріятно липла къ тѣлу.

Было ужъ совсѣмъ свѣтло. Заря разгоралась все ярче, съ востока дулъ холодный, утренній вѣтерокъ. Я постоялъ на мѣстѣ. окинулъ всѣхъ взглядомъ и побрелъ домой.

Въ окольномъ пути теперь не было надобности: схлынувшая вода очистила Городище — лугъ, лежавшій между мельницей и нашей усадьбой; я прошелъ его и сталъ подниматься по дорогѣ въ гору. На полпути я оглянулся. Косые лучи утренняго солнца заливали всю ширь зеленаго Городища, весело играя по лужамъ и мокрой, блестящей отавѣ луга. Въ березовой рощѣ, за лугомъ, протяжно стонали иволги; жаворонки заливались въ синемъ небѣ.

Вокругъ мельницы кипѣла дружная, горячая работа. Афиногенъ и Герасимъ какимъ-то непостижимымъ образомъ пробрались въ свайный амбаръ, въ который всею своею силою билъ прорвавшійся потокъ. Ужъ нѣсколько разъ, какъ показалось мнѣ, замѣтно дрогнуло крѣпкое бревенчатое зданіе, а въ слуховое окно все еще вылетали мучные кули и, описавъ дугу надъ потокомъ, ударялись въ берегъ, испуская клубы бѣлой пыли. Остальные работники, съ Власомъ и Иванычемъ во главѣ, перебрались на ту сторону рѣки и старались поднять щиты, чтобы спасти уцѣлѣвшую часть плотины.

Мнѣ стало грустно и стыдно, что я ухожу; меня потянуло назадъ. Но было ужъ поздно: дома могли меня хватиться. Я пошелъ дальше.

Съ горы навстрѣчу мнѣ бѣжала какая-то низенькая, толстая фигура человѣка въ темной одеждѣ.

— Кто бы это могъ быть? — съ безпокойствомъ подумалъ я, слѣдя за неуклюже быстрыми движеніями странной фигуры. Она все приближалась. Я вздрогнулъ: то была мать.

Рѣдкіе ея волосы выбились изъ-подъ платка и мокрыми прядями стлались по лицу; пальто было мокро и забрызгано грязью, лицо измучено долгою тревогою. Я въ смущеніи отступилъ назадъ и остановился. А она бѣжала, скользя по грязи, черезъ лужи и промоины, устремивъ на меня сіявшіе отъ слезъ глаза.

Въ два прыжка я очутился передъ матерью и подхватилъ ее на руки. Она страстно прижала меня къ груди и осыпала безумными поцѣлуями.

— Ну, слава, слава Богу! — проговорила она, наконецъ, отрываясь, и начала креститься, въ глубокомъ экстазѣ поднявъ глаза къ небу. Изъ этихъ глазъ обильною струею текли слезы.

В. Вересаевъ.

Что хорошаго и дурного было въ «порывѣ» Мити?

Тема. *Видъ мельницы и ея окрестностей на другой день послѣ бурной ночи.*

52. Въ грозу.

ЕНЬ клонился къ вечеру, а жаръ не спадалъ. Раскаленный воздухъ былъ душенъ. Небеса казались сѣрыми, пыльными; степная зелень поблекла. Даль курилась, словно желтый туманъ выходилъ на концахъ поля изъ невидимыхъ земныхъ расщелинъ. Среди желтыхъ, сѣрыхъ, бурыхъ, пыльныхъ тоновъ на западѣ зловѣщей, черной тѣнью поднималась изъ-за горизонта туча, какъ крутая спина. Солнце шло къ ней, а она подвигалась къ солнцу... И солнце, точно отъ страха, блѣднѣло, погружаясь въ испаренія.

Подрясникъ на о. Иванѣ взмокъ, изъ сѣраго превратился въ черный и слегка курился, какъ курились взмыленные бока лошадей. О. Иванъ обернулся къ тарантасу и заглянулъ подъ громадный, покрытый пылью зонтъ, гдѣ пріютились супруги.

— Жа-ара-а! Ну, и гроза будетъ, братики мои. Только бы до парома во время добраться да переправиться черезъ Поему.

— А поскорѣе бы ѣхалъ! — отозвался изъ-подъ зонта о. Матвѣй.

— Запрягись-ка самъ! Развѣ можно лошадей гнать въ такую духоту. Видишь, въ мылѣ всѣ...

Онъ любовно смотрѣлъ на лошадей.

— Ду-у-шевныя!

Солнце изъ блѣднаго становилось краснымъ.

Воздухъ пропитался багровымъ отсвѣтомъ, багровымъ стало небо, а степь, съ разбросанными тамъ и сямъ одинокими стогами, будто напиталась кровью. Лишь туча оставалась черной. Она медленно, но неумолимо росла; отъ ея чернаго туловища протянулись черныя руки на полнеба, будто кто враждебный и самоувѣренный вызывалъ міръ на единоборство. И вокругъ природа проникалась тревогой. Тревожно сновали ласточки, кулики съ печальнымъ свистомъ проносились куда-то. Галки торопливо летѣли на ночлегъ, оглашая воздухъ рѣзкими криками. Стога, кусты, барсучьи насыпи, казалось, со вниманіемъ смотрѣли освѣщенной своей стороной на западъ, тревожно выжидая; отъ неосвѣщенныхъ же сторонъ ихъ бѣжали длинныя тѣни.

— Будетъ потѣха! — говорилъ о. Иванъ, наблюдая, какъ быстро выростала туча. — Нынѣшнее лѣто грозъ-то не было... Эта наверстаетъ! Да скоро, что-ли, Поема-то? — спросилъ онъ работника.

Абдулка привсталъ на козлахъ, черезъ дугу наблюдая убѣгавшую дорогу.

— Бирста! — коротко сказалъ онъ.

— Верста-а?... Ну, такъ поторапливай. Въ грозу паромъ не пойдетъ, не заночевать бы на бережку подъ березками.

Пригорокъ и кусты бысто выростали.

— Жара-то... Печка! — отдувался о. Иванъ. — Ого! Теперь бы въ воду!

— Большой вода идетъ! — осклабился Абдулка, кивнувъ на тучу.

— Да-а-а! Погремитъ и посверкаетъ... А какъ это, по-твоему, — обернулся онъ къ Абдулкѣ: — отчего громъ гремитъ?

Абдулка пожевалъ губами.

— Аллахъ гуляйтъ.

— А, можетъ-быть, Магометъ? — засмѣялся о. Иванъ.

Абдулка подумалъ.

— Мужетъ быть... — и онъ закричалъ на лошадей гортаннымъ крикомъ, который онѣ такъ хорошо понимали. Онѣ поджались, вытянулись. Пригорокъ все выросталъ. Съ рѣки потянуло прохладой. Лошади захрапѣли, вытягивая ноздрями свѣжій воздухъ.

Внезапно угрюмая тѣнь упала на дорогу.

Солнце погрузилось въ тучу.

Ласточки исчезли, кулики смолкли, только вдали гдѣ-то безпокойно кричала запоздавшая галка. Стога и пригорки будто присѣли и прижались къ землѣ. Туча, поглотивъ солнце, на мигъ пропиталась багровымъ свѣтомъ, но снова потемнѣла и стала черной; только кое-гдѣ на ней клубились сѣрыя пятна, будто отъ застывшихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Казалось, голова чудовища разросталась надъ полями, и космы волосъ ея, мѣстами сѣдыхъ, мѣстами черныхъ, разбросались по небу.

Кони мчали.

Ужъ дорога вышла на пригорокъ, и вдали показались широкіе и темные изгибы рѣки.

Въ воздухѣ разливалась влажность.

Тарантасъ сдѣлалъ три поворота по песчаной дорогѣ, среди низкорослаго дубняка, и выѣхалъ къ парому.

Отъ парома кричали десятки голосовъ:

— Скорѣй!! Гроза и-де-етъ!!

У парома батюшкиныхъ лошадей вмигъ отпрягли, а тарантасъ вкатили на паромъ, гдѣ нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ съ разнымъ товаромъ стояло, поднявъ вверхъ оглобли, такъ что

для тарантаса оставалось еще мѣсто. Батюшка самъ наблюдалъ, какъ вводили на паромъ лошадей.

– Осторожнѣй, — говорилъ онъ: — пугливые у меня кони-то, особливо коренникъ!

Паромъ отчалилъ.

Онъ бороздилъ еще свѣтлое пространство рѣки, а къ западу, откуда шла туча, казалось, въ рѣку вылились чернила съ кровью. Уже туча утратила всякія формы. Это была нароставшая мгла, надвигавшійся хаосъ, — еще молчащій, но уже таящій ужасы, отъ которыхъ заранѣе вздрагивала земля.

— Митричъ! Тяни крѣпче! — кричали мужики паромщику.

— Подсоби иди! — хрипѣлъ Митричъ.

— До грозы бы Богъ далъ! Ишь, наползатъ...

Паромъ достигъ уже середины рѣки.

Рѣка нахмурилась.

Зловѣщая тишина, какъ что-то живое, опасливо таящееся, обняла потемнѣвшіе берега. Точно умерли птицы, припали къ землѣ кулики, застыли въ камышахъ утки; только съ отчаяннымъ крикомъ металась надъ рѣкой чайка, будто потерявъ дорогу. Лошади храпѣли, пугливо вытягивали шеи въ предчувствіи первыхъ ударовъ, быстро надвигавшихся изъ растущей тьмы. Черною тѣнью опрокинулась туча въ рѣку, и паромъ, казалось, несся въ самую пасть чудовища, готоваго дохнуть ураганомъ, брызгами, пѣной, пылью...

И оно дохнуло!

Еще издали увидалъ отецъ Иванъ, какъ недвижныя деревья низового берега взлохматились, почернѣли, взмахнули всѣми вѣтвями, вразъ нагнулись къ землѣ. Словно играя въ чехарду, черезъ нихъ запрыгали клубы дорожной и пашенной пыли, всталъ огромный вихрь и, крутясь, обрушился въ воду.

Мигъ...

И все смѣшалось: вода, земля, берега, деревья, небо...

Кто-то огромный дышалъ чернымъ, влажнымъ, пыльнымъ дыханьемъ. Со свистящимъ воемъ вѣтеръ рвалъ водную поверхность, расшибая ее въ брызги, — раздиралъ вверху въ клочья тучи.

Кони топали, ржали.

Полы армяковъ хлопали, точно ладоши; солома взбызилась на возахъ; бабы припали къ ней, причитая:

— Царица Небесная! Страсти какія! Съ нами крестная сила!

— Митричъ! Тяни! Тяни крѣпче! Лякс... помогай ему! Берись всѣ, братцы!

У кричащихъ мужиковъ вѣтеръ пытался оторвать бороды и невидимой рукой трепалъ ихъ за волосы.

— Батюшка! Подсоби! — обернулся Алексѣй къ о. Ивану:— ты, видать, сильный...

— Ничего, ничего! — сказалъ о. Иванъ, засучивая рукава, и онъ хотѣлъ взяться за канатъ.

Но въ это время сверху, изъ тучъ, точно тяжесть упала: яростный порывъ вѣтра вдавилъ паромъ въ воду, обнялъ его со всѣхъ его смоляныхъ боковъ, — накренилъ и съ отчаянной силой толкнулъ впередъ. Алексѣй, хрипя, пошатнулся и грузно грохнулся на полъ, а черезъ него кубаремъ покатился Митричъ.

Канатъ, шурша, заскользилъ, безсильно падая.

Какъ долгіе годы носившій цѣпи рабъ, паромъ дрогнулъ, почуявъ свободу. Онъ закачался, остановился на мигъ въ раздумьѣ и быстро понесся посединѣ рѣки, тихо вращаясь. Берега поплыли, на нихъ деревья гнулись въ отчаяніи, будто готовясь провалиться въ бездну; вокругъ парома черныя волны прыгали съ угрозой.

— Канатъ лопнулъ! Канатъ!!

Людей и животныхъ охватила паника.

Тучи треснули, молніи съ грохотомъ впились въ берега.

Полилъ ливень.

Лошади бились и визгливо ржали.

Бабы метались на возахъ, выкрикивая слова молитвъ. Возгласы отчаянія ихъ сливались съ воемъ вѣтра, шумомъ дождя, съ растерянным говоромъ мужиковъ.

— Ребята!... Пропали!

— Тамъ... ниже... горный берегъ!

— Камни! Пороги!!

Митричъ метался у бортовъ.

— Господи! Господи! Господи! Смертынька... Господи!... Аннушка моя!... Аннушка! Доченьки мои... прощайте... доченьки!

— О-о-о! — вторили ему бабы.

И онѣ прыгали съ возовъ къ бортамъ, гдѣ сновалъ Митричъ, и повторяли его движенья...

О. Иванъ стоялъ въ недоумѣньѣ, уперши руки въ бока и полураскрывъ ротъ. Онъ соображалъ, что еще верста, другая и паромъ неминуемо разобьется о пороги.

— Господи благослови! — раздался вдругъ крикъ смертельнаго ужаса.

И о. Иванъ увидѣлъ, какъ Митричъ, истово перекрестившись, готовился прыгнуть въ воду. А за нимъ крестились бабы, мужики и тоже тѣснились къ борту.

О. Иванъ поймалъ Митрича за рубаху въ то время, какъ Алексѣй ухватилъ въ охапку толстую бабу, готовившуюся прыгнуть въ воду.

— Куда ты, разбойникъ? — кричалъ о. Иванъ, — утонуть хочешь?

Митричъ стоялъ съ выпученными глазами, ничего не понимая и трясясь отъ ужаса.

И покрывая голосъ бури, о. Иванъ закричалъ:

— Люди!! Стой!!

Все смолкло на паромѣ; даже лошади, почуявъ голосъ властной воли, затихли и скосились налитыми кровью глазами въ сторону человѣка, ставшаго хозяиномъ парома и ихъ судьбы.

— Вы што? Сбѣсились? — кричалъ онъ: — перетонуть задумали?! Живо!! Веревки сюда! Давай веревки!

Никто не сталъ спрашивать, зачѣмъ.

— Веревки! Бабы! Веревки батюшкѣ...

— Вожжи давай! Скручивай! — распоряжался о. Иванъ. — Гнилыхъ не надо! Крѣпкія давай! Живо! Абдулъ, вяжи! Всѣ сюда! Связывай, Алексѣй!

Громъ, не переставая, гремѣлъ.

Ливень отсѣдалъ туманной мглой, дрожащею и шумной, въ которой вертѣлись берега, точно паромъ стоялъ, а берега бѣжали.

О. Иванъ сбросилъ подрясникъ, сапоги и широкіе бѣлые панталоны.

Въ одной рубахѣ, неуклюже двигаясь, отбрасывая рукой съ лица намокшіе волосы, длинные, какъ у русалки, онъ обвязалъ себя подъ грудью веревкой и, перекрестившись, бухнулся въ воду, какъ грузный водолазъ, — отфыркнулся, тряхнулъ гривой, заоралъ:

— Отпускай веревку... не дремли! Алексѣй! Распоряжайся!

— Небось! — крикнулъ Алексѣй.

— Отпускай дюжѣй!! Когда крикну, заарканивай!

Жилистыя руки его...разъ, два... тяжело какъ лопастья, мѣрно, плавно разсѣкали волны. Онъ фыркалъ, громко и сильно вздыхалъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, съ надеждой и страхомъ, слѣдили мужики и бабы, какъ постепенно онъ скрывался за туманомъ ливня, въ черной пасти воющихъ стихій, за мглою бури. Казалось, деревья на стемнѣвшемъ берегу грозили ему черными вѣтвями, низко сгибаясь надъ водой, а черныя волны бились вокругъ съ насмѣшливымъ плескомъ. При вспышкахъ молній еще раза два мелькнула его косматая голова, будто свѣтящаяся фосфорическимъ свѣтомъ.

Потомъ она исчезла.

Только скользящая, вздрагивающая веревка говорила безмолвнымъ языкомъ своимъ, что онъ плыветъ, и всѣ напряженно смотрѣли на нее, слѣдили за ея трепетнымъ движеніемъ.

Страшная тишина наступила вдругъ на небѣ и на паромѣ. Вѣтеръ спалъ, громъ стихъ, только дождь шумѣлъ...

Веревка безпомощно повисла.

Десятки глазъ смотрѣли на нее, раскрываясь все шире, съ ужасомъ, съ отчаяніемъ, съ мольбою, съ надеждой... Трескучій раскатъ грома не вывелъ никого изъ неподвижности, точно тутъ столпились мертвецы, и только вновь налетѣвшій ураганъ трепалъ одежду, волосы, бороды и шали.

Внезапно веревка вздрогнула, вышла изъ воды, натянулась, ослабла, опять натянулась, какъ струна. Алексѣй ловко накинулъ ее на столбъ. Паромъ вздрогнулъ, закачался, будто покорно вздохнулъ и, медленно повернувшись, тихо сталъ приближаться къ берегу...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Припомните другіе случаи самоотверженнаго героизма.

Тема. *На пожарѣ.*

53. Перчатка *(Шиллеръ)*.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
король Францискъ сидѣлъ;
съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
на поприще, сраженья ожидая;
за королемъ, обворожая
цвѣтущей прелестію взглядъ,
придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою —
со стукомъ растворилась дверь:
и грозный звѣрь
съ огромной головою,
косматый левъ выходитъ;
кругомъ глаза угрюмо водитъ;
и вотъ, все оглядѣвъ,
наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
пошевелилъ густою гривой,
и потянулся, и зѣвнулъ,
и легъ. Король опять рукой махнулъ —
затворъ желѣзной двери грянулъ,
и смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
себя хвостомъ по бедрамъ бьетъ,
и крадется, косяся взглядомъ,
и лижетъ морду языкомъ,
и, обошедши льва кругомъ,
рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.
И въ третій разъ король махнулъ рукой —
два барса дружною четой
въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
а левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились:
оскаливъ зубы, отошли,
и зарычали, и легли.
И гости ждутъ, чтобъ битва началася.
Вдругъ женская съ балкона сорвалася

перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
и колкою улыбкою глядитъ
его красавица и говоритъ:
«когда меня, мой рыцарь вѣрный,
«ты любишь такъ, какъ говоришь,
«ты мнѣ перчатку возвратишь».
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
къ звѣрямъ идетъ,
перчатку смѣло онъ беретъ,
и возвращается къ собранью снова.
У рыцарей и дамъ при дерзости такой
отъ страха сердце помутилось;
а витязь молодой,
какъ-будто ничего съ нимъ не случилось,
спокойно всходитъ на балконъ;
рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
въ лицо перчатку ей
онъ бросилъ и сказалъ: «не требую награды».

В. Жуковскій.

54. Кубокъ *(Шиллеръ).*

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой
«въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
«Бросаю мой кубокъ туда золотой:
«кто сыщетъ во тьмѣ глубины
«мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
«тому онъ и будетъ наградой побѣдной».
Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
висѣвшей надъ бездной морской,
въ пучину бездонной, зіяющей мглы
онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
«Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»
Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ:
молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
въ молчаньи на грозное море глядятъ;
за кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»
И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой
смиренно и дерзко впередъ;
онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой,
ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ безгласны:
ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
и взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
шумя и гремя, въ вышину;
и волны спирались, и пѣна кипѣла:
какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
волна за волною; и къ небу летитъ
дымящимся пѣна столбомъ;
пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь, волненье легло,
и грозно изъ пѣны сѣдой
раздвинулось черною щелью жерло;
и воды обратно толпой
помчались во глубь истощеннаго чрева;
и глубь застонала отъ грома и рева.
И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
и дрогнули зрители, всѣ возопивъ —
ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
его не спасетъ никакая ужъ сила.
Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
и каждый, очей отвести
не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.
«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
«сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
«тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
«Меня твой престолъ не прельститъ.
«Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
«ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.
«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
«глотала ея глубина:
«всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
«съ ея неприступнаго дна»...
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
волна за волною; и къ небу летитъ
дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.
Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.
И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
и Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ:
«чудеснѣе подвига нѣтъ!
«Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
«спасъ душу живую красавецъ отважный».
Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣченъ толпой;
къ царевымъ ногамъ онъ упалъ,
и кубокъ у ногъ положилъ золотой;
и дочери царь приказалъ:
дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
и въ сладость была для него та награда.
«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ.
тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
и смертный предъ Богомъ смирись:
и мыслью своей не желай дерзновенно
знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.
«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
и вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
изъ трещины камня лилася вода;
и вихорь ужасный повлекъ
меня въ глубину съ непонятною силою...
и страшно меня тамъ кружило и било.
«Но Богу молитву тогда я принесъ,
и Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
и крѣпко его обхватилъ;
висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
но видѣлось страшно очамъ,
какъ двигались въ ней безобразныя груды,
морской глубины несказанныя чуды.
«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
въ громадный свиваясь клубъ:
и млатъ водяной, и уродливый скатъ,
и ужасъ морей однозубъ;
и смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
мокой ненасытный, гіена морская.
«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
отъ взора людей далеко;
одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
во чревѣ земли, глубоко
подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.
«И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
стоногое грозно изъ мглы,
и хочетъ схватить и разинулся ротъ...
я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ; я схваченъ приливомъ
и выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».
Чудесенъ разсказъ показался царю:
«мой кубокъ возьми золотой;
«но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
«въ которомъ алмазъ дорогой,
«когда ты на подвигъ отважишься снова
«и тайны всѣ дна перескажешь морскова».
То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
краснѣя, царю говоритъ:
«довольно, родитель, его пощади!
подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
то рыцаря вышли, не пажа младова».
Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
въ пучину швырнулъ съ высоты:
«и будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
«когда съ нимъ воротишься ты;
«и дочь моя, нынѣ твоя предо мною
«заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
отважность сверкнула въ очахъ;
онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
на жизнь и погибель — онъ кинулся въ волны...
Утихнула бездна... и снова шумитъ...
и пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
а юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно. *В. Жуковскій.*

55. Мы еще повоюемъ!

Какая ничтожная малость можетъ иногда перестроить всего человѣка?

Полный раздумья, шелъ я однажды по большой дорогѣ.

Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мною.

Я поднялъ голову... Предо мною, между двухъ рядовъ высокихъ тополей, стрѣлою уходила въ даль дорога.

И черезъ нее, черезъ эту самую дорогу, въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно.

Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ бочкомъ, бочкомъ, выпуча зобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ! Завоеватель — и полно!

А между тѣмъ, высоко на небѣ кружилъ ястребъ, которому, быть можетъ, суждено сожрать именно этого самаго завоевателя.

Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся—и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я.

И пускай надо мной кружитъ м о й ястребъ...

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми! *И. С. Тургеневъ.*

ОТДѢЛЪ III.

1. Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
курганъ одинокій стоитъ.
Подъ нимъ богатырь знаменитый
въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали:
дружина дралася три дня;
жрецы ему разомъ заклали
всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его схоронили,
и шумъ на могилѣ затихъ,
пѣвцы ему славу сулили,
на гусляхъ гремя золотыхъ:

«О, витязь, дѣлами твоими
«гордится великій народъ!
«твое громоносное имя
«столѣтія всѣ перейдетъ!

«И если курганъ твой высокій
«сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
«то слава, разлившись далеко,
«была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
столѣтія вслѣдъ протекли,
народы смѣнили народы,
лицо измѣнилось земли:

курганъ же съ высокой главою,
гдѣ витязь могучій зарытъ,
еще не сравнялся съ землею,
попрежнему гордо стоитъ!

А витязя славное имя,
до нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
какіе онъ жегъ города?
и смертью погибъ онъ какою?
и въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
наѣздникъ державный забытъ,
и тризны въ пустынѣ широкой
никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
сайгакъ, черезъ поле скача,
иль вдругъ на него налетаетъ,
крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
окончивъ подоблачный путь,
къ кургану шумитъ подлетая,
садится на немъ отдохнуть;

да слезы пролютъ развѣ тучи,
надъ степью плывя въ небесахъ,
да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
съ кургана забытаго прахъ.

Гр. А. Толстой.

Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
отмстить неразумнымъ хозарамъ:
ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
идетъ вдохновенный кудесникъ,
покорный Перуну старикъ одному,
завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
— Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
въ награду любого возьмешь ты коня.
«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
а княжескій даръ имъ не нуженъ;
правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
и съ волей небесною дружепь.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
«Запомни же нынѣ ты слово мое:
воителю слава — отрада;
побѣдой прославлено имя твое;
твой щитъ на вратахъ Цареграда:
и волны, и суша покорны тебѣ;
завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
«И синяго моря обманчивый валъ
въ часы роковой непогоды,
и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
незримый хранитель могучему данъ.
«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
онъ, чуя господскую волю,
то смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
то мчится по бранному полю,
и холодъ и сѣча — ему ничего:
но примешь ты смерть отъ коня своего.»
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
и взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
и вѣрнаго друга прощальной рукой
и гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
разстаться настало намъ время;
теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
а князю другого коня подвели.

Съ картины Васнецова.

Пируетъ съ дружиной вѣщій Олегъ
при звонѣ весломъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
— «А гдѣ мой товарищъ, — промолвилъ Олегъ, —
скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
и думаетъ: «Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье,
мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
съ нимъ Игорь и старые гости,
и видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,
лежатъ благородныя кости;
их моютъ дожди, засыпаетъ их пыль,
и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
и молвилъ: «Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ
На тризнѣ, уже недалекой,
не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
и жаркою кровью мой прахъ напоишь!
«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
шипя, между тѣмъ выползала;
какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась:
и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
на тризнѣ плачевной Олега:
князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
дружина пируетъ у брега;
бойцы поминаютъ минувшіе дни
и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

Тема. *Древнерусскій князь.*

3. Илья Муромецъ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
хлѣба кусъ жуя,
въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
дѣдушка Илья!

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
какъ бряцаетъ бронь;
топчетъ папоротникъ пышный
богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владимиръ, что жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
какъ ты проживешь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
въ очередь мою —
такъ шагай же, мой чубарый,
уноси Илью.

6.

Всѣ твои богатыри-то,
значитъ, молодежь —
вотъ безъ стараго Ильи-то
какъ ты проживешь!

7.

Правду молвить, для княжого
не гожусь двора,
погулять по свѣту снова
безъ того пора.

8.

Не терплю богатыхъ сѣней,
мраморныхъ тѣхъ плитъ;
отъ царьградскихъ отъ куреній
голова болитъ;

9.

душно въ Кіевѣ что въ скринѣ —
только киснетъ кровь;
государынѣ-пустынѣ
поклонюся вновь!

10.

Вновь извѣдаю я, старый,
волюшку мою —
ну же, ну, шагай, чубарый,
уноси Илью.

11.

И старикъ лицомъ суровымъ
просвѣтлѣлъ опять,
понутру ему здоровымъ
воздухомъ дышать;

12.

снова вѣетъ воли дикой
на него просторъ,
и смолой, и земляникой
пахнетъ темный боръ.

А. Толстой.

4. Старина объ Ильѣ Муромцѣ.

1.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
«Ты пойди, Илья, принеси испить»!
— Нища братія, безъ рукъ безъ ногъ!—
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать—ровно встрёпанный;
Онъ пошолъ—принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;

Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Отъ земли столбъ былъ бы до нёбушки,
— Ко столбу было золото кольцо,
— За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ!—
«Ты пойди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ.
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра.
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Во мнѣ силушки половинушка.—
Говорятъ калики перехожіе:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана:
«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею удалою;
«А только не выходи драться
«Съ Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка-сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
«Онъ не силой возьметъ,
«Такъ хитростью-мудростью.
«Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
«Выходи въ раздольице-чисто поле,
«Покупай перваго жеребчика,
«Станови его въ срубу на три мѣсяца,
«Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
«И въ три росы жеребчика выкатывай,
«Подводи къ тыну ко высокому:
«Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
«И въ ту сторону и въ другую сторону:
«Поѣзжай на немъ куда хочешь,
«Будетъ носить тебя».
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку

На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья.
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.

II.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится.
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка!
«Дай ты мнѣ свое благословеньице:
«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,
«Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
«Заложиться за князя Володимира,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру христіанскую».
Отвѣчаетъ старой хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
— Не помысли зломъ на татарина,
— Не убей въ чистомъ полѣ хресьянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ въ чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ—
Пробиватъ кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ-земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ
Въ другой скочилъ—колодязь сталъ.
У колодязя срубилъ сырой дубъ,
У колодязя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко.
«Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ».
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ-градъ.

III.

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ-градъ:
Подъ Черниговымъ силушки черны́мъ черно̀,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть;
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики-Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ».
Говорили ему мужики-Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ,
Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
—Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравила;
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
— Тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,
— Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.—
Илья Муромецъ спущалъ онъ коня богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедрѣ,

Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченки, озерка межъ ногъ спущать;
Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той, ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людишекъ, мертвы лежатъ.
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
Билъ коня самъ приговаривалъ:
«Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ
«Ты итти не хошь, али нести не мошь?
«Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,
« И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
«И не видалъ, видно, ударовъ богатырскихъ,
«Что ты, собака, потыкаешься!»
Становилъ онъ коня богатырскаго,
Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спущалъ-то онъ въ Соловья въ разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею;
Палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
Онъ поѣхалъ по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И съ этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырск
— И везетъ онъ мужичища-деревенщину,

— Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
Говоритъ Ненила таковы слова:
«Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ чистымъ полемъ,
«И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
«И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
«Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говоритъ Пелька таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище-деревенщина
— Раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И везетъ-то государя батюшку
— Ко стремени булатному прикована:
— Ему вибито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
—Бѣжите-ка въ раздольице-чисто поле,
— Побейте мужичища-деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольице-чисто поле,
Они хочутъ бить мужичища-деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
«Ай же, зятевья мои любимые!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
«Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго,
«Во мое во гнѣздышко Соловьее,
«Кормите его ѣствушкой сахарною,
«Пойте его питьицемъ медвянымъ,
«Дарите ему дары драгоцѣнные»...
Не поѣхалъ онъ во гнѣздышко Соловьее,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
Становилъ онъ коня по середъ двора,
Шелъ онъ въ палату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церквы,
Отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарныихъ,
Пити питьицевъ медвяныихъ.

Илья Муромецъ сошелъ въ палату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладетъ по-писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владимиру въ особину,
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ Владимиръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый молодецъ?
— Тебя какъ молодца именемъ назвать,
— Звеличать удалаго по отечеству?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Есть я изъ города изъ Мурома,
«Со славнаго съ села Карачарова,
«Именемъ меня Ильей зовутъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ».
Сталъ Владимиръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Мурома,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ? —
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
«Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
«Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ.
«Мимо славную рѣченьку Смородинку».
Говоритъ Владимиръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣки у Смородинки Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Свищетъ-то Соловей по соловьему,
— Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному.—
Говоритъ Илья таковы слова:
«Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
«Соловей-разбойникъ на твоемъ дворѣ,
«И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатному».
Тутъ Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорошенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко.
Скорошенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
По ходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,

Съ картины Васнецова.

Говоритъ онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному! —
Говоритъ Соловей князю Владимиру:
«Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
«Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
«Не васъ я хочу и слушати.
«А обѣдаю я у стараго казака Ильи Муромца
«И его хочу я слушати».
Говоритъ Владимиръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
— Прикажи-тко вскричать по-звѣриному! —
Говорилъ Илья Муромецъ разбойнику:
«Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
«Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!»
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«Мои раночки кровавы запечатались,
«И не хотятъ уста мои сахарныя:
«Не могу я засвистать по-соловьему,
«И не могу воскричать по-звѣриному».
Говоритъ Илья князю Владимиру:
«Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
«Наливай-ка ты чару зелена вина,
«Не малую стопу — полтора ведра,
«И разведи-тко медами стоялыми,
«Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
«Тутъ уста его сахарныя расходятся,
«И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
«Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному».
Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорошенько шелъ въ палату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
И не малую стопу — полтора ведра,
Разводилъ-то медами стоялыми
Подносилъ то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,
И спивалъ эту чару за единый духъ
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
«Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста соловьяго,

«Закричи-тко только въ полкрика звѣринаго:
Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривилися,
Околенки хрустальныя поразсыпались:
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ,
А Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Стоитъ — куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице-чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
«Полно-тко тебѣ слезить отцевъ-матерей,
«Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
«Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»
Тутъ Соловью и славу поютъ.

5. Емшанъ*).

Степной травы пучокъ сухой,
онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
все обаянье воскрешаетъ...
Когда въ степяхъ, за станомъ станъ,
бродили орды кочевыя,
былъ ханъ Отрокъ и ханъ Сырчанъ,
два брата батыри лихіе.
И разъ у нихъ шелъ пиръ горой —
великъ полонъ былъ взятъ изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
лился кумысъ во всемъ улусѣ.
Вдругъ шумъ и крикъ, и стукъ мечей,
и кровь, и смерть, и нѣтъ пощады!
Все врозь бѣжитъ, что лебедей
ловцами спугнутое стадо.
То съ русской силой Мономахъ
всесокрушающій явился —
Сырчанъ въ донскихъ залегъ меляхъ,
Отрокъ въ горахъ кавказскихъ скрылся!
И шли года... Гулялъ въ степяхъ
лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...

*) Разсказъ этотъ взятъ изъ Волынской лѣтописи. Емшанъ — названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно, полынокъ.

Но вотъ скончался Мономахъ,
и по Руси туга и горе —
зоветъ къ себѣ пѣвца Сырчанъ
и къ брату шлетъ его съ наказомъ:
«онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ странъ,
владыка надо всѣмъ Кавказомъ —
скажи ему, чтобъ бросилъ все,
что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
въ благоухающія степи!
Ему ты пѣсенъ нашихъ спой, —
когда жъ на пѣснь не отзовется,
свяжи въ пучокъ емшанъ степной
и дай ему — и онъ вернется».
Отро́къ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
вкругъ — рой абхазянокъ прекрасныхъ;
на золотѣ и серебрѣ
князей онъ чествуетъ подвластныхъ.
Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
чтобъ въ степи шелъ Отро́къ безъ страха,
что путь на Русь кругомъ открытъ,
что нѣтъ ужъ больше Мономаха!
Отро́къ молчитъ, на братнинъ зовъ
одной усмѣшкой отвѣчаетъ —
и пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
его что солнце величаетъ —
встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
поетъ о быляхъ половецкихъ,
про славу дѣдовскихъ временъ
и ихъ набѣговъ молодецкихъ —
Отро́къ угрюмый принялъ видъ
и, на пѣвца не глядя, знакомъ,
чтобъ увели его — велитъ
своимъ послушливымъ кунакамъ.
И взялъ пучокъ травы степной
тогда пѣвецъ и подалъ хану —
и смотритъ ханъ — и, самъ не свой,
какъ бы почуя въ сердцѣ рану,
за грудь схватился... Всѣ глядятъ —
онъ грозный ханъ, что жъ это значитъ?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ, —
пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!
И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
«не царь я больше вамъ отнынѣ!»
воскликнулъ, «смерть въ краю родномъ
милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!»
На утро, чуть осѣлъ туманъ
и озлатились горъ вершины,
въ горахъ идетъ ужъ караванъ —
Отро́къ съ немногою дружиной.
Минуя гору за горой,
все ждетъ онъ — скоро ль степь родная —
и въ даль глядитъ, травы степной
пучокъ изъ рукъ не выпуская.

А. Майковъ.

6. Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ —
какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
свово отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
«авось я пѣшой не отстану!»
И князь доскака́лъ. Подъ литовскимъ шатромъ

опальный сидитъ воевода;
стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
безъ шапокъ толпятся у входа,
всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
недаромъ дивится литовскій народъ,
и ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

Но князя не радуетъ новая честь,
исполненъ онъ желчи и злобы;
готовится Курбскій царю перечесть
души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
«то все я пространно къ царю напишу,
«скажу напрямикъ, безъ изгиба,
«за всѣ его ласки спасибо!»

И пишетъ боярин всю ночь напролетъ,
перо его местію дышитъ;
прочтетъ, улыбнется и снова прочтетъ,
и снова безъ отдыха пишетъ,
и злыми словами язвитъ онъ царя,
и вотъ ужъ когда занялася заря,
поспѣло ему на отраду
посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
«Вишь, наши меня не догнали!«

И въ радости князь посылаетъ раба,
торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ и душа не слаба,
«а вотъ и рубли въ награжденьѣ!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину:
«Добро!
«Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
«а я передамъ и за муки
«письмо твое въ царскія руки!»

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
и звону внимаетъ московскій народъ
и молится, полный боязни,
чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
и Васька Грязной, и Малюта,
и тутъ же, гордяся своею красой,
съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
любимецъ звонитъ Іоанновъ,
отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
и съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
и молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
«посланье отъ слова до слова!»
— «Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
жезла своего онъ вонзаетъ,
налегъ на костыль — и внимаетъ:
«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
«но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
«Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
«побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
«Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны
«безъ счета твердыни враговъ сражены?
«не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
«и кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
«Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
«въ небытную ересь прельщенный?
«Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
«писаніемъ намъ предреченный,
«и азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
«за тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
«съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
кровь алымъ струилася токомъ,
и царь на спокойное око слуги
взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
какъ будто исполненъ печали,
и всѣ, въ ожиданьи, молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да, боринъ твой правъ,
«и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
«Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
«я песъ недостойный и смрадный!
«Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
«и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
«что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
«Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!»
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
«открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
«Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?»
— «Царь, слово его все едино:
«Онъ славитъ свово господина!»
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
скрипятъ у застѣнка ворота,
заплечные входятъ опять мастера,
опять началася работа.
«Ну что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— «Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
«но слово его все едино:
«онъ славитъ свово господина!»
«О, князь, ты, который предать меня могъ
«за сладостный мигъ укоризны,
«о, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
«измѣну твою предъ отчизной!

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
«языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
«но въ сердцѣ любовь и прощенье —
«помилуй мои прегрѣшенья!
«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
« прости моего господина!
«языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
«но слово мое все едино:
«за грознаго, Боже, царя я молюсь,
«за нашу святую, великую Русь —
«и твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

А. Толстой.

Антокольскаго.

7. Князь Михайло Репнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалóй
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
и взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
«Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
«Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
«я первый открываю веселый хороводъ!
«За мной, мои тіуны, опричники мои!
«Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»
И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.
«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
«Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!
«Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
«Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»
Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
«или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
«Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
«Опричнина да сгинетъ!» онъ рекъ, перекрестясь,
«да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь!
«Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
«Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
«Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
«Умри же, дерзновенный!» царь крикнулъ, разъярясь —
и палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
за длинными столами опричники шумятъ,
и смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
«вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
и взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

А. Толстой.

8. Пѣсня объ Иванѣ Грозномъ (народная).

Когда жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почѣстный пиръ;
Всѣ на почестномъ напивалися
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати:
Я повыпесъ царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Какъ не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичъ-государь,
Испроговоритъ онъ таково слово:
— «Что не вывести измѣны съ каменной Москвы:
Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
Платьица носитъ одноцвѣтныя,
Сапожки на ножкахъ одноличныя».
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— «Ужъ ты маленькой Иванушко, царевичъ-государь!
Ты подай же измѣнщика мнѣ на очи,
Я измѣнщику голову срублю.»
Испроговорилъ Иванушко царевичъ-государь,
Глупымъ дѣтскимъ разумомъ промолвился:
— «Какъ на братца сказать, такъ мнѣ братца жаль,
На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
Буде сказать мнѣ на братца своего,
На того на Ѳедора Ивановича.
Ей ты, государь родной батюшка!
Когда жъ мы брали съ тобой Царскій-градъ,
Ты-то ѣхалъ по краечку,
Я-то ѣхалъ по другому,
А братецъ мой ѣхалъ по середочки,
Напередъословъ онъ поразсылалъ,
Чтобы удалые поразбѣгались,
А малые по кувыркъ-травы развалялися,
А старые при домахъ оставалися.
Теперича измѣна вся повыстала.»
Разгорячился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скричалъ же своимъ зычнымъ голосомъ:
— «Ай вы ей, палачи немилостивы!
Вы возьмите-ка Ѳедора Ивановича
За тыя за ручки за бѣлыя,
За тыя за перстни за злаченые,
Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
На тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову!»
Во тую ли пору, во то время,
Всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумные, растулялися.
Остался воръ Малютушка Скуратовъ сынъ.
Самъ говорилъ таково слово:
— «Я много казнилъ царей, царевичей,
Безъ счету королей королевичей,

И тебя Ѳедора не спущу!»
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тыя за перстни за злаченые,
Повелъ Ѳедора въ чисто поле
На тое болотцо на Житное,
Срубить Ѳедору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка.
Она чеботы обула на босу ногу,
Кунью шубоньку одѣла на одно плечо.
Побѣжала на горку на Вшивую
Ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты Романовичу.
Срѣтаетъ братецъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрица, не въ покрутѣ,
Въ одной ты шубѣ черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья Романовна:
— «Ты ей же, братецъ мой родимый,
Ты ей, Никита Романовичъ!
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Того жь де Ѳедора Ивановича;
Повелъ воръ Малютушка Скуратовъ сынъ
На тое болотцо на Житное,
На тую плашку липову,
Срубить Ѳедору буйну голову.»
Какъ тотъ Никита Романовичъ,
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмяную.
Одѣвалъ онъ мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, не на уздана,
Городомъ ѣдетъ, голосомъ крычитъ,
«Ты ей, воръ, Малютушка Скуратовъ сынъ!
Не казни-ка ты молодого царевича,
Ты не тѣмъ ли кусомъ самъ задавишься.»
Малютка того не пытаючи,
Беретъ Ѳедора за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубить буйну голову.
Наѣхалъ Никита Романовичъ,
Смахнулъ саблей востроей
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
Онъ бралъ де Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку на Вшивую.
Сегодня день былъ суботній,
Завтрѣ день воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранней ко заутрени,
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ нѣтъ жива молодого царевича,
Сокрутился онъ во платье опальное,
Заложилъ лошадей вороныхъ
Подъ ты кареты подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.
А тотъ Никита Романовичъ
Со тыя со великія радости
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранней ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ особину:
«Ты здрaствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей со любимой семьей,
Со молодой со Авдотьей со Романовной,
Со своими со малыми дѣтушками,
Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты ей же, шуринъ мой любимый,

Ты ей, Никита Романовичъ!
Знать, ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
Того жъ де Ѳедора Ивановича:
Увелъ воръ Малютушка Скуратовичъ
На тое болотце на Житное,
На тую на плаху на липову,
Срубить де ему буйну голову.»
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
— «Ты здраствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Со своей любимой семьей,
Со молодой Авдотьей Романовной,
Со своима со малыма со дѣтушкамы,
Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— «Ты ей же, шуринъ мой любимый,
Ты ей же, Никита Романовичъ!
Знать, ты надо мной насмѣхался!
Отстою какъ я раннюю заутреню,
Прикажу тебѣ Никиты голову срубить».
Самъ говоритъ таково слово:
— «Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
По моемъ было рожономъ по дитятки,
По немъ не было никакой заступушки!»
Говоритъ Никита Романовичъ:
— «Бываетъ ли грѣшному прощенье-то!»
— «Хоть бываетъ прощенье, да теперь взять негдѣ.»
Говоритъ Никита Романовичъ:
— «Что не отрублена буйна голова
Тому жь де Ѳедору Ивановичу,
А отрублена буйна голова
Тому Малюты Скуратову.»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говоритъ таково слово:
— «Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорп пожаловать?
Дать тебѣ села со приселкамы,
Али дать города съ пригородкамы,
Али дать тебѣ золотой казны?»
Говоритъ Никита Романовичъ:
— «Есть у меня золотой казны,
Есть городовъ съ пригородкамы,
И есть и селъ со приселкамы,
То мнѣ молодцу не похвальба;
А ты дай-ка мнѣ Микитину вотчину;
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину —
Того добраго молодца Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиной его вотчиной:
Хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину —
Того добраго молодца Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.

9. Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
про твово любимаго опричника,
да про смѣлаго купца, про Калашникова;
мы сложили ее на старинный ладъ,
мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
и причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
а боринъ Матвѣй Ромодановскій
намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
а боярыня его бѣлолицая
поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
и все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
не любуются имъ тучки синія:
то за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
супротивъ его все бояре да князья,
по бокамъ его все опричники;
и пируетъ царь во славу Божію,
въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
вина сладкаго заморскаго
нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
и поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
удалой боецъ, буйный молодецъ,
въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
опустилъ онъ въ землю очи темныя,
опустилъ головушку на широку грудь —
а въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
и навелъ на него очи зоркія,
словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
на младого голубя сизокрылаго —
да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
и дубовый полъ на полчетверти
онъ желѣзнымъ пробилъ наконечникомъ —
да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное —
и очнулся тогда добрый молодецъ.
«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ
аль ты думу затаилъ нечестивую?
али славѣ нашей завидуешь?
али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
а которая въ тучку прячется —
та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
царской радостью гнушатися;
а изъ роду ты, вѣдь, Скуратовыхъ
и семьею ты вскормленъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
царю грозному въ поясъ кланяясь:
— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
не кори ты раба недостойнаго:
сердца жаркаго не залить виномъ,
думу черную — не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
тяготитъ она плечи богатырскія
и сама къ сырой землѣ она клонится.
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
не измялась ли шапка соболиная?
не казна ли у тебя попростилась?
иль зазубрилась сабля закаленая?
иль конь захромалъ худо-кованый?
или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
на Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
покачавъ головою кудрявою:
— не родилась та рука заколдованная
ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
аргамакъ мой степной ходитъ весело;
какъ стекло горитъ сабля вострая;
а на праздничный день, твоей милостью,
мы не хуже другого нарядимся.
— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
за Москву-рѣку покататися,
кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
заломлю на бочокъ шапку бархатную,
чернымъ соболемъ отороченную —
у воротъ стоятъ, у тесовыихъ,
красны дѣвушки да молодушки,
и любуются, глядя, перешептываясь:
лишь одна не глядитъ, не любуется...
полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
не найти, не сыскать такой красавицы:
ходитъ плавно — будто лебедушка,
смотритъ сладко — какъ голубушка,
молвитъ слово — соловей поетъ,
горятъ щеки ея румяныя,
какъ заря на небѣ Божіемъ;
косы русыя, золотистыя,
въ ленты яркія заплетенныя,
по плечамъ бѣгутъ, извиваются,
съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
прозывается Аленой Дмитревной.
— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
опускаются руки сильныя,
помрачаются очи бойкія;
скучно, грустно мнѣ, православный царь,
одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
опостыли наряды парчевые,
и не надо мнѣ золотой казны.
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
передъ кѣмъ покажу удальство свое?
передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
на житье на вольное, на казацкое,
ужъ сложу я тамъ буйную головушку
и сложу на копье басурманское;
и раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
коня добраго, саблю острую
и сѣдельце бранное, черкасское,
мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,

мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
и безъ похоронъ горемычный прахъ
на четыре стороны развѣется...
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой поклоняйся,
и пошли дары драгоцѣнные
ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
какъ полюбишься — праздную свадебку,
не полюбишься — не прогнѣвайся».
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
не сказалъ тебѣ правды истинной,
не повѣдалъ тебѣ, что красавица
въ церкви Божіей перевѣнчана,
перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
по закону нашему христіанскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
и боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
по прозванію Калашниковъ;
шелковые товары раскладываетъ,
рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
ходятъ мимо баре богатые,
въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
за кремлемъ горитъ заря туманная,
набѣгаютъ тучки на небо —
гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
свою лавочку дверью дубовою
да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
злого пса-ворчуна зубастаго
на желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
и дивится Степанъ Парамоновичъ:
не встрѣчаетъ его молода жена,
не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
а свѣча передъ образомъ — еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«ты скажи, скажи, Еремѣевна,
а куда дѣвалася, затаилася
въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя —
чай забѣгались, заигралися,
спозаранку спать уложилися?
— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
я скажу тебѣ диво дивное:
что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать —

а по-сю-пору твоя хозяюшка
изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
почивать не легли, не играть пошли —
плачемъ плачутъ, все не унимаются.
И смутился тогда думой крѣпкою
молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
а на улицѣ ночь темнехонька,
валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
потомъ слышитъ шаги торопливые;
обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
сама блѣдная, простоволосая,
косы русыя, расплетенныя,
снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася,
на какомъ на дворѣ, на площади,
что растрепаны твои волосы,
что одежа твоя вся изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
мы съ тобой, жена, обручалися,
золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
за дубовую дверь окованную,
чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
мое имя честное не порочила...»
И услышавъ то, Алена Дмитревна
задрожала вся, моя голубушка,
затряслась, какъ листочекъ осиновый,
горько-горько она восплакалась,
въ ноги мужу повалилася.
«Государь ты мой, красно-солнышко!
иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ;
отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
не боюся я людской молвы,
а боюсь твоей немилости.
«Отъ вечерни я домой шла нонече
вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ будто снѣгъ хруститъ;
оглянулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
шелковой фатой я закрылася,
и онъ сильно схватилъ меня за руки
и сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
я слуга царя, царя грознаго,
прозываюся Кирибѣевичемъ,
а изъ славной семьи изъ Малютиной...
«Испугалася я пуще прежняго;
закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
и цалуя все приговаривалъ:
— отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
моя милая, драгоцѣнная!
хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
полюби меня, обними меня
хоть единый разъ на прощаніе!
«И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня;

на щекахъ моихъ и теперь горятъ,
живымъ пламенемъ разливаются
поцалуи его окаяннные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
и домой стремглавъ бѣжать бросилась;
и остались въ рукахъ у разбойника
мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
и фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
меня честную, непорочную —
и что скажутъ злыя сосѣдушки?
и кому на глаза покажусь теперь?
«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
злымъ охульникамъ въ поруганіе!
на кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
у кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
а мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
на чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти:
а меньшой мой братъ — дитя малое,
дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алена Дмитревна,
горючими слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
за двумя меньшими братьями;
и пришли его два брата, поклонилися.
И такое слово ему молвили:
«ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
что съ тобой случилось, приключилося,
что послалъ ты за нами во темную ночь,
во темную ночь морозную!»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
что лиха бѣда со мною приключилася:
опозорилъ семью нашу честную
злой опричникъ царскій Кирибѣевичъ;
а такой обиды не стерпѣть душѣ,
да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
на Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
и я выйду тогда на опричника,
буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
а побьетъ онъ меня — выходите вы
за святую правду-матушку,
не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
на васъ меньше грѣховъ накопилося,
такъ, авось, Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
туда мчатся и тучки послушныя;
когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
на кровавую долину побоища,
зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
къ нему малые орлята слетаются:
ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ,
дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
а ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!»

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина и боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
по тесовымъ кровелькамъ играючи,
тучки сѣрыя разгоняючи,
заря алая подымается;
разметала кудри золотистыя,
умывается снѣгами разсыпчатыми;
какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
на какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
удалые бойцы московскіе
на Москву-рѣку, на кулачный бой,
разгуляться для праздника, потѣшиться,
и пріѣхалъ царь со дружиною,
со боярами и опричниками,
и велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать-пять саженъ
для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
выходите-ка во широкій кругъ;
кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
а кто будетъ побитъ, — тому Богъ проститъ!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
царю въ поясъ молча кланяется,
скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершися въ бокъ рукой правою,
поправляетъ другой шапку алую,
ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
ни одинъ боецъ и не тронулся,
лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь для праздника,
отпущу живого съ покаяніемъ,
лишь потѣшу царя, нашего батюшку».
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
и выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
молодой купецъ, удалой боецъ,
по прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
а потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
на опричника смотрятъ пристально,
супротивъ его онъ становится,
боевыя рукавицы онъ натягиваетъ,
могутныя плечи распрямляиваетъ,
да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«а повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
ты какого роду, племени,
какимъ именемъ прозываешься?
чтобы знать, по комъ панихиду служить,
чтобы было чѣмъ и похвастаться».
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«а зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
а родился я отъ честного отца,
и жилъ я по закону Господнему:
не позорилъ я чужой жены,
не разбойничалъ ночью темною,
не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
по одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
и не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
и одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
бойки очи его затуманились,
между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
на раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
и ударилъ въ-первой купца Калашникова,
и ударилъ его посередь груди —
затрещала грудь молодецкая,
пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
на груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
со святыми мощами изъ Кіева,
и погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«чему быть суждено, то и сбудется;
постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
собрался со всею силою
и ударилъ своего ненавистника
прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
закачался, упалъ замертво;
повалился онъ на холодный снѣгъ,
на холодный снѣгъ, будто сосенка,
будто сосенка во сыромъ бору,
подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
и нахмурилъ брови черныя;
повелѣлъ онъ схватить удалого купца
и привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
вольной волею, или нехотя,
ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
мово лучшаго бойца Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, православный царь:
я убилъ его вольной волею,
а за что, про что — не скажу тебѣ;
скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
мнѣ головушку повинную;

не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
не оставь молодую вдову,
да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
удалой боецъ, сынъ купеческій,
что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
изъ казны моей я пожалую,
твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
по всему царству русскому широкому
торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
на высокое мѣсто лобное,
сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
палача велю одѣть-нарядить,
въ большой колоколъ прикажу звонить,
чтобы знали всѣ люди московскіе,
что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается;
заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
по высокому мѣсту лобному,
въ рубахѣ красной съ яркой запонкой,
съ большимъ топоромъ, навостреннымъ,
руки голыя потираючи,
палачъ весело похаживаетъ,
удалого бойца дожидается;
а лихой боецъ, молодой купецъ,
со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
поцалуемтесь, да обнимемтесь
на послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
закажите ей меньше печалиться,
про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
помолитесь сами въ церкви Божіей
вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
смертью лютою, позорною;
и головушка безталанная
во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
на чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
промежъ тульской, рязанской, владимирской,
и бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
и кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
пройдетъ молодецъ — пріосанится,
пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
а пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
гусляры молодые,
голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
каждому правдою и честью воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

М. Лермонтовъ.

Составьте планъ этой пѣсни.

Темы. *1) Личность Ивана Грозназо (см. также № 5 и 6). 2) Опричнина (см. также А. Толстого «Князь Серебряный»).*

Антокольскаго.

10. Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

Отецъ Пименъ, Григорій — *спящій.*

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой):*

Еще одно, послѣднее сказанье, —
и лѣтопись окончена моя,
исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
мнѣ, грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
и книжному искусству вразумилъ:
когда-нибудь монахъ трудолюбивый
найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
и пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
правдивыя сказанья перепишетъ, —
да вѣдаютъ потомки православныхъ
земли родной минувшую судьбу,
своихъ царей великихъ поминаютъ
за ихъ труды, за славу, за добро —
а за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...

На старости я сызнова живу;
минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
не много лицъ мнѣ память сохранила,

не много словъ доходитъ до меня,
а прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день, лампада догараетъ—
еще одно, послѣднее сказанье...
(Пишетъ.)

Григорій *(пробуждается)*:
Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
старикъ сидитъ да пишетъ — и дремотой,
знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
когда, душой въ минувшемъ погруженный,
онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
о темномъ ли владычествѣ татаръ?
о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
о бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
о славѣ ли отечества? Напрасно!
ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
все тотъ же видъ — смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
добру и злу внимая равнодушно,
не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. — Проснулся, братъ?

Григорій. — Благослови меня, честной отецъ.

Пименъ. — Благослови Господь тебя и днесь, и присно, и во вѣки!

Григорій. — Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
а мой покой бѣсовское мечтанье
тревожило, и врагъ меня мутилъ:
мнѣ снилося, что лѣстница крутая
меня вела на башню; съ высоты
мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
внизу народъ на площади кипѣлъ
и на меня указывалъ со смѣхомъ;
и стыдно мнѣ, и страшно становилось —
и падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ. — Младая кровь играетъ;
смиряй себя молитвой и постомъ,
и сны твои видѣній легкихъ будутъ
исполнены. Донынѣ — если я,
невольною дремотой обезсиленъ,
не сотворю молитвы долгой къ ночи—
мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
мнѣ чудятся то шумные пиры,
то ратный станъ, то схватки боевыя,
безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій. — Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
по келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
отъ суеты, отъ міра отложиться,
произнести монашества обѣтъ
и въ тихую обитель затвориться.

Пименъ. — Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
покинулъ ты, что мало искушеній
послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:

насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
и женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
кто выше ихъ? Единый Богъ! Кто смѣетъ
противу нихъ? Никто! А что же? Часто
златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
монастыря видъ новый принималъ:
кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
послушными являлись чернецами,
а грозный царь — игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ...
Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
мужъ праведный; тогда ужъ и меня
сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
мірскихъ суетъ. Здѣсь видѣлъ я царя,
усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
мы передъ нимъ недвижимо стояли,
и тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
— «отцы мои, желанный день придетъ:
предстану здѣсь, алкающій спасенья;
ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
и схиму здѣсь честную восприму,
къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
и сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
и плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
его душѣ, страдающей и бурной...
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
молчальника. Онъ царскіе чертоги
преобратилъ въ молитвенную келью;
тамъ тяжкія державныя печали
святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
и Русь при немъ во славѣ безмятежной
утѣшилась — а въ часъ его кончины
свершилося неслыханное чудо:
къ его одру, царю едину зримый,
явился мужъ, необычайно свѣтелъ,
и началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ,
и называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
уразумѣвъ небесное видѣнье,
зане святый владыка предъ царемъ
во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
исполнились святымъ благоуханьемъ,
и ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя...
О, страшное, невиданное горе!
прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
владыкою себѣ цареубійцу
мы нарекли.

Григорій. — Давно, честный отецъ,
хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича: въ то время
ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. — Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
на нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
крикъ, шумъ! Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
спѣшу туда жъ, — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
а тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
и вмигъ его не стало. Тутъ народъ
вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
укрывшихся злодѣевъ захватили
и привели предъ теплый трупъ младенца,
и чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
и въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
покаялись — и назвали Бориса.

Григорій. — Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ. — Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
и царствовалъ; но Богъ судилъ иное...
Сей повѣстью плачевной заключу
я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
свободные отъ подвиговъ духовныхъ
описывай, не мудрствуя лукаво,
все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
войну и миръ, управу государей,
угодниковъ святыя чудеса,
пророчества и знаменья небесны —
а мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
и погасить лампаду... Но звонятъ
къ заутренѣ... Благослови, Господь
своихъ рабовъ!... Подай костыль
Григорій. *(Уходитъ.)*

Григорій. — Борисъ, Борисъ!
все предъ тобой трепещетъ,
никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
о жребіи несчастнаго младенца;
а между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
и не уйдешь ты отъ суда мірского,
какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

А. Пушкинъ.

Тема. *Пименъ (его прошлое, П. — лѣтописецъ).*

11. Царскія палаты.

Два стольника.

Первый. — Гдѣ государь?

Второй.—Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.—Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.—Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый. — Какъ онъ угрюмъ!
(Уходятъ.)

Царь Борисъ *(входитъ)*.— Достигъ я высшей власти;
шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
но счастья нѣтъ моей душѣ.
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
дни долгіе, дни власти безмятежной, —
ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
въ довольствіи, во славѣ успокоить,
щедротами любовь его снискать,
но отложилъ пустое попеченье:
живая власть для черни ненавистна —
они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
я отворилъ имъ житницы; я злато
разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
я выстроилъ имъ новыя жилища:
они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
виновникомъ дочерняго вдовства
меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
я отравилъ свою сестру, царицу,
монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
среди мірскихъ печалей успокоить;
ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
надъ злобою, надъ темной клеветою;
но если въ ней единое пятно,
единое случайно завелося,
тогда бѣда: какъ язвой моровой
душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
и все тошнитъ, и голова кружится,
и мальчики кровавые въ глазахъ....
и радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

А. С. Пушкинъ.

12. Царскія палаты.

Царевичъ чертитъ географическую карту; царевна, мамка царевны.

Ксенія *(цѣлуетъ портретъ)*.— Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка. — И! царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ! взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ, — и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана-королевича.

Ксенія. — Нѣтъ мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна. *(Входитъ Борисъ.)*

Царь.—Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
я счастіе твое не могъ устроить;
безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ. — Чертежъ земли Московской; наше царство
изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
а вотъ Сибирь.

Царь. — А это что такое — узоромъ здѣсь вiется?

Ѳеодоръ. — Это Волга.

Царь. — Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
все царство вдругъ: границы, грады, рѣки...
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ-быть,
всѣ области, которыя ты нынѣ
изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе
державный трудъ ты будешь постигать.

А. С. Пушкинъ.

13. Завѣты царя Бориса сыну.

Царь. — Подите всѣ — оставьте одного
царевича со мною. *(Всѣ удаляются.)* Умираю;
обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
ты царствовать начнешь... о, Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть

мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
не спрашивай. Довольно, ты невиненъ,
ты царствовать теперь по праву станешь;
и я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ —
онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
могъ удержать смятенье и мятежъ;
передо мной они дрожали въ страхѣ;
возвысить гласъ измѣна не дерзала;
но ты — младой, неопытный властитель,
какъ управлять ты будешь подъ грозой,
тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
совѣтника, во-первыхъ, избери
надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
любимаго народомъ, а въ боярахъ
почтеннаго породой или славой, —
хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
искусный вождь: Басманова пошли
и съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
ты знаешь ходъ державнаго правленья;
не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка — душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
возстановить опалы, казни — можешь
ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
какъ твоего благословляли дядю,
когда престолъ онъ Грознаго пріялъ
Со временемъ и понемногу снова
затягивай державныя бразды;
теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
на воздухѣ теряться попустому;
какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
невинности и гордую стыдливость:
кто чувствами въ порочнымъ наслажденьяхъ
въ младые дни привыкнулъ утопать,
тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
и умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
мать почитай, но властвуй самъ собою:
ты мужъ и царь; люби свою сестру —
ты ей одинъ хранитель остаешься

Ѳеодоръ *(на колѣняхъ)*.

Нѣтъ, нѣтъ! живи, и царствуй долговѣчно —
народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь. — Все кончено — глаза мои
темнѣютъ,
я чувствую могильный хладъ...
(Входитъ патріархъ, святители; за ними вся бояре; царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ.)
Кто тамъ?
А! схима... такъ святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь
идетъ —
и темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ:
я — царь еще... Внемлите вы, бояре:
се, тотъ, кому приказываю царство;
цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басма-
новъ,
друзья мои, при гробѣ васъ молю
ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?
Бояре. — Клянемся.
Царь. — Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
и вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я го-
товъ!...
(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокъ выносятъ.)

А. С. Пушкинъ.

Тема. *Годуновъ — человѣкъ и правитель.*

14. Смерть Тараса Бульбы.

Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразлили по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. «Ничего не жалѣйте»! повторялъ только Тарасъ... Потоцкому поручено было съ шестью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей, у Днѣстра-рѣки, виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ, разбитымъ кирпичомъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы: рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки, и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самого бѣга, остано-

вился Тарасъ и воскликнулъ: «Стой!» выпала люлька съ табакомъ: «не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!» И нагнулся старый отаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ, и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость!» сказалъ онъ, и заплакалъ старый, дебелый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. «Попалась ворона!» кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать». И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки,—ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе», кричалъ онъ: «горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: «Къ берегу! къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорною дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны: всѣ забирайте, чтобы не было погони!»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорною дорожкой, а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка, и много даетъ въ сторону извивовъ. «А, товарищи! не куда пошло!» сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнулись прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ на вѣки съ конями, даже не успѣвши издать крика. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и

Съ картины Рѣпина.

думая, прыгать ли имъ, или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ своимъ конемъ и прямо грянулся на острые утесы.

Когда очнулся Тарасъ Бульба и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго отамана.

«Прощайте, товарищи!» кричалъ онъ имъ вверху: «вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы; подымается изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!...» А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги, и разостлался пламенемъ по дереву...

Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!?

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокихъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и горный гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ турухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего отамана.

Н. В. Гоголь.

Темы. *1) Запорожская Сѣчь — бытъ и нравы (см. гл. 2 и 3 повѣсти Гоголя). 2) Характеристика Тараса Бульбы, какъ казака и какъ человѣка (гл. 1, 3, 7—12).*

15. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ родился въ 1629 году. Онъ прошелъ полный курсъ древнерусскаго образованія или словеснаго ученія, какъ тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики на шестомъ году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патріаршимъ дьякомъ по заказу дѣдушки, патріарха Филарета, — извѣстный древнерусскій букварь съ титлами, заповѣдями, краткимъ катихизисомъ и т. д. Училъ царевича, какъ было принято при московскомъ дворѣ, дьякъ одного изъ московскихъ приказовъ. Черезъ годъ перешли отъ азбуки къ чтенію Часовника, мѣсяцевъ черезъ пять

къ Псалтирю, еще черезъ три принялись изучать Дѣянія апостоловъ, черезъ полгода стали учить писать, на девятомъ году пѣвчій дьякъ, т.-е. регентъ дворцоваго хора, началъ разучивать Охтой (Октоихъ), нотную богослужебную книгу, отъ которой мѣсяцевъ черезъ восемь перешли къ изученію «страшнаго пѣнія», т.-е. церковныхъ пѣснопѣній Страстной седмицы, особенно трудныхъ по своему напѣву — и лѣтъ десяти царевичъ былъ готовъ, прошелъ весь курсъ древнерусскаго гимназическаго образованія: онъ могъ бойко прочесть въ церкви часы и не безъ успѣха пѣть съ дьячкомъ на клиросѣ по крюковымъ нотамъ стихиры и каноны. При этомъ онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ чинъ церковнаго богослуженія, въ чемъ могъ поспорить съ любымъ монастырскимъ и даже соборнымъ уставщикомъ. Царевичъ прежняго времени, вѣроятно, на этомъ бы и остановился. Но Алексѣй воспитывался въ иное время, у людей котораго настойчиво стучалась въ голову смутная потребность ступить дальше, въ таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробѣгалъ благочестивый русскій грамотей прежнихъ вѣковъ. Нѣмецъ со своими новомышленными хитростями, уже забравшійся въ ряды русскихъ ратныхъ людей, проникалъ и въ дѣтскую комнату государева дворца. Въ рукахъ ребенка Алексѣя была уже «потѣха», конь нѣмецкой работы и нѣмецкія «карты», картинки, купленныя въ Овощномъ ряду за 3 алтына 4 деньги (рубля полтора на наши деньги) и даже дѣтскія латы, сдѣланныя для царевича мастеромъ нѣмчиномъ Петромъ Шальтомъ. Когда царевичу было лѣтъ 11 — 12, онъ обладалъ уже маленькой библіотекой, составившейся преимущественно изъ подарковъ дѣдушки, дядекъ и учителя, заключавшей въ себѣ томовъ 13. Большею частью это были книги Свящ. Писанія и богослужебныя; но между ними находились уже грамматика, печатанная въ Литвѣ космографія и въ Литвѣ же изданный какой-то лексиконъ.

Въ зрѣлые годы царь Алексѣй представлялъ въ высшей степени привлекательное сочетаніе добрыхъ свойствъ вѣрнаго старинѣ древнерусскаго человѣка съ наклонностью къ пріятнымъ и полезнымъ новшествамъ. Онъ былъ образцомъ набожности. Съ любымъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ молиться и поститься: въ Великій и Успенскій постъ по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ царь кушалъ разъ въ день и кушанье его состояло изъ капусты, груздей и ягодъ—все безъ масла; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ онъ не ѣлъ и не пилъ ничего. Въ церкви онъ стоялъ иногда часовъ по пяти и по шести сряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ иные дни и по полторы тысячи. Эта набожность оказывала могущественное вліяніе и на государ-

ственныя понятія и на житейскія отношенія Алексѣя. Сознаніе самодержавной власти въ своихъ проявленіяхъ смягчалось набожной кротостью, глубокимъ смиреніемъ царя, пытавшагося не забыть въ себѣ человѣка. При добротѣ и мягкости характера это уваженіе къ человѣческому достоинству въ подданномъ производило обаятельное дѣйствіе на своихъ и чужихъ и заслужило Алексѣю прозваніе «тишайшаго царя». Иностранцы не могли надивиться тому, что этотъ царь при безпредѣльной власти своей надъ народомъ, привыкшимъ къ полному рабству, не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь. Дурные поступки другихъ тяжело дѣйствовали на него всего болѣе потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за нихъ. Гнѣвъ его былъ отходчивъ, проходилъ минутной вспышкой, не простираясь далѣе угрозъ и пинковъ, и царь первый шелъ на встрѣчу къ потерпѣвшему съ прощеніемъ и примиреніемъ, стараясь приласкать его, чтобы не сердился. Страдая тучностью, царь разъ позвалъ нѣмецкаго «дохтура» открыть себѣ кровь; почувствовавъ облегченіе, онъ по привычкѣ дѣлиться всякимъ удовольствіемъ съ другими, предложилъ своимъ вельможамъ сдѣлать ту же операцію. Не согласился на это одинъ боярин Стрѣшневъ, ссылаясь на свою старость. Царь вспылилъ и прибилъ старика, приговаривая: «твоя кровь дороже что ли моей? или ты считаешь себя лучше всѣхъ?» Но скоро царь и не зналъ, какъ задобрить обиженнаго, какіе подарки послать ему, чтобы не сердился, забылъ обиду.

Алексѣй любилъ, чтобы вокругъ него всѣ были веселы и довольны; всего невыносимѣе была ему мысль, что кто-нибудь имъ недоволенъ, ропщетъ на него, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ первый началъ ослаблять строгость заведеннаго при московскомъ дворѣ чопорнаго этикета, дѣлавшаго столь тяжелыми и натянутыми придворныя отношенія. Онъ нисходилъ до шутки съ придворными, ѣздилъ къ нимъ запросто въ гости, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечернія пирушки, поилъ, близко входилъ въ ихъ домашнія дѣла. Умѣнье входить въ положеніе другихъ, понимать и принимать къ сердцу ихъ радость было одною изъ лучшихъ чертъ въ характерѣ царя. Надобно читать его утѣшительныя письма къ князю Ник. Одоевскому по случаю смерти его сына и къ Ордину-Нащокину по поводу побѣга его сына за границу, — надобно читать эти задушевныя письма, чтобы видѣть, на какую высоту деликатности и нравственной чуткости могла поднять даже неустойчиваго человѣка эта способность проникаться чужимъ горемъ. Въ 1652 году сынъ князя Ник. Одоевскаго, служившаго тогда воеводой въ Казани, умеръ отъ горячки почти на глазахъ у царя. Царь написалъ старику

отцу, чтобы утѣшить его, и между прочимъ писалъ: «и тебѣ бы, боярину нашему, черезъ мѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобы не поскорбѣть и не поплакать, и поплакать надобно, только въ мѣру, чтобы Бога не прогнѣвить». Авторъ письма не ограничился подробнымъ разсказомъ о неожиданной смерти и обильнымъ потокомъ утѣшеній отцу: окончивъ письмо, онъ не утерпѣлъ, еще приписалъ: «князь Никита Ивановичъ! не горюй, а уповай на Бога и на насъ будь надеженъ».

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ добрѣйшій человѣкъ, славная русская душа. Складъ его ума и сердца съ удивительной точностью отражался въ его полной, даже тучной фигурѣ, съ низкимъ лбомъ, бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красивой бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами, съ кроткими чертами лица и мягкими глазами.

В. Ключевскій.

16. Спаситель.

Какъ любилъ Государь, православный царь,
Алексѣй — Государь — свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ Государь — больно жаловалъ
Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную!
Да, любилъ Государь позабавиться —
Заоблавить въ дубравѣ сохатаго,
Аль расправить плечо не податное
И медвѣдя поднять на рогатину...
Вотъ и было къ веснѣ о Грачевникѣ,
Пріѣзжалъ Государь со боярами
Въ свою отчину, городъ — Звенигородъ, —
Помолиться святому Угоднику, —
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ — такъ, о полуднѣ на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки
Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ: матерой да породливый
Только царской рукѣ и угодливый.»
Доложили Царю — усмѣхается,
А самимъ съ собой думушку думаетъ:
«Аль пойдти — въ одиночку помѣряться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться.»
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный...
И пошелъ монастырскою пущею...
Видитъ — тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломаны —
«Быть сюда!» И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается, —
Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охабень
Заметаетъ сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана...
Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлый паръ такъ и валитъ въ отдушины;
Тутъ берлога... И Царь сноровляется:
У рогатины жало осматривалъ,

Поясокъ свой шелковый подтягивалъ.
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охабень
И задумалъ загадку мудреную:
«Быть — не быть, а свалить косолапаго...
Не управлюсь — и Русь не управится,
А управлюсь — на вѣки прославится».
И поднялъ онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту:
И медвѣдь заревѣлъ,— инда дерево
Надъ берлогой его закачалося, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ вонъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на рогатину:
Подъ косматой лопаткою хрустнуло;
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ пополамъ, словно жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣлъ Государь — руку къ поясу —
Хвать!.. анъ ножъ-то его златокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной!
Вздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменьемъ...
Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на-бокъ колодою...

Глянулъ Царь — видитъ старца маститаго...
Ряса инока; взглядъ благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный...
Поднялся Государь — нѣтъ инока —
Какъ во снѣ приходилъ — и ни кѣмъ-кого
На полянкѣ и между деревьями,
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена. —
Постоялъ Государь, — поглядѣлъ кругомъ,
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...
А пришелъ, все сказалъ настоятелю
И велѣлъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы:
Всѣ пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крѣпче того призадумался.
«Помощь свыше, десница Господняя».
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божію.
Тамъ на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молиться
Передъ образомъ свѣтлымъ Угодника;
Да какъ глянулъ на ликъ Преподобнаго —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто былъ его избавителемъ.
На другой день, за ранней обѣднею,
Отслужилъ онъ молебенъ Угоднику
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.

Л. Мей.

17. Мѣдный всадникъ.

I.

На берегу пустынныхъ волнъ
стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
и вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
рѣка неслася; бѣдный чепъ
по ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
чернѣли избы здѣсь и тамъ,
пріютъ убогаго чухонца;
и лѣсъ, невѣдомый лучамъ
въ туманѣ спрятаннаго солнца,
кругомъ шумѣлъ.

И думалъ онъ:
«отсель грозить мы будемъ шведу;
здѣсь будетъ городъ заложенъ,
на зло надменному сосѣду;
природой здѣсь намъ суждено
въ Европу прорубить окно,
ногою твердой стать при морѣ;
сюда, по новымъ имъ волнамъ,
всѣ флаги въ гости будутъ къ
намъ,—
и запируемъ на просторѣ».

Прошло сто лѣтъ, — и юный градъ,
полнощныхъ странъ краса и диво,
изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
вознесся пышно, горделиво:
гдѣ прежде финскій рыболовъ,
печальный пасынокъ природы,
одинъ у низкихъ береговъ
бросалъ въ невѣдомыя воды
свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
по оживленнымъ берегамъ
громады стройныя тѣснятся
дворцовъ и башенъ; корабли
толпой со всѣхъ концовъ земли
къ богатымъ пристанямъ стремятся;
въ гранитъ одѣлася Нева;
мосты повисли надъ водами;
темнозелеными садами
ея покрылись острова, —
и передъ младшею столицей
главой склонилася Москва,
какъ передъ новою царицей
порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
береговой ея гранитъ,
твоихъ оградъ узоръ чугунный,
твоихъ задумчивыхъ ночей
прозрачный сумракъ, блескъ безлуп-
ный,
когда я въ комнатѣ моей
пишу, читаю безъ лампады,
и ясны спящія громады
пустынныхъ улицъ, и свѣтла
адмиралтейская игла,
и, не пуская тьму ночную
на золотыя небеса,
одна заря смѣнить другую
спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
люблю зимы твоей жестокой
недвижный воздухъ и морозъ,
бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
дѣвичьи лица ярче розъ,
и блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
а въ часъ пирушки холостой —
шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
и пунша пламень голубой;
люблю воинственную живость
потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
пѣхотныхъ ратей и коней
однообразную красивость;
въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
насквозь прострѣленныхъ въ бою;
люблю, военная столица,
твоей твердыни дымъ и громъ,
когда полнощная царица

Съ картины Ге.

даруетъ сына въ царскій домъ,
или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
и, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
и побѣжденная стихія:
вражду и плѣнъ старинный свой
пусть волны финскія забудутъ

и тщетной злобою не будутъ
тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ...

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
плеская шумною волной
въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
сердито бился дождь въ окно,
и вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
звать этимъ именемъ. Оно
звучитъ пріятно; съ нимъ давно
мое перо ужъ какъ-то дружно, —
прозванья намъ его не нужно, —
хотя въ минувши времена
оно, быть-можетъ, и блистало,
и подъ перомъ Карамзина
въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
но нынѣ свѣтомъ и молвой
оно забыто. Нашъ герой
живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
дичится знатныхъ и не тужитъ
ни о покойницѣ родинѣ
ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній
стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
но долго онъ заснуть не могъ
въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
онъ долженъ былъ себѣ доставить
и независимость и честь;
что могъ бы Богъ ему прибавить
ума и денегъ; что, вѣдь, есть
такіе праздные счастливцы,
ума недальняго, лѣнивцы,
которымъ жизнь куда легка!
что служитъ онъ всего два года...
Онъ также думалъ, что погода
не унималась; что рѣка
все прибывала; что едва ли
съ Невы мостовъ уже не сняли,
и что съ Парашей будетъ онъ
дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
и чтобы дождь въ окно стучалъ
не такъ сердито...
Сонны очи
онъ, наконецъ, закрылъ. И вотъ
рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
и блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
рвалася къ морю противъ бури,
не одолѣвъ ихъ буйной дури...
и спорить стало ей невмочь...
Поутру надъ ея брегами
тѣснился кучами народъ,
любуясь брызгами, горами
и пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
перегражденная Нева
обратно шла гнѣвна, бурлива,
и затопляла острова;
погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
котломъ клокоча и клубясь —
и вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
на городъ кинулась. Предъ нею
все побѣжало, все вокругъ
вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
втекли въ подземные подвалы;
къ рѣшеткамъ хлынули каналы —

и всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
по поясъ въ воду погруженъ.
Осада! Приступъ! Злыя волны,
какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
садки подъ мокрой пеленой,
обломки хижинъ, бревна, кровли,
товаръ запасливой торговли
пожитки блѣдной нищеты,
грозой снесенные мосты,
гроба съ размытаго кладбища
плывутъ по улицамъ!
Народъ
зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища;
гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
покойный царь еще Россіей
со славой правилъ. На балконъ
печаленъ, смутенъ вышелъ онъ.
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
царямъ не совладать». Онъ сѣлъ
и въ думѣ скорбными очами
на злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
и въ нихъ широкими рѣками
вливались улицы. Дворецъ
казался островомъ печальнымъ...
Царь молвилъ, — изъ конца въ конецъ,
по ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
въ опасный путь средь бурныхъ водъ
его пустились генералы
спасать и страхомъ обуялый
и дома тонущій народъ.
Тогда на площади Петровой —
гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стоятъ два льва сторожевые —
на звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
не за себя. Онъ не слыхалъ,
какъ подымался жадный валъ,
ему подошвы подмывая,
какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
какъ вѣтеръ, буйно завывая,
съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
на край одинъ наведены
недвижно были. Словно горы,
изъ возмущенной глубины
вставали волны тамъ и злились,
тамъ буря выла, тамъ носились
обломки... Боже, Боже! тамъ —
увы! близехонько къ волнамъ,
почти у самаго залива —
заборъ некрашеный, да ива
и ветхій домикъ: тамъ онѣ, —
вдова и дочь, его Параша,
его мечта... Или во снѣ
онъ это видитъ? Иль вся наша
и жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
какъ будто къ мрамору прикованъ,
сойти не можетъ. Вкругъ него
вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
въ неколебимой вышинѣ
надъ возмущенною Невою
сидитъ съ простертою рукою
гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
и наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
своимъ любуясь возмущеньемъ
и покидая съ небреженьемъ
свою добычу. Такъ злодѣй,
съ свирѣпой шайкою своей

въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежомъ отягощенны,
боясь погони, утомленны,
спѣшатъ разбойники домой,
добычу на пути роняя.

Вода сбыла и мостовая
открылась. И Евгеній мой
спѣшитъ, душою замирая,
въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
еще кипѣли злобно волны,
какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
еще ихъ пѣна покрывала,
и тяжело Нева дышала,
какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ, видитъ лодку;
онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
онъ перевозчика зоветъ, —
и перевозчикъ беззаботный
его за гривенникъ охотно
чрезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
боролся опытный гребецъ,
и скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
всечасно съ дерзкими пловцами
готовъ былъ челнъ, — и наконецъ
достигъ онъ берега.

Несчастный
знакомой улицей бѣжитъ
въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
что брошено, что снесено;
скривились домики; другіе
совсѣмъ обрушились; иные
волнами сдвинуты; кругомъ,
какъ будто въ полѣ боевомъ,
тѣла валяются. Евгеній
стремглавъ, не помня ничего,
изнемогая отъ мученій,
бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ, бѣжитъ онъ ужъ предмѣстьемъ,
и вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?

Онъ остановился;
пошелъ назадъ — и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
вотъ ива. Были здѣсь ворота;
снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И, полонъ сумрачной заботы,
все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
толкуетъ громко самъ съ собою —
и вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
захохоталъ...

Ночная мгла
на городъ трепетный сошла;
но долго жители не спали
и межъ собою толковали
о днѣ минувшемъ.

Утра лучъ
изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
блеснулъ надъ тихою столицей —
и не нашелъ уже слѣдовъ
бѣды вчерашней. Багряницей
уже покрыто было зло, —
въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
ходилъ народъ. Чиновный людъ,
покинувъ свой ночной пріютъ,
на службу шелъ. Торгашъ отважный,
не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
сбираясь свой убытокъ важный
на ближнемъ выместить. Съ дворовъ
свозили лодки...

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній...
Увы! его смятенный умъ
противъ ужасныхъ потрясеній
не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
безмолвно полонъ, онъ скитался;
его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ, — онъ
къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
не приходилъ. Онъ скоро свѣту
сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
а спалъ на пристани; питался
въ окошко поданнымъ кускомъ;
одежда ветхая на немъ
рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
бросали камни вслѣдъ ему;
не ѣдко кучерскія плети
его стегали, потому
что онъ не разбиралъ дороги
ужъ никогда; казалось, онъ
не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
ни то, ни се — ни житель свѣта,
ни призракъ мертвый..
Разъ онъ спалъ
у невской пристани. Дни лѣта
клонились къ осени. Дышалъ
ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
плескалъ на пристань, ропща пени
и бьясь о гладкія ступени,
какъ челобитчикъ у дверей
ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло, —
и съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
онъ прошлый ужасъ; торопливо
онъ всталъ, пошелъ бродить, — и вдругъ
остановился и вокругъ
тихонько сталъ водить очами,
съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
большого дома. На крыльцѣ
съ подъятой лапой, какъ живые,
стояли львы сторожевые,
и прямо въ темной вышинѣ,
надъ огражденною скалою,
гигантъ съ простертою рукою
сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
и мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
гдѣ волны хищныя толпились,
бунтуя злобно вкругъ него,
и львовъ, и площадь, и того,
кто неподвижно возвышался
во мракѣ мѣдною главой,
того, чьей волей роковой
надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
и гдѣ опустишь ты копыта?

Кругомъ подножія кумира
безумецъ бѣдный обошелъ
и взоры дикіе навелъ
на ликъ державца полумира.
Стѣснилась грудь его. Чело
къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
глаза подернулись туманомъ,
по сердцу пламень пробѣжалъ,
вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ

предъ горделивымъ истуканомъ, —
и, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«ужо тебѣ!...» И вдругъ стремглавъ
бѣжать пустился. Показалось
ему, что грознаго царя,
мгновенно гнѣвомъ возгоря,
лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
бѣжитъ и слышитъ за собой
какъ будто грома грохотанье,
тяжело-звонкое скаканье
по потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдной,
простерши руку въ вышинѣ,
за нимъ несется всадникъ мѣдный
на звонко-скачущемъ конѣ.
И во всю ночь безумецъ бѣдный
куда стопы ни обращалъ,
за нимъ повсюду всадникъ мѣдный
съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
итти той площадью ему,
въ его лицѣ изображалось
смятенье; къ сердцу своему
онъ прижималъ поспѣшно руку,
какъ бы его смиряя муку,
картузъ изношенный снималъ,
смущенныхъ глазъ не подымалъ
и шелъ сторонкой.

Островъ малый
на взморьѣ виденъ. Иногда
причалитъ съ неводомъ туда
рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
и бѣдный ужинъ свой варитъ;
или чиновникъ посѣтитъ,
гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
пустынный островъ. Не взросло
тамъ ни былинки. Наводненье
туда, играя, занесло
домишко ветхій. Надъ водою
остался онъ, какъ черный кустъ.
Его прошедшею весною
свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
и весь разрушенъ. У порога
нашли безумца моего,
и тутъ же хладный трупъ его
похоронили, ради Бога.

А. С. Пушкинъ.

Выясните связь вступленія съ содержаніемъ разсказа.
Правъ ли Евгеній въ своей злобѣ къ Петру Великому?
Въ чемъ основная мысль этой поэмы?
Тема. *Наводненіе въ Петербургѣ.*

18. Полтава.

Горитъ востокъ зарею новой,
ужъ на равнинѣ, по холмамъ
грохочутъ пушки. Дымъ багровый
кругами всходитъ къ небесамъ
навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
катятся ядра, свищутъ пули;
нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
волнуясь, конница летитъ;
пѣхота движется за нею
и тяжкой твердостью своею
ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое

гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
но явно счастье боевое
служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
сдается пылкій Шлиппенбахъ;
тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
и Бога браней благодатью
нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
раздался звучный гласъ Петра:
«за дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра
толпой любимцевъ окруженный,
выходитъ Петръ. Его глаза
сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры... Онъ прекрасенъ, —
онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
дрожитъ, глазами косо водитъ
и мчится въ прахѣ боевомъ,
гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ блещетъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
равняясь, строятся полки;
молчитъ музыка боевая;
на холмахъ пушки, присмирѣвъ,
прервали свой голодный ревъ;
и се — равнину оглашая,
далече грянуло — ура:
полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
сіи птенцы гнѣзда Петрова —
въ премѣнахъ жребія земного,
въ трудахъ державства и войны
его товарищи, сыны:
и Шереметевъ благородный,
и Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
и, счастья баловень безродный,
полудержавный властелинъ*).

И передъ синими рядами
своихъ воинственныхъ дружинъ,
несомый вѣрными слугами,
въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
необычайное волненье:
казалось, Карла приводилъ
желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
на русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
сошлись въ дыму среди равнины —
и грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
стѣной живою отраженнымъ,
надъ павшимъ строемъ свѣжій строй
штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
отряды конницы летучей,
браздами, саблями звуча,
сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
шары чугунные повсюду
межъ ними прыгаютъ, разятъ,
прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
бой барабанный, клики, скрежетъ;
громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ...
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.

---

*) Меньшиковъ.

Ура! мы ломимъ; гнутся шведы;
о, славный часъ! о, славный видъ!
еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
и слѣдомъ конница пустилась,
убійствомъ тупятся мечи,
и падшими вся степь покрылась,
какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ,
и славы полонъ взоръ его,
и царскій ликъ его прекрасенъ:
при кликахъ войска своего
въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
своихъ вождей, вождей чужихъ,
и славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
и за учителей своихъ
заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

19. Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
флаги пестрые судовъ;
звучно съ лодокъ раздаются
пѣсни дружныя гребцовъ:
въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
рѣчь гостей хмельна, шумна;
и Нева пальбой тяжелой
далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
въ Петербургѣ-городкѣ?
отчего пальба и клики,
и эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
русскій штыкъ, иль русскій флагъ?
побѣжденъ ли шведъ суровый?
мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
и пошелъ навстрѣчу дѣда
всей семьей нашъ юный флотъ,
и воинственные внуки
стали въ строй предъ старикомъ,
и раздался въ честь науки
пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
торжествуетъ государь —
день, какъ жизнь своей державы
спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
чудотворца-исполина
чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится:
виноватому вину
отпуская, веселится;
кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
и въ чело его цѣлуетъ,
свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
и прощенье торжествуетъ,
какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
въ Петербургѣ-городкѣ,
и пальба, и громъ музыки,
и эскадра на рѣкѣ;
оттого-то въ часъ веселый
чаша царская полна,
и Нева пальбой тяжелой
далеко потрясена.

А. С. Пушкинъ.

20. Арапъ Петра Великаго.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличался въ испанской войнѣ — и, тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ посреди обширныхъ своихъ трудовъ не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы насчетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію, но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ разными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ — и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію — и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія...

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что онъ предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или нѣтъ, что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе отправиться въ Россію...

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностью. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень ужъ наступала; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра — и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою

во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ! — закричалъ онъ, вставая съ лавки: — здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его, и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ, — сказалъ Петръ: — и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же, — продолжалъ государь: — твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, такъ называемаго Царицына-Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его попрежнему.

Екатерина устремила на него черные проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія и стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза! — сказалъ онъ одной изъ нихъ: — помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю его тебѣ.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами;

онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища — и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два.

— Посмотримъ, — сказалъ онъ Ибрагиму: — не забылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною.

Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицеймейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній.

Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, чтобы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:

— Ужъ поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ и бывало въ старину; завтра я тебя разбужу...

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ которой онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякій по-своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній, по крайней мѣрѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные — слѣдовательно, не зналъ скуки. Онъ день-ото-дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бу-

турлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; видалъ его съ Ѳеофаномъ[1]), Гавріиломъ Бужинскимъ[2]) и Копіевичемъ[3]), въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостью оборотился — и молодой Корсаковъ, котораго онъ оставилъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями.

— Я сейчасъ только пріѣхалъ, — сказалъ Корсаковъ: — и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи...

— Какъ я радъ, — продолжалъ Корсаковъ, — что ты еще не умеръ отъ скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера?

Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, — что, вѣроятно, государь работаетъ теперь на корабельной верфи. Корсаковъ засмѣялся.

— Вижу, — сказалъ онъ, — что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся досыта; ѣду представляться государю.

— Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты...

Ибрагимъ собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще Корсакова, но дверь отворилась и самъ Корсаковъ явился опять. Онъ уже представлялся государю — и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ.

— Entre nous (между нами), — сказалъ онъ Ибрагиму: — государь — престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ былъ я карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣ-

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ — архіепископъ Новгородскій, сподвижникъ Петра, въ своихъ проповѣдяхъ объяснявшій пользу Петровскихъ преобразованій.

[2]) Епископъ Рязанскій и Муромскій, писатель, переводчикъ, приверженецъ Петра.

[3]) Составитель учебниковъ, книгоиздатель.

лать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отроду со мною не случалось. Однакожъ, государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и, вѣроятно, былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда: по крайней мѣрѣ, онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ — совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста, будь сегодня моимъ ментором, заѣзжай за мной и представь меня.

Ибрагимъ согласился...

Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу.

— Такъ рано? — сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его.

— Помилуй! — отвѣчалъ тотъ: — ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.

Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ-камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; Корсаковъ всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы —и они поѣхали въ зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ — свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: «арапъ, арапъ, царскій арапъ!» Онъ скорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зе-

леныхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ[1]), изъ пышныхъ фижмъ[2]) возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одеждъ съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присутствовали на этихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ-будто дома.

Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. Корсаковъ не могъ опомниться.

— Que diable est ce que tout cela? (Что за чертовщина) — спрашивалъ Корсаковъ вполголоса у Ибрагима.

Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Корсаковъ, желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ другу залпами табачнаго дыма, и государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ Корсакова, какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и Корсаковъ.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукахъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко

---

[1]) Платьяхъ.

[2]) Пышныя юбки на китовыхъ усахъ.

кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ-опять прямо, опять направо и такъ далѣе. Корсаковъ, смотря на это затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ, они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

Корсаковъ обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. Корсаковъ къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. Корсаковъ ждалъ ея рѣшенія; но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ:

— Государь мой, ты провинился; во-первыхъ, подошелъ къ этой молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбирать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно: долженъ выпить «кубокъ большого орла».

Корсаковъ часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

— Ага! — сказалъ Петръ, увидя Корсакова, — попался братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться.

Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу

— Послушай, Корсаковъ, — сказалъ ему Петръ, — штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это — мотовство; смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.

Выслушавъ сей выговоръ, Корсаковъ хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Этотъ эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія,

но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса[1]). Корсаковъ не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ Корсакова, вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою Корсаковъ сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большого орла!...» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданья, тачабный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ; по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранять обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, несмотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Этотъ заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ, зато лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка Корсакова, который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ: но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который прозвалъ его остроумно — французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, на-

---

[1]) Равномѣрность движенія.

конецъ, освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ, хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдой, оборотился и спросилъ:

— А гдѣ же Екимовна? Позвать ее сюда!

Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— Здравствуй, Екимовна, — сказалъ князь Лыковъ, — каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

— Гдѣ ты была, дура? — спросилъ хозяинъ

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру.

При этихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ, — сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая.

— Подлинно, нынѣшніе наряды — на смѣхъ всему міру. Коли, ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а, право, жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ, и жалость;

волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи: въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ — нагибаются: ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть — сущія мученицы, мои голубушки!

— Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна! — сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. — По мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кутафьей, хоть болдыханомъ, только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новёшенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ; а нынѣшніе робронды — поглядишь: сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!

При этихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноватъ? — сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей: — не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ

— А что намъ дѣлать, коли не наша воля? — возразилъ Кирила Петровичъ: — иной бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.

Марья Ильинишна сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у ней такъ и свербѣлъ; наконецъ, она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

— А то въ нихъ дурно, — отвѣчалъ разгоряченный супругъ, — что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ нѣмцами табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло — до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, — сказалъ, нахмурясь, Гаврила Афанасьевичъ: — а признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву — того и гляди, что на пьянаго натолкнешься,

аль и самого насмѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича Корсакова на прошедшей недѣлѣ надѣлалъ такого шума съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думаю: кого-то Богъ несетъ — ужъ не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца — куды! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати, представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ!» Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять — Корсаковъ! — сказалъ старый Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. — А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— Ахти-батюшка, князь, — сказала Татьяна Аѳанасьевна: — видѣла, видѣла его близехонько... какая ужъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня грѣшную!

— Конечно, — замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: — человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: — бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— Старая борода, не бредишь ли? — прервала дура Екимовна: — али ты слѣпъ? — сани-то государевы; царь пріѣхалъ.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли государя, который входилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости.

— Здорово, господа! — сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ.

Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плечи.

Ты часъ отъ часу хорошѣешь, — сказалъ ей государь и по-своему обыкновенію поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: — что же? я вамъ помѣшалъ? обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.

Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновой костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту передъ тѣмъ шумно оживленный весельемъ и говорливостью, продолжался въ тишинѣ и принужденности.

Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностью, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ, обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости.

— Гаврила Аѳанасьевичъ, — сказалъ онъ хозяину: — мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ, — и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шепотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи и, опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

Черезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

А. Пушкинъ.

Тема. *Русское общество въ эпоху Петра Великаго (приверженцы старины; сторонники Петра; усвоившіе внѣшность западной культуры).*

21. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
по тропинкамъ и по мхамъ
ѣхалъ всадникъ, пробираясь
къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата,
у рѣки старикъ стоялъ,
челнъ осматривалъ дырявый
и бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ,
всадникъ молвилъ: «Здравствуй дѣдъ!»—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
на привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто, бояринъ,
а челнокъ для рыбака
то жъ, что бабѣ веретена,
али конь для сѣдока.

«Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть вдали кого завидишь —
смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
и давай рубить ей дно...

«Да, ужъ стала здѣсь сторонка
за теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
промышлять сюда идемъ».

Всадникъ прочь съ коня и молча
за работу принялся;
живо дѣло закипѣло
и поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
такъ и тычетъ долото —
и челнокъ на славу вышелъ,
а вѣдь былъ что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
хоть на Ладогу ступай,
да закинуть сѣть на счастье
на Петрово попытай».

«На Петрово! Эко слово
молвилъ! — думаетъ рыбакъ:
съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?»

И развелъ старикъ руками,
шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
смотритъ долго въ ту сторонку,
гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

22. Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра,
гляжу впередъ я безъ боязни:
начало славныхъ дней Петра
мрачили мятежи и казни.

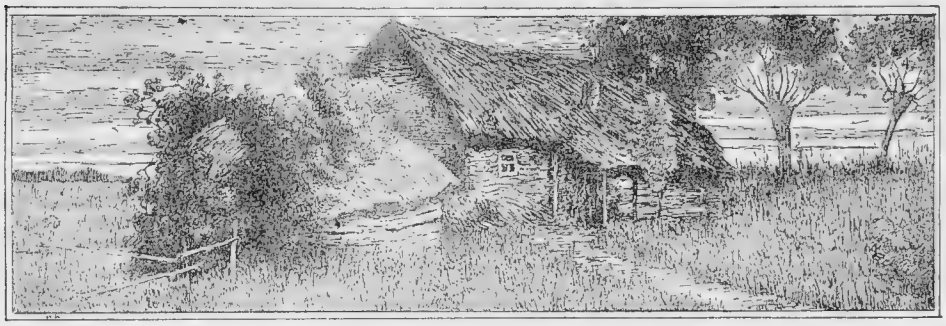
Но правдой онъ привлекъ сердца,
но нравы укротилъ наукой,
и былъ отъ буйнаго стрѣльца
предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
не презиралъ страны родной:
онъ зналъ ея предназначенье!

То академикъ, то герой,
то мореплаватель, то плотникъ,
онъ всеобъемлющей душой
на тронѣ вѣчный былъ работникъ.

А. Пушкинъ.

Тема. *Петръ Великій въ частной жизни и въ государственной дѣятельности.*



23. Батарея Тушина.

Про батарею Тушина было забыто, и только въ самомъ концѣ дѣла, продолжая слышать канонаду въ центрѣ, князь Багратіонъ послалъ туда дежурнаго штабъ-офицера и потомъ князя Андрея, чтобы велѣть батареѣ отступать какъ можно скорѣе. Прикрытіе, стоявшее подлѣ пушекъ Тушина, ушло, по чьему-то приказанію, въ серединѣ дѣла; но батарея продолжала стрѣлять и не была взята французами только потому, что непріятель не могъ предполагать дерзости стрѣльбы четырехъ никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Напротивъ, по энергичному дѣйствію этой батареи, онъ предполагалъ, что здѣсь, въ центрѣ, сосредоточены главныя силы русскихъ, и два раза пытался атаковать этотъ пунктъ и оба раза былъ прогоняемъ картечными выстрѣлами одиноко стоявшихъ на этомъ возвышеніи четырехъ пушекъ.

Скоро послѣ отъѣзда князя Багратіона Тушину удалось зажечь Шенграбенъ.

— Вишь, засумятились! Горитъ! Вишь дымъ-то! Ловко! Важно! Дымъ-то, дымъ-то! — заговорила прислуга, оживляясь.

Всѣ орудія безъ приказанія били въ направленіи пожара. Какъ-будто подгоняя, подкрикивали солдаты къ каждому выстрѣлу: «Ловко! Вотъ такъ-такъ! Ишь ты... Важно!» Пожаръ, разносимый вѣтромъ, быстро распространялся. Французскія колонны, выступившія за деревню, ушли назадъ, но, какъ бы въ наказаніе за эту неудачу, непріятель выставилъ правѣе деревни десять орудій и сталъ бить изъ нихъ по Тушину.

Изъ-за дѣтской радости, возбужденной пожаромъ, и азарта удачной стрѣльбы по французамъ наши артиллеристы замѣтили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслѣдъ за ними еще четыре ударили между орудіями и одно повалило двухъ лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживленіе, разъ установившееся, однако не ослабѣло, а только перемѣнило настроеніе. Лошади были замѣнены другими изъ запаснаго лафета, раненые убраны, и четыре орудія повернуты противъ десятипушечной батареи. Офицеръ, товарищъ Тушина, былъ убитъ въ началѣ дѣла, и въ продолженіе часа изъ сорока человѣкъ прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы все такъ же были веселы и оживлены. Два раза они замѣчали, что внизу, близко отъ нихъ, показывались французы, и тогда они били по нимъ картечью.

Маленькій человѣкъ, съ слабыми, неловкими движеніями, требовалъ себѣ безпрестанно у денщика *еще трубочку за это*, какъ онъ говорилъ, и, разсыпая изъ нея огонь, выбѣгалъ впередъ и изъ-подъ маленькой ручки смотрѣлъ на французовъ.

— Круши, ребята! — приговаривалъ онъ и самъ подхватывалъ орудія за колеса и вывинчивалъ винты.

Въ дыму, оглушаемый безпрерывными выстрѣлами, заставлявшими его каждый разъ вздрагивать, Тушинъ, не выпуская своей носогрѣйки, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, то прицѣливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь перемѣной и перепряжкой убитыхъ и раненыхъ лошадей, и покрикивалъ своимъ слабымъ, тоненькимъ, нерѣшительнымъ голоскомъ. Лицо его все болѣе и болѣе оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, онъ морщился и, отворачиваясь отъ убитаго, сердито кричалъ на людей, какъ всегда, мѣшкавшихъ поднять раненаго или тѣло. Солдаты, большею частью красивые молодцы (какъ и всегда въ батарейной ротѣ, на двѣ головы выше своего офицера и вдвое шире его), всѣ, какъ дѣти въ затруднительномъ положеніи, смотрѣли на своего командира, и то выраженіе, которое было на его лицѣ, неизмѣнно отражалось на ихъ лицахъ.

Вслѣдствіе этого страшнаго гула, шума, потребности вниманія и дѣятельности, Тушинъ не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго чувства страха; и мысль, что его могутъ убить или ранить, не приходила ему въ голову. Напротивъ, ему становилось все веселѣе и веселѣе. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда онъ увидѣлъ непріятеля и сдѣлалъ первый выстрѣлъ, и что клочокъ поля, на которомъ онъ стоялъ, былъ ему давно знакомымъ, родственнымъ мѣстомъ. Несмотря на то, что онъ все помнилъ, все соображалъ, все дѣлалъ, что могъ дѣлать самый лучшій офицеръ въ его положеніи, онъ находился въ состояніи, похожемъ на лихорадочный бредъ или на состояніе пьянаго человѣка.

Изъ-за оглушающихъ со всѣхъ сторонъ звуковъ своихъ орудій, изъ-за свиста и ударовъ снарядовъ непріятелей, изъ-за вида вспотѣвшей, раскраснѣвшейся, торопящейся около орудій прислуги, изъ-за вида крови людей и лошадей, изъ-за вида дымковъ непріятеля на той сторонѣ (послѣ которыхъ всякій разъ прилетало ядро и било въ землю, въ человѣка, въ орудіе или въ лошадь),—изъ-за вида этихъ предметовъ у него въ головѣ установился свой фантастическій міръ, который составлялъ его наслажденіе въ эту минуту. Непріятельскія пушки въ его воображеніи были не пушки, а трубки, изъ которыхъ рѣдкими клубами выпускалъ дымъ невидимый курильщикъ.

— Вишь пыхнулъ опять,—проговорилъ Тушинъ шопотомъ про себя въ то время, какъ съ горы выскакивалъ клубъ дыма и влѣво полосой относился вѣтромъ: —теперь мячикъ жди, отсылать назадъ.

— Что прикажете, ваше благородіе?—спросилъ фейерверкеръ, близко стоявшій около него и слышавшій, что онъ бормоталъ что-то.

— Ничего, гранату...—отвѣчалъ онъ.

«Ну-ка, наша Матвѣвна», говорилъ онъ про себя. Матвѣвной представлялась въ его воображеніи большая, крайняя, стариннаго литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своихъ орудій. Красавецъ и пьяница первый номеръ второго орудія въ его мірѣ былъ *дядя;* Тушинъ чаще другихъ смотрѣлъ на него и радовался на каждое его движеніе. Звукъ то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрѣлки подъ горою представлялся ему чьимъ-то дыханіемъ. Онъ прислушивался къ затиханію и разгоранью этихъ звуковъ.

«Ишь задышала опять, задышала», говорилъ онъ про себя.

Самъ онъ представлялся себѣ огромнаго роста, мощнымъ мужчиной, который обѣими руками швыряетъ французамъ ядра.

— Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай!—говорилъ онъ, отходя отъ орудія, какъ надъ его головой раздался чуждый, незнакомый голосъ.

— Капитанъ Тушинъ! Капитанъ!

Тушинъ испуганно оглянулся. Это былъ штабъ-офицеръ. Онъ запыхавшимся голосомъ кричалъ ему.

— Что вы, съума сошли. Вамъ два раза приказано отступать, а вы...

«Ну, за что они меня?»... думалъ про себя Тушинъ, со страхомъ глядя на начальника.

— Я... ничего...—проговорилъ онъ, приставляя два пальца къ козырьку.—Я...

Но полковникъ не договорилъ всего, что хотѣлъ. Близко пролетѣвшее ядро заставило его, нырнувъ, согнуться на лошади.

Онъ замолкъ, и только что хотѣлъ сказать еще что-то, какъ еще ядро остановило его. Онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ прочь.

— Отступать! Всѣ отступать! — прокричалъ онъ издалека.

Солдаты засмѣялись. Черезъ минуту пріѣхалъ адъютантъ съ тѣмъ же приказаніемъ.

Это былъ князь Андрей. Первое, что онъ увидѣлъ, выѣзжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь съ перебитой ногой, которая ржала около запряженныхъ лошадей. Изъ ноги ея, какъ изъ ключа, лилась кровь. Между передками лежало нѣсколько убитыхъ. Одно ядро за другимъ пролетали надъ нимъ въ то время, какъ онъ подъѣзжалъ, и онъ почувствовалъ, какъ нервическая дрожь пробѣжала по его спинѣ. Но одна мысль о томъ, что онъ боится, снова подняла его. «Я не могу бояться», подумалъ онъ и медленно слѣзъ съ лошади между орудіями. Онъ передалъ приказаніе и не уѣхалъ съ батареи. Онъ рѣшилъ, что при себѣ сниметъ орудія съ позиціи и отведетъ ихъ. Вмѣстѣ съ Тушинымъ, шагая черезъ тѣла и подъ страшнымъ огнемъ французовъ, онъ занялся уборкой орудій.

— А то пріѣзжало сейчасъ начальство, такъ скорѣе драло, — сказалъ фейерверкеръ князю Андрею, — не такъ, какъ ваше благородіе.

Князь Андрей ничего не говорилъ съ Тушинымъ. Они оба были такъ заняты, что, казалось, и не видали другъ друга.

Когда, надѣвъ уцѣлѣвшія изъ четырехъ два орудія на передки, они двинулись подъ гору (одна разбитая пушка и единорогъ были оставлены), князь Андрей подъѣхалъ къ Тушину.

— Ну, до свиданья, — сказалъ князь Андрей, протягивая руку Тушину.

— До свиданья, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ, — милая душа! Прощайте, голубчикъ, — сказалъ Тушинъ со слезами, которыя неизвѣстно почему вдругъ выступили ему на глаза.

Вѣтеръ стихъ, черныя тучи низко нависли надъ мѣстомъ сраженія, сливаясь на горизонтѣ съ пороховымъ дымомъ. Становилось темно, и тѣмъ яснѣе обозначалось въ двухъ мѣстахъ зарево пожаровъ. Канонада стала слабѣе, но трескотня ружей сзади и справа слышалась еще чаще и ближе. Какъ только Тушинъ съ своими орудіями, объѣзжая и наѣзжая на раненыхъ, вышелъ изъ-подъ огня и спустился въ оврагъ, его встрѣтило начальство и адъютанты, въ числѣ которыхъ были и штабъ-офицеръ и Жерковъ, два раза посланный и ни разу не доѣхавшій до батареи Тушина. Всѣ они, перебивая одинъ другого, отдавали и передавали приказанія, какъ и куда итти, и дѣлали ему упреки и замѣчанія. Тушинъ ничѣмъ не распоряжался и молча, боясь говорить, потому что при каждомъ словѣ онъ готовъ былъ, самъ

не зная отчего, заплакать, ѣхалъ сзади на своей артиллерійской клячѣ. Хотя раненыхъ велѣно было бросать, много изъ нихъ тащилось за войсками и просилось на орудія. Подъ горой, блѣдный гусарскій юнкеръ, одною рукою поддерживая другую, подошелъ къ Тушину и попросился сѣсть.

— Капитанъ, ради Бога, я контуженъ въ руку, — сказалъ онъ робко. — Ради Бога, я не могу итти. Ради Бога!

Видно было, что юнкеръ этотъ уже не разъ просился гдѣнибудь сѣсть и вездѣ получалъ отказы. Онъ просилъ нерѣшительнымъ и жалкимъ голосомъ.

— Прикажите посадить, ради Бога.

— Посадите, посадите, — сказалъ Тушинъ. — Подложи шинель ты, дядя, — обратился онъ къ своему любимому солдату.

Юнкеръ держалъ одною рукой другую, былъ блѣденъ, и нижняя челюсть тряслась отъ лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвѣвну, на то самое орудіе, съ котораго сложили мертваго офицера.

Насилу съ помощью пѣхоты вывезли орудія въ гору и, достигши деревни Гунтерсдорфъ, остановились. Стало уже такъ темно, что въ десяти шагахъ нельзя было различить мундировъ солдатъ, и перестрѣлка стала стихать. Вдругъ близко, съ правой стороны послышались опять крики и пальба. Отъ выстрѣловъ уже блестѣло въ темнотѣ. Это была послѣдняя атака французовъ, на которую отвѣчали солдаты, засѣвшіе въ дома деревни. Опять все бросилось изъ деревни, но орудія Тушина не могли двинуться, и артиллеристы, Тушинъ и юнкеръ молча переглядывались, ожидая своей участи. Перестрѣлка стала стихать, и изъ боковой улицы высыпали оживленные говоромъ солдаты.

— Цѣлъ Петровъ? — спрашивалъ одинъ.

— Задали, братъ, жару. Теперь не сунутся, — говорилъ другой.

— Ничего не видать. Какъ они въ своихъ-то зажарили! Не видать; темь, братцы. Нѣтъ ли напиться?

Французы послѣдній разъ были отбиты. И опять, въ совершенномъ мракѣ, орудія Тушина, какъ рамой окруженныя гудѣвшею пѣхотой, двинулись куда-то впередъ.

Въ темнотѣ какъ-будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя шопотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ гулѣ изъ-за всѣхъ другихъ звуковъ яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собою весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи, это было одно и то же. Черезъ нѣсколько времени въ движущейся толпѣ произошло волненіе. Кто-то проѣхалъ со свитой на бѣлой лошади и что-то сказалъ, проѣзжая. «Что сказалъ? Куда теперь? Стоять, что ль?

Благодарилъ, что ли?» послышались жадные разспросы со всѣхъ сторонъ, и вся движущаяся масса стала напирать сама на себя (видно, передніе остановились), и пронесся слухъ, что велѣно остановиться. Всѣ остановились, какъ шли, на серединѣ грязной дороги.

Засвѣтились огни, и слышнѣе сталъ говоръ. Капитанъ Тушинъ, распорядившись по ротѣ, послалъ одного изъ солдатъ отыскивать перевязочный пунктъ или лѣкаря для юнкера, и сѣлъ у огня, разложеннаго на дорогѣ солдатами.

Со всѣхъ сторонъ слышны были шаги и говоръ проходившихъ, проѣзжавшихъ и кругомъ размѣщавшейся пѣхоты. Звуки голосовъ, шаговъ и переставляемыхъ въ грязи лошадиныхъ копытъ, ближній и дальній трескъ дровъ сливались въ одинъ колеблющійся гулъ.

Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море. Пѣхотный солдатъ подошелъ къ костру, присѣлъ на корточки, всунулъ руки въ огонь и отвернулъ лицо.

— Ничего, ваше благородіе? — сказалъ онъ, вопросительно обращаясь къ Тушину. — Вотъ отбился отъ роты, ваше благородіе; самъ не знаю, гдѣ. Бѣда!

Вмѣстѣ съ солдатомъ подошелъ къ костру пѣхотный офицеръ съ подвязанной щекой и, обращаясь къ Тушину, просилъ приказать подвинуть крошечку орудія, чтобы провести повозку. За ротнымъ командиромъ набѣжали на костеръ два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдергивая другъ у друга какой-то сапогъ.

— Какъ же, ты поднялъ! Ишь ловокъ, — кричалъ одинъ хриплымъ голосомъ.

Потомъ подошелъ худой, блѣдный солдатъ съ шеей, обвязанной окровавленною подверткою, и сердитымъ голосомъ требовалъ воды у артиллеристовъ.

— Что жъ, умирать, что ли, какъ собакѣ? — говорилъ онъ.

Тушинъ велѣлъ дать ему воды. Потомъ подбѣжалъ веселый солдатъ, прося огоньку въ пѣхоту.

— Огоньку горяченькаго въ пѣхоту! Счастливо оставаться, землячки, благодаримъ за огонекъ, мы назадъ съ процентой отдадимъ, — говорилъ онъ, унося куда-то въ темноту краснѣющуюся головешку.

За этимъ солдатомъ четыре солдата, неся что-то тяжелое на шинели, прошли мимо костра. Одинъ изъ нихъ споткнулся.

— Ишь, черти, на дорогѣ дрова положили, — проворчалъ онъ.

— Кончился, что жъ его носить? — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, васъ!

И они скрылись во мракѣ съ своею ношей.

— Ваше благородіе, къ генералу. Здѣсь въ избѣ стоятъ,— сказалъ фейерверкеръ, подходя къ Тушину.

— Сейчасъ, голубчикъ.

Тушинъ всталъ и, застегивая шинель и оправляясь, отошелъ отъ костра.

Недалеко отъ костра артиллеристовъ, въ приготовленной для него избѣ, сидѣлъ князь Багратіонъ за обѣдомъ, разговаривая съ нѣкоторыми начальниками частей, собравшимися у него. Тутъ былъ старичокъ съ полузакрытыми глазами, жадно обгладывавшій баранью кость, и двадцатидвухлѣтній безупречный генералъ, раскраснѣвшійся отъ рюмки водки и обѣда, и штабъ-офицеръ съ именнымъ перстнемъ, и Жерковъ, безпокойно оглядывавшій всѣхъ, и князь Андрей, блѣдный, съ поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

Въ избѣ стояло прислоненное въ углу взятое французское знамя. Въ сосѣдней избѣ находился взятый въ плѣнъ драгунами французскій полковникъ. Около него толпились, разсматривая его, наши офицеры. Князь Багратіонъ благодарилъ отдѣльныхъ начальниковъ и разспрашивалъ о подробностяхъ дѣла и о потеряхъ.

— Благодарю всѣхъ, господа; всѣ части дѣйствовали геройски: пѣхота, кавалерія и артиллерія. Какимъ образомъ въ центрѣ оставлены два орудія?—спросилъ онъ, ища кого-то глазами.—Я васъ, кажется, просилъ,—обратился онъ къ дежурному штабъ-офицеру.

— Одно было подбито,—отвѣчалъ дежурный штабъ-офицеръ,—а другое, я не могу понять: я самъ тамъ все время былъ и распоряжался, и только что отъѣхалъ... Жарко было правда,—прибавилъ онъ скромно.

Кто-то сказалъ, что капитанъ Тушинъ стоитъ здѣсь у самой деревни и что за нимъ уже послано.

— Да вотъ вы были,—сказалъ князь Багратіонъ, обращаясь къ князю Андрею.

— Какъ же, мы вмѣстѣ немного не съѣхались,—сказалъ дежурный штабъ-офицеръ, пріятно улыбаясь Болконскому.

— Я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть,—холодно и отрывисто сказалъ князь Андрей.

Всѣ молчали. На порогѣ показался Тушинъ, робко пробиравшійся изъ-за спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный, какъ и всегда, при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и споткнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено?—спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смѣявшихся.

Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью и едва проговорилъ.

— Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытія взять!

Что прикрытія не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся *подвести* этимъ другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившійся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительно. Князь Багратіонъ, видимо, не желая быть строгимъ, не находился, что сказать; остальные не смѣли вмѣшиватся въ разговоръ. Князь Андрей исподлобья смотрѣлъ на Тушина, и пальцы его рукъ нервически двигались.

— Ваше сіятельство, — прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ, — вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковерканными и прикрытія никакого.

Князь Багратіонъ и Тушинъ одинаково упорно смотрѣли теперь на сдержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сіятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, — продолжалъ онъ, — то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой, — сказалъ князь Андрей и, не ожидая отвѣта, тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратіонъ посмотрѣлъ на Тушина и, видимо, не желая высказать недовѣріе къ рѣзкому сужденію Болконскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ итти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ, спасибо, выручилъ, голубчикъ, — сказалъ ему Тушинъ.

Л. Н. Толстой.

Прочтите разсказы Л. Н. Толстого о Севастопольской оборонѣ.

Тема. Незамѣтные герои.

24. Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
про день Бородина!“
— Да, были люди въ наше время,
не то, что нынѣшнее племя:
богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
не многіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали,
досадно было, боя ждали,
ворчали старики:
„Что жъ мы? на зимнія квартиры?
не смѣютъ что ли командиры
чужіе изорвать мундиры
о русскіе штыки?“
И вотъ, нашли большое поле:
есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
и лѣса синія верхушки, —
французы тутъ-какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
и думалъ: „Угощу я друга!
Постой ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить? Пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
ужъ постоимъ мы головою
за родину свою!“
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ? —
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
и слышно было до разсвѣта,
какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
кто киверъ чистилъ весь избитый,
кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
все шумно вдругъ зашевелилось, —
сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
слуга царю, отецъ солдатамъ..
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
и клятву вѣрности сдержали
мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
французы двинулись, какъ тучи,
и все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
драгуны съ конскими хвостами —
все промелькнуло передъ нами,
все побывало тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена какъ тѣни,
въ дыму огонь блестѣлъ;
звучалъ булатъ, картечь визжала,
рука бойцовъ колоть устала,

и ядрамъ пролетать мѣшала
гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
что значитъ русскій бой удалый,
нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди,
смѣшались въ кучу кони, люди,
и залпы тысячи орудій
слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
заутра бой затѣять новый —
и до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
и отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
товарищей считать...
Да, были люди въ наше время —
могучее, лихое племя:
богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
не отдали бъ Москвы.

М. Ю. Лермонтовъ.

25. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами,
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ —
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

26. Обозъ.

Съ горшками шелъ Обозъ
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору

А то и подъ-гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

И. А. Крыловъ.

27. Ворона и курица.

Когда Смоленскій князь,
противу дерзости искусствомъ вооружась,
вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
и на погибель имъ Москву оставилъ:
тогда всѣ жители, и малый, и большой,
часа не тратя, собрался
и вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
спокойно чистя носъ глядитъ.
«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
нашъ супостатъ».
«Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
а вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
а можетъ-быть, еще удастся поживиться
сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»

Ворона подлинно осталась;
но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
за счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
а какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
попался, какъ ворона въ супъ.

И. А. Крыловъ.

28. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вамъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я»...— «Послушайка сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ: —
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ

И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. А. Крыловъ.

29. Щука и Котъ.

Бѣда, коль широги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собою на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
— «Такъ въ добрый часъ пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

И. А. Крыловъ.

30. Ночной смотръ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
и ходитъ онъ взадъ и впередъ,
и бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
могучую будитъ пѣхоту;
встаютъ колодцы егеря,
встаютъ старики гренадеры.
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
съ роскошныхъ полей италійскихъ,
встаютъ съ африканскихъ степей,
съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
выходитъ трубачъ изъ могилы;
и скачетъ онъ взадъ и впередъ,
и громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
могучую конницу будитъ:
сѣдые гусары встаютъ,
встаютъ усачи кирасиры;
и съ сѣвера, съ юга летятъ
съ востока и запада мчатся
на легкихъ воздушныхъ коняхъ
одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
изъ гроба встаетъ полководецъ:
на немъ сверхъ мундира сюртукъ;
онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
на старомъ конѣ боевомъ
онъ медленно ѣдетъ по фронту;
и маршалы ѣдутъ за нимъ,
и ѣдутъ за нимъ адъютанты;
и армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею,
и съ музыкой мимо его
проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
и ближнему на ухо самъ
онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ.
И арміи всей отдаютъ
они тотъ пароль и тотъ лозунгъ.
И *Франція* — тотъ ихъ пароль,
тотъ лозунгъ — *Святая Елена.*
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
на смотръ генеральный изъ гроба
въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
встаетъ императоръ усопшій.

Жуковскій.

31. * * *.

Внимая ужасамъ войны,
при каждой новой жертвѣ боя
мнѣ жаль не друга, не жены,
мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
и друга лучшій другъ забудетъ;
но гдѣ-то есть душа одна —
она до гроба помнить будетъ!

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
и всякой пошлости и прозы,
одинѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
святыя, искреннія слезы —
то слезы бѣдныхъ матерей!

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
погибшихъ на кровавой нивѣ,
какъ не поднять плакучей ивѣ
своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Некрасовъ.

Тема. *Бѣдствія войны.*

Съ картины Перова.

32. На могилѣ сына.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно

являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашенными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно ходятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя ели посажены по обѣимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлыхъ старичка — мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня да вѣтку ели поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ-будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна?

И. С. Тургеневъ.

33. Валерикъ.

Разъ — это было подъ Гехами —
мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
уже въ Чечню на бранный зовъ
толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
мелькали маяки кругомъ
и дымъ ихъ то вился столбомъ,
то разстилался облаками.
И оживилися лѣса,
скликáлись дико голоса
подъ ихъ зелеными шатрами....
Едва лишь выбрался обозъ
въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
вотъ тащутъ за ноги людей
и кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
отрядъ осыпанъ... Впереди же
все тихо... Тамъ между кустовъ
бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе,
пустили нѣсколько гранатъ;
еще подвинулись... молчатъ...
Но вотъ подъ бревнами завала
ружье какъ-будто заблистало,
потомъ мелькнуло шапки двѣ,
и вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье...
Не долго длилося оно,
но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.

Что нужды? Здѣшніе полки
народъ испытанный... Въ штыки
дружнѣе! — раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
Ура! — и смолкло. Вонъ кинжалы...
въ приклады... и пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
бой длился; рѣзались жестоко,
какъ звѣри, молча, съ грудью грудь,
ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть —
и зной и битва утомили
меня — но мутная волна
была тепла, была красна...
На берегу, подъ тѣнью дуба,
пройдя заваловъ первый рядъ,
стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
казалось выраженье лицъ,
но слезы капали съ рѣсницъ,
покрытыхъ пылью. На шинели
спиною къ дереву, лежалъ
ихъ капитанъ... онъ умиралъ:
въ груди его едва чернѣли
двѣ ранки, кровь его чуть-чуть
сочилась; но высоко грудь
и трудно подымалась; взоры
бродили страшно; онъ шепталъ:
«Спасите, братцы!... тащутъ въ горы!...
Постойте.... гдѣ же генералъ?
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
но все слабѣй, и понемногу
затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
стояли усачи сѣдые
и тихо плакали... потомъ
его останки боевые
накрыли бережно плащемъ
и понесли... Тоской томимый
имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.
Уже затихло все; тѣла
стащили въ кучу; кровь текла
струею дымной по каменьямъ;
ея тяжелымъ испареньемъ
былъ полонъ воздухъ. Генералъ
сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
и донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
синѣлъ въ дыму пороховомъ.
А тамъ вдали — грядой нестройной,
но вѣчно гордой и спокойной
тянулись горы — и Казбекъ
сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
но безпрестанно и напрасно
одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

М. Ю. Лермонтовъ.

Прочтите Пушкина «Галубъ».

34. Памяти Ю. П. Вревской.

На грязи, на вонючей, сырой соломѣ, подъ навѣсомъ ветхаго сарая, на скорую руку превращеннаго въ походный военный госпиталь, въ разоренной болгарской деревушкѣ слишкомъ двѣ недѣли умирала она отъ тифа.

Она была въ безпамятствѣ и ни одинъ врачъ даже не взглянулъ на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала,

пока еще могла держаться на ногахъ, поочередно поднимались съ своихъ зараженныхъ логовищъ, чтобы поднести къ ея запекшимся губамъ нѣсколько капель воды въ черепкѣ разбитаго горшка.

Она была молода, красива... Жизнь ей улыбалася; но бываютъ улыбки хуже слезъ.

Нѣжное, кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! — Помогать нуждающимся въ помощи... она не вѣдала другого счастія... не вѣдала — и не извѣдала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она съ этимъ давно помирилась — и, вся пылая огнемъ неугасимой вѣры, отдалась на служеніе ближнимъ.

Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души, въ самомъ ея тайникѣ — никто не зналъ никогда — а теперь, конечно, не узнаетъ.

Да и къ чему? Жертва принесена... дѣло сдѣлано.

Но горестно думать, что никто не сказалъ спасибо даже ея трупу — хоть она сама и стыдилась, и чуждалась всякаго спасибо.

Пусть же не оскорбится ея милая тѣнь этимъ позднимъ цвѣткомъ, который я осмѣливаюсь возложить на ея могилу!

И. С. Тургеневъ.

35. Послѣ чтенія газетъ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
что̀ намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко, и желаю
всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю, —
ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь,
и къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь;

чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
покорныя Христа великому ученью,
всѣ племена слились въ единую семью!

А. Н. Плещеевъ.

36. Чужой.

I.

Миръ! Это радостное слово понеслось во всѣ концы громаднаго царства. И въ богатыхъ домахъ и въ бѣдныхъ избушкахъ крестились люди, поздравляя другъ друга и повторяя это хорошее, доброе слово: «миръ! миръ!» Да, тяжелая война кончилась. Тысячи людей погибли въ ней; но теперь это уже прошло, это уже пишется въ исторіи, чтобы можно было потомъ разсказать внукамъ объ этой страшной борьбѣ...

Потянулись назадъ, къ роднымъ гнѣздамъ, въ оборванныхъ мундирахъ, измученные, истомленные походомъ и лишеніями солдаты. А тутъ въ скорости и приказъ вышелъ: отдать назадъ плѣнныхъ.

Донеслись эти мирныя вѣсти и до большого степного села Черкасскаго. И тутъ, какъ и вездѣ, перекрестились и радостно вздохнули люди. А вечеромъ того же дня, когда пришли эти вѣсти, толпа мужиковъ стояла передъ маленькой плохенькой избенкой, на заваленкѣ которой сидѣлъ черноволосый худощавый человѣкъ лѣтъ 30.

— Ну, что, мусье, теперь ай-да! — проговорилъ одинъ изъ мужиковъ, показывая рукою куда-то вдаль.

Худощавый человѣкъ посмотрѣлъ туда, куда ему показывали, задумчиво остановилъ свой взоръ на нѣжныхъ, окрашенныхъ въ блѣдно-розовый цвѣтъ заходившимъ солнцемъ тучкахъ и, наконецъ, медленно проговорилъ:

— О, нѣтъ! Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Домой, чудакъ ты этакій! Чай поди, заждались тебя дома-то! — удивлялись мужики.

— Меня не ждутъ. У меня никого нѣтъ родного, — отвѣтилъ французъ.

— Стало-быть, ты бобыль, — пожалѣли мужики. — Ну, что жъ, живи у насъ, коли тутъ лучше.

— Ишь ты, ребята, — прикормили мы нѣмца, понравилось! — замѣтилъ какой-то шутникъ.

— Нешто онъ нѣмецъ, онъ — французъ, а зовутъ его Русиль, — поправили парня.

— Не Русиль, а Русель, — проговорилъ плѣнный.

— Все равно. Тебя никакъ и Иваномъ и Марьей сразу зовутъ. А вотъ сапоги шить ты мастеръ; наши противъ тебя ни за что не сошьютъ. И лѣчить хорошо умѣешь. Ты, должно-быть, знахарь?

Плѣнный утвердительно закивалъ головой.

— Да. Я фельдшеръ 32-го драгунскаго полка.

— Ну, что жъ, живи у насъ, мы не обидимъ! А домой такъ и не пойдешь? — допытывались мужики.

— Зачѣмъ? У меня никого, никого нѣтъ! — проговорилъ еще разъ плѣнный.

Слезы сверкнули у него на глазахъ, и онъ низко поникъ головою.

Русель говорилъ правду: не было никого на его далекой родинѣ, кто бы ждалъ его теперь. И тамъ, на родинѣ, въ глухомъ уголкѣ южной Франціи, сурово и не ласково обошлась съ нимъ судьба. Рано, почти еще мальчикомъ, остался онъ круглымъ сиротою съ пятилѣтнимъ братомъ на рукахъ. Настали тогда для него тяжелые сѣренькіе дни. Приходилось работать поденно, чтобы только не умереть съ голоду и дать возможность жить брату.

Потомъ за маленькую плату удалось найти ему занятія по вечерамъ въ аптекѣ своей деревушки. Теперь уже могъ онъ купить брату простую, незамысловатую игрушку, могъ пріобрѣсти ему и книжку, когда Луи началъ ходить въ деревенскую школу. Зато съ какимъ восторгомъ читалъ маленькій Луи эту книжку, съ какой серьезной важностью объяснялъ онъ брату содержаніе тѣхъ картинъ, которыя въ ней попадались! И Русель, — тогда уже суровый работникъ, — съ нѣжнымъ вниманіемъ слушалъ дѣтскій лепетъ умнаго мальчика. Онъ чувствовалъ въ эти минуты, что Луи для него все...

Дни шли за днями. Луи выросъ и сдѣлался уже крѣпкимъ и сильнымъ юношей. Въ это время была объявлена война, и при первомъ же наборѣ Луи сдѣлался солдатомъ. Какъ нравился ему тогда блестящій мундиръ и какъ гордился онъ имъ въ первое время! Но какою тоскою сжималось сердце Руселя, когда онъ увидѣлъ своего дорогого мальчика въ этомъ мундирѣ, и съ какою грустью говорилъ онъ ему:

— Ахъ, братъ, Богъ знаетъ, что ждетъ насъ впереди съ этой страшною войной.

— Вотъ увидишь, что я вернусь генераломъ, — отвѣчалъ на это Луи.

— Братъ, мы были бы счастливы, если бы остались простыми честными работниками. Но я тебя не покину.

И Русель, дѣйствительно, не покинулъ его. Ему удалось пристроиться фельдшеромъ въ тотъ полкъ, гдѣ былъ теперь солдатомъ его милый, его дорогой Луи. Вмѣстѣ сѣли они на корабль, который повезъ смерть и разореніе въ чужую, непріятельскую землю.

Не разстались они и тогда, когда высадились на эту далекую землю, когда загудѣлъ безпрерывный громъ пушекъ и ружей, когда клубы порохового дыма, словно туманомъ, покрыли

всю мѣстность, и въ этомъ туманѣ дрались и рѣзались измученные, озлобленные люди. Русель былъ на перевязочномъ пунктѣ. Онъ перевязывалъ раны людей, которыхъ поминутно приносили ему на носилкахъ. Съ страшной напряженностью занимался онъ своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на свиставшія мимо пули. Мысли его были далеко. Онѣ были тамъ, въ самомъ пылу сраженія, гдѣ дрался теперь Луи, его любимый мальчикъ.

«Можетъ-быть», думалось Руселю: «я теперь уже одинокъ... Быть-можетъ, уже нѣтъ въ живыхъ моего Луи, для котораго одного я привыкъ жить...» И Русель пытливо еще издали разглядывалъ всякія новыя носилки, боясь увидать на нихъ брата...

Гулъ пальбы уже начиналъ утихать... Мимо проходили назадъ разстроенныя кучки солдатъ. Крики: «Да здравствуетъ Франція!» раздавались время отъ времени. Русель все стоялъ и ждалъ. Вотъ идетъ 32-й драгунскій полкъ. Онъ совершенно разбитъ. Многіе идутъ пѣшкомъ и, потерявъ лошадей, едва поспѣваютъ за своими товарищами. Русель не видитъ въ ихъ рядахъ любимаго брата.

«Онъ убитъ, непремѣнно убитъ!» думаетъ онъ.

— Братъ, — говоритъ, запыхавшись, подбѣжавшій Луи. — Братъ, смотри сюда. Самъ маршалъ пожаловалъ мнѣ этотъ орденъ и сказалъ, что я молодецъ. Ты видишь эту красную ленточку: это крестъ Почетнаго Легіона. Да здравствуетъ Франція!

Русель жметъ руку брата. Онъ счастливъ, что видитъ живымъ и здоровымъ своего милаго мальчика.

Но вотъ снова неожиданно учащаются выстрѣлы... Гдѣ-то сбоку, недалеко отъ перевязочнаго пункта, раздается «ура». Слышится отрывистый крикъ французской команды...

Луи, раненный пулей, тихо склоняется на колѣни передъ братомъ.

— Я умираю, спаси меня, — говоритъ онъ слабѣющимъ голосомъ.

Русель поспѣшно наклоняется надъ нимъ. Онъ старается остановить ему кровь, сочившуюся изъ маленькой черной ранки на его груди, онъ хочетъ своимъ дыханіемъ отогрѣть холодѣющаго брата.

— Да здравствуетъ Франція! — шепчутъ поблѣднѣвшія губы Луи.

— Да здравствуютъ люди, всѣ люди! — также шопотомъ отвѣчаетъ Русель и безъ чувствъ падаетъ на холодѣющій трупъ брата.

Больше ничего не слышалъ Русель. Снова прекращается пальба. Чужіе люди ходили съ носилками и искали живыхъ между мертвыми. Два ворона важно прогуливались на сосѣднемъ холмѣ между трупами. Бѣлокрылая чайка, купаясь въ го-

лубомъ воздухѣ, пролетала надъ этимъ мѣстомъ и съ унылымъ крикомъ, словно сожалѣя о людскомъ страданіи и горѣ, понеслась дальше, къ Черному морю. А вдали бѣлѣлся, блестя крестами церквей, городъ.

То былъ Севастополь.

Что было потомъ? Русель, кажется, никогда не забудетъ своего плѣна и той минуты, когда онъ очутился среди чужихъ, не понимавшихъ его людей. Пришлось испытать и голодъ и холодъ. Но онъ никогда также не забудетъ и того, какъ однажды, учась говорить по-русски и коверкая русскія слова, просилъ онъ у окружавшихъ его солдатъ хлѣба. И вдругъ молоденькій блѣдный солдатъ протянулъ ему половину оглоданнаго уже сухаря.

— На, мусье, возьми: ты — чужой!... — проговорилъ онъ.

Русель хотѣлъ подбѣжать къ солдату, поцѣловать его и сказать ему, что онъ его любитъ, но онъ не могъ еще тогда высказать того, что думалъ, и только молча закивалъ головой и смахнулъ рукавомъ набѣжавшую на глаза слезинку.

И вотъ, наконецъ, попалъ онъ въ глухой степной уголокъ необъятной Россіи, — въ село Черкасское. Кругомъ тянутся однообразныя, ровныя поля, и не на чемъ здѣсь отдохнуть глазу. Село стоитъ на крутомъ берегу небольшой рѣчки, и въ тихую, лунную ночь его бѣлая колокольня отражается въ ея свѣтлыхъ струяхъ.

Русель поселился въ маленькой избенкѣ у одной старушки. Мужики разглядывали его сначала съ удивленіемъ, какъ чудо заморское, учили его говорить по-русски, много разъ подъ рядъ, съ неописаннымъ восторгомъ заставляли его произносить французскія слова и, наконецъ, порѣшили, что французъ — человѣкъ хорошій.

Русель принялся шить сапоги, на вырученныя деньги доставалъ кое-когда лѣкарства и лѣчилъ приходившихъ больныхъ. Выздоравливавшіе носили ему, по обычаю, то яйца, то куръ. Скоро между мужиками и плѣннымъ установились такія дружескія отношенія, что мужики приходили къ нему совѣтоваться о своихъ дѣлахъ, разсказывали ему новости, привозимыя съ базара, изъ города, и разспрашивали его объ его далекой родинѣ.

— Ишь ты! Вездѣ люди все по-своему живутъ, — замѣчали они.

Русель остался въ русской деревнѣ. Мирно потекли его дни въ безпрестанной работѣ. Дома, въ душной избенкѣ, ему приходилось сидѣть мало: въ селѣ было такъ много больныхъ и послѣ

нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ они такъ искренно вѣрили въ его лѣкарское искусство, что нельзя было не навѣщать ихъ почаще. Только немного времени оставалось ему на отдыхъ, да онъ и радъ былъ этому: по крайней мѣрѣ, меньше времени оставалось для тяжелыхъ, мучительныхъ воспоминаній. Да и рѣже какъ-то посѣщаютъ такія воспоминанія усталаго человѣка...

И вотъ, въ тихій осенній вечеръ сидитъ Русель на заваленкѣ своей избенки. Солнце исчезаетъ на западѣ, а съ противоположной стороны все гуще и гуще надвигаются, ложась на село, мрачныя тѣни. Нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка и не шелохнутся пожелтѣвшіе листья на ближайшихъ огородахъ. Но въ воздухѣ уже свѣжо, сыростью тянетъ отъ небольшой рѣчонки, на которой стоитъ Черкасское.

Русель сидитъ въ дырявомъ тулупѣ, подаренномъ ему однимъ изъ больныхъ, и ни о чемъ не думаетъ. Онъ смотритъ на рѣчонку, блестящую своей неподвижной, словно изъ стали вылитой водой; смотритъ на улицу. Тамъ, вдали, въ концѣ села, виднѣется ему просторная, крытая тесомъ изба. Около нея собираются мужики потолковать о своихъ дѣлахъ. Съ каждой минутой увеличивается ихъ толпа, издали доносятся ихъ голоса; видно, какъ они размахиваютъ руками, совѣщаясь о чемъ-то.

Грустныя воспоминанія толпятся передъ Руселемъ. Ему кажется, что онъ снова видитъ своего маленькаго брата и свою родную деревушку. Тамъ тоже собиралась толпа, только оживленнѣе и сильнѣе шумѣла, чѣмъ эта. И толковала тамъ про иное, другія бесѣды велись тамъ.

Въ воздухѣ становилось все свѣжѣе и свѣжѣе. Русель посидѣлъ еще нѣсколько минутъ на заваленкѣ и, слегка вздрагивая и ежась отъ холода, тихо побрелъ въ свою избу.

Снова обычнымъ порядкомъ потянулись дни за днями. Пролетѣла и осень. Холодный вѣтеръ потянулъ съ сѣвера, набѣжали тяжелыя свинцовыя тучи, и густыми хлопьями посыпалъ снѣгъ: настала зима. Никогда ничего такого не видѣлъ Русель. Онъ удивлялся тѣмъ страшнымъ морозамъ, которые стояли теперь. По цѣлымъ недѣлямъ не рѣшался онъ выйти изъ своей избенки. А когда суровый буранъ, разыгравшись на просторныхъ черкасскихъ поляхъ, заносилъ село громадными снѣжными сугробами и по цѣлымъ ночамъ, словно звѣрь, ревѣлъ на дворѣ, — Русель даже пугался.

— Я не могъ заснуть сегодня цѣлую ночь, — жаловался онъ своей хозяйкѣ.

— Ничего, мусье, привыкнешь, — утѣшала его старушка.

Но не удалось привыкнуть Руселю къ этой суровой зимѣ, къ этому страшному холоду. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ заболѣлъ, простудившись. Тихо лежалъ онъ въ ма-

ленькой избенкѣ и то бредилъ, то вновь приходилъ въ себя. Одинъ за другимъ приходили навѣстить его лѣчившіеся у него крестьяне. Старушка-хозяйка прикладывала ему къ головѣ уксусъ, — единственное средство, которое она знала. Но ни уксусъ, ни нѣжныя заботы мужиковъ, — ничто уже не могло спасти Руселя. Къ утру онъ тихо умеръ, словно уснулъ, прижимая къ груди маленькую ленту, взятую съ груди убитаго брата.

Недалеко отъ села Черкасскаго, сейчасъ же за церковью, начинается сельское кладбище. Оно все покрыто могилами. Тутъ есть и старыя, едва замѣтныя, есть и свѣжія — съ чернѣющими холмиками земли и сѣрыми деревянными крестами.

Здѣсь-то, на этомъ кладбищѣ, нашелъ себѣ послѣдній пріютъ Русель, — тотъ, кого здѣсь звали «чужимъ», хотя онъ всѣхъ считалъ за своихъ. Крестьянскія могилы словно потѣснились, чтобы дать мѣсто «чужому»: вѣдь и онъ исполнилъ завѣтъ Бога, повелѣвшаго въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой...

Теперь уже и не видно могилы Руселя: деревянный крестъ, который поставили надъ ней мужики, давно уже упалъ, могильный холмъ тоже давно обвалился и поросъ густой, высокой травой. Но память о «чужомъ» все еще живетъ въ глухомъ степномъ селѣ Черкасскомъ.

В. Ладыженскій.

37. Огоньки.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ на поворотѣ рѣки, впереди подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко...

— Ну, слава Богу! — сказалъ я съ радостью: — близко ночлегъ!

Гребецъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весла.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней — приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ, еще два-три удара весломъ, — и путь конченъ... А между тѣмъ — далеко!

И долго еще мы плыли по темной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а ого-

некъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня, — все такъ же близко и все такъ же далеко...

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но — жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... впереди — огни!...

В. Г. Короленко.

ОТДѢЛЪ IV.

1. Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
не о спасеніи, не передъ битвою,
не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
не за свою молю душу пустынную,
за душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
но я вручить хочу дѣву невинную
теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную,
дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
молодость свѣтлую, старость покойную,
сердцу незлобному міръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному
въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
ты воспріять пошли къ ложу печальному
лучшаго ангела душу прекрасную.

М. Лермонтовъ.

2. * * *

Дорогъ мнѣ, передъ иконой
въ свѣтлой ризѣ золотой,
этотъ ярый воскъ, возженый
чьей невѣдомо рукой...
Знаю я — свѣча пылаетъ,
клиръ торжественно поетъ:
чье-то горе утихаетъ,
кто-то слезы тихо льетъ:
свѣтлый ангелъ упованья
пролетаетъ надъ толпой...

Этихъ свѣчъ знаменованье
чую трепетной душой:
это — мѣдный грошъ вдовицы,
это — лепта бѣдняка,
это... можетъ-быть... убійцы
покаянная тоска...
это — свѣтлое мгновенье
въ дикомъ мракѣ и глуши,
память слезъ и умиленья
въ вѣчность глянувшей души...

А. Майковъ.

3. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
востока лучъ тебя ласкалъ,
ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
иль пѣли пѣсни старины,
когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
всё такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
она прохожаго въ пустынѣ
широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
она увяла, какъ и ты,
и дольній прахъ ложится жадно
на пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
кто въ этотъ край тебя занесъ?
грустилъ онъ часто надъ тобою?
хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
какъ ты, всегда небесъ достоинъ
передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима
передъ иконою святой
стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
кивотъ и крестъ, символъ святой...
все полно мира и отрады
вокругъ тебя и надъ тобой.

М. Ю. Лермонтовъ.

4. Богомольцы.

На улицѣ уже шумно и людно; толпы женщинъ всякаго возраста, съ котомками за плечами и посохами въ рукахъ, тянутся длинными вереницами къ соборной площади. Уже показалось веселое солнышко и привѣтливо заглянуло всюду, гдѣ праздность и изнѣженность не поставили ему искусственныхъ преградъ; заиграло оно на золоченыхъ шпиляхъ церквей, позолотило тихія, далеко разлившіяся воды рѣки Крутогорки, согрѣло лучами своими влажный воздухъ и изгнало, вмѣстѣ съ тьмою, черную заботу изъ сердца... Солнышко, солнышко! какъ не любить тебя!

Май ужъ на исходѣ. Въ этотъ годъ онъ какъ-то особенно тепелъ и радошенъ; деревья давно одѣлись густой зеленью, которая не успѣла еще утратить свою яркость и пріобрѣсти лѣтніе тусклые тоны.. Въ воздухѣ однакожъ слышится еще весенняя свѣжесть; рѣки еще черезъ край полны воды, а земля хранитъ еще свою плодотворную влажность на благо и крѣпость всякому злаку растущему.

Соборная площадь кипитъ народомъ; на огромномъ ея просторѣ снуютъ взадъ и впередъ пестрыя вереницы богомолокъ; нѣкоторыя изъ нихъ, въ ожиданіи благовѣстнаго колокола, расположились на землѣ, поближе къ полуразрушенному городскому водоему, наполнили водой берестовые бураки и отстегнули запыленныя котомки, чтобы вынуть оттуда далеко запрятанные и долгое время береженные мѣдные гроши на свѣчу и на милостыню. Тутъ же, между ними, сидятъ на землѣ группы убогихъ слѣпыхъ и хромыхъ калѣкъ, изъ которыхъ каждый держитъ въ рукахъ деревянную чашку и каждый тянетъ свой плачевный, захватывающій за душу стихъ о пресвѣтломъ, потерянномъ раѣ, о пустынномъ «нужномъ» житіи, о злой превѣчной мукѣ, о грѣшной душѣ, не соблюдавшей ни середы, ни пятницы... Тутъ же, около воткнутыхъ въ землю колышковъ, изображающихъ собою временно ярмарочныя помѣщенія, толкаются расторопные мѣщане и подгородные крестьяне, притащившіеся на ярмарку съ бураками, ведерками, горшками и другимъ деревенскимъ припасомъ. И весь этотъ людъ суетится, хлопочетъ и безпрерывно обновляется новыми толпами богомолокъ, приходящими Богъ вѣсть изъ какихъ странъ. Гулъ толпы ходитъ волнами по площади, принимая то веселые и беззаботные, то жалобные и молящіе, то трезвые и суровые тоны.

Голоситъ заунывно одна группа нищихъ, и десятки рукъ протягиваются съ копеечками къ деревяннымъ чашкамъ убогихъ калѣкъ.

— Помолись, родимый, за меня! помолись, миленькій! — говоритъ молодая бабенка, опуская свою копеечку въ чашку слѣпенькаго старика, сидящаго на корточкахъ; но онъ, не обращая на это вниманія, продолжаетъ тоскливо тянуть свою пѣсню:

— Издалече, касатка, пришла? — спрашиваетъ молодуху сгорбленная и сморщенная старуха, тутъ же остановившаяся съ суковатою клюкою своей.

— Изъ Зырянъ, родимая, верстъ полтысячи, болѣ будетъ; съ самаго съ Егорьева-дни идемъ угоднику поклониться[1]).

— По обѣщанію, что ли?

— Пообѣщались, баушка: вотъ третій годъ замужемъ, а дѣтокъ все Богъ не даетъ...

Старуха вздыхаетъ.

— А мы такъ вотъ тутошніе, — говоритъ она, шамкая губами: — верстъ за сто отселева живемъ... Человѣкъ я старый, никому не нужный, ни поробить, ни въ избѣ посмотрѣть...

---

[1]) Изъ Зырянъ, въ Зыряны. Такимъ образомъ простой народъ называетъ Усть-сысольскій уѣздъ и смежныя ему мѣстности Вологодской, Пермской и Вятской губерній.

Глазами-то плохо ужъ вижу; намеднись, чу, робенка — правнучка мнѣ-то — чуть въ корытѣ не утопила... Вотъ и отпустили къ угоднику...

— Чай, пѣшкомъ пришла, баушка? — спрашиваетъ молодуха, покачивая головой.

— На своихъ все на ногахъ... охромѣла я нонече, а то какъ бы не сходить сто верстъ!... Больно ужъ долго шла... охъ, да и котомка-то плечи щемитъ.

Молодуха молчитъ, поглядывая, пригорюнившись, на старуху.

— Чтой-то ужъ и смерть-то словно забыла меня, касатка! — продолжаетъ старуха: — ровно ужъ и скончанія житію-то не будетъ... а тоже хлѣбъ вѣдь ѣмъ, на печи чужое мѣсто залеживаю... знобка я ужъ нонѣ стала!

— Чай и грошика-то у тебя, баушка, нѣту!

— Нѣтъ, таки далъ внучекъ грошикъ... Сынокъ-отъ у меня, видно, померъ, такъ внучекъ въ дому хозяйствуетъ... далъ грошикъ... какъ же! Свѣчу поставить надо...

Новая толпа богомолокъ прерываетъ начатый разговоръ.

Всякимъ грѣшникамъ
Будетъ мука разная

раздается въ одной группѣ нищихъ...

Народился злой антихристъ
Во всю землю онъ вселился,
Во весь міръ онъ воружился,
Стали его волю творити:
Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити...

раздается въ другой группѣ.

«Порадѣйте, православные, на церковное строеніе! святому угоднику на встрѣтеніе!» Такъ взываетъ небольшой колченогій мужичокъ, бойко пробираясь на своей деревяшкѣ сквозь густую толпу богомольцевъ. Черезъ плечо у него перекинута ременная перевязь, съ прикрѣпленнымъ къ ней небольшимъ деревяннымъ ящикомъ, въ который православные опускали свои посильныя жертвы.

На бревнахъ, наваленныхъ въ одномъ углу площади, я вижу нѣсколько странницъ, сѣвшихъ для отдыха.

— Житіе-то у насъ больно неприглядное, Петровна, — говоритъ одна изъ нихъ, пожилая женщина: — земля — тундра да болотина, хлѣбъ ни то родится, ни то нѣтъ; семья большая, кормиться нечѣмъ... ты то посуди, отколь подать-то взять? Ну, Семенъ-отъ Ивановичъ и толкуетъ: надо, говоритъ, выселяться будетъ...

— Поди, чай, стараго-то мѣста жалко? — спрашиваетъ ея собесѣдница.

— Какъ не жалѣть? извѣстно, жалко! Кабы не нужда, такъ коли же отъ родителей безъ ума бѣжать!

— Да нонѣ чтой-то и вездѣ жить не корыстно стало. Какъ старики-то поразскажутъ, такъ что̀ въ старину-то одного хлѣба родилось! А нонѣ и земля-то словно родить перестала... Да и народъ безъ христіанства сталъ... Шли мы этта на богомолье, такъ по дорогѣ-то не то чтобъ тебѣ копеечку или хлѣбца, Христа ради, подать, а еще тебя норовятъ оборвать... Все больше по лѣсочкамъ и ночлежничали.

— Что говорить, Петровна! Въ нашей вонъ сторонкѣ и не знавали прежде, каковъ таковъ замокъ называется, а нонче пошли воровства да грабительства... Господи! что только будетъ!

— А далече ли переселеніе-то вамъ будетъ?

— Да баетъ старикъ, что далече, по за Пермь, въ сибирскія страны перетаскиваться придется... Ты возьми, сколько одной дорогой-то нужи примешь!...

— А вотъ отъ насъ тоже въ тѣ стороны переселенцы бывали, такъ пишутъ, что куда тамъ хорошо: и хлѣбъ родится и скотинка живетъ.

— Такъ-то такъ, Петровна, да ужъ больно родителей жалко! Вѣдь ихъ здѣсь и помянуть будетъ некому...

Разсказчица тяжело вздыхаетъ; собесѣдница вторитъ ей, и разговоръ, повидимому, стихаетъ. Я говорю: «повидимому», потому что этой боли сердечной, этой нуждѣ сосущей, которую равнодушно называемъ именемъ ежедневныхъ, будничныхъ явленій, никогда нѣтъ скончанія. Онѣ безконечно зрѣютъ въ сердцѣ бѣднаго труженика, выражаясь въ жалобахъ, всегда однообразныхъ и всегда безплодныхъ, но, тѣмъ не менѣе, повторяющихся безпрерывно потому, что человѣку невозможно не стонать, если стонъ, совершенно созрѣвшій, безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ изъ груди его.

— Такъ-то вотъ, братъ, — говоритъ пожилой и очень смирный съ виду мужичокъ, встрѣтившись на площади со своимъ односельчаниномъ: — такъ-то, вотъ, и Матюшу въ рекруты сдали!

Въ загорѣлыхъ и огрубѣвшихъ чертахъ лица его является почти незамѣтное судорожное движеніе, въ голосѣ слышится дрожаніе, и обычный сдержанный вздохъ вырывается изъ груди.

— А добрый парень былъ, — продолжаетъ мужичокъ: — какова есть на свѣтѣ муха, и той не обидѣлъ, робилъ непрекословно, да и въ рекруты непрекословно пошелъ, даже голосу не далъ, какъ «лобъ» сказали!

Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смирный парень Матюша, не то чтобъ веселый, а скорѣй боязный,

трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой бодраго и сильнаго, несмотря на капли пота, струящіяся съ его загорѣлаго лица; вижу его дома, безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божіей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ; вижу его позднимъ вечеромъ, засыпающаго сномъ невинныхъ послѣ тяжкой дневной работы, для него никогда не кончающейся. Вижу я и старика-отца и старуху-мать, которые радуются не нарадуются на ненаглядное дѣтище; вижу урну съ свернутыми въ неи жеребьями, слышу слова: «лобъ», «лобъ», «лобъ»...

— Что жъ, помолиться, что ли, ты пришелъ, дядя Иванъ? — спрашиваетъ у мужика его собесѣдникъ.

— Да, вотъ, къ угоднику... помиловалъ бы Онъ его, нашъ Батюшка! — отвѣчаетъ старикъ прерывающимся голосомъ: — никакого, то-есть, даже изъяну въ немъ не нашли, въ Матюшкѣ то: тѣло-то, слышь, бѣлое-разбѣлое, да крѣпко таково . . . . . .

. . . . . .

И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную ленту, которую она и обѣщала повергнуть къ пречистому и достохвальному образу Божьяго угодника... Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка. На меня вѣетъ невѣдомой свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ:

Придетъ мать-весна красна:
Лузья, болота разольются;
Древа листьями одѣнутся,
И запоютъ птицы райски
Архангельскими голосами:
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня мать прекрасную покинешь!

— Нѣтъ, не покину! — готовъ я воскликнуть вмѣстѣ съ Остафіемъ-царевичемъ:

Разгуляюсь я по пустынѣ, во зеленой во дубравѣ,
Насмотрюсь во пустынѣ на различные свѣты...

Но вотъ раздался благовѣстъ соборнаго колокола: толпа вдругъ заколыхалась, и вся, какъ одинъ человѣкъ, встала...

М. Е. Салтыковъ.

Не ходили ли Вы на богомолье?
Опишите Ваши впечатлѣнія.

5. * * *

Засвѣтилася лампада
предъ иконою святой.
Міръ далекій, міръ — громада,
отлетѣлъ, какъ сонъ пустой.
Мы въ тиши уединенной.
Часъ, когда колокола
будятъ воздухъ полусонный,
часъ, когда прозрачна мгла.
Ласка этой мглы вечерней
убаюкиваетъ взглядъ,
и уколы жгучихъ терній
сердце больше не язвятъ.

Помолись въ тиши безмолвной
предъ иконою святой,
чтобы міръ, страданьемъ полный,
вспыхнулъ новою мечтой.
Помолись со мной, родная,
чтобы жизнь свѣтлѣй прошла,
чтобы насъ стезя земная
вмѣстѣ къ гробу привела.
Надъ пучиной неизвѣстной
пусть мы склонимся вдвоемъ,
пусть чудесный гимнъ небесный
вмѣстѣ Богу мы споемъ.

К. Бальмонтъ.

6. Лиза Калитина.

Лизѣ Калитиной минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ, не скупясь, давалъ деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, няньчиться съ писклятами, да и некогда ему было няньчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. «Скоренько жизнь моя проскочила», промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немногимъ больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась, что одна воспитала дѣтей своихъ; она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головѣ и называла умницей и душкой — и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Морò изъ Парижа. Дѣвица Морò была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала, — чего же можно больше желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ: черты ея напоминали рѣзкій и правиль-

ной обликъ Калитина, только глаза у нея были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно, — она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только одну ее и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслицѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали. «Желтофіоли?» спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ. Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полумракъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими — Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой;

дѣвица Морò ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bêtises (это все глупости) не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марья Тимоѳеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, т.-е. усидчиво: особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ зналъ, чего это ей стоило. Читала она немного; у нея не было своихъ «словъ», но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не справлялся у другихъ, что ему дѣлать. Такъ она росла — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеньи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности; малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности. Она любила одного Бога восторженно, робко и нѣжно.

Такова была Лиза.

И. С. Тургеневъ.

7. Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлерейки, придѣланной къ наружной стѣнѣ ограды, толпились на этотъ разъ всѣ женщины, бабъ около двадцати. Ихъ увѣдомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ, и онѣ собрались въ ожиданіи. Вышли на галлерейку и помѣщицы Хохлаковы, тоже ожидавшія старца, но въ отведенномъ для благородныхъ посѣтительницъ помѣщеніи. Ихъ было двѣ: мать и дочь.

Въ ожиданіи выхода старца, мамаша сидѣла на стулѣ, подлѣ креселъ дочери, а въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ старикъ-монахъ, не изъ здѣшняго монастыря, а захожій изъ одной дальней сѣверной малоизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благословиться у старца. Но показавшійся на галлереѣ старецъ про-

шелъ сначала прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крылечку о трехъ ступенькахъ, соединявшему низенькую галлерейку съ полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпитрахиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщинъ. Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва лишь завидѣла старца, вдругъ начала, какъ-то нелѣпо взвизгивая, икать, и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голову эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ ней краткую молитву, и она тотчасъ затихла и успокоилась...

Многія изъ тѣснившихся къ нему женщинъ заливались слезами умиленія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія рвались облобызать хоть край одежды его, иныя что-то причитали. Онъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ. Кликушу онъ уже зналъ, ее привели неиздалека, изъ деревни всего верстъ за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили къ нему.

— А вотъ далекая, — указалъ онъ на одну, еще вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загорѣвшую, а какъ бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на колѣняхъ и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Во взглядѣ ея было что-то какъ бы изступленное.

— Издалека, батюшка, издалека, отселева триста верстъ. Издалека, отецъ, издалека, — проговорила женщина нараспѣвъ, какъ-то покачивая плавно изъ стороны въ сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она какъ бы причитывая.

Есть въ народѣ горе молчаливое и многотерпѣливое; оно уходитъ въ себя и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно пробьется разъ слезами и съ той минуты уходитъ въ причитыванія. Это особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго горя. Причитанія утоляютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе растравляютъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутолимости питается. Причитанія — лишь потребность раздражать безпрерывно рану.

— По мѣщанству, надоть быть? — продолжалъ, любопытно въ нее вглядываясь, старецъ.

— Городскіе мы, отецъ, городскіе, по крестьянству мы, а городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ, прибыла. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка-младенчика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ побывала, да указали мнѣ: «Зайди, Настасьюшка, и сюда, къ вамъ то-есть, голубчикъ, къ вамъ». Пришла, вчера у стоянія была, а сегодня и къ вамъ.»

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ; безъ трехъ только мѣсяцевъ, и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отецъ, по сыночку. Послѣдній сыночекъ оставался, четверо было у насъ

съ Никитушкой, да не стоятъ у насъ дѣтушки, не стоятъ, желанный, не стоятъ. Трехъ первыхъ схоронила я, не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила, и забыть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ, не отходитъ. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣлышечко, на рубашоночку аль на сапожки, и взвою. Разложу, что послѣ него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. Говорю Никитушкѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богомолье сходить. Извозчикъ онъ, не бѣдные мы, отецъ, не бѣдные, сами отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ: и лошадокъ, и экипажъ. Да на что теперь намъ добро? Зашибаться онъ сталъ безъ меня, Никитушка-то мой, это навѣрно, что такъ, да и прежде того: чуть я отвернусь, а ужъ онъ и ослабѣетъ. А теперь и о немъ не думаю. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ изъ дому. Забыла, обо всемъ забыла, и помнить не хочу; а и что я съ нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми покончила. И не глядѣла я бы теперь на свой домъ и на свое добро, и не видала бъ я ничего вовсе!

— Вотъ что, мать, — проговорилъ старецъ, — однажды древній великій святой увидѣлъ во храмѣ такую же какъ ты плачущую мать и тоже по младенцѣ своемъ, по единственномъ, котораго тоже призвалъ Господь. «Или не знаешь ты», сказалъ ей святой, «сколь сіи младенцы предъ престоломъ Божіимъ дерзновенны? Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствѣ Небесномъ. Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Богу, и только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ назадъ. И столь дерзновенно просятъ и упрашиваютъ, что Господь даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему», молвилъ святой, «и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенецъ теперь у Господа въ сонмѣ ангеловъ Его пребываетъ». Вотъ что сказалъ святой плачущей женѣ въ древнія времена. Былъ же онъ великій святой и неправды ей повѣдать не могъ. Посему знай и ты, мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь предстоитъ передъ престоломъ Господнимъ, и радуется, и веселится, и о тебѣ Бога молитъ. А потому и ты не плачь, но радуйся!

Женщина слушала его, подпирая рукой щеку и потупившись. Она глубоко вздохнула.

— Тѣмъ самымъ и Никитушка меня утѣшалъ, въ одно слово какъ ты говорилъ: «Неразумная ты, говоритъ, чего плачешь, сыночекъ нашъ навѣрно теперь у Господа Бога вмѣстѣ съ ангелами воспѣваетъ». Говоритъ онъ это мнѣ, а и самъ плачетъ, вижу я, какъ и я же, плачетъ. Знаю я, говорю, Никитушка, гдѣ жъ ему и быть, коль не у Господа Бога; только здѣсь-то, съ нами-то его теперь, Никитушка, нѣтъ, подлѣ-то, вотъ какъ прежде сидѣлъ! И хотя бы я только взглянула на него лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ бы опять поглядѣть, и не подошла бы

къ нему, не промолвила, въ углу бы притаилась, только бы минуточку едину повидать, послыхать его, какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало, крикнетъ своимъ голосочкомъ: «Мамка, гдѣ ты?» Только бъ услыхать-то мнѣ, какъ онъ по комнатѣ своими ножками пройдетъ разикъ, всего бы только разикъ, ножками-то своими тукъ-тукъ, да такъ часто, часто, помню, какъ, бывало, бѣжитъ ко мнѣ, кричитъ да смѣется, только бъ я его ножки-то услышала, услышала бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не услышу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ, и никогда-то мнѣ теперь не увидать, не слыхать его!...

Она вынула изъ-за пазухи маленькій позументный поясочекъ своего мальчика и только лишь взглянула на него, такъ и затряслась отъ рыданій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь которые потекли вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.

— А это, — проговорилъ старецъ: — это древняя «Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться, потому что ихъ нѣтъ», и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ. И не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и плачь; только каждый разъ, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночекъ твой есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, оттуда на тебя смотритъ и видитъ тебя, и на твои слезы радуется и на нихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратится онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость, и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну за упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія, Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну, и печаль твою на молитвѣ вспомяну, и супруга твоего за здравіе помяну. Только его тебѣ грѣхъ оставлять. Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ, что бросила ты отца, и заплачетъ по васъ: зачѣмъ же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, живъ, ибо жива душа вовѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ же онъ въ домъ придетъ, коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому жъ онъ придетъ, коль васъ вмѣстѣ, отца съ матерью не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ, и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего же дня ступай!

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобралъ. Никитушка ты мой, Никитушка, ждешь ты меня, голубчикъ, ждешь, — начала было причитывать баба...

...А старецъ уже замѣтилъ въ толпѣ два горящіе, стремящіеся къ нему взгляда изнуренной, на видъ чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядѣла молча, глаза просили о чемъ-то, но она какъ бы боялась приблизиться.

— Ты съ чѣмъ, родненькая?

— Разрѣши мою душу, родимый, — тихо и не спѣша промолвила она, стала на колѣни и поклонилась ему въ ноги.

Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку; женщина приблизилась къ нему, не вставая съ колѣнъ.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяніе не оскудѣвало въ тебѣ — и все Богъ проститъ. Да и грѣха такого нѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого бы не простилъ Господь воистину кающемуся... Коли каешься, такъ и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается, все спасается. Ужъ коли я, такой же, какъ и ты, человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми паче Богъ. Ступай и не бойся!

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и надѣлъ на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Онъ привсталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ грудным ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ томилась. Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала, аль забылъ? Не велика же въ тебѣ память, коли ужъ меня забылъ. Сказали у насъ, что ты хворый, думаю, что жъ, я пойду его сама повидаю: вотъ и вижу тебя, да какой же ты хворый? Еще двадцать лѣтъ проживешь, право, Богъ съ тобою! Да и мало ли за тебя молебщиковъ, тебѣ ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя невеликая: вотъ тутъ шестьдесятъ копеекъ, отдай ты ихъ, милый, такой, какая меня бѣднѣй. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужъ чрезъ него подамъ, ужъ онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непремѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя, и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милыя, прощайте, дорогія, любезныя!

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился.

Ѳ. М. Достоевскій.

8. Бэда — проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
на мальчика онъ опирался рукой,
по камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
однѣ только сосны росли вѣковыя,
однѣ только скалы торчали сѣдыя,
косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать —
иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!» онъ сказалъ, «я пойду отдохнуть;
«а ты, если хочешь, начни проповѣдать —
«съ вершинъ увидали тебя пастухи;
«какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
«вонъ жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
«о Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»

И старца лицо просіяло мгновенно;
какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось — слѣпцу въ славѣ небо являлось;
дрожащая къ небу рука поднималась,
и слезы текли изъ потухшихъ очей.

Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
и мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
въ ущельи повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ —
зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ»...
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
но только замолкъ онъ — отъ края до края
«аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

9. Ночь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
и подъ кровомъ темной тишины
ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви почныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.
Помолися о себѣ, о всѣхъ,
для кого тяжка земная битва, —
о рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!..
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.
Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный
такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
какъ горитъ лампада предъ иконой.

А. С. Хомяковъ.

10. Ангелъ.

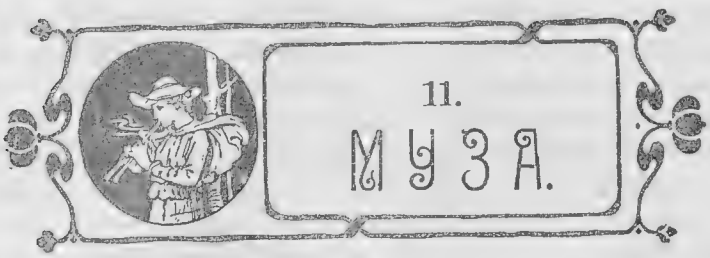
О небу полуночи ангелъ летѣлъ
и тихую пѣсню онъ пѣлъ;
и мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
подъ кущами райскихъ садовъ,
о Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
для міра печали и слезъ,
и звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
ей скучныя пѣсни земли.

М. Ю. Лермонтовъ.



11.
МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
и семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
по звонкимъ скважинамъ пустого тростника
уже напрывалъ я слабыми перстами
и гимны важные, внушенные богами,
и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
и радуя меня наградою случайной,
откинувъ локоны отъ милаго чела,
сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
и сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

А. С. Пушкинъ.

12. Пастухъ Охримъ и мальчикъ.

О, чего только не зналъ онъ, этотъ украинскій Гомеръ, пастухъ Охримъ! Чего не понималъ, куда не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?!

Все, кажется, было ему ясно, все, въ безграничномъ небѣ и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная, что скрыто ею отъ глазъ человѣка... онъ зналъ все... все то, «що колысь було правдою, а теперь стало брехнею». И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ «чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться», зато они были невыразимо сладки... да, именно сладки! Мнѣ положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ; — я какъ-то ближе былъ къ его міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню,

я какъ-то страшно двоился: училъ и зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленною цѣлью, тѣсно связанною съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, дышало неотразимой красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сейчасъ же, сію минуту! Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонной жизнью, небесный куполъ, равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ, — вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Говорили, что когда-то онъ любилъ красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ. По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдыхавшей полной грудью отъ зноя, стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться, откуда-то внезапно, — дрожа и струясь, какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни, — приносились и легкіе тоны этой волшебной сопилки... Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ эти чудные звуки, — осталось его тайной; что за власть и сила крылась въ нихъ, — я не знаю; но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтской душой... Предо мною почему-то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о «тыхыхъ зоряхъ» родной Украины бѣдные невольники казаки въ желѣзныхъ путахъ, — и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними... Эти звуки разворачивали передъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣсняхъ, непробудно заснувшихъ казаковъ, — и мнѣ хотѣлось тоже клекотать вмѣстѣ съ нею... Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубаго эѳира ныряла бѣдная чайка; я слышалъ, какъ она рыдала, что «вывела дитокъ на бытій дорози», — меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... влекло до того, что я плакалъ.

— На що... на що, Горпыно, винъ такъ грае?! — взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, панычыку, цыть-те! — чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына: — послухайте! Такъ ему уже Богъ давъ! — Развѣ, что Богъ!... Я и теперь еще живо и ясно

помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночного костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свои бесѣды надъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами. Отъ яркаго пламени костра еще чернѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Молчитъ Охримъ, и я самъ молчу, весь истомленный этою нѣгой лѣтней ночи, ея душистой мглой, этимъ багровымъ тепломъ костра, этою цѣпью видѣній, грезъ, какихъ-то неясныхъ обрывковъ, что смутно проносятся въ головѣ, навѣянные ночью...

Съ картины Дубровского.

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка..

— Это не звѣздочка, панычу! — увѣренно поучаетъ Охримъ, посасывая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь и не глядя на меня. — Это не звѣздочка... это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге жъ! Это Господь посылаетъ ему душу... Вотъ какъ!

— Отчего же онѣ разныя? — заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима. — Отчего же одна бѣлая, другая бываетъ красная, а то и синеватая?

— Про то Господь знаетъ! — говорилъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ. — Люди не могутъ знать! Опять же, мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно! Все это такъ понятно, такъ ясно, и мнѣ дѣлается какъ-то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтѣ...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью? — спрашиваю я Охрима.

— Чего же мнѣ бояться?... — уклончиво и какъ бы въ раздумьѣ цѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ? Есть! Вездѣ, панычыку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего, — крестъ на мнѣ и живу въ правдѣ!

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ... паны! — говоритъ Охримъ, сплевывая въ сторону. — Всякій, кто обижаетъ другого, зло дѣлаетъ, завидуетъ...

— А ты не завидуешь, Охримъ? — наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычыку, я никому не завидую.

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ?... И паномъ не хотѣлъ бы я быть! — послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ. — На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, зато душѣ на сгубу! Такъ, панычыку... Въ лѣсу оно лучше: солнце тебя грѣетъ, пташка всякая поетъ, и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ не хорошо здѣсь, панычыку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима, и въ то же время, больной, щемящій червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянитъ во мглѣ мои щеки.

— А я вѣдь панычъ, Охримъ! — не то стыдясь, не то съ болью, какъ-то робко шепчутъ мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлъ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ. И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ, и всѣ люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ. Только бы душу не сгубилъ въ панствѣ, — вотъ оно что, панычыку!

«О, нѣтъ!... я не сгублю ее!... И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!... Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили всѣ тѣ, что почили въ этихъ высокихъ могилахъ за родную землю. И когда я выросту и окрѣпну, я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ

душою, какъ Охримъ, и пойду за нимъ противъ «ляховъ»... Да я пойду!... чего бы это мнѣ ни стоило!... Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли казаковъ, пусть изобрѣтаютъ что-нибудь другое, болѣе жестокое, — я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подъ силу, если стонъ будетъ вырываться самъ собою, — я, какъ Гонта, облегчу себя вздохомъ, молитвою за родную Украину!...

— Да, да, Охримъ! — страстно клянусь я ему на его мягкій, ласкающій, полный благодарности взглядъ: — ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что-то такое чудное, что я, кажется, росту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Помню, я прибѣжалъ однажды къ костру, запыхавшись, горя нетерпѣньемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ! ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ? — какъ-то усмѣхнулся Охримъ. — Кто жъ, панычыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья: малая птица, звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ, — всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣть человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ-то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными! Я слышалъ, какъ дѣдусь говорилъ, что скоро объявятъ волю...

— Слышно въ народѣ! — нерѣшительно протянулъ Охримъ, поднявъ вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули. — Слышно!... Пошли Господь бѣлому царю счастье и здоровье! Великое это будетъ дѣло, панычыку! — И онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ, — это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля... Скоро!...

Охримъ не отвѣтилъ, онъ только вздохнулъ, но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова. Вздохъ этотъ глубоко проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью. Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ! — и, повинуясь безотчетному порыву, я обнялъ его загорѣлую шею дѣтскими руками. Лихорадочными устами я шепталъ ему страстныя, любовныя рѣчи, и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шепотъ. Мнѣ казалось, что самъ я какъ-то исчезаю, что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ въ одно цѣлое, общее, какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ. Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычайная нѣга ласки!...

— Эге-ге, милый панычку! а не поспѣлъ ли нашъ картофель? — весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильною, но дрожавшею рукой, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ.

Мы ѣдимъ горячій картофель, и разнѣженный Охримъ, какъ бы платя за ласку, разсказываетъ мнѣ свои чудныя легенды...

Во все посвящалъ меня Охримъ въ эти ночи, — весь міръ, загадочный и чудный, открывался предо мною въ какой-то стройной, красивой поэмѣ. Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природою той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучитъ, печалитъ и радуетъ человѣческую душу, узналъ многое такое, отчего замирало мое сердце! И еще шире раскрылось оно, — шире, чѣмъ тогда, — на волѣ, и еще глубже, еще страстнѣе забилось оно любовью... И если теперь, даже теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженнаго слезою, когда она даже рѣчь мою сумѣла замѣнить другою, — если и теперь еще въ моемъ сердцѣ тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она, навѣрно, запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

Г. А. Мачтетъ.

13. Пунинъ и Бабуринъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лозникъ, дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу верескомъ и зорей. Лишь кое-гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣжки и свѣтлыми пятнами загорались золотые шарики «куриной слѣпоты». Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада — и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя

мѣстечки, извѣстныя,—такъ по крайней мѣрѣ я воображалъ! —только мнѣ одному. Я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною «Швейцаріей». Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до «Швейцаріи», я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная, длинная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбленномъ мною мѣстечкѣ. Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное, мягкое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручокъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губы, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ, какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, вглядѣлся еще внимательнѣе... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой, плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнятъ и заставляютъ пѣть канареекъ. Сукъ хрустнулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпые глазенки въ чащу и попятился было... да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте,—промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня назвалъ барчукомъ. Что за фамильярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ я строго.

— А вотъ, видите,—отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться.—Птичекъ на пѣніе вызываю.—Онъ показалъ мнѣ свои чашечки.—Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по младости вашихъ лѣтъ, пѣніе пернатыхъ должно услащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать, а онѣ за мною сейчасъ—какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно: зябликъ отозвался на ближней рябинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе—каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, худощавыя руки, самый его картузъ, его длинный балахонъ—все въ немъ дышало добродушіемъ, чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали?—спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ...

— Господинъ Бабуринъ съ барышней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня — Пунинымъ. Пунинъ моя фамилія; Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ. — Онъ опять зажужжалъ чашечками. — Слышите, слышите зяблика... Какъ заливается!..

Мнѣ этотъ чудакъ вдругъ «ужасно» полюбился. Какъ почти всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакомъ.

— Пойдемте со мною, — сказалъ я ему: — я знаю мѣстечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка, мы сѣсть можемъ, и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте, — отвѣчалъ нараспѣвъ мой новый пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ переваливался, шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ воротникомъ, болталась небольшая кисточка. — Что это у васъ такое виситъ? — спросилъ я.

— Гдѣ? — переспросилъ онъ и пощупалъ воротникъ рукою. — А? Эта кисточка? Пущай ее! Значитъ, для красы пришита. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился рядомъ. — Здѣсь хорошо! — промолвилъ онъ и вздохнулъ глубоко, глубоко. — Охъ, хорошохонько! Отличнѣйшій у васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него съ боку. — Какой у васъ картузъ, — невольно воскликнулъ я. — Покажите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте. — Онъ снялъ картузъ; я протянулъ было руку, но поднялъ глаза — и такъ и прыснулъ. Пунинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика не видѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза — и по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны. — Что? — сказалъ онъ наконецъ. — Не правда ли, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! — подхватилъ я съ восторгомъ. — И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы! — Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако я, по милости моихъ миѳологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты;

тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало-быть, учились миѳологіи? — спросилъ я, переворачивая въ рукахъ картузъ, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ, облѣзлымъ околышкомъ и картоннымъ, надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ этотъ предметъ, барчученочекъ мой миленькій; въ жизни моей всего было достаточно! А теперь возвратите-ка мнѣ покрышку, ею же защищается нагота главы моея.

Онъ нахлобучилъ картузъ, и, перекосивъ свои бѣловатыя брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители.

— Я внукъ здѣшней помѣщицы, — отвѣчалъ я. — Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.

Пунинъ перекрестился. — Царство имъ небесное! Значитъ, сирота; ну и наслѣдникъ. Дворянская-то кровь сейчасъ видна: такъ въ глазенкахъ и бѣгаетъ, такъ и играетъ... ж... ж... ж... ж... — Онъ представилъ пальцами, какъ играетъ кровь. — Ну, а не знаете ли, ваше благородіе, поладилъ мой товарищъ съ бабенькой вашей, получилъ ли мѣсто, которое ему обѣщали?

Пунинъ крякнулъ. — Эхъ! кабы здѣсь пристроиться! хотя бы на время! А то странствуешь, странствуешь, пріюта не обрѣтается, тревоги житейскія не прекращаются, душа сомущается...

Дома я узналъ, что бабушка сошлась съ Бабуринымъ: ему отвели небольшую комнату въ людской избѣ, на конномъ дворѣ. Онъ сейчасъ поселился въ ней со своимъ товарищемъ...

...Пунина полюбилъ я всею душою! Проводить цѣлые часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его разсказы — стало для меня истиннымъ наслажденіемъ. Бабушкѣ очень не нравилась эта «intimité» съ человѣкомъ изъ «простецовъ» — «du commun»; но я, какъ только мнѣ удавалось урваться, тотчасъ бѣжалъ къ моему забавному, дорогому, странному другу. Свиданія наши стали особенно часты послѣ удаленія мадмуазель Фрикэ, которую бабушка отправила обратно въ Москву въ наказаніе за то, что она подумала пожаловаться заѣзжему армейскому штабсъ-капитану на скуку, господствовавшую въ нашемъ домѣ. И Пунинъ, съ своей стороны, не тяготился продолжительными бесѣдами съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; онъ словно самъ искалъ ихъ. Сколько переслушалъ я его разсказовъ, сидя съ нимъ въ пахучей тѣни на сухой и гладкой травѣ, подъ навѣсомъ серебристыхъ тополей, или въ камышахъ надъ прудомъ, на крупномъ и сыроватомъ пескѣ обвалившагося берега, изъ котораго, странно сплетаясь, какъ большія черныя жилы, какъ змѣи, какъ выходцы подземнаго царства, торчали

узловатые коренья! Пунинъ въ подробности разсказалъ мнѣ свою жизнь, всѣ свои счастливые и несчастные случаи, которымъ я всегда такъ искренно сочувствовалъ! Его отецъ былъ дьякономъ; — «чудесный былъ человѣкъ — однако, подъ хмелемъ строгъ до безпамятства».

Самъ Пунинъ учился въ семинаріи; но, не выдержавъ «поронціи» и не ощущая въ себѣ расположенія къ духовному званію, сдѣлался міряниномъ, вслѣдствіе чего произошелъ всѣ мытарства и сталъ, наконецъ, бродягой. — «И не встрѣться я съ моимъ благодѣтелемъ Парамономъ Семенычемъ», прибавлялъ обыкновенно Пунинъ (онъ иначе не величалъ Бабурина), «погрязъ бы я въ пучинѣ бѣдствій, безобразія и пороковъ!» Пунинъ любилъ высокопарныя выраженія — и если не ко лжи, то къ сочинительству и преувеличенію поползновеніе имѣлъ сильное; всему-то онъ дивился, отъ всего приходилъ въ восторгъ... И я, въ подражаніе ему, тоже пускался преувеличивать и восторгаться. — «Да ты какой-то бѣсноватый сталъ — перекрестись, что ты это», — говаривала мнѣ старая няня. Разсказы Пунина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мною. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынникъ или добрый другъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой и, украдкой кивая длиннымъ, кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ, мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ, мы сидимъ уже рядкомъ; вотъ, уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плѣсени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина — въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ польется сладостная рѣчь! Раздаются, наконецъ, первые звуки чтенія! Все вокругъ исчезаетъ... нѣтъ, не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго! Эти деревья, эти зеленыя листья, эти высокія травы заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остальнаго міра; никто не знаетъ, гдѣ мы, кто мы — а съ нами поэзія, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у насъ происходитъ важное, великое тайное дѣло... Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ — звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато,

закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пиѳія! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса, какъ бы бормоча... Это онъ называлъ начерно; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ набѣло, и вдругъ вскочитъ, подниметъ руки — не то молитвенно, не то повелительно... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ болѣе они приходились Пунину по вкусу), но даже «Россіаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая «Россіада», меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось! — «Да», говаривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головою: «Херасковъ — тотъ спуску не дастъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ — просто зашибетъ... Только держись!... Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ — вонъ гдѣ! и трубитъ, трубитъ, аки кимвалонъ! Зато ужъ и имя ему дано! одно слово: Херрраскковъ!!» Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита. Въ нашемъ домѣ не обращали не только никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а «кантами»; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина — онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки, — либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защелкалъ...

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья.

Увы! всѣ эти попытки и волненія, и восторги, наши уединенныя чтенія, наша жизнь вдвоемъ, наша поэзія — все покончилось разомъ. Какъ громовой ударъ, на насъ внезапно обрушилась бѣда...

И. Тургеневъ.

14. Бандуристъ.

На Украйнѣ жилъ когда-то
тѣломъ бодръ и сердцемъ чистъ,
жилъ старикъ, слѣпецъ маститый,
сѣдовласый бандуристъ.
Въ черной шапкѣ, въ сѣрой свиткѣ
и съ бандурой на ремнѣ,
много лѣтъ ходилъ онъ въ людяхъ
по родимой сторонѣ.
Жемчугъ — слово, чудо — пѣсни
сыпалъ вѣщій съ языка.
Ныли струны на бандурѣ
подъ рукою старика.
Много онъ улыбокъ ясныхъ,
много вызвать слезъ умѣлъ,
и, что птичка Божья, пѣсни,
грѣ присѣлось, тамъ и пѣлъ.
Онъ на пѣсню душу отдалъ,
пѣсней тѣло прокормилъ;
родился онъ безыменнымъ,
безыменнымъ опочилъ...
Мертвъ казакъ! Но пѣсни живы;
всѣ ихъ знаютъ, всѣ поютъ!
Ихъ знакомыя созвучья
сами такъ вотъ къ сердцу льнутъ!
Въ темной ночкѣ засыпая,
дѣти, будущій народъ,
слышатъ, какъ онъ издалека
въ пѣснѣ матери поетъ...

К. Случевскій.

15. Перебендя.

ТАРЪ и слѣпъ нашъ Перебендя, —
кто его не знаетъ.
Ходитъ — бродитъ онъ по свѣту,
на кобзѣ играетъ.
Старика встрѣчаютъ люди
съ радостью, привѣтомъ:
онъ печаль разгонитъ, — самъ же
тяготится свѣтомъ.
Нѣтъ пріюта горемыкѣ, —
нѣтъ ему покоя; —
спитъ подъ тыномъ; — знать надъ старымъ
шутитъ горе злое.

А ему хоть что! — Затянетъ —
«не шумитъ дуброва!»...
и о томъ, что одинокъ онъ —
никому ни слова!...
Вотъ таковъ-то Перебендя,
онъ чудакъ не малый, —
пѣсню грустную затянетъ,
кончитъ разудалой.

Попадетъ къ дѣвчатамъ, — грянетъ
«Грицу» да «Веснянку».
Какъ въ шинкѣ приступятъ парни, —
«Сербина», «Шинкарку»,
а съ молодками на свадьбѣ,
гдѣ свекровь лютая, —
про «Тополю», «Долю злую»,
иль поетъ — «У гаю»...

На базарѣ — про «Лазаря»,
а чтобъ люди знали, —
онъ разсказываетъ въ пѣснѣ,
какъ Сѣчь разоряли...
Вотъ таковъ-то Перебендя,—
онъ чудакъ не малый,—
пѣсню грустную затянетъ,
кончитъ разудалой!...
Вѣтеръ по полю гуляетъ,
вѣетъ,— повѣваетъ,
на курганѣ Перебендя
на кобзѣ играетъ.
А кругомъ его, какъ море,
ширина степная,
за могилою — могила,
безъ конца и края.
Чубъ и усъ сѣдой, играя,
вѣтеръ развѣваетъ,—
то, прислушиваясь, стихнетъ,
какъ кобзарь играетъ.

Т. Шевченко (переводъ *П. Бѣлоусова*).

16. Иванъ Подкова.

Было время — на Украйнѣ
пушки грохотали;
было время — запорожцы
жили-пировали;
пировали, добывали
славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
лишь могилы въ полѣ;
тѣ высокія могилы,
гдѣ лежитъ зарыто
тѣло бѣлое казачье,
саваномъ повито,
и чернѣютъ тѣ могилы,
словно горы въ полѣ,
и лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
по полю разноситъ...
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ
и съ тою пѣсней коситъ.

Было время — на Украйнѣ
въ пляску шло и горе;
какъ вина да меду вдоволь —
по колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
какъ-то легче станетъ сердцу,
веселѣе взглянешь.
Встала туча надъ Лиманомъ,
солнце заслоняетъ,
лютымъ звѣремъ сине море
стонетъ, — завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что жъ, ребята,
время-то теряемъ?
Въ лодки! — море расходилось:
то-то погуляемъ!»
Высыпаютъ запорожцы —
вотъ Лиманъ покрыли
ихъ ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
берега пропали.
Сердце ноетъ; казаки же
веселѣе стали.
Плещутъ весла; пѣсня льется:
чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ
путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ:
трубку сжалъ зубами;
взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
гдѣ бъ сойтись съ врагами?

Закрутилъ онъ усъ свой черный,
вскинулъ чубъ косматый,
поднялъ шапку, — лодки стали —
«Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
братцы-атаманы,
а въ Царьградъ поѣдемъ въ гости
къ самому султану».
— «Ладно, батька!» — загремѣло.
— «Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.
Вновь горами
волны громоздятся...
И опять онъ вдоль по лодкѣ
ходитъ, не садится;
только молча, исподлобья
на волну косится...

Т. Шевченко (переводъ *М. Михайлова*).

17. Казимиръ Великій.

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ
покрытыхъ,
нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казиміръ, круль польскій, мчится
въ Краковъ,
съ молодой, веселою женой.
Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ
охоты;
позвонки бренчатъ на хомутахъ;
впереди, на всемъ скаку, не видно,
кто трубитъ, вздымая снѣжный
прахъ;
позади, въ саняхъ, несется свита...
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ собачьи морды,
свѣсилась оленья голова...
Казиміръ на пиръ спѣшитъ съ охоты;
въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
воеводы, шляхта, краковянки,
музыка, и танцы, и вино.
Но не въ духѣ круль: насупилъ
брови,
на морозѣ дышитъ горячо... —
Королева съ ласкою склонилась
на его могучее плечо...
— Что съ тобою, государь мой?!
другъ мой?!
У тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
или мною? — на меня сердитъ?...
— «Хороши мы!» — молвилъ онъ
съ досадой, —
«хороши мы! Голодаетъ край,
«хлопы мрутъ, — а мы и не слыхали,
«что у насъ въ краю неурожай!...
«Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
«тотъ гусляръ, что встрѣтили мы
тамъ...
«Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
«то, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ!...»
Мчатся кони, рѣзче раздается
звукъ роговъ и топотъ, — и встаетъ
надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы,
музыка и пиръ идетъ горой;
Казиміръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
подпираетъ бороду рукой.
Борода впередъ выходитъ клиномъ,
волосы подстрижены въ кружокъ...

Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ,
въ золотой оправѣ, турій рогъ;
позади, — въ чешуйчатыхъ кольчугахъ
стражниковъ колеблющійся строй...
Надъ его бровями дума бродитъ,
точно тѣнь отъ тучи грозовой.
Утомилась пляской королева, —
дышитъ зноемъ молодая грудь,
пышутъ щеки, свѣтится улыбка:
— Государь мой, веселѣе будь!...
«Гусляра вели позвать, покуда
«гости не успѣли задремать». —
И къ гостямъ идетъ она, и гости —
— гусляра, кричатъ, скорѣй позвать!

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
и, венгерскимъ жажду утоля,
чинно сѣли подъ столбами залы
воеводы, гости короля.
А у ногъ хозяйки-королевы,
не на табуретахъ и скамьяхъ,
на ступенькахъ трона сѣли панны,
съ розовой усмѣшкой на устахъ.
Ждутъ... — И вотъ на праздникъ королевскій
сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной,
изъ народа вызванный гусляръ.
Отъ него надворной вѣетъ стужей,
искры снѣга таютъ въ волосахъ,
и, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
на его обвѣтренныхъ щекахъ.
Низко передъ царственной четою
преклонясь косматой головой,
на ремняхъ повиснувшія гусли
поддержалъ онъ лѣвою рукой,
правую подобострастно къ сердцу
онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ...
— «Начинай!» — и дрогнувшіе пальцы
звонко пробѣжали по струнамъ.
Подмигнулъ король своей супругѣ,
гости брови подняли... гусляръ
затянулъ про славные походы
на сосѣдей, — нѣмцевъ и татаръ...
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни, —
крики: «Vivat!» огласили залъ... —
Только [круль махнулъ рукой, нахмурясь:
дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
— «Пой другую!» — и, потупивъ очи,
прославлять сталъ молодой пѣвецъ
молодость и чары королевы,
и любовь — щедротъ ея вѣнецъ.
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни, —
крики: «Vivat!» огласили залъ...
Только круль сердито сдвинулъ брови:
дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
«Каждый шляхтичъ», молвилъ онъ, «поетъ ихъ
«на ухо возлюбленной своей;
«спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
«лѣсника, — та будетъ поновѣй...
«Да не бойся!»
Но гусляръ, какъ будто
къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
и какъ плѣнникъ, дико озираясь,
заунывнымъ голосомъ запѣлъ:
«ой, вы, хлопы, ой, вы, Божьи люди,
«не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
«по пустымъ полямъ шагаетъ голодъ

«и, кого ни встрѣтитъ, — валитъ
съ ногъ.
«Продаетъ за пудъ муки корову,
«продаетъ послѣдняго конька...
«Ой, не плачь, родная, по ребен-
кѣ, —
«грудь твоя давно безъ молока.
«Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣв-
чинѣ!...
«по веснѣ, авось, помрешь и
ты...
«Ужъ растутъ, — должно-быть къ
урожаю, —
«на кладбищахъ новые кресты...
«Ужъ на хлѣбъ, — должно-быть къ
урожаю, —
«цѣны, что ни день, растутъ, рас-
тутъ...
«Только паны потираютъ руки, —
«выгодно свой хлѣбецъ про-
даютъ...»
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
«Правда ли?!» вдругъ вскрикнулъ
Казиміръ,
и присталъ, и, въ гнѣвѣ, весь ба-
гровый,
озираетъ онѣмѣвшій міръ..

Поднялись... дрожатъ... блѣднѣютъ
гости.
«Что же вы не славите пѣвца?!
«Божья правда шла съ нимъ изъ
народа —
«и дошла до нашего лица...
«Завтра же въ подрывъ корысти
вашей,
«я мои амбары отопру...
«Вы... лжецы! глядите: я, король
вашъ,
«кланяюсь, за правду, гусляру!...»
И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вы-
шелъ
Казиміръ, — и міръ его при-
тихъ...
«Хлопскій кругь!» — въ сѣняхъ бор-
мочутъ паны...
«Хлопскій кругь!» лепечутъ жены
ихъ.
Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слы-
шитъ
ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, стра-
шенъ —
и отраденъ, какъ въ засуху
громъ!

Я. Полонскій.

18. Пѣвцы.

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ моей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага въ направленіи Притыннаго кабачка. Усталыми шагами приближался я къ жилищу цѣловальника Николая Иваныча, возбуждая, какъ водится, въ ребятишкахъ изумленіе, доходившее до напряженно-безсмысленнаго созерцанія, въ собакахъ негодованіе, выражавшееся лаемъ, до того хриплымъ и злобнымъ, что, казалось, у нихъ отрывалась вся внутренность, и онѣ сами потомъ кашляли и задыхались, — какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста, безъ шапки, въ фри-

зовой шинели, низко подпоясанной голубымъ кушачкомъ. На видъ онъ казался дворовымъ; густые сѣдые волосы въ безпорядкѣ вздымались надъ сухимъ и сморщеннымъ его лицомъ. Онъ звалъ кого-то, торопливо дѣйствуя руками, которыя, очевидно, размахивались гораздо далѣе, чѣмъ онъ самъ того желалъ. Замѣтно было, что онъ уже успѣлъ выпить.

— Иди, иди же! — залепеталъ онъ, съ усиліемъ поднимая густыя брови: — иди, Моргачъ, иди! экой ты, братецъ, ползешь, право слово. Это не хорошо, братецъ. Тутъ ждутъ тебя, а ты вотъ ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащій голосъ, и изъ-за избы направо показался человѣкъ низенькій, толстый и хромой. На немъ была довольно опрятная, суконная чуйка, вдѣтая на одинъ рукавъ; высокая, остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выраженіе лукавое и насмѣшливое. Его маленькіе, желтые глазки такъ и бѣгали, съ тонкихъ губъ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а носъ, острый и длинный, нахально выдвигался впередъ какъ руль. — Иду, любезный, — продолжалъ онъ, ковыляя въ направленіи питейнаго заведенія: — зачѣмъ ты меня зовешь?... Кто меня ждетъ?

— Зачѣмъ я тебя зову? — сказалъ человѣкъ въ фризовой шинели. — Экой ты, Моргачъ, чудной, братецъ: тебя зовутъ въ кабакъ, а ты еще спрашиваешь: зачѣмъ? А ждутъ тебя все люди добрые: Турокъ-Яшка, да Дикій-Баринъ, да рядчикъ съ Жиздры. Яшка-то съ рядчикомъ объ закладъ побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолѣетъ, лучше споетъ то-есть... понимаешь?

— Яшка пѣть будетъ? — съ живостью проговорилъ человѣкъ, прозванный Моргачомъ. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Обалдуй: — а ты брешешь. Стало-быть, будетъ пѣть, коли объ закладъ побился, божья коровка ты этакая, плутъ ты этакой, Моргачъ!

— Ну, пойдемъ, простота, — возразилъ Моргачъ.

— Ну, поцѣлуй же меня, по крайней мѣрѣ, душа ты моя, — залепеталъ Обалдуй, широко раскрывъ объятья.

— Вишь Езопъ изнѣженный, — презрительно отвѣтилъ Моргачъ, отталкивая его локтемъ, и оба, нагнувшись, вошли въ низенькую дверь.

Слышанный мною разговоръ сильно возбудилъ мое любопытство. Уже не разъ доходили до меня слухи объ Яшкѣ-Туркѣ, какъ о лучшемъ пѣвцѣ въ околоткѣ, и вдругъ мнѣ представился случай услышать его въ состязаніи съ другимъ мастеромъ. Я удвоилъ шаги и вошелъ въ заведеніе.

Въ немъ уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, какъ водится, почти во всю ширину отверстія, стоялъ Николай Иванычъ, въ пестрой ситцевой рубахѣ, и съ лѣнивой усмѣшкой на пухлыхъ щекахъ наливалъ своей полной и бѣлой рукой два стакана вина вошедшимъ пріятелямъ, Моргачу и Обалдую; а за нимъ, въ углу, возлѣ окна, виднѣлась его востроглазая жена. По серединѣ комнаты стоялъ Яшка-Турокъ, худой и стройный человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, одѣтый въ долгополый нанковый кафтанъ голубого цвѣта. Онъ смотрѣлъ удалымъ фабричнымъ малымъ и, казалось, не могъ похвастаться отличнымъ здоровьемъ. Его впалыя щеки, большіе, безпокойные сѣрые глаза, прямой носъ съ тонкими, подвижными ноздрями, бѣлый покатый лобъ съ закинутыми назадъ свѣтло-русыми кудрями, крупныя, но красивыя, выразительныя губы — все его лицо изобличало человѣка впечатлительнаго и страстнаго. Онъ былъ въ большомъ волненіи: мигалъ глазами, неровно дышалъ, руки его дрожали какъ въ лихорадкѣ, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая такъ знакома всѣмъ людямъ, говорящимъ или поющимъ передъ собраніемъ. Подлѣ него стоялъ мужчина лѣтъ сорока, широкоплечій, съ низкимъ лбомъ, узкими татарскими глазами, короткимъ и плоскимъ носомъ, четвероугольнымъ подбородкомъ и черными, блестящими волосами, жесткими какъ щетина. Выраженіе его смуглаго съ свинцовымъ отливомъ лица, особенно его блѣдныхъ губъ, можно было бы назвать почти свирѣпымъ, если бъ оно не было такъ спокойно-задумчиво. Онъ почти не шевелился и только медленно поглядывалъ кругомъ, какъ быкъ изъ-подъ ярма. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то поношенный сюртукъ съ мѣдными, гладкими пуговицами; старый, черный шелковый платокъ окутывалъ его огромную шею. Звали его Дикимъ-Бариномъ. Прямо противъ него, на лавкѣ подъ образами, сидѣлъ соперникъ Яшки — рядчикъ изъ Жиздры: это былъ невысокаго роста, плотный мужчина, лѣтъ тридцати, рябой и курчавый, съ тупымъ, вздернутымъ носомъ, живыми, карими глазками и жидкой бородкой. Онъ бойко поглядывалъ кругомъ, подсунувъ подъ себя руку, безпечно болталъ и постукивалъ ногами, обутыми въ щегольскіе сапоги съ оторочкой. На немъ былъ новый, тонкій армякъ изъ сѣраго сукна съ плисовымъ воротникомъ, отъ котораго рѣзко отдѣлялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокругъ горла. Въ противоположномъ углу, направо отъ двери, сидѣлъ за столомъ какой-то мужичокъ въ узкой, изношенной свитѣ, съ огромной дырой на плечѣ. Солнечный свѣтъ струился жидкимъ желтоватымъ потокомъ сквозь запыленныя стекла двухъ небольшихъ окошекъ и, казалось, не могъ побѣдить обычной темноты комнаты: всѣ предметы были освѣщены скупо, словно пятнами. Зато въ ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя,

свалилось у меня съ плечъ, какъ только я переступилъ порогъ.

Мой приходъ — я это могъ замѣтить — сначала нѣсколько смутилъ гостей Николая Иваныча; но, увидѣвъ, что онъ поклонился мнѣ, какъ знакомому человѣку, они успокоились и уже болѣе не обращали на меня вниманія. Я спросилъ себѣ пива и сѣлъ въ уголокъ, возлѣ мужичка въ изорванной свитѣ.

— Ну, что жъ! — возопилъ вдругъ Обалдуй, выпивъ духомъ стаканъ вина и сопровождая свое восклицаніе тѣми странными размахиваніями рукъ, безъ которыхъ онъ, повидимому, не произносилъ ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать такъ начинать? А? Яша?...

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватилъ Николай Иванычъ.

— Начнемъ, пожалуй, — хладнокровно и съ самоувѣренной улыбкой промолвилъ рядчикъ: — я готовъ.

— И я готовъ, — съ волненіемъ произнесъ Яковъ.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищалъ Моргачъ.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желаніе, никто не началъ; рядчикъ даже не приподнялся съ лавки, — всѣ словно ждали чего-то.

— Начинай, — угрюмо и рѣзко проговорилъ Дикій-Баринъ.

Яковъ вздрогнулъ. Рядчикъ всталъ, осунулъ кушакъ и откашлялся.

— А кому начать? — спросилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ у Дикаго-Барина, который все продолжалъ стоять неподвижно по серединѣ комнаты, широко разставивъ толстыя ноги и почти по локоть засунувъ могучія руки въ карманы шароваровъ.

— Тебѣ, тебѣ, рядчикъ, — залепеталъ Обалдуй: — тебѣ, братецъ.

Дикій-Баринъ посмотрѣлъ на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнулъ, замялся, глянулъ куда-то въ потолокъ, повелъ плечами и умолкъ.

— Жеребій кинуть, — съ разстановкой произнесъ Дикій-Баринъ: — да осьмуху на стойку.

Николай Иванычъ нагнулся, досталъ, кряхтя, съ пола осьмуху и поставилъ ее на столъ.

Дикій-Баринъ глянулъ на Якова и промолвилъ: «ну!»

Яковъ зарылся у себя въ карманахъ, досталъ грошъ и намѣтилъ его зубомъ. Рядчикъ вынулъ изъ-подъ полы кафтана новый кожаный кошелекъ, не торопясь распуталъ шнурокъ и, насыпавъ множество мелочи на руку, выбралъ новенькій грошъ.

Обалдуй подставилъ свой затасканный картузъ съ обломаннымъ и отставшимъ козырькомъ; Яковъ кинулъ въ него свой грошъ, рядчикъ — свой.

— Тебѣ выбирать, — проговорилъ Дикій-Баринъ, обратившись къ Моргачу.

Моргачъ самодовольно усмѣхнулся, взялъ картузъ въ обѣ руки и началъ его вытряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь другъ о друга. Я внимательно поглядѣлъ кругомъ: всѣ лица выражали напряженное ожиданіе; самъ Дикій-Баринъ прищурился; мой сосѣдъ, мужичокъ въ изорванной свиткѣ, и тотъ даже съ любопытствомъ вытянулъ шею. Моргачъ запустилъ руку въ картузъ и досталъ рядчиковъ грошъ: всѣ вздохнули. Яковъ покраснѣлъ, а рядчикъ провелъ рукой по волосамъ.

— Вѣдь я же говорилъ, что тебѣ, — воскликнулъ Обалдуй: — я вѣдь говорилъ.

— Ну, ну, не «цыркай!» — презрительно замѣтилъ Дикій-Баринъ. — Начинай, — продолжалъ онъ, качнувъ головой на рядчика.

— Какую же мнѣ пѣсню пѣть? — спросилъ рядчикъ, приходя въ волненье.

— Какую хочешь, — отвѣчалъ Моргачъ. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавилъ Николай Иванычъ, медленно складывая руки на груди. — Въ этомъ тебѣ указу нѣтъ. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы ужъ потомъ рѣшимъ по совѣсти.

— Разумѣется, по совѣсти, — подхватилъ Обалдуй и полизалъ край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорилъ рядчикъ, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — рѣшилъ Дикій-Баринъ и потупился.

Рядчикъ подумалъ немного, встряхнулъ головой и выступилъ впередъ. Яковъ впился въ него глазами...

...Рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистою удалью. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить

сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я молода-молоденька
Землицы маленько:
Я посѣю молода-молоденька
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ, видимо, чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему недоставало поддержки, хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго-Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачомъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!... Забирай, шельмецъ!... Забирай, вытягивай, аспидъ! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, песъ!... Погуби Иродъ твою душу» и проч. Николай Иванычъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, — а у Якова глаза такъ и разгорѣлись какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій-Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился, и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что, когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Иваныча выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: «молодецъ, молодецъ!» — даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «А-га! хорошо, чортъ побери, хорошо!» и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! — кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій, — потѣшилъ, не-

чего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Ужъ я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ вѣрь!! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — съ досадой заговорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть, на лавку-то; вишь, онъ усталъ... Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ! Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что жъ, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказалъ Обалдуй, и подошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ, братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо; а Обалдуй съ торопливой жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно-озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо, — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробѣй. Посмотримъ, кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей Богу, хорошо.

— Очинна хорошо, — замѣтила Николай Иванычева жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

— Хорошо-га! — повторилъ вполголоса мой сосѣдъ.

— А, заворотень-полѣха[1]), — завопилъ вдругъ Обалдуй и, подойдя къ мужичку съ дырой на плечѣ, уставилъ на него пальцемъ, запрыгалъ и залился дребезжащимъ хохотомъ. — Полѣха! полѣха! Зачѣмъ пожаловалъ заворотень? — кричалъ онъ сквозь смѣхъ.

Бѣдный мужикъ смутился и уже собирался было встать да уйти поскорѣй, какъ вдругъ раздался мѣдный голосъ Дикаго-Барина.

— Да что жъ это за несносное животное такое? — произнесъ онъ, скрипнувъ зубами.

— Я ничего, — забормоталъ Обалдуй: — я ничего... я такъ..

— Ну, хорошо, молчать же! — возразилъ Дикій-Баринъ. — Яковъ начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!... чего вертишься?... Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій-Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой.

---

[1]) Полѣхами называются обитатели южнаго Полѣсья, длинной лѣсной полосы, начинающейся на границѣ Болховскаго и Жиздринскаго уѣздовъ. Они отличаются многими особенностями въ образѣ жизни, нравахъ и языкѣ. Заворотнями ихъ зовутъ за подозрительный и тугой нравъ.

Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо — оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и не ровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще, видимо, дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ; за вторымъ — третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегала» пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, развивалась. Яковомъ, видимо, овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку; она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только медленно изрѣдка расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника и всѣхъ насъ, но, видимо, поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы: глухія сдержанныя рыданія внезапно поразили меня... я оглянулся — жена

цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго, Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъподъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ разрѣшилось бы общее томленье, если бъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ-будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть, но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша, — проговорилъ Дикій-Баринъ, положилъ ему руку на плечо и — смолкъ.

Мы всѣ стояли какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову. — «Ты... твоя... ты выигралъ,» — произнесъ онъ наконецъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Его быстрое рѣшительное движеніе какъ будто нарушило очарованье: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя, подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій-Баринъ посмѣивался какимъ-то дикимъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичокъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду:«а хорошо, ну, ей-Богу, хорошо, вотъ будь я собачій сынъ, хорошо!» а жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался своей побѣдой, какъ дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ; онъ подозвалъ къ ней стараго расплакавшагося мужичка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго однако тотъ не сыскалъ, и начался пиръ. — «Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь», твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще разъ взглянулъ на Якова и вышелъ. Я не хотѣлъ остаться — я боялся испортить свое впечатлѣніе.

И. С. Тургеневъ.

Тема. *Вліяніе искусства на человѣка.*

19. Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

И. С. Тургеневъ.

Съ картины А. Васнецова.

ОТДѢЛЪ V.

1. * * *

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ;
работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
и покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
кистями красными повиснула рябина;
тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
и курится овинъ, и долго по утрамъ,
какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.
И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
и стая журавлей несется высоко,
перекликаяся порой подъ небесами.
Прости, пора цвѣтовъ и теплыхъ ясныхъ дней,
пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ,
пора играющихъ зарницъ во тьмѣ ночей,
и пѣсенъ, и любви, и грезъ неугомонныхъ!
Но осень я люблю: она мила мнѣ... Пусть
всѣ чары вешнія она уничтожаетъ;
но въ ней какая-то есть вкрадчивая грусть,

которую душа и любитъ, и ласкаетъ,
которой нравятся и клочья сѣрыхъ тучъ,
и листья, въ воздухѣ кружащіеся шибко,
и этотъ трепетный и блѣдный солнца лучъ,
какъ умирающей красавицы улыбка.

П. Грековъ.

2. Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ, призадумался?
грустью темною затуманился?
Что Бова-силачъ заколдованный,
съ непокрытою головой въ бою,
ты стоишь-поникъ и не ратуешь
съ мимолетною тучей-бурею?
Густолиственный твой зеленый шлемъ
буйный вихрь сорвалъ и развѣялъ въ прахъ;
плащъ упалъ къ ногамъ и разсыпался...
ты стоишь-поникъ и не ратуешь...
Гдѣ жъ дѣвалася рѣчь высокая,
сила гордая, доблесть царская?
У тебя ль, было, въ ночь безмолвную
заливная пѣснь соловьиная;
у тебя ль, было, дни — роскошество,
другъ и недругъ твой прохлаждаются.
У тебя ль, было, поздно вечеромъ
грозно съ бурею разговоръ пойдетъ:
распахнетъ она тучу черную,
обоймет тебя вѣтромъ, холодомъ,
и ты молвишь ей шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ! держи около!»
Закружитъ она, разыграется, —
дрогнетъ грудь твоя, зашатаешься;
встрепенувшися, разбушуешься, —
только свистъ кругомъ, голоса и гулъ...
Буря всплачется лѣшимъ, вѣдьмою,
и несетъ свои тучи за̀ море.
Гдѣ жъ теперь твоя мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь, затуманился,
одичалъ, замолкъ, — только въ не́погодь
воешь жалобу на безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ, богатырь-Бова!
ты всю жизнь свою маялъ битвами:
не осилили тебя сильные,
такъ дорѣзала осень черная.
Знать, во время сна къ безоружному
силы вражіи понахлынули —
съ богатырскихъ плечъ сняли голову
не большой горой, а соломинкой...

А. Кольцовъ.

3. Осень.

На вечернемъ небѣ догорала сентябрьская заря. Яркокрасныя полосы блѣднѣли, поднимаясь вверхъ отъ линіи горизонта; онѣ незамѣтно смѣнялись сперва розовой краской, потомъ безслѣдно тонули въ поблекшей лазури. Было что-то загадочное въ этой смѣнѣ полутоновъ, глазъ напрасно старался уловить порубежную линію между отдѣльными полосами, напрасно старался понять, какимъ образомъ яркій пурпуръ можетъ кончаться блѣдной лазурью. Чуть слышно шелестѣлъ спокойный вѣтеръ порѣдѣвшей листвой тополей, кленовъ и липъ. Старый садъ какъ-будто тихо умиралъ, и было сладостно и грустно внимать его предсмертному шопоту. Порою то съ одной вѣтки, то съ другой срывался одинокій золотой листъ и, падая, кружился, какъ мотылекъ, утомленный полетомъ. Всѣ аллеи были усыпаны мертвыми листьями, и каждый шагъ сопровождался шорохомъ, каждый шагъ напоминалъ о гибели того, что̀ раньше жило.

Вотъ прудъ, весь заросшій мелкими водорослями, — какъ еще недавно я по цѣлымъ часамъ лежалъ здѣсь на берегу и смотрѣлъ на отраженье облаковъ въ водѣ, — теперь вода и небо раздѣлены непроницаемой преградой: всю поверхность пруда покрываютъ мелкія водоросли.

Вотъ знакомая бесѣдка. Давно увяли сирени, давно потеряли свой запахъ жасмины; въ окно голой вѣткой, точно изсохшей рукой, стучитъ облетѣвшій кустъ.

Вездѣ предчувствіе смерти, и въ яркомъ пурпурѣ заката, и въ болѣзненномъ пурпурѣ послѣднихъ настурцій.

Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда, въ родную деревню, гдѣ протекло мое дѣтство? Захотѣлось вспомнить прошлое, захотѣлось подышать свѣжимъ ароматомъ умирающаго сада. Меня не удержали тысячи верстъ, и я пріѣхалъ сюда съ далекаго Сѣвера, гдѣ провелъ все лѣто.

Я закрылъ глаза, и передо мною, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнули недавнія картины.

Голубыя озера мечтательной Швеціи. Зеленыя пастбища Даніи. Фьорды и сѣрыя скалы суровой Норвегіи.

Глухо стонетъ сѣверное море. Бѣлый парусъ зыблется гдѣ-то далёко... Безпричинная скорбь захватываетъ душу... Вонъ и чайка — плачетъ бѣдная...

> Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
> надъ холодной пучиной морской.
> И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
> такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо пахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ,—и чайка рыдаетъ, безумная,
безпріютная чайка изъ дальней страны.

Дальше, дальше отсюда! Родного воздуха, родной шири полей, родной грусти!

И вотъ я снова здѣсь. И, закрывъ глаза, я смотрю, какъ предо мною проходятъ новыя картины.

Свѣтлое дѣтство. Веселый сѣнокосъ. Надъ зеленымъ выкошеннымъ лугомъ разносится звонкая пѣсня.

Солнце потухло. Пѣсня умолкла. Уѣхали скрипучія телѣги съ возами душистаго сѣна.

Святочная елка блещетъ яркими огнями. Слышенъ смѣхъ, слышны пѣвучіе звуки рояля. Искрятся дѣтскіе взоры...

...Я вошелъ въ старый домъ, гдѣ выросло много поколѣній, погибло много надеждъ. По угламъ виситъ паутина. Окна забиты. Отъ свѣчи падаютъ на потолокъ длинныя дрожащія тѣни. Одинокіе шаги гулко раздаются въ пустыхъ комнатахъ. Гдѣ-то съ быстрымъ шорохомъ пробѣжала мышь. Гдѣ-то скрипнула дверь.

Въ гостиной все по-прежнему. Полусломанная лютня напоминаетъ дѣдовскія времена. Китайскія вазы покрыты пылью. Со стѣнъ смотрятъ потускнѣвшіе портреты,—какія-то странныя чужія лица, точно хмурятся они, точно чѣмъ-то недовольны.

К. Бальмонтъ.

4. Старый домъ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
наконецъ въ запустѣньи тебя,
и былое опять воскресилъ я,
и печально смотрѣлъ на тебя.
Дворъ лежалъ предо мной немететеный,
да колодезь валился гнилой,
и въ саду не шумѣлъ листъ зеленый —
желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.
Домъ стоялъ обветшалый уныло,
штукатурка обилась кругомъ,
туча сѣрая сверху ходила
и все плакала глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были —
здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
мы бесѣды его не любили —
насъ страшилъ его черствый языкъ.
Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
здѣсь мы жили умомъ и душой,
много думъ золотыхъ возникало
въ этой комнатѣ прежней порой.
Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
въ ней остались слова на стѣнахъ:
ихъ въ то время рука начертила,
когда юность кипѣла въ душахъ.
Въ этой комнаткѣ счастье былое,
дружба свѣтлая выросла тамъ...

А теперь запустѣнье глухое,
паутины висятъ по угламъ.
И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
на кладбищѣ я будто стоялъ,
и родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

Н. Огаревъ.

5. * * *

Тучки небесныя, вѣчные странники!
степью лазурною, цѣпью жемчужною
мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
или на васъ тяготитъ преступленіе?
или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
чужды вамъ страсти и чужды страданія;
вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

М. Лермонтовъ.

6. Обвѣянъ вѣщею дремотой...

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
полураздѣтый лѣсъ груститъ;
изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
блестя осенней позолотой,
еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
когда, пробившись изъ-за тучъ,
вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
молніевидный брызнетъ лучъ.
Какъ увядающее мило!
какая прелесть въ немъ для насъ,
когда, что̀ такъ цвѣло и жило,
теперь такъ немощно и хило,
въ послѣдній улыбнется разъ!....

Ѳ. Тютчевъ.

7. Снѣжинка.

Свѣтло-пушистая
снѣжинка бѣлая —
какая чистая,
какая смѣлая!
Дорогой бурною
легко проносится,
не въ высь лазурную,
на землю просится.
Лазурь чудесную
она покинула,
себя въ безвѣстную
страну низринула.
Въ лучахъ блистающихъ
скользитъ умѣлая,
средь хлопьевъ тающихъ
сохранно-бѣлая.
Подъ вѣтромъ вѣющимъ
дрожитъ, взметается,
на немъ, лелѣющемъ,
свѣтло качается.
Его качелями
она утѣшена,
съ его метелями
крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
дорога дальняя,
земли касается
звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая
снѣжинка смѣлая,
такая чистая,
такая бѣлая!

К. Бальмонтъ.

8. Зимній путь.

Ночь морозная мутно глядитъ
подъ рогожу кибитки моей,
подъ полозьями поле скрипитъ,
подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
а ямщикъ погоняетъ коней.
За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ
смотритъ пасмурный призракъ луны.
Вой протяжный голодныхъ волковъ
раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ;
мнѣ мерещатся странные сны.
Все мнѣ чудится, будто скамейка стоитъ,
на скамейкѣ старуха сидитъ,
до полуночи пряжу прядетъ,
мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
колыбельныя пѣсни поетъ.
И я вижу во снѣ, какъ на вѣткѣ верхомъ
ѣду я по тропинкѣ лѣсной
воевать съ чародѣемъ-царемъ —
въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
изнывая за крѣпкой стѣной.
Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады,
тамъ жаръ-птицы поютъ по почамъ
и клюютъ золотые плоды;
тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды,
и не вѣришь, и вѣришь очамъ!
А холодная ночь такъ же мутно глядитъ
подъ рогожу кибитки моей,
подъ полозьями поле скрипитъ,
подъ дугой колокольчикъ звенитъ,
и ямщикъ погоняетъ коней.

Я. Полонскій.

9. Млечный путь.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь.
Голову сѣдую свѣсивши на грудь,
спитъ ямщикъ усталый. Кони чуть идутъ.
Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
Звѣзды прославляютъ Господа Творца.
«Господи», спросонокъ прошепталъ ямщикъ
и опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипятъ полозья. Убѣгаетъ путь.

К. Бальмонтъ.

10. Царю сѣвернаго полюса.

Пышны сѣверныя зимы, шестимѣсячныя ночи!
Льды застыли, недвижимы, въ бахромѣ изъ снѣжныхъ клочій.
Волны дерзкія не встанутъ, гребни ихъ въ снѣгу затихли;
ураганъ морской обманутъ, обо льды стучится въ вихрѣ.
Чаще царствуетъ молчанье, сонъ въ торжественной пустынѣ,
міръ безъ грезъ, безъ содраганья въ полутьмѣ нѣмѣетъ, стынетъ.

Часто, звѣздный блескъ смиряя, разстилаясь, будто знамя,
въ небѣ съ края и до края пламя движется столбами.
Нѣтъ имъ грани, очертанья: въ смѣнѣ рдяныхъ освѣщеній
царь полярнаго сіянья гонитъ сумрачныя тѣни,
создаетъ деревья, травы, высылаетъ птицъ чудесныхъ,
самъ смѣется на забавы, — царь въ безвѣстностяхъ небесныхъ.

Пышны сѣверныя зимы, хороши морозомъ жгучимъ!
Дни проходятъ, словно дымы, дни подобны снѣжнымъ тучамъ.
Поспѣшай на быстрыхъ лыжахъ, взоръ вперяя въ слѣдъ оленій,
жди моржей косматo-рыжихъ, бей раскидистыхъ тюленей,
встрѣть увѣренной острогой хмурыхъ, медленныхъ медвѣдей,
смѣйся, смѣйся надъ тревогой, въ пѣсняхъ думай о побѣдѣ!
Пышны сѣверныя зимы, образъ будущей Валгалы!
Дни проходятъ, словно дымы, время вѣчность оковала.

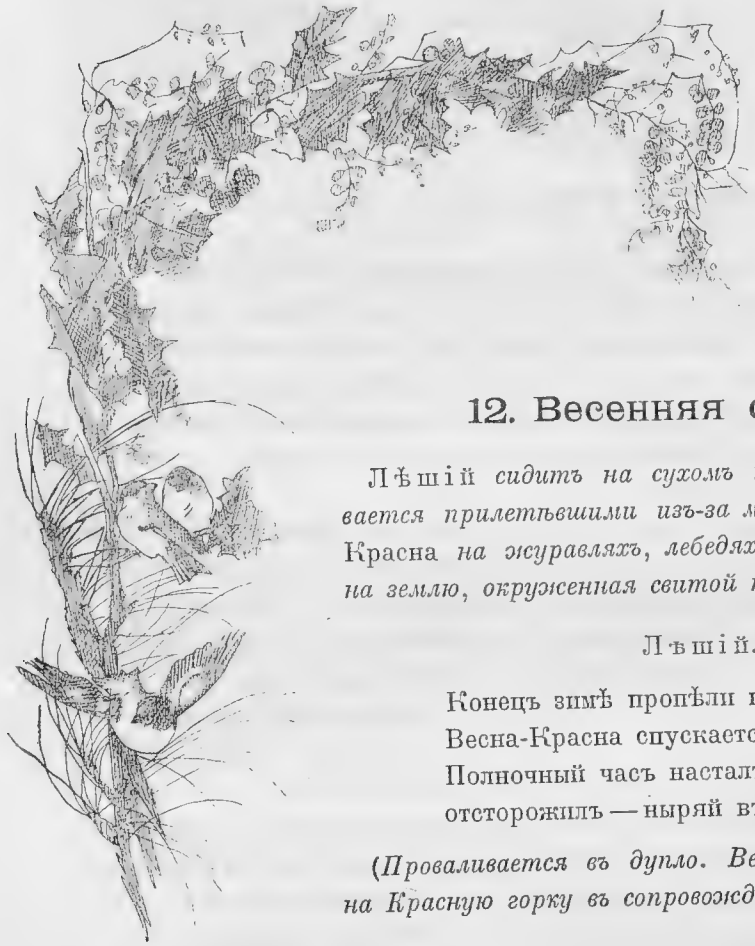
В. Брюсовъ.

11. Чародѣйкою зимою.

Чародѣйкою зимою
околдованъ лѣсъ стоитъ —
и подъ снѣжной бахромою,
неподвижною, нѣмою,
чудной жизнью онъ блеститъ.
И стоитъ онъ, околдованъ,
не мертвецъ и не живой —
сномъ волшебнымъ очарованъ,

весь опутанъ, весь окованъ
легкой цѣпью пуховой.
Солнце зимнее ли мещетъ
на него свой лучъ косой,
въ немъ ничто не затрепещетъ:
онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
ослѣпительной красой.

Ѳ. Тютчевъ.



12. Весенняя сказка.

Лѣшій *сидитъ на сухомъ пнѣ. Все небо покрывается прилетѣвшими изъ-за моря птицами.* Весна-Красна *на журавляхъ, лебедяхъ и гусяхъ спускается на землю, окруженная свитой птицъ.*

Лѣшій.

Конецъ зимѣ пропѣли пѣтухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный часъ насталъ, сторожку Лѣшій
отсторожилъ — ныряй въ дупло и спи!

(Проваливается въ дупло. Весна-Красна спускается на Красную горку въ сопровожденіи птицъ.)

Весна-Красна.

Въ урочный часъ обычной чередою
являюсь я на землю Берендеевъ.
Нерадостно и холодно встрѣчаетъ
весну свою угрюмая страна.
Печальный видъ: подъ снѣжной пеленою,
лишенныя живыхъ веселыхъ красокъ,
лишенныя плодотворящей силы
лежатъ поля остылыя. Въ оковахъ
игривые ручьи, въ тиши полночи
не слышно ихъ стекляннаго журчанья.
Лѣса стоятъ безмолвны, подъ снѣгами
опущены густыя лапы елей,
какъ старыя нахмуренныя брови.
Въ малинникахъ, подъ соснами, стѣснились
холодные потемки, ледяными
сосульками янтарная смола
виситъ съ прямыхъ стволовъ. А въ ясномъ небѣ.

Какъ жаръ, горитъ луна и звѣзды блещутъ
усиленнымъ сіяніемъ. Земля,
покрытая пуховою порошей,
въ отвѣтъ на ихъ привѣтъ холодный кажетъ
такой же блескъ, такіе же алмазы
съ вершинъ деревъ и горъ, съ полей пологихъ,
изъ выбоинъ дороги прилощенной.
И въ воздухѣ повисли тѣ же искры,
колеблются, не падая, мерцаютъ.
И все лишь свѣтъ, и все лишь блескъ холодный,
и нѣтъ тепла. Не такъ меня встрѣчаютъ
счастливыя долины юга; тамъ
ковры луговъ, акацій ароматы
и теплый паръ воздѣланныхъ садовъ,
и млечное, лѣнивое сіянье
отъ матовой луны на минаретахъ,
на тополяхъ и кипарисахъ черныхъ.
Но я люблю полуночныя страны,
мнѣ любо ихъ могучую природу
будить отъ сна и звать изъ нѣдръ земныхъ
родящую таинственную силу,
несущую безпечнымъ Берендеямъ
обилье житъ неприхотливыхъ. Любо
обогрѣвать для радостей любви,
для частыхъ игръ и празднествъ убирать
укромные кустарники и рощи
шелковыми коврами травъ цвѣтныхъ.

(Обращаясь къ птицамъ, которыя дрожатъ отъ холода.)

Товарищи: сороки-бѣлобоки,
веселыя болтушки-щекотуньи,
угрюмые грачи, и жаворонки,
пѣвцы полей, глашатые весны,
и ты, журавль, съ своей подругой цаплей,
красавицы — лебедушки, и гуси
крикливые, и утки хлопотуньи,
и мелкія пичужки — вы озябли?
Дрожите вы, бѣдняжки? Попляшите,
согрѣетесь! Видала я не разъ,
что пляскою отогрѣвались люди.
Хоть нехотя, хоть съ холоду, а пляской
отпразднуемъ прилетъ на новоселье.

(Однѣ птицы принимаются за инструменты, другія запѣваютъ, третьи пляшутъ.)

Хоръ птицъ.

Сбирались птицы,
сбирались пѣвчи
стадами, стадами.
Садились птицы,
садились пѣвчи
рядами, рядами.
А кто у васъ, птицы,
а кто у васъ, пѣвчи,
большіе, большіе?
А кто у васъ, птицы,
а кто у васъ, пѣвчи,
меньшіе, меньшіе?
Орелъ воевода,
перепелъ подъячій,
подъячій, подъячій.
Сова воевода,
желтые сапожки,
сапожки, сапожки.
Гуси бояре,
утята дворяне,
дворяне, дворяне.
Чирята крестьяне,
воробьи холопы,
холопы, холопы.
Журавль у насъ сотникъ
съ долгими ногами,
ногами, ногами.
Пѣтухъ цѣловальникъ

чечетъ гость торговый,
торговый, торговый.
Ласточки молодки,
касатки дѣвицы,
дѣвицы, дѣвицы.
Дятелъ у насъ плотникъ,
рыболовъ харчевникъ,
харчевникъ, харчевникъ.
Блинница цапля,
кукушка кликушка,
кликушка, кликушка.
Красная рожа
ворона пригожа,
пригожа, пригожа.
Зимой по дорогамъ,
лѣтомъ по застрѣхамъ,
застрѣхамъ, застрѣхамъ.
Ворона въ рогожѣ,
нѣтъ ея дороже,
дороже, дороже.

(Изъ лѣсу на пляшущихъ птицъ начинаетъ сыпаться иней, потомъ хлопья снѣгу, подымается вѣтеръ; набѣгаютъ тучи, закрываютъ луну, мгла совершенно застилаетъ балъ. Птицы съ крикомъ жмутся къ Веснѣ.)

Весна-Красна *(птицамъ)*.

Въ кусты скорѣй, въ кусты! Шутить задумалъ
старикъ Морозъ. До утра подождите,
а завтра вамъ растаютъ на поляхъ
проталинки, на рѣчкѣ полыньи.
Погрѣетесь на солнышкѣ немного
и гнѣздышки начнете завивать.

(Птицы уходятъ въ кусты, изъ лѣса выходитъ Морозъ.)

Морозъ.

Весна-Красна, здорова ли вернулась?

Весна.

И ты здоровъ ли, Дѣдъ-Морозъ?

Морозъ.

Спасибо.
Живется мнѣ не худо. Берендеи
о нынѣшней зимѣ не позабудутъ,
веселая была; плясало солнце
отъ холоду на утренней зарѣ,
а къ вечеру вставалъ съ ушами мѣсяцъ.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
повыясню, повысеребрю ночку,
ужъ то-то мнѣ раздолье и просторъ.
По богатымъ посадскимъ домамъ
колотить по угламъ,
у воротъ вереями скрипѣть,
подъ полозьями пѣть
любо мнѣ,
любо, любо, любо.
Изъ лѣску по дорожкѣ за возомъ возъ,
на ночлегъ поспѣшаетъ скрипучій обозъ,
я обозъ стерегу,
я впередъ забѣгу,
по край-поля, вдали,
на морозной пыли
лягу маревомъ,
средь полночныхъ небесъ встану заревомъ.
Разольюсь я, Морозъ,
въ девяносто полосъ,
разбѣгутся столбами, лучами, несмѣтными,
разноцвѣтными.
И толкутся столбы и спираются,
а подъ ними снѣга загораются.
Море свѣту-огня, яркаго,
жаркаго,
пышнаго;
тамъ сине, тамъ красно, а тамъ вишнево.
Любо мнѣ,
любо, любо, любо.

Еще злѣй я о ранней порѣ,
на румяной зарѣ.
Потянуся къ жильямъ изъ овраговъ
полянами,
подкрадусь, подползу я туманами.
Надъ деревней дымокъ завивается,
въ одну сторону нагибается;
я туманомъ сѣдымъ
заморожу дымъ.
Какъ онъ тянется,
такъ останется,
по-надъ полемъ, по-надъ лѣсомъ,
перевѣсомъ,
любо мнѣ,
любо, любо, любо.

Весна.

Недурно ты попировалъ, пора-бъ
и въ путь тебѣ, на сѣверъ.

Морозъ.

Не гони,
и самъ уйду. Не рада старику,
про старое скоренько забываешь.
Вотъ я старикъ, всегда одинъ и
тотъ же.

Весна.

У всякаго свой норовъ и обычай.

Морозъ.

Уйду, уйду, на утренней зарѣ,
по вѣтерку умчусь къ сибирскимъ
тундрамъ:
Я соболій треухъ на уши,
я оленью доху на плечи,
побрякушками поясъ увѣшаю;
по чумамъ, по юртамъ кочевни-
ковъ,
по зимовкамъ звѣровщиковъ
захожу, заброжу, зашаманствую,
будутъ мнѣ въ поясъ кланяться.
Владычество мое въ Сибири вѣчно
конца ему не будетъ...

А. Н. Островскій.

13. Снѣгурка.

Украинская сказка.

Жилъ да былъ старикъ со старухой;
не было у нихъ дѣтей.
И сидѣли подъ окошкомъ,
горевали дѣдъ и баба;
а на улицѣ надъ рѣчкой,
вереница ребятишекъ
гору снѣжную лѣпила.
Вотъ и спрашиваетъ баба:
«Не пойти ли, человѣче,
намъ на улицу съ тобою?»
— «А и въ самомъ дѣлѣ, баба!»
Отвѣчаетъ дѣдъ на это.
И шары лѣпить изъ снѣгу
начинаютъ дѣдъ и баба.
«Что вы дѣлаете, старцы?»
Молвитъ, кланяясь, прохожій —
старый, дряхлый, съ бородою.
«Лѣпимъ дитятко!» съ усмѣшкой
отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
«Помогай же Богъ вамъ, старцы!»
молвитъ, кланяясь, прохожій
и за рѣчкой исчезаетъ...
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ;
только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
теплый паръ повѣялъ струйкой,
глазки синіе раскрылись —
и красавица снѣгурка,
отряхая мягкій иней,

передъ старцемъ встрепенулась,
встрепенулась какъ живая.
«Крошка!» молвила старуха:
«Будь отнынѣ нашей дочкой!»
И въ тулупъ закутавъ теплый,
унесла Снѣгурку въ хату.
Вотъ идутъ за днями ночи,
за ночами дни проходятъ;
не по днямъ, а по минутамъ,
хорошѣетъ и милѣетъ
русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
осмотрѣться, оглядѣться,
стала дѣвочкой-рѣзвушкой
русокудрая Снѣгурка.
Не успѣлъ старикъ съ старухой
справить ей на косы ленты,
стала пышною невѣстой
русокудрая Снѣгурка.
И почуявъ плодъ созрѣлый,
женихи, какъ листья въ осень,
къ нимъ посыпались въ ворота!
Всѣмъ была она красотка,
только вовсе безъ румянцу,
безъ одной кровинкѣ въ тѣлѣ;
да еще бывала рада
тучамъ, будто милымъ сестрамъ,
вольнымъ бурямъ да метелямъ,
будто сватьямъ да золовкамъ,
а туману — словно брату...
Только вотъ пахнуло жаромъ,
потянулъ весенній вѣтеръ
и затаяли потоки...
И когда пахнуло жаромъ,
потянулъ весенній вѣтеръ
и затаяли потоки, —
призадумалась, замолкла
и головкою поникла
русокудрая Снѣгурка...
Разъ, зарей вечерней было,
все кругомъ лилося, плыло, —
вышелъ дѣдъ, присѣлъ у двери
и старухѣ тихо молвилъ:
«Посмотри, какою павой
выступаетъ наша дочка!»
А красавица-Снѣгурка,
отъ рѣки, промежъ заборовъ,
коромысло взявъ на плечи,
шла, былинкой изгибаясь
и былинкой колыхаясь,
вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ
шла по улицѣ широкой.
Только вдругъ остановилась,
пошатнулась, оступилась —
и тихонько стала таять,
стала таять словно свѣчка,
заклубилась легкимъ паромъ,
тихо въ облачко свернулась
и въ лучахъ зари исчезла...
Прибѣжали дѣдъ и баба,
громко ахнули и долго —
долго, слѣдъ ея теряя,
въ небо темное глядѣли.

Г. Данилевскій.

14. Снѣгъ таетъ.

Снѣгъ таетъ, снѣгъ бѣжитъ ручьями,
журчатъ, звенятъ, поютъ ручьи;
сверкаютъ-искрятся на солнцѣ
весной рожденные ручьи...
Бѣгите, быстрые, спѣшите
отъ царства холода и сна
туда, гдѣ — путь торя цвѣтами,
свободно шествуетъ весна!
Въ поля широкія, въ долины —
къ другимъ проснувшимся ручьямъ,
къ другимъ струямъ, весной рожденнымъ,
къ свободѣ, къ солнцу и къ цвѣтамъ.

А. Коринфскій.

15. Весна.

И вотъ, опять настала та пора,
когда, на солнцѣ весело сверкая
капели падаютъ; когда съ утра,
по лужамъ дѣти бѣгаютъ, играя;
когда коровъ гоняютъ со двора
и травка зеленѣетъ молодая,
и важный грачъ гуляетъ по лугамъ,
и подступаетъ рѣчка къ берегамъ.

* * *

Прекрасенъ русскій, теплый майскій день...
Все къ жизни возвращается тревожно;
еще жидка трепещущая тѣнь
березъ кудрявыхъ; вѣтеръ осторожно
колышетъ ихъ верхушки; думать — лѣнь,
а съ губъ согнать улыбку невозможно...
И свѣжій бѣлый ландышъ подъ кустомъ
стыдливо заслоняется листомъ.

* * *

Поѣдешь зеленями на конѣ...
Вздыхаетъ конь и тихо машетъ гривой —
и какъ листокъ, отдавшійся волнѣ,
то медленной, то вдругъ нетерпѣливой, —
несутся мысли... Въ ясной вышинѣ
проходятъ тучки чередой лѣнивой...
Съ деревни воробьевъ крикливый рой
промчится... Заяцъ жмется подъ межой.

* * *

И колокольня длинная въ кустахъ
бѣлѣется...

И. С. Тургеневъ.

16. Весна.

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ.
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! Какъ высоко,
на крыльяхъ вѣтерка,
ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
летаютъ облака!
Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи...
Взревѣвъ, рѣка несетъ
на торжествующемъ хребтѣ
поднятый ею ледъ.

Еще древа обнажены,
но въ рощѣ ветхій листъ,
какъ прежде, подъ моей ногой
и шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
и въ яркой вышинѣ
незримый жавронокъ поетъ
заздравный гимнъ веснѣ.
Что̀ съ нею, что̀ съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
и съптичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
летаетъ въ небѣ съ ней!

Е. А. Баратынскій.

17. Весна.

Вся природа вокругъ ликовала,
чуя близость тепла и весны,
море тихо и нѣжно шептало,
вспоминая лазурные сны.
И утесъ обнаженный, угрюмый,
говорилъ набѣгавшимъ волнамъ:
«Я забылъ мои мрачныя думы,
отдаваясь весеннимъ мечтамъ.
Можетъ-быть, надъ землей пролетая,
и меня пожалѣетъ весна
и, повсюду цвѣты разсыпая,
бѣдный камень украситъ она!»
Недовѣрчиво волны внимали,
улыбался лазурный ихъ взоръ.
«Ты безумецъ!» онѣ прошептали,
и умчались въ безбрежный просторъ.
Но, когда ночь исчезла, и снова
ихъ къ утесу примчалъ вѣтерокъ,
въ темной трещинѣ камня сѣдого
пробивался лазурный цвѣтокъ.

Allegro.

18. Ночное море.

Какъ хорошо ты, о море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сине-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
ходитъ и дышитъ и блещетъ оно!
На безкопечномъ, на вольномъ просторѣ
блескъ и движенье, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...
Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи,
вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
и какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
всю погопилъ бы я душу свою!

Ѳ. Тютчевъ.

19. Примѣты.

И тихо, и свѣтло. До сумерекъ далеко.
Какъ въ дымкѣ голубой и небо, и вода,—
лишь облаковъ густыхъ съ заката до востока
нѣжно тянется лиловая гряда.
Да, тихо и свѣтло; но ухомъ напряженнымъ
смятенья и тоски ты крики разгадалъ:
то чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
и, въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ скалъ.

Ночь будетъ страшная, и буря
будетъ злая:
сольются въ мракъ и гулъ и небо, и
земля,
а завтра, можетъ быть, вотъ здѣсь
волна сѣдая
на берегъ выброситъ обломки ко-
рабля.

А. Фетъ.

20. Звѣзды.

Я долго стоялъ неподвижно,
въ далекія звѣзды вглядясь;
межъ тѣми звѣздами и мною
какая-то связь родилась.

Я думалъ... Не помню, что думалъ,
я слушалъ таинственный хоръ,
и звѣзды тихонько дрожали,
и звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

А. Фетъ.

21. * * *

Какъ хорошо!... Взгляни: вдали
огнемъ горитъ рѣка;
цвѣтнымъ ковромъ луга легки,
бѣлѣютъ облака.

Здѣсь нѣтъ людей... Здѣсь тишина...
Здѣсь только Богъ да я.
Цвѣты, да старая сосна,
да ты, мечта моя...

Г. Галина.

22. * * *

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
разсказать, что солнце встало,
что оно горячимъ свѣтомъ
по листамъ затрепетало;

разсказать, что лѣсъ проснулся —
весь проснулся вѣткой каждой,
каждой птицей встрепенулся
и весенней полонъ жаждой...

А. Фетъ.

23. * * *

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою —
полдневный зной сюда не проникалъ,
и тысячи висящихъ надо мною
качаются душистыхъ опахалъ.

А тамъ, вдали, сверкаетъ воздухъ жгучій, —
колеблясь, какъ-будто дремлетъ онъ;
такъ рѣзко-сухъ снотворный и трескучій
кузнечиковъ неугомонный звонъ.

За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
какъ дымкою подернуты слегка,
и, какъ мечты почіющей природы,
волнистыя проходятъ облака.

А. Фетъ

24. Деревня.

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать,
надъ старой церковью глазами провожать
воронъ играющую стаю;
среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
на тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ,
люблю прислушиваться къ лаю
собакъ недремлющихъ, мычанью тяжкихъ стадъ;
люблю заброшенный и запустѣлый садъ
и липъ незыблемыя тѣни.
Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
стоишь и слушаешь — и грудь упоена
блаженствомъ безмятежной лѣни...
Задумчиво глядишь на лица мужиковъ —
и понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
ихъ бѣдному, простому быту...
Идетъ къ колодезю старуха за водой;
высокій шестъ скрипитъ и гнется; чередой
подходятъ лошади къ корыту...
Вотъ пѣсню затянулъ проѣзжій... Грустный звукъ!
Но лихо вскрикнулъ онъ—и только слышенъ стукъ
колесъ его телѣги тряской;
выходитъ дѣвушка на низкое крыльцо —
и на зарю глядитъ... и круглое лицо
зардѣлось алой, яркой краской.
Качаясь медленно, съ пригорка, за селомъ,
огромные возы спускаются гуськомъ
съ пахучей данью пышной нивы;
за конопляникомъ, зеленымъ и густымъ,
бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
степей широкіе разливы.
Та степь — конца ей нѣтъ... раскинулась, лежитъ...
Струистый вѣтерокъ бѣжитъ — не пробѣжитъ...
Земля томится, небо млѣетъ...
И лѣса длиннаго подернутся бока
багрянцемъ золотымъ, и рощетъ онъ слегка,
и утихаетъ, и синѣетъ...

И. С. Тургеневъ

25. * * *

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
палящимъ солнцемъ облита,
и въ ней какою нѣгой вѣетъ
отъ каждой вѣтки и листа!
Войдемъ и сядемъ надъ корнями
деревъ, поимыхъ родникомъ —
тамъ, гдѣ, обвѣянный ихъ мглами,
онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.
Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
въ полдневный зной погружены,
и лишь порою крикъ орлиный
до насъ доходитъ съ вышины...

Ѳ. Тютчевъ.

26. Полдень.

Полднемъ жаркимъ ухожу я
на отдыхъ праздный въ темный лѣсъ,
и тамъ ложусь и все гляжу я
между вершинъ на даль небесъ,
и безконечно тонутъ взоры
въ ихъ отдаленьи голубомъ;
а лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
и въ немъ ведутся разговоры:
щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
и листъ засохшій шелеститъ,
на хворостъ падая случайно,—
и звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
всю душу сладостно объемлетъ;
теряясь въ синей вышинѣ,
она лѣсному гулу внемлетъ
и въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

Н. П. Огаревъ.

27. Буря.

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
когда, взметая прахъ летучій,
гроза, нахлынувшая тучей,
смутитъ небесную лазурь,
и опрометчиво-безумно
вдругъ на дубраву набѣжитъ,
и вся дубрава задрожитъ
широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
лѣсные гнутся исполины!
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
какъ совѣщаясь межъ собой,—
и сквозь внезапную тревогу
немолчно слышенъ птичій свистъ,
и кой-гдѣ первый желтый листъ,
крутясь, слетаетъ на дорогу...

Ѳ. Тютчевъ.

28. Гроза.

Уже давно вдали толпились тучи
тяжелыя — росли, темнѣли грозно...
Вотъ сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плыветъ и солнце закрываетъ
передовое облако; внезапный
туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся
сухіе листья... птицы притаились...
Изъ-подъ воротъ выглядываютъ люди,
спускаютъ окна; запираютъ двери...
Большія капли падаютъ... и вдругъ
помчалась пыль столбами по дорогамъ;
поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ
ударилъ злобно; хлынули потоки
дождя...запрыгалъ угловатый градъ...
Крутятся, бьются, мечутся деревья,

смѣшались тучи... молнія!... ждешь удара...
Загрохоталъ и прокатился громъ.
Сильнѣе дождь... Широкими струями,
волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ — и вѣтеръ
съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ!
Черезъ село растрепанный, безъ шапки
мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ,
а вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ...
Смятенье!... Но за то, когда прошла
гроза, какъ улыбается природа!
Какъ ласково свѣтлѣютъ небеса!
Пушистыя, разсѣянныя тучки
летятъ; жужжатъ ручьи; болтаютъ листья...
Убита пыль; обмылася трава;
скрипятъ ворота; слышны восклицанья
веселыя; шумя, слетаетъ голубь
на влажную блестящую дорогу...
Въ ракитахъ раскричались воробьи;
смѣются босоногіе мальчишки;
запахли хлѣбомъ желтые скирды...
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
по молодымъ осинамъ и березамъ.

И. С. Тургеневъ.

29. Послѣ грозы.

Громъ затихъ. Умчались тучи,
бурю вѣтромъ унесло;
снова блещетъ полдень жгучій —
въ небѣ ясно и свѣтло.
Въ садъ скорѣе! Потѣнистѣй
мы дорожку изберемъ;
зелень здѣсь еще душистѣй
теплымъ вспрыснута дождемъ.
Хорошо намъ здѣсь на волѣ
и такъ дышется легко!
Посмотри, какъ это поле
разостлалось широко.
Здѣсь зеленый всходитъ колосъ
средь раздольной ширины...
— Слышишь: жаворонка голосъ
льется съ синей вышины.
Въ той дали голубоватой
ослѣпленный тонетъ взоръ...
Такъ и тянетъ насъ куда-то
въ тотъ заманчивый просторъ!

К. Р.

30. Тишина.

Чуть блѣднѣютъ янтари;
нѣжно-палевой зари;
всюду ласковая тишь;
спятъ купавы, спитъ камышъ.
Задремавшая рѣка
отражаетъ облака;
тихій, блѣдный свѣтъ небесъ;
тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
вѣютъ сладостные сны;
дышитъ ночь, смѣняя день;
медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
смотритъ блѣдный серпъ луны;
звѣзды тихій свѣтъ струятъ;
очи ангеловъ глядятъ.

К. Бальмонтъ.

31. Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный, палящій день
сгорѣлъ; полупрозрачная тѣнь
нѣмого сумрака пріосѣняла дали;
зарницы бѣгали за синею горой
и, окропленные росой,
луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
таинственнымъ лучомъ мечтанія питая,
и, преклонясь къ лавровому кусту,
дышала роза молодая.

Д. Давыдовъ.

32. Вечеръ.

Зари догорающей пламя
разсыпало по небу искры;
сквозитъ лучезарное море;
затихъ по дорогѣ прибрежной
бубенчиковъ говоръ нестройный;
погонщиковъ звонкая пѣсня
въ дремучемъ лѣсу затерялась;
въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
и скрылась крикливая чайка;
качается бѣлая пѣна
у сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
заснувшій ребенокъ; какъ перлы
росы освѣжительной капли
повисли на листьяхъ каштана —
и въ каждой росинкѣ трепещетъ
зари догорающей пламя.

Я. Полонскій.

33. Степь вечеромъ.

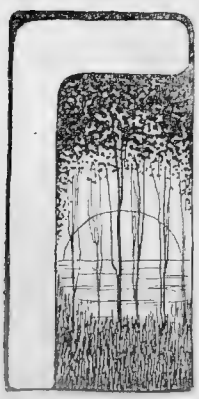
Клубятся тучи, млѣя въ блескѣ аломъ,
хотятъ въ росѣ понѣжиться поля.
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ.
Вдали огня иль пѣсни — и не ждешь:

все степь да степь. Безбрежная, какъ
море,
волнуется и наливаетъ рожь.
За облакомъ до половины скрыта,
луна свѣтить еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ
сердито,
вотъ лунь проплылъ, не шевеля кры-
ломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
тамъ перепелъ откликнулся вдали.
И, слышу я, въ изложинѣ росистой
вполголоса скрипятъ коростели.
Ужъ сумракомъ пытливый взоръ об-
манутъ.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звѣзды
глянутъ
и, какъ рѣка, засвѣтитъ млечный путь.

А. Фетъ.

Куинджи.

34. Дорога.



ЛУХАЯ степь. Дорога далека!
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле!
Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневолѣ
и тайная беретъ меня тоска.
Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется лѣнивo
они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то жъ:
все степь да степь, за нивой снова нива...
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?
И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
«Про черный день мы пѣсню бережемъ!»
— Чему жъ ты радъ? — «Недалеко до хаты —
знакомый шестъ мелькаетъ за бу-
громъ».
Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ
и ужинъ
найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ — покой давно мнѣ ну-
женъ;
но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.

Ну, ну живѣй! Долга моя дорога!
Сырая ночь — ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ... Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня.

Я. Полонскій.

35. Ковыль.

Ненастный день. Дорога прихотливо
уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.
Шумитъ трава дремотно и лѣниво;
нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ.
А путь бѣжитъ... Не тотъ ли это шляхъ,
гдѣ Игоря обозы проходили
на синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
а днемъ орлы на медленныхъ крылахъ
его въ степи безбрежной провожали
и клектомъ псовъ на кости созывали,
грозя ему великою бѣдой?
—Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣть мнѣ вѣтеръ буйный и тоскливый!
...Безмолвна степь. Одинъ ковыль сонливый
шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

И. А. Бунинъ.

36. Чаруса.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ лѣсную глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; зато много мѣстъ непроходимыхъ... Гніющаго валежника пропасть, да, кромѣ того, то и дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, вадьями и чарусами. Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя мѣста дебри — берегись, гляди въ оба.

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мохомъ поросшій кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это «мшава», иначе — моховое болото. Поросло оно мелкимъ чахлымъ лѣсомъ; нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣянномъ лютикомъ и бѣлоусомъ.

Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ-трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно: разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь не за денежку...

Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣе, безъ оглядки, если не хочется вѣрной погибели... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанью аль изъ удальства шагнулъ

впередъ пять-десять шаговъ, ноги его начнетъ затягивать въ жидкую трясину, и, если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ, онъ погибъ... Бѣжать по трясинѣ тоже бѣда...

Вотъ свѣтится полынья на грязно-зеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это «окно». Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Не въ примѣръ опаснѣе оконъ — «вадья» — тоже открытая круглая полынья, но не въ одинъ десятокъ саженъ ширины. Ея берега изъ тонкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго ногу. Кто ступитъ на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страшнѣй всего «чаруса». Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти, — чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ густого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой, болотистой почвѣ, путникъ вдругъ, какъ по волшебному мановенію, встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко, раздольно разстилаясь среди красноствольныхъ сосенъ и темноствольныхъ елей. Ровная, гладкая, она густо заросла сочной, свѣжей зеленью и усѣяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчиками и ярко-желтыми купавками. Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника; сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно-сверкающей изумрудной зелени!... Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступитъ на эту заколдованную поляну.

Изумрудная чаруса, съ ея красивыми, благоухающими цвѣтами, съ ея сочной свѣжей зеленью — тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера.

По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, тоненькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые, голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, что о всякую пору и днемъ и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами. Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ желтоносаго крошнепа до желтоброваго песчаника, — бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

У лѣсниковъ чаруса слыветъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ, они разсказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплятся.

А ину пору видаютъ среди чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ... Въ свѣтлую лѣтнюю ночь сидитъ болотница одна одинешенька и нѣжится

на свѣтѣ яснаго мѣсяца и, чуть завидитъ человѣка, начнетъ прельщать его, манить къ себѣ.

Ея черные волоса небрежно раскинуты по спинѣ и по плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло такое блѣдное, прозрачное, полувоздушное.

И блеститъ оно и сквозитъ передъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ міру, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Глаза — ровно тѣ незабудки, что разсѣяны по чарусѣ; длинныя, пушистыя рѣсницы; тонкія, какъ уголь, черныя брови... только губы блѣдноваты, и ни въ лицѣ ни во всемъ стройномъ станѣ ея нѣтъ ни кровинки.

А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинчика съ котелъ величиною... Хитритъ окаянная, обмануть, обвести хочется ей человѣка — сѣла въ тотъ чудный цвѣтокъ спрятать свои гусиныя ноги съ черными перепонками. Только завидитъ болотница человѣка, стараго или малаго — это все равно, тотчасъ начнетъ сладкимъ, тихимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно сквозь слезы, молить-просить вынуть ее изъ болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго сроду она не видывала.

А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, манитъ къ себѣ того человѣка, обѣщаетъ ему тысячи неслыханныхъ наслажденій и груды золота и горы жемчуга перекатнаго. Но горе тому, кто соблазнится, кто повѣритъ льстивымъ словамъ болотницы, — одинъ шагъ ступитъ по чарусѣ, и она уже возлѣ него: обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными прозрачными руками, тихо опустится съ нимъ въ бездонную пропасть болотной пучины. Ни крика, ни стона, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ того человѣка, и его могила на вѣки вѣковъ останется никому неизвѣстной.

А тѣхъ, кто постарѣй, инымъ способомъ заручаетъ въ чарусу нечистая сила. Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ пожилому человѣку, сгорбленный, изможденный, постный, желѣзныя вериги у него на плечахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести умильную бесѣду о пустынномъ житіи, о постѣ и молитвѣ, но Спасова имени не поминаетъ — тѣмъ только и можно опознать окаяннаго...

И зачаруетъ онъ человѣка и станетъ звать его отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ... Глядь, анъ середи чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ пустынника зайти въ нее хоть на часокъ. Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь, а ужъ это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ блѣдно-желтымъ лицомъ, и ужъ не тихо, не чинно ведетъ добрую рѣчь,

а хохочетъ во всю глотку сиплымъ хохотомъ. То владыка чарусы — самъ болотникъ.

Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить не успѣвшаго отчураться отъ его обаяній человѣка; это онъ радуется, что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства. Много, много чудесъ разсказываютъ лѣсники про эти чарусы. Чего тамъ не бываетъ! Не даромъ изстари люди толкуютъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся.

А. Печерскій.

37. * * *

Если хочешь тайны лѣса
ты узнать, дитя, — садись
здѣсь на мохъ подъ елью темной
и молчи, не шевелись!
Этотъ пень сѣдой, вѣтвистый—
посмотри — совсѣмъ не пень:
это — бѣгомъ утомленный,
чутко дремлющій олень.
Въ красныхъ шапкахъ мухоморы,
подлѣ, чинно стали въ рядъ...
но вглядись: то крошки-гномы
стерегутъ забытый кладъ.

Вотъ, промчался по вершинамъ
гулъ протяжный и глухой...
Въ одѣяньѣ сѣромъ, длинномъ
смотритъ сверху царь лѣсной:
тихо! Нѣтъ здѣсь человѣка —
тамъ онъ, въ шумныхъ городахъ...
Мирно спятъ лѣсныя тайны,
крошки-гномы на часахъ.
Лишь кукушка плачетъ гдѣ-то,
да малиновка свиститъ;
лапы длинныя раскинувъ,
вѣщій папоротникъ спитъ.

П. Я.

38. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
одна ты наводишь унылую тѣнь,
одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
и молнія грозно тебя обвивала,
и ты издавала таинственный громъ
и алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
земля освѣжилась, и буря промчалась,
и вѣтеръ, лаская листочки древесъ
тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. С. Пушкинъ.

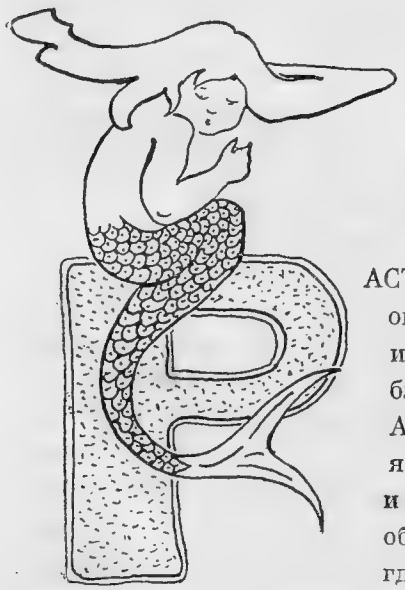
39. Тишина.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
за твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
подъ небомъ ярче твоего,
искалъ я примиренья съ горемъ
и не нашелъ я ничего!..

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
за мною по пятамъ бѣжалъ,
не небесамъ чужой отчизны —
я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
мечту любимую мою,
и въ умиленьи посылаю
всему привѣтъ... Я узнаю

суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
съ грозою выдержать войну,
и ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
и деревенекъ тишину,
и нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
и дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
и шепчетъ голосъ неземной:
«Лови минуту умиленья,
войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
какъ ни красна чужая даль,
не ей поправить наше горе,
размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали —
убогій храмъ земли твоей:
тяжеле стоновъ не слыхали
ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
своей тоски неодолимой
святое бремя приносилъ —
и облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
и сниметъ волею святой
съ души оковы, съ сердца муки
и язвы съ совѣсти больной...»
Я внялъ, я дѣтски умилился...
и долго я рыдалъ и бился
о плиты старыя челомъ,
чтобы простилъ, чтобъ заступился,
чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ.
Богъ поколѣній, предстоящихъ
предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Н. А. Некрасовъ.



40. Растворилъ я окно.

РАСТВОРИЛЪ я окно,— стало душно невмочь,—
опустился предъ нимъ на колѣни,
и въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
благовоннымъ дыханьемъ сирени.
А въ дали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
я внималъ ему съ грустью глубокой
и съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей,
объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,—
гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
и, не зная земныхъ огорченій,
заливается цѣлую ночь напролетъ
надъ душистою вѣткой сирени.

К. Р.

41. Опять на родинѣ.

...Вновь я посѣтилъ
тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
перемѣнилось въ жизни для меня,
и самъ, покорный общему закону,
перемѣнился я; но здѣсь опять
минувшее меня объемлетъ живо,
и, кажется, вчера еще бродилъ
я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ; ужъ за стѣною
не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
и холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
на озеро, воспоминая съ грустью
иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
оно, синѣя, стелется широко;
черезъ его невѣдомыя воды
плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
разсѣяны деревни; тамъ за ними
скривилась мельница, наклонивъ крылья
ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
гдѣ въ гору подымается дорога,
изрытая дождями, три сосны
стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
теперь поѣхалъ я, и предъ собой
увидѣлъ ихъ опять: онѣ все тѣ же;
все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;
но около корней ихъ устарѣлыхъ,
гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
теперь младая роща разрослась:
зеленою семьей кусты тѣснятся
подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
какъ старый холостякъ, и вкругъ него
попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
младое, незнакомое! Не я
увижу твой могучій поздній возрастъ,
когда перерастешь моихъ знакомцевъ
и старую главу ихъ заслонишь
отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
и обо мнѣ вспомянетъ...

А. С. Пушкинъ.

42. Родина.

Поле раскинулось ровное
съ тихими, скудными нивами.
Зрѣютъ овсы низкорослые;
рѣчка заснула подъ нивами.
Между плетней повалившихся
вьется дорога изрытая.
Грѣться на солнце осеннее
вышла деревня забытая.
Избы, соломою крытыя,
словно ослабли отъ голода.
Клѣти и риги понурыя
жмутся другъ къ дружкѣ отъ холода.

Важною, медленной поступью
съ берега гуси спускаются;
ветхія старыя яблони
по вѣтру тихо качаются.
Бѣлое дымное облако
къ синему югу уносится.
Сердце, тоской утомленное,
грустно во слѣдъ ему просится.
Мука здѣсь давняя, мертвая,
горе слѣпое, огромное,
словно какъ въ ночь непогодную
небо беззвѣздное, темное.

В. Башкинъ.

43. Родина.

Люблю отчизну я, но странною
любовью;
не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
ни полный гордаго довѣрія покой,
ни темной старины завѣтныя пре-
данья
не шевелятъ во мнѣ отраднаго меч-
танья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
ея степей холодное молчанье,
ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
разливы рѣкъ ея, подобные морямъ:
проселочнымъ путемъ люблю скакать
въ телѣгѣ
и, взоромъ медленнымъ пронзая ночи
тѣнь,
встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о
ночлегѣ,
дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
въ степи кочующій обозъ,
и на холмѣ, средь желтой нивы,
чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
я вижу полное гумно,
избу, покрытую соломой,
съ рѣзными ставнями окно;
и въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
смотрѣть до полночи готовъ
на пляску съ топаньемъ и свистомъ
подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

44. * * *

Да, хороши онѣ, кавказскія вершины,
въ тотъ тихій часъ, когда слабѣющимъ лучомъ
заря чуть золотитъ ихъ гордыя сѣдины,
и ночь склоняется къ нимъ дѣвственнымъ челомъ.

Какъ жрицы вѣщія, объятыя молчаньемъ,
онѣ стоятъ въ своемъ раздумьи вѣковомъ:
а тамъ, внизу, сады кадятъ благоуханьемъ
предъ ихъ незыблемымъ, гранитнымъ алтаремъ;
тамъ — дерзкій гулъ толпы, объятой суетою,
водоворотъ борьбы, страданій и страстей, —
и звуки музыки надъ шумною Курою,
и цѣпи длинныя мерцающихъ огней...
Но нѣтъ въ ихъ красотѣ знакомаго простора:
куда ни оглянись — вездѣ стѣна хребтовъ, —
и просится душа опять въ затишье бора,
опять въ нѣмую даль синѣющихъ луговъ;
туда, гдѣ такъ грустна родная мнѣ картина,
гдѣ вѣтви блѣдныхъ ивъ склонились надъ прудомъ
гдѣ къ гибкому плетню приникнула рябина,
гдѣ утро обдаетъ осеннимъ холодкомъ...
И часто предо мной встаютъ подъ небомъ Юга,
въ вѣнцѣ страдальческой и кроткой красоты,
родного Сѣвера — покинутаго друга —
больныя, грустныя, но милыя черты.

Надсонъ.

45. Колокола.

Несется благовѣстъ... — Какъ грустно и уныло
на сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
и прежняя тоска на сердце налегла.

* * *

Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
и словно слышится мнѣ нашего села,
знакомый благовѣстъ... И ласково, и нѣжно
съ далекой родины гудятъ колокола.

К. Р.

46.

Благословляю васъ, лѣса,
долины, нивы, горы, воды,
благословляю я свободу
и голубыя небеса!
и посохъ мой благословляю
и эту бѣдную суму,

и степь отъ края и до краю,
и солнца свѣтъ, и ночи тьму,
и одинокую тропинку,
по коей, нищій, я иду,
и въ полѣ каждую былинку
и въ небѣ каждую звѣзду!

О, если бъ могъ всю жизнь смѣшать я,
всю душу вмѣстѣ съ вами слить:
о, если бъ могъ въ мои объятья
я васъ, враги, друзья и братья
и всю природу заключить!

А. Толстой.

Объяснительный словарь.

Авàрія — крушеніе суднà или груза его.

Аксельбàнтъ — наплечникъ изъ снурковъ, носимый адъютантами и другими военными чинами.

Актѐръ — театральный исполнитель, сценическій артистъ.

Апàтія — безчувствіе, равнодушіе, холодность, вялость.

Арѐна — мѣсто для боя, конскаго бѣга и другихъ зрѣлищъ.

Армя́къ — широкій мужской крестьянскій кафтанъ, сшитый изъ армячины (шерстяной ткани).

Артиллерія — часть войска, дѣйствующая пушками и другими крупными огнестрѣльными орудіями.

Ассамблѐя — общественное собраніе, главнымъ образомъ для развлеченія.

Атàка — стремительное нападеніе войска на непріятеля.

Атлѐтъ — силачъ, борецъ.

Аулъ — деревня, селеніе у азіатскихъ народовъ.

Афѝша — объявленіе о какомъ-либо зрѣлищѣ, представленіи или продажѣ чего-либо.

Бальс(з)аминъ — садовое и оконное растеніе.

Банду́ра — музыкальный инструментъ, похожій на балалайку, съ округлымъ кузовомъ и металлическими струнами; въ Малороссіи играютъ на немъ пальцами, какъ на гитарѣ.

Батарѐя — отрядъ артиллеріи въ составѣ опредѣленнаго количества орудій.

Бельведѐръ — вышка, свѣтелка, башенка, вообще легкая высокая пристройка для обзора мѣстности.

Берегиня — водяная, русалка.

Берѐста — верхній слой березовой коры.

Болванка — изготовленное для полосы желѣзо.

Бортъ — верхній край судна; полà, край одежды.

Ботъ — одномачтовое, обычно плоскодонное парусное судно, рѣчное или приморское.

Брáминъ — жрецъ индійской религіи бога Брамы.

Бредень — небольшая рыболовная сѣть.

Булавà — жезлъ, какъ знакъ начальственной власти.

Булáтъ — Азіатская узорочная сталь.

Бура̀къ — свекла; кузовокъ, корзиночка; бумажная трубка, набиваемая горючимъ составомъ, для потѣшныхъ огней.

Бучило — болотная трясина.

Вадья — окошко въ трясинѣ; озерко, колодецъ въ болотѣ.

Валежникъ — лежачій сухой лѣсъ.

Вериги — разнаго вида желѣзныя цѣпи, полосы, кольца, носимыя для спасенія души.

Вертопрахъ — вѣтреный, неосновательный, легкомысленный человѣкъ.

Верфь — мѣсто для постройки морскихъ или рѣчныхъ судовъ.

Витійство — краснорѣчіе, обычно напыщенное и искусственное.

Гавань — приморское мѣсто, закрытое отъ вѣтровъ, для стоянки, выгрузки и нагрузки, вооруженія, разоруженія и починки судовъ.

Гайдȕкъ — слуга у вельможи, обыкновенно высокаго роста, стоящій на запяткахъ экипажа.

Гармонія — стройное созвучіе; соразмѣрное отношеніе частей цѣлаго.

Гарнизонъ — войско для защиты крѣпости; команда внутренней стражи.

Гȍголь — особый видъ утки; щеголь, франтъ.

Головоногъ — названіе разряда слизняковъ, у которыхъ ноги близъ головы. Сюда относятся корокатица, осьминогъ (спрутъ) и др.

Гомозиться — возиться, суетиться, толкаться, шумѣть.

Гȍспиталь — больница, лѣчебница.

Грàція — изящество.

Гумно — мѣсто, гдѣ ставятъ хлѣбъ въ кладяхъ и гдѣ его молотятъ.

Гусли — музыкальный инструментъ, родъ лежачей арфы.

Дебȍшъ — буйство.

Дебрь — густой лѣсъ.

Декламація — выразительная рѣчь, чтеніе, произношеніе.

Декорація — украшеніе, обстановка; видъ, мѣстность театральнаго представленія.

Дискъ — кругъ, металлическій или деревянный кругъ для метанія.

Длань — ладонь, кисть, рука.

Дȍмна (доменная печь) — большая чугунно-плавильная печь.

Драма — поэтическое произведеніе, представляющее какое-нибудь событіе въ дѣйствіи участвующихъ въ немъ лицъ и назначаемое для сцены.

Душегрѣйка — короткая женская одежда, безрукавка.

Жаргȍнъ — мѣстный говоръ.

Жестъ — знакъ движеніемъ тѣла, обычно — руки, для выраженія мыслей, чувствъ и желаній.

Зȁкормъ (искаж. закромъ) — отгороженное досками мѣсто въ хлѣбномъ амбарѣ для ссыпки хлѣба.

Замȁшный — спряденный или сотканный изъ холста.

Инстинктъ — безотчетное влеченіе.

Исподница — нижняя женская одежда.

Исполинъ — великанъ, великій человѣкъ.

Канифȃсъ — хорошая, прочная парусина.

Канòнъ — церковное пѣснопѣніе въ похвалу святого или праздника церкви.
Кантонистъ — солдатскій сынъ, обязанный военной службою (сословіе, нынѣ упраздненное).
Карàмара — пустословіе, болтовня; безтолковщина.
Кàрбасъ — бѣломорская парусная лодка, обычно на 4 — 10 веселъ.
Картѐчь — мелкія чугунныя ядра, выбрасываемыя зарàзъ во множествѣ артиллерійскимъ орудіемъ.
Каурый — конская масть: станъ рыжеватый, хвостъ и грива такіе же или свѣтлѣе.
Кволый — слабый, болѣзненный, хилый; недотрога.
Киль — основной брусъ судна, выдающійся въ видѣ полоза.
Кичка — женскій головной уборъ, съ рогами.
Кликуша — больная особаго рода нервной болѣзнью, выражающейся въ крикахъ и припадкахъ.
Кобза — родъ бандуры.
Козырный голубь — порода чистыхъ голубей.
Коксъ — обожженный каменный уголь.
Колымага — старинная громоздкая карета.
Комедія — драматическое произведеніе, изображающее смѣшныя стороны жизни.
Конфиденціальный — откровенный по особой довѣренности, задушевный; секретный.
Костѐлъ — католическій храмъ.
Косуля — соха съ отрѣзомъ (ножомъ), представляющая по своему устройству переходъ къ плугу.
Кочкàрникъ — мшистое болотистое мѣсто, покрытое кочками.
Кроншнепъ — большой степной куликъ.
Кулебяка — длинный пирогъ изъ кислаго тѣста съ разной начинкой.
Культура — образованность.
Кунàкъ — пріятель.
Купава (купавка) — водяное растеніе съ желтыми и бѣлыми цвѣтами.
Курганъ — могильный холмъ (въ южной Россіи).
Кургузый — куцый, короткохвостый, безхвостый.
Курная изба — изба безъ трубы; черная, въ которую дымъ валитъ изъ устья печи и выходитъ въ оконце или въ дверь.
Кутафья — неуклюже, безобразно одѣтая женщина.
Кэбъ — маленькая двухколесная карета въ Англіи.
Лазурь — свѣтло-синяя, голубая краска; густой и яркій небесный цвѣтъ.
Латникъ — одѣтый въ металлическую стальную одежду (латы).
Лафѐтъ — станокъ подъ артиллерійское орудіе.
Лексиконъ — словарь.
Леса̀ — нить или шнуръ на удѣ, обычно свитыя изъ конскаго волоса.
Лисовщикъ — работникъ на фабрикѣ, занятый лисованіемъ, т. е. чисткой глаженьемъ и выравниваніемъ листовъ бумаги.
Лознякъ — мелкій ивнякъ, тальникъ, растущій по берегамъ.

Лозунгъ — отвѣтъ (слово, фраза) на пароль для пропуска въ военное время черезъ цѣпи аванпостовъ (передовые посты).

Лямка — ремень или тесьма черезъ плечо для носки тяжестей.

Мальвазія — нѣжное, сладкое виноградное вино.

Мантилья — женская короткая накидка безъ рукавовъ.

Мараковать — понимать немного, смыслить, смекать, мастерить помаленьку.

Маркиза — наружный, подвижной полотняный навѣсъ надъ окномъ для защиты отъ солнца.

Маячить — показываться, смутно появляться, мелькать.

Межа — рубежъ; борозда, раздѣляющая поле.

Мелисса — медовка; растеніе, любимое пчелами.

Механическій — дѣйствующій, какъ механизмъ; безсознательный, безотчетный.

Мишурá — позолоченая или посеребреная нить изъ олова или мѣди; обманчивый лоскъ и блескъ.

Мозаика — воспроизведеніе рисунковъ наборомъ мелкихъ цвѣтныхъ камней и стеколъ.

Морда (рыболовная) — плетенка изъ прутьевъ для ловли и храненія рыбы.

Муфта — мѣховой или стеганый нарукавникъ для защиты отъ холода.

Нанковый — сдѣланный изъ бумажной ткани (первоначально китайской — китайка).

На-прикладъ — напримѣръ.

Нары — досчатый широкій помостъ для спанья поперекъ помѣщенія.

Недоимка — недобранное, невзысканное деньгами или припасами.

Ножны — влагалище для ножа, кинжала, шпаги и т. п.

Нордъ-остъ — сѣверо-востокъ; сѣверо-восточный вѣтеръ.

Обмолотъ — молотьба; пора молотьбы.

Обѣтъ — обѣщанная вещь, данное слово, принятая на себя обязанность, долгъ.

Опекунъ — лицо, которое надзираетъ по закону надъ кѣмъ-либо въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. по малолѣтству).

Оранжерея — теплица подъ стекольчатой крышей, отапливаемая по зимамъ, въ которой выращиваются тропическія растенія или даже мѣстныя въ цѣляхъ болѣе ранняго ихъ вызрѣванія.

Осока — острая, рѣжущая болотная трава.

Остяки — немногочисленный сибирскій народецъ.

Откупщикъ — лицо, купившее право на исключительную продажу вина.

Пажъ — мальчикъ знатнаго рода для личныхъ услугъ владѣтельныхъ особъ.

Пантомима — драматическое зрѣлище безъ рѣчей, нѣмая игра, передача чувствъ или мыслей выразительными тѣлодвиженіями.

Парламентъ — собраніе народныхъ представителей для обсужденія законодательныхъ и другихъ вопросовъ.

Парóль — слово, передающееся въ войскахъ по секрету, для распознанія своихъ отъ чужихъ.

Педагогика — наука о воспитаніи и обученіи дѣтей.

Піонеръ — лицо, пролагающее новые пути въ различныхъ областяхъ жизни; солдатъ для земляныхъ работъ.

Плавень — вещество, обладающее свойствомъ придавать бóльшую плавкость; употребляется при выплавкѣ чугуна изъ рудъ въ доменныхъ печахъ.

Планка — небольшая дощечка, полоса, брусокъ.

Плисъ — дешевый бархатъ, основа котораго бумажная или льняная.

Плугъ — пахатное орудіе, имѣющее передъ сохой то преимущество, что оно не только роетъ землю бороздой, но подымаетъ отрѣзанный пластъ и переворачиваетъ его.

Повойникъ — головной женскій уборъ; повязка, которую носятъ по будиямъ.

Подблюдныя пѣсни — святочныя пѣсни, которыя поются дѣвушками при гаданіяхъ надъ опрокинутымъ или накрытымъ блюдомъ.

Подковырка (лаптей) — отдѣлка лаптей двойнымъ проплетомъ, иногда цвѣтнымъ и узорочнымъ.

Подтибрить — украсть мимоходомъ, стянуть.

Полозъ — брусъ, скользящій и въ зимнее время замѣняющій колеса.

Полынья — полое мѣсто зимой на рѣкѣ, прорубь.

Порóша — первый осенній снѣгъ.

Порфира — верхняя торжественная одежда государей.

Потылица — затылокъ.

Похвы — подхвостникъ у лошади.

Публицистъ — писатель по вопросамъ текущей общественной жизни.

Реверансъ — поклонъ, почтительное присѣданье.

Редутъ — небольшое укрѣпленіе, окруженное рвомъ и валомъ.

Реестръ — опись, роспись, перечень.

Рекреація — свободный промежутокъ времени между уроками.

Рига — сарай, приставленный къ овину и служащій для молотьбы хлѣба.

Роброн(д)ъ — старинное дамское платье, круглое, съ фижмами (юбками на китовыхъ усахъ).

Рокъ — неминуемая судьба, участь.

Руда — ископаемое, изъ котораго огнемъ или плавкою и другими способами добывается металлъ.

Руина — развалина.

Саванъ — родъ длинной рубахи, въ которой хоронили умершихъ прежде, а иногда хоронятъ и теперь, вмѣсто другой одежды.

Сайгакъ — степное жвачное животное изъ семейства полорогихъ, похожее на антилопу.

Салютовать — отдавать честь выстрѣлами, пальбой.

Сарафанъ — женская русская одежда, безрукавая, съ проймами для рукъ и съ поясомъ.

Свайка — толстый гвоздь для игры; народная игра, которая заключается въ томъ, чтобы гвоздемъ попасть въ кольцо на землѣ.

Сердоликъ — полусквозистый камень мясного цвѣта.

Солонъ — аѳинскій законодатель; одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ (639—559 до Р. Х.).

Стихира — пѣсня, воспоминающая празднуемое церковью событіе; поется на утреняхъ и вечерняхъ.

Сугибель — крутой поворотъ въ оврагѣ.

Схима — монашескій чинъ, налагающій самыя строгія правила.

Таверна — харчевня, кабачокъ.

Тафья́ — шапка, родъ скуфьи; ермолка.

Телепень — вялый ребенокъ; увалень.

Титло — заголовокъ, названіе книги; надстрочный знакъ, означающій пропускъ буквы.

Торосы — громадныя льдины или ледяныя горы, плавающія въ полярныхъ моряхъ.

Треухъ — теплая шапка съ тремя опускными лопастями.

Тризна — языческія поминки по умершимъ.

Тукъ — удобреніе.

Тундра — ровное, мшистое, болотистое пространство до Ледовитаго моря.

Тунеядецъ — дармоѣдъ, бездѣльникъ.

Турманъ — голубь-вертунъ, кувыркающійся на лету.

Уключина — приспособленіе на бортѣ лодки для упора весла при греблѣ.

Утлый — ветхій, худой, дырявый.

Фаворитъ — любимецъ.

Фальцетъ — искусственныя высокія ноты, которыя пѣвецъ беретъ горломъ; головные звуки; фистула.

Фанатикъ — изувѣръ.

Фантастическій — несбыточный, мечтательный; затѣйливый, причудливый.

Фанфаронъ — бахвалъ, хвастунъ, лгунъ.

Фармазонъ — вольнодумецъ, невѣрующій (въ глазахъ малообразованныхъ людей).

Фейерверкеръ — артиллерійскій унтеръ-офицеръ.

Фельдшеръ — лѣкарскій помощникъ.

Фиміамъ — ладанъ, пахучее куренье; лесть.

Фистула́ — см. Фальцетъ.

Формула — выраженіе, замѣняющее числовыя величины буквенными знаками; общее выраженіе, обнимающее множество единичныхъ случаевъ.

Фосфорическій (свѣтъ) — сіяніе безъ огня.

Фраза — выраженіе, рѣчь, болтовня.

Фризовый — сдѣланный изъ толстой шерстяной матеріи.

Фуражировка — добываніе фуража (припасовъ) въ военное время военными командами.

Фуфлыга — невзрачный, малорослый человѣкъ; гуляка; толстолицый.

Хаосъ — безпорядокъ.
Хартія — рукопись, грамота.
Хлопанцы — туфли безъ задковъ, босовики.
Церемоніальный — торжественный, чинный.
Циклопическій — громадныхъ размѣровъ.
Цѣвница — свирѣль, дудка.
Чапоруха — чарка.
Чарусá — топь, непроходимое болото.
Чѣлядь — прислуга въ барскихъ домахъ, дворовые люди.
Челобитчикъ — проситель, истецъ.
Черендкъ — рукоять, ручка; сучокъ плодоваго дерева для прививки дичка.
Чичероне — проводникъ, гидъ.
Чубъ — хохолъ, вихоръ.
Чуйка — длинный суконный кафтанъ.
Чукчи — инородцы Якутской и Приморской областей.
Чурдкъ — короткій обрубокъ бревна; палочка, по концамъ заостренная, по которой бьютъ въ игрѣ въ чижи.
Шáхта — подземные ходы въ рудникахъ.
Шахтѣръ — рабочій въ шахтахъ.
Шиндкъ — питейный домъ.
Шишúга — нечистая сила, бѣсъ, домовой овинный.
Шкúперъ — корабельщикъ, командиръ торговаго судна.
Шлакъ — сплавъ, накипь отъ варки желѣза.
Шлáфрокъ — халатъ, спальная одежда.
Шляхта — мелкое польское дворянство.
Шпангоутъ — ребро судна.
Шпиль — игла, остріе.
Штабель — сложенные въ порядкѣ строительные и другіе матеріалы (лѣсъ, камень, песокъ).
Штейгеръ — мастеръ рудныхъ работъ.
Штофный — изъ шелковой плотной ткани, обычно съ разводами.
Шугать — пугать.
Шушýнъ — кофта, душегрѣйка.
Щупальцы — усики, рожки.
Экстравагантный — необыкновенно странный, чудаческій.
Эпизодъ — происшествіе, случай; вводный разсказъ.
Эпитрахúль — родъ передника въ священническомъ облаченіи.
Эполéты — наплечники у военныхъ.
Эпопéя — поэтическое повѣствованіе о важномъ событіи.
Эскадра — отрядъ кораблей, судовъ.
Эскадрóнъ — каваллерійскій отрядъ.
Эффектъ — сильное впечатлѣніе, дѣйствіе на чувства.
Юлá — непосѣда; льстивый пролазъ.
Юнга — мальчикъ, ученикъ на кораблѣ.

Юрокъ — снятыя со звѣря шкуры съ саломъ, которыя волокутъ по льду сѣверные промышленники.

Юрта — кочевой шалашъ, зимняя хижина, лачуга.

Юфть — кожа рослаго быка или коровы, выдѣланная на чистомъ дегтю.

Ягдта́шъ — охотничья сумка для дичи.

Яровой хлѣбъ (яровое) — хлѣбныя растенія (ячмень, овесъ, яровая пшеница, просо, гречиха и проч.), которыя засѣваются весною и поспѣваютъ къ осени того же года, тогда какъ *озимые* хлѣба (рожь и озимая пшеница) засѣваются къ осени и, прозимовавъ, вызрѣваютъ къ концу лѣта.

Указатель книгъ для внѣкласснаго чтенія.

1. *Авенаріусъ.* Юношескіе годы Пушкина. Изд. Луковникова. 1 р. 75 к.
2. — Гоголь-студентъ ..... » » 1 » 25 »
3. — Школа жизни великаго юмориста.. » » 1 » 75 »
4. — За царевича чч., 1, 2 и 3. Изд. Луковн. 1 р. 50 к., 1 р., 1 » 75 »
5. — Меньшой Потѣшный ..... — » 40 »
6. — Въ львиной пасти ..... 1 » 75 »
7. — Передъ разсвѣтомъ. Изд. Луковникова. ..... 1 » 50 »
8. *Аксаковъ С. Т.* Семейная хроника и дѣтскіе годы Багрова-внука. Изд. Сытина ..... — » 80 »
9. *Алтаевъ.* Отъ земли. Изд. «Всходы» ..... — » 50 »
10. — Разоренныя гнѣзда. «Юный Читатель» ..... — » 80 »
11. — Въ волшебной странѣ ацтековъ. «Дѣтск. Чт.» ..... — » 60 »
12. — Подъ гнетомъ инквизиціи. «Всходы» 2 и 4 кн. 1903 г.. — » — »
13. — Янъ Гусъ изъ Гусинца. «Всходы» 1904 г. ..... — » — »
14. *Андреевъ Л.* Ангелочекъ. «Знаніе». ..... — » 3 »
15. *Баранцевичъ К.* Золотые дни. Библ. для Чт. ..... — » 75 »
16. — Скитанія Егорки ..... — » 20 »
17. *Безантъ.* Два пути. «Всходы» ..... — » 30 »
18. *Бернетъ.* Маленькая подвижница ..... — » 25 »
19. *Богдановъ.* Карпушкинъ родникъ. Изд. Сыт. ..... — » 20 »
20. *Бретъ-Гартъ.* Степной найденышъ, перев. Е. Н. М. ..... — » 60 »
21. — Калифорнійскіе разсказы. Изд. Клюкина ..... 1 » — »
22. *Бунинъ И.* На край свѣта. Изд. Поповой ..... — » 10 »
23. — Избранные стихи для юношества. «Утро» ..... 1 » — »
24. *Волкова.* Марфа Посадница. Вятск. тов. ..... — » 14 »
25. — Въ лютое время » » ..... — » 12 »
26. — Несчастный женихъ » » ..... — » 15 »
27. — Первый русскій печатникъ » » ..... — » 6 »
28. — Первая фабрика на Руси. Изд. Остолоповой ..... — » 25 »
29. — Принцъ-лѣкарь. Изд. Львова ..... — » 20 »
30. Въ степи. Изд. Библ. для Чт. ..... — » 10 »

31. *Гоголь Н. В.* Тарасъ Бульба. Старосвѣтскіе помѣщики. Вечера на хуторѣ. Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Шинель. Изд. Маркса ..... — р. — к.
32. *Гранстремъ.* Синее знамя ..... 2 » — »
33. *Григоровичъ Д.* Антонъ Горемыка. Изд. «Нивы» ..... — » — »
34. *Данилевскій.* Сожженная Москва. » » ..... — » — »
35. — Черный годъ. » » ..... — » — »
36. — Мировичъ. » » ..... — » — »
37. *Диккенсъ.* Дѣти богача. Изд. Сытина ..... — » 20 »
38. — Колокола. » » ..... — » 8 »
39. — Страшное видѣніе. Изд. «Посредникъ» ..... — » 6 »
40. — Дочь каторжника. » » ..... — » 20 »
41. *Дмитріева.* Баба. Изд. Вятск. Тов. ..... — » 15 »
42. *Додэ А.* Удивительныя приключенія Тартарена. «Всходы» .. — » 25 »
43. — Крушеніе корабля. Изд. Сытина ..... 1 » 50 »
44. Дорогія мѣста. Изд. «Утро» ..... — » 60 »
45. *Достоевскій Θ. М.* Въ барскомъ пансіонѣ ..... — » 5 »
46. — Выборъ изъ сочиненій для учащихся средняго возраста (отъ 14 лѣтъ), ред. Стоюнина ..... 2 » — »
47. *Елпатьевскій.* Отлетаетъ мой соколикъ ..... — » 2 »
48. — Отецъ Кириллъ. Библ. для всѣхъ ..... — » 5 »
49. — Савелій. Сыт. ..... — » 3 »
50. *Жирковъ И.* Спасибо отцу. Изд. Сыт. ..... — » 5 »
51. *Жуковскій В.* Сочиненія. Изд. «Нивы» (Наль и Дамаянти, Ундина, Рустемъ и Зорабъ) ..... — » — »
52. *Загоскинъ.* Юрій Милославскій ..... — » 40 »
53. *Зандъ Ж.* Чортово болото ..... — » 7 »
54. *Засодимскій.* Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Сыт. ..... — » 60 »
55. — Задушевные разсказы ..... 1 » — »
56. *Златовратскій.* Избранные разсказы для юныхъ читателей. Изд. «Утро» ..... — » 75 »
57. *Киплингъ.* Вѣрный другъ. Дѣт. Чт. ..... — » 1 »
58. — Чудо Пуранъ-Багата ..... — » 15 »
59. — Дѣтскіе разсказы ..... — » 50 »
60. *Клейнъ.* Подъ громомъ пушекъ. Посредн. ..... — » 80 »
61. *Коломбъ.* За правое дѣло. «Всходы» ..... — » 25 »
62. *Кольцовъ.* Стихотворенія ..... — » 5 »
63. *Короленко В. Г.* Ночью ..... — » 5 »
64. — Страстная суббота. Рапнъ и Потап. ..... — » 3 »
65. — Судный день. «Народная Польза» ..... — » 8 »
66. — Безъ языка. «Р. Богатство» ..... — » 75 »

67. *Костомаровъ.* Кудеяръ. Изд. Стасюлевичъ ..... 1 р. 50 к.
68. *Лагерлефъ С.* Сказки и легенды. Саблинъ ..... 1 » 50 »
69. *Лажечниковъ.* Басурманъ ..... — » — »
70. — Ледяной домъ ..... — » — »
71. — Послѣдній новикъ ..... — » — »
72. *Лоти. П.* Рыбаки ..... — » 10 »
73. — Дядя изъ Чикаго. «Всходы» ..... — » 30 »
74. *Маминъ-Сибирякъ.* Бѣлое золото ..... — » 50 »
75. — По Уралу ..... — » 50 »
76. — Зарницы ..... — » 75 »
77. — Темные люди ..... — » 50 »
78. — Старинка и новинка ..... 1 » 50 »
79. *Масальскій.* Стрѣльцы ..... 1 » 50 »
80. *Мачтетъ Г.* Жидъ. Харьк. Общ. р. гр. ..... — » 3 »
81. *Мельшинъ.* Маленькіе люди ..... — » 4 »
82. — Любимцы каторги. Рапиъ и Потап. ..... — » 7 »
83. — Ферганскій орленокъ. Рапц. и Потап. ..... — » 6 »
84. *Мериме.* Черный царь. Изд. Слѣпцовой ..... — » 8 »
85. *Минцловъ.* Въ грозу. «Всходы» ..... — » 50 »
86. — Въ лѣсахъ. » ..... — » 75 »
87. — На крестахъ. Юн. чит. ..... — » 30 »
88. *Мопасанъ.* Какъ Симонъ нашелъ отца. Изд. Сыт. ..... — » 1 »
89. *Немировичъ-Данченко.* Гаврюшкинъ плѣнъ. Дѣт. Чт. ..... — » 65 »
90. — Мысейкина хурда-мурда ..... — » 45 »
91. — Поднебесный аулъ ..... — » 75 »
92. — По волѣ Божьей ..... — » 75 »
93. — На безлюдьи ..... — » 20 »
94. — Абдулка музыкантъ ..... — » 3 »
95. — Собака. Изд. Поповой ..... — » 5 »
96. — За Дунаемъ, чч. 1, 2. Дѣт. Чт. ..... 40 к., 65 »
97. *Никитинъ.* Стихотворенія. Школьное изданіе ..... — р. — »
98. *Ожешко.* Вѣдьма. Харьк. Ком. Грам. ..... — » — »
99. — Милордъ ..... — » 50 »
100. — Тяжкій грѣхъ. Изд. Слѣпцовой ..... — » 10 »
101. — Ужасный день. Изд. Клюкина («Добрыя души») ... — » 15 »
102. — Коробейникъ ..... — » 15 »
103. *Олькотъ.* Семь братьевъ и сестра ..... 1 » 25 »
104. *Полевой Н.* Клятва при гробѣ Господнемъ ..... 1 » 50 »
105. *Потапенко.* Два таланта. Изд. «Дѣтск. Чт.» ..... — » 50 »
106. — Драма на дворѣ. » » » ..... — » 60 »
107. — Забытый пономарь. » » » ..... — » 25 »
108. *Прусъ Б.* Михайло-простота. Изд. Слѣпцовой ..... — » 7 »

109. *Пушкинъ*. Избранныя сочиненія ..... — р. » к
110. *Разинъ*. Степанъ Остраница ..... — » 15 »
111. *Рогова*. Сынъ гетмана ..... 2 » 50 »
112. *Самойловичъ*. Девять разсказовъ. Изд. Павл. ..... 1 » — »
113. *Саліасъ гр.* Пугачевцы ..... 5 » — »
114. Сборникъ «Утро». Вып. I-й ..... 1 » 25 »
115. *Свифтъ*. Путешествіе Гулливера ..... — » — »
116. *Сенкевичъ*. Пойдемъ за нимъ. Р. Мысль ..... — » 6 »
117. — За моремъ. Изд. Слѣпцовой ..... — » 7 »
118. *Сервантесъ*. Донъ Кихотъ ..... — » — »
119. Сердцемъ чуткіе. Сборникъ разсказовъ. Дѣт. Чт. ..... — » 45 »
120. *Станюковичъ*. Антошка. «Всходы» ..... — » 80 »
121. — Рождественская ночь. «Общ. Польза» ..... — » 4 »
122. — Максимка. » » ..... — » 9 »
123. — Нянька. » » ..... — » 8 »
124. — Эмигрантъ. » » ..... — » 3 »
125. — Дуэль на океанѣ. «Книжн. дѣло» ..... — » 10 »
126. — Среди моряковъ. Дѣт. Чт. ..... — » 50 »
127. — Блестящій капитанъ. Рапнъ и Потап ..... — » 5 »
128. — Исайка. » » » ..... — » 6 »
129. *Строддартъ*. Сынъ оружейника. Дѣтск. Чт. ..... — » 30 »
130. *Телешовъ*. Бѣлая цапля. Изд. Курнина ..... — » 25 »
131. — Нужда ..... — » $1^1/_2$»
132. *Тепловъ*. Лазутчикъ. Изд. Луковникова ..... — » 35 »
133. *Толстой А. гр.* Князь Серебряный. Изд. «Нивы» ..... — » — »
134. *Толстой Л. Н. гр.* Хозяинъ и работникъ. Посредн. ..... — » 3 »
135. — Много ли человѣку земли нужно. » ..... — » 2 »
136. — Три смерти. » ..... — » 3 »
137. — Севастопольскіе разсказы ..... — » — »
138. *Тургеневъ И. С.* Записки охотника. «Изд. Нивы» ..... — » — »
139. *Туръ Е.* Послѣдніе дни Помпеи ..... 1 » — »
140. — Катакомбы ..... 1 » — »
141. — Мученики Колизея ..... 1 » — »
142. — Княжна Дубровина ..... 1 » 50 »
143. *Тютчевъ*. Рядовой Саватьевъ. «Сыт.» ..... — » 3 »
144. *Уиггинъ*. Похожденія Тима. «Всходы» ..... — » 25 »
145. *Хирьяковъ*. Бѣлый невольникъ. «Посредн.» ..... — » 15 »
146. *Хотымскій*. На новомъ мѣстѣ. » ..... — » 25 »
147. *Чеховъ* А. Мечты. М. Общ. Гр. ..... — » 3 »
148. *Чириковъ*. Моя книга ..... 1 » 25 »

Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ указателяхъ:

1. Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей. Составленъ Комиссіей по дѣтскому чтенію при Учебн. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн. — р. 30 к.
2. Школьная библіотека для дѣтей до 15-лѣтняго возраста. Состав. круж. Петерб. учительницъ. Изд. 2-е Сытина..... — » 50 »
3. О дѣтскихъ книгахъ. Изданіе кн. маг. «Трудъ»..... 2 » — »
4. *Соболевъ*. Справочная книга по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ. 2-е изд. Маркса..... 2 » — »
5. *Лебедевъ*. Дѣтская и народная литература. Вып. 1 и 2...по — » 50 »
6. Народная литература. Сборникъ отзывовъ Библіотеч. Комиссіи Кіевскаго Общества Грамотн. Вып. 1, 2, 3..... 75 к., 40 к., 60 к.
7. *Флеровъ А. Е.* Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія ..... — » — »

Указатель статей по авторамъ.

Аксаковъ И. Изъ поэмы «Бродяга» 165.
Allegro. Весна 408.
Андреевъ Л. Гостинецъ 200.
Бальмонтъ. Засвѣтилася лампада 360. — Осень 397. — Снѣжинка 399. — Млечный путь 400. — Тишина 412.
Баратынскій. Весна 407.
Башкинъ. Родина 421.
Брюсовъ В. Царю сѣвернаго полюса 401.
Бунинъ. Ковыль 415.
Вересаевъ. Порывъ 242.
Галина. Мать 22. — Какъ хорошо 409.
Гаринъ. Въ Америку 9.
Гоголь. Чичиковъ 83. — Чичиковъ у Плюшкина 86. — Чичиковъ у Пѣтуха 99. — Смерть Тараса Бульбы 299.
Гончаровъ. Ученье Илюши 28. — Райскій въ школѣ 42. — Обломовъ 112. — Уѣздный городъ 120. — Англичанинъ и русскій 123. — Встрѣча Штольца съ Захаромъ 137.
Горькій. М. Товарищи 2. — Мечтатель Яша 54.
Грековъ. Мелькаетъ желтый листъ 395.
Гусевъ-Оренбургскій. Въ грозу 251.
Давыдовъ Д. Вечеръ въ іюнѣ 413.
Данилевскій. Снѣгурка 405.
Достоевскій. Въ барскомъ пансіонѣ 19. — Коля Красоткинъ 32. — Алей 223 — Представленіе въ Мертвомъ Домѣ 230. — Вѣрующія бабы 362.
Елпатьевскій. Озорница Варя 38. — Отзывчивое сердце 59.
Жуковскій. Перчатка 256. — Кубокъ 257. — Ночной смотръ 342.
Ключевскій. Царь Алексѣй Михайловичъ 302.
Кольцовъ. Лѣсъ 396.
Коринфскій. Снѣгъ таетъ 406.
Короленко. Старый звонарь 212. — Огоньки 352.
Крыловъ. Свинья подъ дубомъ 27. — Бочка 32. — Скупой и курица 99. — Прудъ и рѣка 119. — Госпожа и двѣ служанки 126. — Обозъ 338. — Ворона и курица 339. — Волкъ на псарнѣ 340. — Щука и Котъ 341.

К. Р. Послѣ грозы 412. — Растворилъ я окно 419. — Колокола 422.
Купринъ. Въ нѣдрахъ земли 185.
Ладыженскій. Чужой 347.
Лермонтовъ. Умирающій гладіаторъ 238. — Мцыри 239. — Парусъ 242. — Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ 284. — Бородино 337. — Валерикъ 344. — Молитва 354. — Вѣтка Палестины 355. — Ангелъ 368. — Тучки небесныя 399. — Родина 421.
Майковъ. Рыбная ловля 1. — Дурочка 52. — Поля 135. — Нива 162. — Сонъ негра 228. — Емшанъ 275. — Кто онъ 328. — Дорогъ мнѣ, передъ иконой 354.
Мачтетъ. Пастухъ Охримъ и мальчикъ 369.
Мей Л. Спаситель 305.
Мережковскій. Сѣятель 159.
Надсонъ. Дѣтство 49. — Кавказскія вершины 421.
Народная пѣсня объ Иванѣ Грозномъ 281.
Некрасовъ. Саша 61. — Ермилъ Гиринъ 147. — Власъ 149. — Несжатая полоса 163. — Каллистратъ 164. — Возили снопы мужики 164. — Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ 211. — Внимая ужасамъ войны 342. — Тишина 418.
Никитинъ. Пахарь 158.
Огаревъ. Старый домъ 398. — Полдень 411.
Островскій. Весенняя сказка 402.
Печерскій. Чаруса 415.
Плещеевъ. Послѣ чтенія газетъ 346.
Полонскій. Ангелъ 59. — Капля 238. — Бѣда-проповѣдникъ 367. — Казимиръ Великій 382. — Зимній путь 400. — Вечеръ 413. — Дорога 414.
Пушкинъ. Татьяна 35. — Зима 127. — Деревня 141. — Анчаръ 229. — Пѣсня о Вѣщемъ Олегѣ 263. — Изъ «Бориса Годунова» 292, 296, 297. — Мѣдный всадникъ 307. — Полтавская битва 313. — Пиръ Петра Великаго 315. — Арапъ Петра Великаго 316. — Стансы 328. — Муза 369. — Туча 418. — Опять на родинѣ 420.
П. Я. Если хочешь тайны лѣса 418.
Салтыковъ. Коняга 167. — Христова ночь 222. — Богомольцы 355.
Серафимовичъ. На заводѣ 181. — Не вернулся 193.
Случевскій. Бандуристъ 380.
Соллогубъ, графъ. Василій Ивановичъ 106.
Старина объ Ильѣ Муромцѣ 266.
Толстой А. Колодники 223. — Курганъ 262. — Илья Муромецъ 265. — Василій Шибановъ 276. — Князь Михайло Репнинъ 279. — Благославляю васъ, лѣса 422.
Толстой Л. Н. У дядюшки 128. — Платонъ Каратаевъ 142. — Косьба 159. — Батарея Тушина 329.

Тургеневъ. Бѣжинъ лугъ 65. — Бирюкъ 151. — Живыя мощи 169. Смерть 179. — Щи 210. — Мы еще повоюемъ 261. — На могилѣ сына 343. — Памяти Вревской 345. — Лиза Калитина 360. — Пушинъ и Бабуринъ 374. — Пѣвцы 384. — Русскій языкъ 393. — Весна 407. — Деревня 410. — Гроза 411.

Тютчевъ. Обвѣянъ вѣщею дремотой 399. — Чародѣйкою зимою 401. — Ночное море 408. — Смотри какъ роща зеленѣетъ 411. — Буря 411.

Фетъ. Примѣты 408. — Звѣзды 409. — Какъ здѣсь свѣжо 409. — Я пришелъ къ тебѣ 409. — Степь вечеромъ 413.

Фонвизинъ. Изъ комедіи «Недоросль» 22.

Хомяковъ. Ночь 367.

Чеховъ А. Тоска 206. — Святою ночью 216.

Шевченко. Перебендя 380. — Иванъ Подкова 381.

Содержаніе.

Стран.

От составителей.

ОТДѢЛЪ I.

1. *А. Майковъ.* Рыбная ловля 1
2. *М. Горькій.* Товарищи 2
3. *Н. Гаринъ.* Въ Америку 9
4. *Ѳ. М. Достоевскій.* Въ барскомъ пансіонѣ 19
5. *Г. Галина.* Мать 22
6. *Д. И. Фонвизинъ.* Изъ комедіи «Недоросль» . . . . . —
7. *И. А. Крыловъ.* Свинья подъ дубомъ 27
8. *И. А. Гончаровъ.* Ученье Илюши . 28
9. *И. А. Крыловъ.* Бочка 32
10. *Ѳ. М. Достоевскій.* Коля Красоткинъ . . . . . —
11. *А. С. Пушкинъ.* Татьяна 35
12. *С. Я. Елпатьевскій.* Озорница Варя. 38
13. *И. А. Гончаровъ.* Райскій въ школѣ. 42
14. *С. Надсонъ.* Дѣтство (изъ воспоминаній) 49
15. *А. Майковъ.* Дурочка 52
16. *М. Горькій.* Мечтатель Яша . . . 54
17. *Я. Полонскій.* Ангелъ. 59
18. *С. Елпатьевскій.* Отзывчивое сердце. —
19. *Н. А. Некрасовъ.* Саша 61
20. *И. С. Тургеневъ.* Бѣжинъ лугъ . . 65

ОТДѢЛЪ II.

1. *Н. В. Гоголь.* Чичиковъ. 83
2. „ Чичиковъ у Плюшкина 86
3. *И. А. Крыловъ.* Скупой и курица . 99
4. *Н. В. Гоголь.* Чичиковъ у Пѣтуха. —

Стран.

5. *Графъ Соллогубъ.* Василій Ивановичъ 106
6. *И. А. Гончаровъ.* Обломовъ 112
7. *И. А. Крыловъ.* Прудъ и рѣка . . 119
8. *И. А. Гончаровъ.* Уѣздный городъ . 120
9. „ Англичанинъ и русскій 123
10. *И. А. Крыловъ.* Госпожа и двѣ служанки 126
11. *А. С. Пушкинъ.* Зима 127
12. *Л. Н. Толстой.* У дядюшки. . . . 128
13. *А. Майковъ.* Поля 135
14. *И. А. Гончаровъ.* Встрѣча Штольца съ Захаромъ 137
15. *А. С. Пушкинъ.* Деревня 141
16. *Л. Н. Толстой.* Платонъ Каратаевъ 142
17. *Н. А. Некрасовъ.* Ермилъ Гиринъ . 147
18. „ Власъ 149
19. *И. С. Тургеневъ.* Бирюкъ 151
20. *И. Никитинъ.* Пахарь 158
21. *Д. Мережковскій.* Сѣятель 159
22. *Л. Н. Толстой.* Косьба . . . . . —
23. *А. Н. Майковъ.* Нива 162
24. *Н. А. Некрасовъ.* Несжатая полоса. 163
25. „ Каллистратъ. . . 164
26. „ Возили снопы мужики . . . . . —
27. *И. С. Аксаковъ.* Изъ поэмы «Бродяга» 165
28. *М. Е. Салтыковъ.* Коняга. 167
29. *И. С. Тургеневъ.* Живыя мощи. . . 169
30. „ Смерть 179
32. *А. Серафимовичъ.* На заводѣ . . . 181
33. *А. Купринъ.* Въ нѣдрахъ земли. . 185
34. *А. Серафимовичъ.* Не вернулся . . 193
35. *Л. Андреевъ.* Гостинецъ. 200
36. *А. П. Чеховъ.* Тоска 206

Стран.

37. *И. С. Тургеневъ.* Щи 210
38. *Н. А. Некрасовъ.* Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ. 211
39. *В. Г. Короленко.* Старый звонарь . 212
40. *А. П. Чеховъ.* — Святою ночью . . 216
41. *М. Е. Салтыковъ.* Христова ночь. 222
42. *А. К. Толстой.* Колодники 223
43. *Ѳ. М. Достоевскій.* Алей . . . . . —
44. *А. Н. Майковъ.* Сонъ негра 228
45. *А. С. Пушкинъ.* Анчаръ. 229
46. *Ѳ. М. Достоевскій.* Представленіе въ Мертвомъ домѣ 230
47. *Я. Полонскій.* Капля 238
48. *М. Ю. Лермонтовъ.* Умирающій гладіаторъ . . . . . —
49. *М. Ю. Лермонтовъ.* Мцыри. . . . 239
50. „ Парусъ . . . 242
51. *В. Вересаевъ.* Порывъ. . . . . —
52. *С. Гусевъ-Оренбургскій.* Въ грозу . 251
53. *В. Жуковскій. (Шиллеръ).* Перчатка 256
54. „ „ Кубокъ . 257
55. *И. С. Тургеневъ.* Мы еще повоюемъ! 261

ОТДѢЛЪ III.

1. *Гр. А. К. Толстой.* Курганъ . . . 262
2. *А. С. Пушкинъ.* Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ 263
3. *Гр. А. К. Толстой.* Илья Муромецъ 265
4. Старина объ Ильѣ Муромцѣ . . . 266
5. *А. Н. Майковъ.* Емшанъ. 275
6. *Гр. А. К. Толстой.* Василій Шибановъ 276
7. *Гр. А. К. Толстой.* Князь Михайло Репнинъ 279
8. Пѣсня объ Иванѣ Грозномъ. . . . 281
9. *М. Ю. Лермонтовъ.* Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова 284
10. *А. С. Пушкинъ.* Изъ «Бориса Годунова». Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ 292
11. *А. С. Пушкинъ.* Царскія палаты . 296
12. „ Царскія палаты . 297
13. *А. С. Пушкинъ.* Завѣты царя Бориса сыну . . . . . —
14. *Н. В. Гоголь.* Смерть Тараса Бульбы 299
15. *В. О. Ключевскій.* Царь Алексѣй Михайловичъ. 302
16. *Л. Мей.* Спаситель 305
17. *А. С. Пушкинъ.* Мѣдный всадникъ 307
18. „ Полтава 313

Стран.

19. *А. С. Пушкинъ.* Пиръ Петра Великаго 315
20. „ Арапъ Петра Великаго. 316
21. *А. Майковъ.* Кто онъ. 328
22. *А. С. Пушкинъ.* Стансы . . . . . —
23. *Л. Н. Толстой.* Батарея Тушина . 329
24. *М. Ю. Лермонтовъ.* Бородино . . 337
25. „ Два великана. 338
26. *И. А. Крыловъ.* Обозъ. . . . . —
27. „ Ворона и курица 339
28. „ Волкъ на псарнѣ 340
29. „ Щука и Котъ . . 341
30. *В. Жуковскій.* Ночной смотръ. . . 342
31. *Н. А. Некрасовъ.* Внимая ужасамъ войны. . . . . —
32. *И. С. Тургеневъ.* На могилѣ сына . 343
33. *М. Ю. Лермонтовъ.* Валерикъ. . . 344
34. *И. С. Тургеневъ.* Памяти Ю. П. Вревской 345
35. *А. Н. Плещеевъ.* Послѣ чтенія газетъ 346
36. *В. Ладыженскій.* Чужой 347
37. *В. Г. Короленко.* Огоньки. 352

ОТДѢЛЪ IV.

1. *М. Ю. Лермонтовъ.* Молитва . . . 354
2. *А. Н. Майковъ.* Дорогъ мнѣ, передъ иконой. . . . . —
3. *М. Ю. Лермонтовъ.* Вѣтка Палестины 355
4. *М. Е. Салтыковъ.* Богомольцы. . . —
5. *К. Д. Бальмонтъ.* Засвѣтилася лампада 360
6. *И. С. Тургеневъ.* Лиза Калитина. . —
7. *Ѳ. М. Достоевскій.* Вѣрующія бабы. 362
8. *Я. П. Полонскій.* Бэда — проповѣдникъ 367
9. *А. С. Хомяковъ.* Ночь. . . . . —
10. *М. Ю. Лермонтовъ.* Ангелъ 368
11. *А. С. Пушкинъ.* Муза 369
12. *Г. А. Мачтетъ.* Пастухъ Охримъ и мальчикъ. . . . . —
13. *И. С. Тургеневъ.* Пунинъ и Бабуринъ 374
14. *К. Случевскій.* Бандуристъ 380
15. *Т. Г. Шевченко (пер. И. Бѣлсусовъ).* Перебендя . . . . . —
16. *Т. Г. Шевченко (пер. М. Михайловъ).* Иванъ Подкова 381
17. *Я. П. Полонскій.* Казимиръ Великій. 382
18. *И. С. Тургеневъ.* Пѣвцы 384
19. » Русскій языкъ . . 393

ОТДѢЛЪ V.

		Стран.
1.	*Н. Грековъ.* Мелькаетъ желтый листъ	395
2.	*А. В. Кольцовъ.* Лѣсъ	396
3.	*К. Д. Бальмонтъ.* Осень	397
4.	*Н. П. Огаревъ.* Старый домъ	398
5.	*М. Ю. Лермонтовъ.* Тучки небесныя	399
6.	*Ѳ. Тютчевъ.* Обвѣянъ вѣщею дремотой	—
7.	*К. Д. Бальмонтъ.* Снѣжинка	—
8.	*Я. П. Полонскій.* Зимній путь	400
9.	*К. Д. Бальмонтъ.* Млечный путь	—
10.	*В. Брюсовъ.* Царю сѣвернаго полюса	401
11.	*Ѳ. Тютчевъ.* Чародѣйкою зимою	—
12.	*А. Н. Островскій.* Весенняя сказка	402
13.	*Г. Данилевскій.* Снѣгурка	405
14.	*А. Коринфскій.* Снѣгъ таетъ	406
15.	*И. С. Тургеневъ.* Весна	407
16.	*Е. А. Баратынскій.* Весна	—
17.	*Allegro.* Весна	408
18.	*Ѳ. Тютчевъ.* Ночное море	—
19.	*А. Фетъ.* Примѣты	—
20.	„ Звѣзды	409
21	*Г. Галина.* Какъ хорошо!	—
22.	*А. Фетъ.* Я пришелъ къ тебѣ	—
23.	„ Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою	—
24.	*И. С. Тургеневъ.* Деревня	410
25.	*Ѳ. Тютчевъ.* Смотри, какъ роща зеленѣетъ	411
26.	*Н. П. Огаревъ.* Полдень	—
27.	*Ѳ. Тютчевъ.* Буря	—
28.	*И. С. Тургеневъ.* Гроза	—
29.	*К. Р.* Послѣ грозы	412
30.	*К. Д. Бальмонтъ.* Тишина	—
31.	*Д. Давыдовъ.* Вечеръ въ іюнѣ	413
32.	*Я. П. Полонскій.* Вечеръ	—
33.	*А. Фетъ.* Степь вечеромъ	—
34.	*Я. П. Полонскій.* Дорога	414
35.	*И. А. Бунинъ.* Ковыль	415
36.	*А. Печерскій.* Чаруса	—
37.	*П. Я.* Если хочешъ тайны лѣса	418
38.	*А. С. Пушкинъ.* Туча	—
39.	*Н. А. Некрасовъ.* Тишина	—
40.	*К. Р.* Растворилъ я окно	419
41.	*А. С. Пушкинъ.* Опять на родинѣ	420
42	*В. Башкинъ.* Родина	421
43.	*М. Ю. Лермонтовъ.* Родина	—
44.	*С. Надсонъ.* Да, хороши онѣ, кавказскія вершины	—
45.	*К. Р.* Колокола	422
46.	*Гр. А. К. Толстой.* Благословляю васъ, лѣса	—

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Нашъ Міръ. Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы. Часть I. Пятое изданіе. 375 стран. Цѣна 1 руб. Москва 1911 г.

Составлена кружкомъ московскихъ преподавателей: **Н. Л. Бродскимъ, Е. Д. Домашевской, Н. М. Мендельсономъ, Л. Н. Реформатскимъ, Н. П. Сидоровымъ и И. М. Соловьевымъ.**

Книга иллюстрирована оригинальными рисунками **А. Ф. Андронова и В. П. Лебедева;** снимками съ картинъ **Богданова-Бѣльскаго, Ендогурова, Касаткина, Перова, Полѣнова, Шанксъ, Шишкина** и др. и портретами писателей.

Въ *Нашемъ Мірѣ* имѣется *указатель книгъ* для внѣкласснаго чтенія, *темы* для самостоятельныхъ работъ, *вопросы* къ разсказамъ и *объяснительный словарь*.

Изъ предисловія къ книгѣ:

Въ педагогической литературѣ давно уже осужденъ обычный типъ хрестоматіи, составленной преимущественно изъ подбора *отрывковъ*, группируемыхъ по формальнымъ признакамъ. Гораздо интереснѣе и плодотворнѣе могутъ быть занятія роднымъ языкомъ, когда матеріаломъ для нихъ служатъ *цѣльныя*, болѣе или менѣе *законченныя* произведенія художниковъ слова. Вчитываясь и вдумываясь въ эти произведенія, вводящія ребенка въ кругъ жизненныхъ отношеній и обогащающія его душу художественными образами и впечатлѣніями, ребенокъ пріучается постепенно больше понимать окружающую его дѣйствительность и откликаться на нее лучшими сторонами своей чуткой души. Такое чтеніе оказываетъ на него глубокое *воспитывающее* и *развивающее* вліяніе.

Первая часть *Нашего Міра* составлена по слѣдующему плану. Послѣ двухъ очерковъ *(На каникулахъ* Чирикова и *На хуторѣ* Ефименко), воспроизводящихъ лѣтнія впечатлѣнія дѣтей, — что даетъ удобный матеріалъ для предварительной бесѣды съ дѣтьми, — *первый отдѣлъ* книги вводитъ дѣтей въ кругъ домашнихъ, семейныхъ впечатлѣній, такъ хорошо знакомыхъ имъ по непосредственному опыту. Разсказы и очерки, изображающіе жизнь дѣтей, лишенныхъ семейнаго уюта, лишь ярче подчеркиваютъ положительныя стороны семейнаго начала и вводятъ дѣтей въ семью «униженныхъ и оскорбленныхъ».

Второй отдѣлъ посвященъ школьнымъ впечатлѣніямъ. Школа разсматривается здѣсь, какъ извѣстный соціальный организмъ, гдѣ переплетаются личные и общественные интересы. Сюда же вошли — разсказъ Л. Н. Толстого о его работахъ съ дѣтьми въ Яснополянской школѣ и нѣсколько дѣтскихъ сочиненій.

Содержаніемъ *третьяго отдѣла* служатъ праздники, когда учащійся ребенокъ переживаетъ рядъ исключительныхъ состояній, сообщающихъ большую полноту его жизни. Сюда вошли разсказы: *Чирикова* Коля и Колька, *Телешова* Елка дѣдушки Митрича, *Баранцевича* На волю, *Чехова* На Страстной недѣлѣ, *Лагерлефъ* Легенда о Красношейкѣ, *Мамина-Сибиряка* Маевка и др.

Четвертый отдѣлъ знакомитъ съ жизнью *животныхъ*. Общественная и трудовая жизнь людей въ ихъ различныхъ положеніяхъ составляетъ содержаніе *пятаго отдѣла*. Послѣ статей, изображающихъ жизнь въ деревнѣ, мы переходимъ къ разсказамъ изъ жизни людей, попавшихъ изъ деревни въ городъ и несущихъ тяжелый трудъ городской жизни. Таковы: *Тургенева* Маша, *Щепкиной-Куперникъ* Агаша, *Л. Андреева* Петька на дачѣ, *Серафимовича* Въ пѣсу, *Горькаго* Изъ Мишкиной жизни и др. Другіе разсказы (Кораблекрушеніе *Амичиса*. Сигналъ *Гаршина*. Въ шахтѣ *Горб.-Посадова* и др.) даютъ понятіе не только о трудѣ, но и объ идеѣ самоотверженія, подвига. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ въ II и III частяхъ *Нашего Міра*.

Въ шестомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія и очерки, изображающіе *картины* и *явленія природы*, въ различные моменты года. Мы намѣренно выдѣлили такого рода художественный (и преимущественно *стихотворный)* матеріалъ въ особый отдѣлъ, чтобы дать большій просторъ преподавателю, который можетъ пользоваться имъ по мѣрѣ надобности и въ подходящіе моменты года.

Фр. Кейра.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ.

Изслѣдованіе о творческомъ воображеніи у дѣтей. Переводъ **М. Пичета**, подъ редакціей и съ предисловіемъ **И. М. Соловьева.** Москва 1908 г. Ц. **80** коп. Изданіе книжнаго магазина **В. В. Думнова.**

Содержаніе: Творческое воображеніе у ребенка. Природа игры. Психологія дѣтскихъ игръ. Ихъ классификація. Дѣтскія игрушки.

Второй отдѣлъ посвященъ школьнымъ впечатлѣніямъ. Школа разсматривается здѣсь, какъ извѣстный соціальный организмъ, гдѣ переплетаются личные и общественные интересы. Сюда же вошли — разсказъ Л. Н. Толстого о его работахъ съ дѣтьми въ Яснополянской школѣ и нѣсколько дѣтскихъ сочиненій.

Содержаніемъ *третьяго отдѣла* служатъ праздники, когда учащійся ребенокъ переживаетъ рядъ исключительныхъ состояній, сообщающихъ большую полноту его жизни. Сюда вошли разсказы: *Чирикова* Коля и Колька, *Телешова* Елка дѣдушки Митрича, *Баранцевича* На волю, *Чехова* На Страстной недѣлѣ, *Лагерлефъ* Легенда о Красношейкѣ, *Мамина-Сибиряка* Маевка и др.

Четвертый отдѣлъ знакомитъ съ жизнью *животныхъ*. Общественная и трудовая жизнь людей въ ихъ различныхъ положеніяхъ составляетъ содержаніе *пятаго отдѣла*. Послѣ статей, изображающихъ жизнь въ деревнѣ, мы переходимъ къ разсказамъ изъ жизни людей, попавшихъ изъ деревни въ городъ и несущихъ тяжелый трудъ городской жизни. Таковы: *Тургенева* Маша, *Щепкиной-Куперникъ* Агаша, *Л. Андреева* Петька на дачѣ, *Серафимовича* Въ лѣсу, *Горькаго* Изъ Мишкиной жизни и др. Другіе разсказы (Кораблекрушеніе *Амичиса*. Сигналъ *Гаршина*. Въ шахтѣ *Горб.-Посадова* и др.) даютъ понятіе не только о трудѣ, но и объ идеѣ самоотверженія, подвига. Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ въ II и III частяхъ *Нашего Міра*.

Въ шестомъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія и очерки, изображающіе *картины и явленія природы*, въ различные моменты года. Мы намѣренно выдѣлили такого рода художественный (и преимущественно *стихотворный*) матеріалъ въ особый отдѣлъ, чтобы дать большій просторъ преподавателю, который можетъ пользоваться имъ по мѣрѣ надобности и въ подходящіе моменты года.

Фр. Кейра.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ.

Изслѣдованіе о творческомъ воображеніи у дѣтей. Переводъ **М. Пичета**, подъ редакціей и съ предисловіемъ **И. М. Соловьева**. Москва 1908 г. Ц. **80** коп. Изданіе книжнаго магазина **В. В. Думнова.**

Содержаніе: Творческое воображеніе у ребенка. Природа игры. Психологія дѣтскихъ игръ. Ихъ классификація. Дѣтскія игрушки.

Нашъ Міръ. Книга для занятій роднымъ языкомъ въ младшихъ классахъ средней школы. Часть II. 380 стран. Цѣна 1 руб. Москва 1911 г. Четвертое изданіе.

Въ основу второй части *Нашего Міра* положенъ тотъ же принципъ *воспитательнаго*, художественно-гуманизирующаго чтенія. На опредѣленномъ подборѣ художественныхъ и, по возможности, *цѣльныхъ*, законченныхъ произведеній—преимущественно *классическихъ* писателей—мы старались дать извѣстный кругъ идей и переживаній, понятныхъ и близкихъ для дѣтей 11—13-лѣтняго возраста. Весь первый отдѣлъ посвященъ *дѣтскимъ типамъ*, выведеннымъ на фонѣ различной соціальной среды. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ представлена *жизнь людей* въ различной общественной обстановкѣ, деревенской и городской. Мы не стремились особенно строго систематизировать матеріалъ. Каждый разсказъ, очеркъ, басня и т. п. сами по себѣ затрогиваютъ серьезную жизненную тему, дающую много матеріала для классной бесѣды и домашней работы. *Вопросы* къ разсказамъ и *темы* для самостоятельныхъ работъ помогутъ учащимся глубже осмыслить содержаніе литературнаго матеріала, связавъ его съ своимъ личнымъ опытомъ.

Стихотворенія и небольшіе очерки, изображающіе различныя *явленія природы*, мы опять обособили въ послѣдній отдѣлъ, распредѣливъ матеріалъ по временамъ года. Опытъ показалъ, что въ такомъ видѣ преподавателю гораздо удобнѣе пользоваться этимъ матеріаломъ.

Изъ крупныхъ произведеній въ части помѣщены слѣдующія:

Буninъ, Въ деревнѣ, *Гаршинъ*, Attalea princeps, *Гоголь*, 1-ая глава изъ «Тараса Бульбы», *Гончаровъ*, Сонъ Обломова, *Горькій*, Дѣтство Ильи, *Гусевъ-Оренбургскій*, Миша, *Короленко*, Въ дурномъ обществѣ, Послѣдній лучъ, Морозъ, *Маминъ-Сибирякъ*, Пріемышъ, *Наживинъ*, Въ неволѣ, *Некрасовъ*, Крестьянскія дѣти, На Волгѣ, *Пушкинъ*, изъ «Руслана и Людмилы», Дубровскій, Цыганы, *Сенкевичъ*, Янко-музыкантъ, *Станюковичъ*, Пожаръ на кораблѣ, Человѣкъ за бортомъ, *Телешовъ*, Домой, *Тимковскій*, Среди топей, *Л. Толстой*, изъ «Дѣтства», Люцернъ, *Тургеневъ*, Льговъ, Муму, *Гл. Успенскій*, Петькина карьера, *Чеховъ*, Каштанка, Мальчики и др.

Книга иллюстрирована снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портретами писателей.

Приложенъ *указатель книгъ* для внѣкласснаго чтенія и *объяснительный словарь*.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ **В. В. Думнова**
(Москва, ясницкая ул., д. Обидиной).